

ГЕНРИХ
САПГИР

ГЕНРИХ САПГИР

НОВАЯ БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

МАЛАЯ СЕРИЯ

**Гуманитарное агентство
«Академический проект»**

ГЕНРИХ САПГИР

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

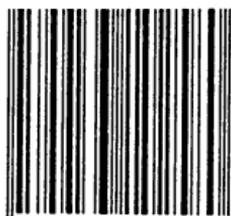
Санкт-Петербург
2004

Редакционная коллегия
А. С. Кушнер (*главный редактор*),
К. М. Азадовский, Н. А. Богомолов, М. Л. Гаспаров,
А. Л. Зорин, А. В. Лавров, И. Н. Сухих, Р. Д. Тименчик

Вступительная статья, составление,
подготовка текста и примечания
Д. П. Шраера-Петрова и М. Д. Шраера

Publication of this book was made possible by the support
of the Graduate School of Arts & Sciences, Boston College

ISBN 5-7331-0258-6

9 785733 102580

- © *Д. П. Шраер-Петров и М. Д. Шраер,*
вступ. ст., состав, примеч., 2004.
Все права сохранены.
- © *М. Д. Шраер, фотография, 2004*
- © *Л. С. Родовская,*
тексты Г. Сапгира, 2004
- © *Гуманитарное агентство*
«Академический проект», 2004

ПСАЛМОПЕВЕЦ САПГИР

Сорок лет назад Генрих Сапгир (1928—1999) стал лидером неподцензурного литературного авангарда, на сцене которого в разные годы поздней советской эпохи солировали или пели хором Геннадий Айги, Михаил Еремин, Леонид Губанов, Станислав Красовицкий, Константин К. Кузьминский, Эдуард Лимонов, Всеволод Некрасов, Д. А. Пригов, Лев Рубинштейн, Владимир Уфлянд, Игорь Холин и другие поэты.¹ Существовал и *официальный*, дозволенный и терпимый властями авангард послевоенной поэзии (Петр Вегин, Андрей Вознесенский, Виктор Гончаров, Юнна Мориц, Роберт Рождественский, Виктор Соснора, Юрий Панкратов, Иван Харабаров и др.), многие представители которого принадлежали к формалистически ориентированному крылу умеренно-либерального движения «шестидесятников». Кроме того, в послевоенной русской советской поэзии существовала и некая промежуточная зона «сумеречной свободы», к которой можно отнести, к примеру, Николая Глазкова (которого Сапгир считал изобретателем термина «самсебяиздат» и «предтечей поэтического андеграунда»²) или незаслуженно забытую в постсоветские годы Ксению Некрасову. Конечно же, между литераторами *неподцензурного* и *официального* авангарда существовали множественные личные и творческие связи, высшим проявлением которых было издание альманаха «Метрополь»

(1979). К примеру, широко ходившее в списках, ставшее фольклорным стихотворение Генриха Сапгира «Икар» из книги «Голоса» (1958—1962) могло вызвать к жизни «Балладу—яблоню» Андрея Вознесенского, помеченную 1966 годом. Сапгир иронически трактует модные в то время кибернетические идеи о возможности химеры между человеком и машиной: «<...> — Сексуальные эмоции... / Я хочу иметь детей / От коробки скоростей! / Зачала. И в скорости / На предельной скорости, / Закусив удила, / Родила / Вертолет. / Он летит и кричит — / Свою маму зовет». Трактовка Сапгира была подхвачена, романтизирована и растиражирована Вознесенским. Сохранилась даже тема полета — метафора преодоления реальности: «Говорила биолог, молодая и зяблая: / “Это летчик Володя целовал меня в яблонях. / И, прервав поцелуй, просветлев из зрачков, / он на яблоню выплеснул свою чистую кровь!” <...> / ... А 30-го стало ей невмоготу. / Ночью сбросила кожу, открыв наготу, / врыта в почву по пояс, смертельно орет / и зовет удаляющийся самолет».³

Неподконтрольная «вольная» русская поэзия послевоенного времени продолжала формальные и тематические поиски поэтов Серебряного века и раннего советского периода. В случае Сапгира — это прежде всего традиции Велимира Хлебникова, раннего Владимира Маяковского и Николая Заболоцкого периода «Столбцов» и «Торжества земледелия». Начав полувековой марафон в последние годы сталинского тоталитарного режима, Сапгир воспринял от своих предшественников и учителей (футуристов и обэриутов) поэтику, которая соответствовала гениальной формуле Виктора Шкловского: «Искусство как прием». Однако стихотворческая практика самого Сапгира, да и формальные поиски многих из современных ему русских поэтов авангардного направления, преломляла и модифицировала формулу Шкловского. Стихи, протащенные живьем через колючую проволоку советского

идеологического террора, требовали иной афористики: «Искусство как излом».⁴ Противопоставляя себя тому, что теперь принято называть (российским, московским) «концептуализмом», сам Сапгир уже в 1970 годы высказал мысль о том, что «...у [них] разный подход к одним и тем же вещам»: «Вы — разведчики, вы расширяете область искусства. У меня же другой подход. Мне не важно, открыто данное средство миллион лет назад или это новое открытие. Если мне это надо для самовыражения, я это беру. Для вас же не самовыражение — главное».⁵

Сейчас уже трудно себе представить, что профессиональный поэт вынужден был ждать почти сорок лет первой публикации своих «взрослых» стихотворений в стране родного языка. Книга «Голоса», с которой Сапгир ведет отсчет своего литературного времени, была начата в 1958 году. Первая публикация его взрослых стихов в советском журнале («Новый мир») относится к 1988 году; и в нее, наряду с более поздними «Сонетами на рубашках», вошли три текста из книги «Голоса».⁶ Этот парадокс не может быть объясним или смягчен тем, что Сапгир все эти годы активно сотрудничал в детской литературе, в детском кинематографе, в детском театре и на переводческой ниве.

Сапгир вспоминал о своем вступлении в детскую литературу: «Борис Слуцкий имел комиссарский характер. И, однажды, уставя в грудь мою палец, он произнес: “Вы, Генрих, формалист, поэтому должны отлично писать стихи для детей”. И тут же отвел меня <в издательство> “Детский мир”».⁷ В анкете журнала «Знамя» об «андеграунде» Сапгир упомянул Б. Слуцкого (1919—1986) с иной интонацией: «Помню, поэт Борис Слуцкий говорил мне: “Вы бы, Генрих, что-нибудь историческое написали. Во всем, что вы пишете, чувствуется личность. А личность-то не годится”».⁸ Сапгир вынужден был применять свой первородный поэтический талант в прикладной области детского искусства, как того требовали пра-

вила (бескровного?) удушения писателей, отработанные партийными идеологами. Другой дозволенной властями нишей для компромисса между творчеством и ремеслом были переводы, заказы на которые Сапгир выполнял с таким же достоинством и мастерством, как при создании детских книг, пьес и сценариев. (Сапгир считал только переводы с идиш стихов Овсея Дриза неотъемлемой частью своего поэтического творчества⁹).

Сапгир в 1958 году вошел в круг сильнейших претендентов на негласный титул лидера неподцензурной русской поэзии, написав эпохальное стихотворение «Голоса», и ушел из жизни, подтвердив это звание своей последней книгой «Тактильные инструменты» (1999). Пожалуй, постоянное осознание того, что он находится в самой высокой творческой форме, то есть, если снова обратиться к образным формулировкам Шкловского, «по гамбургскому счету» обладает наивысшим рейтингом в современной поэзии, делало его жизнь счастливой.¹⁰

Родители Сапгира происходили из Витебска. Мать Сапгира, урожденная Беленькая, состояла в родстве с Марком Шагалом.¹¹ Генрих Сапгир родился 20 ноября 1928 г. в городе Бийск, в Алтайском крае. В середине 1920-х отец будущего поэта Вениамин Сапгир, «страстный игрок и нэпман»¹², со всей семьей оказался на Алтае. Он был предпринимателем-обувщиком, что давало повод для самоиронии поэта, называвшего себя «сыном сапожника». У Сапгира в сонете «Будда» читаем: «В неслышном свисте в вихре и содоме / Недаром мой отец — сапожник <...>».¹³ В самоиронии Сапгира большая доля горечи, если вспомнить другого «сына сапожника», Иосифа Сталина (Джугашвили), в юношеском возрасте сочинявшего стихи по-грузински. Разлад с отцом, при-

чины которого лежали, вероятно, не только в полезно-прикладной философии, безуспешно навязываемой молодому поэту, вынудил Сапгира рано уйти из дома. Отголоски давнего разлада с отцом и своим «происхождением» — слышатся в стихотворении «Памяти отца» из книги «Молчание» (1963 г.): «Раввин / Все обращался к тебе:/ — Беньямин! Сын Файвыша! / Но молчало / Тело. / Без имени? / Без рода и племени? / Неужели не стало времени?» К этой теме Сапгир возвращался в стихах на протяжении всей жизни.

Семья Сапгиров (отец и мать, два старших брата, Игорь и Михаил) вскоре после рождения Генриха переехала в Москву, в поселок Сокол, на улице Врубеля (сестра Сапгира, Элла, родилась уже после переезда). Неподалеку от станции метро «Сокол», в пространстве между Волоколамским шоссе, нынешней улицей Алабяна и железной дорогой, в тихих улочках еще и теперь стоят сказочные избушки на курьих ножках.¹⁴ В этих деревянных избушках и коттеджах по традиции селились художники, которые хотя бы географически хотели отделить себя и свои мастерские от «нашей буч[и], боевой, кипучей»¹⁵. Кажется бы, сама судьба подготовила Сапгира к дружбе с художниками. Хотя Сапгира всю жизнь увлекал синтез словесного и изобразительного — от «Сонетов на рубашках» до «Изостихов» и визуальных «Стихов на незнакомом языке» — слово стало главным способом самовыражения.¹⁶ Как пронизательно заметил Виктор Кривулин, ушедший вслед Сапгиру, — «Генрих Сапгир первым из русских поэтов второй половины XX века почувствовал ограниченность сугубо литературного представления о поэзии и как бы вывел поэтическое слово за границы литературы, поместив его в более широкий контекст изобразительного, а точнее — зрелищного искусства».¹⁷

Генрих рано, в 7—8 лет, начал сочинять. Тяга к словесному осознанию себя в мире московского пригорода, на фоне Третьей сталинской пятилетки, привела 12-летнего Генриха в

Литературную студию Дома художественного воспитания (позднее Дом пионеров) Ленинградского района. Литстудией руководил поэт Арсений Александрович Альвинг (Смирнов, 1875—1942), ученик Иннокентия Анненского. Ознакомив юного Сапгира с грамотой стихосложения («по Шенгели»), Альвинг заронил в воображение талантливого мальчика неосознанное сомнение в незыблемости классического стиха.¹⁸ Визуально-звуковой формализм пришел в стих Сапгира несколько позднее, благодаря дружбе с семейством Кропивницких.

Началась война. Отец и братья ушли на фронт.¹⁹ Тринадцатилетний Генрих с беременной матерью отправились в «ближнюю эвакуацию». Это был Александров во Владимирской области. Жизнь в отрыве от города, книг, друзей по Литсудии была столь тягостной, что в 1944 году пятнадцатилетний Сапгир вернулся в Москву («по шпалам сначала до Троице-Сергиевской лавры [Загорска]»²⁰). Ко времени возвращения Сапгира в Литсудию Арсений Александрович Альвинг умирает. Преемником Альвинга по Литстудии становится его друг Евгений Леонидович Кропивницкий (1893—1978). Е. Кропивницкого — поэта, художника и композитора — Сапгир неизменно величал Учителем: «Так и идем мимо пруда Учитель и дети...» («Учитель», цикл «Проверка реальности», 1998—1999). «У него были и повторы, и разноударные рифмы, хотя он предпочитал оставаться, что называется, в рамках традиции», — вспоминал Сапгир в 1997 году. «Но у него было уже довольно много нового <...>»²¹ В предвоенных стихах Е. Кропивницкого, с одной стороны — лирические отголоски Цветаевой, а с другой — ирония и абсурдизм Введенского и Хармса. Е. Кропивницкий, был отцом художника и поэта Льва Кропивницкого, сотоварища Сапгира по Литсудии, который в это время был на фронте, а вскоре после возвращения из армии был арестован и упрятан на 10 лет в ГУЛАГ. В студии, руководимой Е. Кропивниц-

ким, Сапгир встречает шестнадцатилетнего живописца Оскара Рабина. Сапгир: «В тот же день я увидел Оскара: он сидел и рисовал натюрморт с натуры: птичку и яблоко. Подружились мы сразу и навсегда».²² Сапгир поселился у Рабина в Трубниковом переулке на Арбате, напротив Литературного музея. Символично, что именно здесь Сапгир сочиняет свою первую «книгу» стихов в балладном жанре. М. Ю. Лермонтов становится объектом учебы и подражания молодого поэта. «Книга» была иллюстрирована Оскаром Рабиным. (Рукопись, судя по всему, утрачена). За Лермонтовым последовали Уолт Уитмен, Хлебников, ранний Борис Пастернак. И, конечно, всегда, всю жизнь — Пушкин. Апогеем «прогулок» Сапгира с Пушкиным стала уникальная по замыслу и исполнению книга «Черновики Пушкина» (1985, изд. 1992).²³ К счастью, следующий рукописный сборник *акмеистических* (по свидетельству Сапгира) стихов «Земля» (1946 г.), сохранился в личном архиве поэта.²⁴

Чудом уцелевший в условиях сталинского террора Е. Кропивницкий был одногодком Маяковского, человеком совершенно иной эпохи. В. Кривулин отметил, что «Сапгир воспитывался в той полуподпольной постфутуристической среде, где еще в 50-е годы живы были воспоминания о раннем Маяковском, Хлебникове, Крученыхе, последовательно трансплантировавших принципы и приемы живописного авангарда в поэзию».²⁵ Родившийся в 1893 году Кропивницкий был старше Сапгира (р. 1928) не на одно поэтическое поколение, а на два с половиной. Между ними пролегло младшее поколение поэтов (раннего) советского авангарда (Николай Заболоцкий, Семен Кирсанов, Леонид Мартынов и др.), череда родившихся в середине-конце 1910-х (Виктор Боков, Лев Озеров, Борис Слуцкий, Ярослав Смеляков и др.), а также поколение родившихся в начале-середина 1920-х («двадцатилетними» успевшие побывать на фронте Евгений Винокуров, Александр Межиров, Булат Окуджава, Григорий Поженян

и др.).²⁶ Для понимания поэтической родословной Сапгира очень важно (полюемическое) наблюдение Кривулина о том, что поэзия Сапгира «не столько “сквозила сквозь время” <парафраз выражения Льва Аннинского. — Д. Ш.-П. М. Ш.>, сколько в той или иной степени, напротив, определяла литературный мейнстрим на протяжении последних сорока лет. Это было движение от раннего Маяковского к Хлебникову, к обэриутам, к поэтике поставангарда».²⁷ «Отношение мое к Маяковскому менялось на протяжении жизни. Но ранний Маяковский мне всегда был интересен. Он один сумел создать совершенно свое стихосложение (несмотря на то, что вокруг многие писали новаторски)», — тут в словах Сапгира будто бы невольный отголосок слов Романа Якобсона: «Как ни ярки стихи Асеева или Сельвинского, это отраженный свет».²⁸ Сапгир не раз возвращался к Маяковскому, вступая в новые витки своей творческой карьеры. С этой точки зрения интересен цикл «Люстихи» (1964) — любовные стихи, где Сапгир осмысливает лирику Маяковского.

После войны отношения Сапгира с отцом окончательно разлаживаются. Все чаще и чаще Сапгир остается ночевать у Кропивницких, где «в двухэтажном бараке была маленькая комнатка, но место для [Сапгира] находилось» — «ложе поэта»²⁹. Сапгир некоторое время учится в Полиграфическом техникуме.³⁰ В 1948—1952 гг. поэт служит рядовым стройбата в засекреченном атомном городке под Свердловском (объект «Свердловск-4»)³¹. Стройбат окружают лагеря с заключенными, работающими на рудниках. Сапгир пишет стихи об узниках ГУЛАГа, «целую книгу о заключенных». Правда, он вспоминает, что эти стихи перемежались со стихами «пафосного характера»: «Над победной этой новью / Раскинулся закат — / Небо, залитое кровью / Рабочих и крестьян».³² Солдат, которому было поручено следить за Сапгиром, предупредил его об опасности. Сапгир уничтожает все армейские стихи.³³ Уже поздно, в стихотворениях «Солдаты

и русалки», «Смерть дезертира» и «Маневры», вошедших в книгу «Голоса», поэт сатирически воссоздает армейский быт. После демобилизации в 1952 году и возвращения в Москву Сапгир становится нормировщиком в Скульптурном комбинате Художественного Фонда, где он проработал с 1953 по 1960 год. Здесь, в середине 1950-х, он встречается скульпторов-авангардистов: Эрнста Неизвестного, Николая Силиса, Владимира Лемпорта, Вадима Сидура и других. Особое место в жизни молодого поэта занимает Оскар Рабин, который напрочь порывает с искусством советского официально-репрезентативного типа и разрабатывает принципы гиперреализма и примитивизма, которые, в соединении с коллажностью поп-арта, становятся эстетикой «лианозовцев».

В конце 1950-х Сапгир «услыхал, что говорят вокруг[,] и тогда стали слагаться стихотворения, которые [он] назвал “Голоса”». ³⁴ Один из пишущих эти строки, живший в то время в Питере (Д. Ш.-П), посетил Сапгира в начале 1958 года ³⁵. Поэт жил поблизости от Белорусского вокзала, на Лесной улице, в коммунальной квартире. Чуть ли не половину стены занимал самодельный стеллаж, на котором стояли увесистые тома переплетенных рукописей. «Все, что я написал до тридцати лет (за исключением юношеского рукописного сборника “Земля”), я уничтожил», — вспоминает поэт. «В 58-м я почувствовал, что встаю на новую позицию: как только написал “Бабью деревню” и “Вон там убили человека...” [«Голоса»] <...> пришел домой и все уничтожил» ³⁶. Во второй раз уничтожаются рукописи. Вначале — в армии в ранние 1950-е, из-за возможного доноса. Теперь, в 1958-м — чтобы отделить творчество зрелого мастера от созданного им за годы ученичества. Сапгир интенсивно общается с поэтами и художниками, много сочиняет, читает написанное на неофи-

циальных вечерах, в мастерских художников, на квартирах. Его имя становится широко известным в литературно-художественной среде Москвы и Ленинграда. Тексты 1958—1963 годов — развернутый манифест тридцатилетнего Сапгира. В них, как в палимпсесте, запечатлелись слои и этапы его литературного происхождения.

В конце 1950-х — начале 1960-х годов Сапгир внедряет в стихи систему многократных повторов слов, передающих обыденные факты или психо-эмоциональные состояния. Прием пронизывает поэму «Бабья деревня», книгу «Голоса» и последовавшую за ней книгу «Молчание» (1963). Обыденность, воспроизведенная на бумаге в стихотворной строчке, становится абсурдистским тропом неизбежности: «Вон там убили человека, / Вон там убили человека, / Вон там убили человека, / Внизу убили человека» («Голоса»); <...> Молчание / Ибо / Молчание / Либо / Молчание / Глыба / <...> — Молчи / Молчание / Крест на камне / Их пытали / Они молчали / — Отрекись / Они молчали / Хрустели кости / Молчание / Ибо / Молчание / Либо <...> («Молчание»). Художественный образ нагнетался гиперболизацией реальности, возведенной во вторую— третью— множественные степени при помощи повторов. Вот пример повторов в былинке «Иван го-стиный сын»: «А обуздал он коня, наложил на коня / Седло черкасское да плетку ременную, / А повел коня он по граду пешком; / А конь на узде-то поскакиват, / А поскакиват да конь, поигрывает, / Да хватат Ивана за шубу соболиную, / Да и рве он шубы соболиные, / Да он по целому да по соболю.... / Да бросат на прешипект».³⁷ А вот гиперболизации у Н. Заболоцкого «Городских столбцов»: «Мясистых баб большая стая / Сидит вокруг, пером блистая, / И лысый венчик горно-стая / Венчает груди, ожирев / В поту столетних королев» («Свадьба», 1928).³⁸ Абсурдирующие повторы и гиперболизации у Сапгира в «Бабьей деревне» (Я4 тут — внешне сближающее обстоятельство)³⁹: «Тоскуют бедра, груди, спи-

ны. / Тоскуют вдовы тут и там. / Тоскуют жены по мужьям. / Тоскуют бедра, груди, спины. / Тоскуют девки, что невинны. / Тоскуют самки по самцам. / Тоскуют бедра, груди, спины — / Тоскуют, воя, тут и там!» и в стихотворении «Голоса»: «Мертвец — и вид, как есть мертвецкий. / Да он же спит, он пьян мертвецки! / Да, не мертвец, а вид мертвецкий... / Какой мертвец, он пьян мертвецки <...>».

В стихах Сапгира периода «Голосов» (1958—1962) и «Молчания» (1963) абсурдизм ощущается одновременно как система структурирования текста и как метод познания жизни посредством трансформации сырого материала зарождающегося искусства в совершенный литературный текст. Ощущение абсурдности повседневной реальности — порой гнетущее, порой берedaющее и даже возбуждающее — не оставляло Сапгира до конца жизни. Из письма Сапгира пореформенной эпохи: «Весной думаю в Париж, если наш поезд повезет. Вообще, ты [Д. Ш.-П.] наверно, забыл, здесь вещи все более не соответствуют своему содержанию. Это уже не утопия, это — абсурд — и людям страшно именно поэтому, страшно и тревожно».⁴⁰ Абсурдизм перетекает в поэзию Сапгира из разных источников. Кроме очевидных и исследованных — поэзии Заболоцкого и обэриутов и Учителя-Кропивницкого⁴¹), а также Козьмы Пруткова⁴², — любопытно коснуться западных источников абсурдизма. Остановимся на двух знаменитых текстах драматургов-абсурдистов — «В ожидании Годо» Сэмюэла Бекетта (премьера в Париже в 1953 году) и «Носорог» Эжена Ионеско (1958—1959, т.е. в годы создания «Голосов» Сапгира; премьера в Париже 1960 году).⁴³ Нас интересует не столько выяснение генезиса абсурдизма Сапгира, сколько попытка сопоставить творческие искания Сапгира конца 50-х — начала 60-х с экспериментом творивших в одно время с ним западных авангардистов. Повторы и тавтологизм у Бекетта создают эффект обвала, безвыходности, безысходности. Из 1-го акта «В ожидании

Годо»: «Владимир: Мы ждем Годо. / Эстрагон: Ах! [Пауза]. Ты уверен, что это здесь? / Владимир: Что? / Эстрагон: Нам надо было ждать. / Владимир: Он сказал, около дерева. [Они смотрят на дерево]. Ты видишь другие? / Эстрагон: Что это? / Владимир: Не знаю. Ива. <...> / Эстрагон: По мне так это скорее куст. / Владимир: Деревце. / Эстрагон: Куст. / Владимир: Де... Что ты хочешь этим сказать? Что мы пришли не в то место? <...> / Эстрагон: Что мы делали вчера? / Владимир: Что мы делали вчера?»⁴⁴ У Ионеско система гипнотических тавтологизмов повторов превращает появление (за сценой) носорога в фантазмагорически-абсурдную реальность. В конце 1-го акта «Носорога»: «Логик: Значит: вы, быть может, видели два раза одного носорога с одним рогом... / Лавочник: [повторяя слова, будто стараясь их понять] Два раза одного носорога... / Владелец кафе: [делая то же самое] С одним рогом... / Логик: ...или же вы видели один раз одного носорога с двумя рогами. / Старый господин: [повторяя его слова] Одного носорога с двумя рогами два раза...».⁴⁵

Гений Сапгира (а гений — это способность предсказывать бег времени) соединил принципы «нового» театра абсурда (Сапгир был талантливым драматургом) и традиции русского поэтического авангарда первой половины XX века. (Опыт такого плодотворного синтеза театра и поэзии абсурда позднее воплотится в цикле Сапгира «Монологи. Книга для чтения и представления», 1982).⁴⁶ Как заметил Иван Ахметьев, в «Голосах» «пик формы автора совпал с ситуацией ожидания именно такой книги».⁴⁷ Предметами, куклообразными атрибутами мизансцен бытия, статистами изображал своих героев Сапгир периода «Голосов». В «Молчании» к поэту приходит осознание изнутри сюрреалистического (калейдоскопического) сочетания предметов бытия. Статисты стали актерами, осмысливающими авторский текст — и авторское молчание. Пространство текста и населяющие его

предметы и голоса становятся в одно и то же время и более конкретными, и более условными. Традиционная рампа, отделяющая зрительный зал от сцены-текста, отодвигается — если вовсе не отменяется, и читателю (зрителю воображаемой сцены) предлагается вступить в театральное-поэтическое действие почти наравне с авторским (саморефлексивным) «я» и говорящими-молчащими предметами. «Свидание»: «..... / / / <...> / / / / И вдруг — соседи, муж, ребенок, / Комната полна пеленок. <...> / Муж в ярости: / — Что это значит?! / Где до сих пор ты шлялась, шляуха?! / — Гу-гу-гу — гудят соседи. <...> / Постой, она же здесь была. / Ее ищу я, беспокоясь. / — ВНИМАНИЕ / ОТХОДИТ ПОЕЗД. / Иду по длинному перрону. / Бегу по шпалам. / Мчусь по кочкам. / Кричу последнему вагону: / — Прощай! И машут мне платочком».⁴⁸ Психо-фонетические эффекты паронимического абсурда — иллюзия случайного рождения сюжета из столкновения звуков — роднит Сапгира с абсурдистской поэзией Кристиана Morgenштерна (1871—1914), которого переводили на русский еще в 1910-е годы: «В пустыне Гоби / Забыта пустая железная бочка / В небе / Ни облачка / Красная глина / Дымится равнина / Ветер задует / Бочку задевает / Покатилась бочка / На дороге блюдо / Череп Верблюда <...>» («Бочка», книга «Молчание»). Андрей Цуканов недаром назвал «исследование феномена абсурда, в который заключено человеческое существование», «суть[ю] поэзии Сапгира и Холина».⁴⁹

Неиссякаемым абсурдистским императивом Сапгира, а также предложенной ранее формулой «искусство как излом», можно объяснить характерные черты стихосложения Сапгира — как в «Голосах», «Молчании» и поэмах этого времени, так и в более поздних текстах. Корпус опубликованных стихотворений и поэм Сапгира насчитывает около 620 текстов.⁵⁰ Из них только 15% текстов написаны целиком классически-

ми размерами.³¹ Среди оставшихся 85% опубликованных стихов Сапгира около 20% (или 17% всего корпуса) написаны целиком тоническими размерами.³² Строго говоря, текстов, написанных свободным стихом (верлибром), отличающимся от прозы «только заданной расчлененностью и свободой от правильного ритма и рифмы», во всем опубликованном поэтическом корпусе Сапгира не более 10% (или 8% всего корпуса).³³ В оставшихся 70% несиллабо-тонических текстов (т.е. почти в 60% всего опубликованного стихотворного корпуса Сапгира) обнаруживается последовательная установка на (сверх)микрополиметрию»³⁴. Возьмем текст короткого стихотворения «Ночью» из книги «Голоса» (оно вошло в состав этого тома) и перепишем его, отмечая при этом размеры каждого иначе записанного стиха: 1. На Тишинском рынке ночью — Тишина. [X6] / 2. В Заоксворечье — Ни души. [Я4] / 3. И на площади Свердлова У колонн — [X6] / 5. Никого. Иду к заводу Лихачева. [X6] / 6. Ни Лихачева, ни завода — [Я4] / 7. Вода и больше ничего. [Я4] / 8. Лишь собака лает где-то [X4] / 9. Возле Университета. [X4] Первую половину стихотворения можно было бы переписать иначе: 1. На Тишинском рынке ночью — [X4] / 2. Тишина. В Замокворечье — ни души. [X6] / 3. И на площади Свердлова [Ан2] / 4. У колонн — Никого. [Ан2]. / 5. Иду к заводу Лихачева. [Я4] / 6. Ни Лихачева, ни завода. [Я4] / 7. Вода и больше ничего. [Я4] / 8. Лишь собака лает где-то [X4] / 9. Возле Университета. [X4]. Во второй записи, более точной с синтаксической и орфоэпической точек зрения, очевидна *сверхмикрополиметрия*, при которой чередуются строки разных силлабо-тонических размеров, образуя оригинальный интонационно-ритмический контур, соответствующий медитативному, саморефлективному смысловому строю стихотворения.

Сапгир ориентируется на заданные и ясно обозначенные в начале текста силлабо-тонические (а порой и тонические) размеры (и их комбинации) и деконструирует их. Во многих

текстах наблюдается частая, порой ежестрочная, смена размеров. Вот пример из одной из последних книг Сапгира, озаглавленной весьма характерно «Слоеный пирог» (т. е. наслоение стилей и размеров), — стихотворение «Странная граница». Вот два четверостишья, две реплики в диалоге четырех героев-состояний-голосов этого стихотворения, которое, кстати, отсылает читателя к «Носорогу» Ионеско: «Первый / Вереница зданий — вдаль [X4] / Вдоль — кудрявые липы [Ан2] / Пилы режут сухие стволы [Ан3] / Лысый глядит на деревья [Д3; о параномазии у Сапгира см. ниже]. / <...> / Второй / Четко вижу: прошел носорог [Ан3] / Рогатый проехал в открытой [Ам3] / Той рекламой — желтой пообедаю [X5] / Даю голову на отсечение — сыр! [Ткт4].

Как заметил Владислав Холшевников, «несимметричные стихи очень удобны для передачи живой разговорной речи».⁵⁵ Сапгир, многие тексты которого ориентируются на живую, «сырую», «непоэтическую» (площадную, уличную, квартирную) речь, идет гораздо дальше опытов использования вольных и несимметричных ямбов и хореев эпохи Серебряного века, дальше радикальных версификационных экспериментов В. Хлебникова, В. Маяковского, Н. Заболоцкого, А. Введенского, Д. Хармса. У Хлебникова: «Мы желаем звездам тыкать, [X4] / Мы устали звездам выкать, [X4] / Мы узнали сладость рыкать. [X4] / Будьте грозны как Острица, [X4; дакт. клауз.] / Платов и Бакланов, [X3] / Полно вам кланяться [Д2] / Роже басурманов. [X3] / Пусть кричат вожаки, [Ан2] / Плюньте им в зенки! [Д2] <...>» (1908—1910).⁵⁶ В метрически «пестрой» поэме «Торжество земледелия» Заболоцкого, где из «799 стихов — 437 ямбов (из них четырехстопных 414), 340 хореев (из них четырехстопных 355), 22 стиха — прочие размеры», эта тенденция довольно четко прослеживается.⁵⁷ В. Холшевников предлагает называть такую структуру «зыбким метром»⁵⁸. В советских стиховедческих исследованиях, по очевидным причинам исключавших зна-

чительный массив поэтических текстов, было принято считать, что «устойчивой традиции подобный стих не образовал». ⁵⁹ Пример Сапгира — свидетельство того, что (сверх-)полиметрические эксперименты, начатые Хлебниковым, Заболоцким и другими поэтами в первой половине XX века вовсе не ушли в песок. ⁶⁰ Степень неурегулированности, несимметричности и смешанности размеров, а также неурегулированности и несимметричности рифмовки и строфических форм в стихах Сапгира так велика, что многие из них точнее назвать (сверх) микрополиметрически-(сверх)зыбкими. ⁶¹

Русская былина и песенный фольклор ⁶²; Эдвард Лир, Льюис Кэрролл и струя английского викторианского нонсенсизма ⁶³; наследие русского символизма (сологубовско-блоковская «дурная бесконечность») и футуризма (Маяковский, Хлебников, Крученых); сатирико-элегическая поэзия (Саша Черный; Дон Аминадо); «смех-сквозь-слезы» и семантический сдвиг современной поэзии на идиш («Мониш» И. Л. Перреца; Лейб Квитко; Абрам Сутцкевер и др.), перенятые Сапгиром у Овсея Дриза; обэриуты ⁶⁴; советские поэты-модернисты среднего поколения (Леонид Мартынов, Борис Слуцкий), кафкианский пароксизм отчаяния и вызов логике здравого смысла; западноевропейская абсурдистская поэзия (К. Моргенштерн) и театр (С. Бекетт, Э. Ионеско, Жан Жене), а также джаз, в особенности засасывающие повторы блюзов — все это вошло в стихи Сапгира рубеже конца 50-х — начала 60-х и прочно утвердилось в его поэтике. За «Голосами» и «Молчанием» последовало ещё около тридцати книг и самостоятельных циклов. Сапгир эволюционировал (скорее по Жоржу Кювье, при посредстве социальных и личных катаклизмов, чем по Чарльзу Дарвину, путем борьбы за существование и естественного отбора). Он менялся с каждой книгой, впитывая в себя формальные веяния и литературные моды четырех последних десятилетий XX века. Критики неоднократно указывали на «протеизм» Сапгира, на его способ-

ность к самопреображению⁶⁵. Это так и не так. Пропуская через себя — как кислород и как дым костра и сигарет — авангардные искания своих современников или последователей («конкретизм», «концепт», «метаметафоризм»⁶⁶ etc.) и возвращаясь к собственным литературным истокам, Сапгир оставался самим собой. Вспомним мысль Тынянова, высказанную еще в 1924 году в статье «Промежуток» — по поводу стихов Ильи Сельвинского: «каждое *новое* явления в поэзии сказывается прежде всего *новизной интонации*».⁶⁷ Читатель интуитивно чувствует эти единственные, сапгировские интонации. Об этом еще в 1964-м написал Ян Сатуновский: «Хочу разобраться в общих чертах — что такое Сапгир, что в нем нового, и что в этом новом старого. Нового — новая интонация».⁶⁸ Сапгировская нота. Голос Сапгира. Дыхание Сапгира. Молчание Сапгира. И, наконец, адекватная интонациям Сапгира графическая запись его стихов.⁶⁹ В чем же формула (поэтики) Сапгира? Как она узнается? Попробуем здесь отметить (на полях книг и стихов) *некоторые* ее особенности, приводя лишь *отдельные* примеры, а также ссылаясь только на *выбранные* книги (циклы, поэмы), где эти особенности выражены в полной мере. Конечно же, в отдельности часть выделяемых ниже особенностей характерна и для стихов других современных Сапгиру поэтов. Но речь идет не столько об отдельных характеристиках стихосложения, языка, стилистики и тематики стихов Сапгира, сколько об их совокупности, уникальной для его творчества.

«ФОРМУЛА САПГИРА»:

Стихосложение

• (сверх)микрополиметрия (книга «Слоеный пирог», 1999; поэма «Жар-птица», 1999);

• неурегулированность и нерегулярность рифмовки, употребление тавтологических, составных, а также диссонансных и разноударных рифм (например, «Лежа, стонет / Никого нет, /

Лишь на стенке черный рупор / В нем гремит народный хор.
/ Дотянулся, дернул шнур! <...> («Радиобред»);⁷⁰ «<...> А
законную жену / Из квартиры выгоно / Или в гроб вго-
ню!» («Предпраздничная ночь»); «Воздушный пируэт — /
Самолет пикирует» («Смерть дезертира»), все три стихотво-
рения в книге «Голоса», 1958—1962);

• нетрадиционная графическая запись стихов внутри це-
лого стихотворения (книга «Псалмы», 1965—1966) и слов
внутри стиха (цикл «Проверка реальности», 1998—1999),
продолжающая (пост-)футуристические эксперименты и раз-
бивающая конвенциональные представления об отличиях сти-
ха от прозы (книга «Элегии», 1965—1970) и о единицах
членения стихотворения (книга «Дети в саду», 1988);

• эксперимент с твердыми формами: сонет, рубан и др.
(книга «Сонеты на рубашках», 1975—1989; книга «Стихи
для перстня», 1981);

• ярко выраженная паронимичность («Слоеный пирог»,
1999),⁷¹ причем паронимические эксперименты Сапгира в
целом ближе к «будетлянскому» полюсу, чем к «классическо-
му блоковскому» и отмечены пост-футуристическим взрыв-
ным параллелизмом, ярко выраженным у Николая Асеева и
Семена Кирсанова (ср. «Я запретил бы “Продажу овса и
сена”... / Ведь это пахнет убийством Отца и Сына» Асеева
(«Объявление», 1915) и «я подумал: лагоре эребус / и увидел
море автобус» Сапгира («Песня», в книге «Встреча», 1987)⁷²);
набоковский каламбуризм и анаграмматизм: «Снег / сыплет-
ся из фонаря / Я думаю: / *Си-ва-но-ря* («Снег из фонаря»,
в книга «Молчание», 1963, ср. каламбур «Саван-на-рыло, —
кличка одного из вождей» в «зоорландских» эпизодах рома-
на Набокова «Подвиг»⁷³);

Языковые особенности и их источники

• употребление и переработка русского народного, советс-
кого и пост-советского фольклора («Голоса», 1958—1962;
«Лица соца», 1990; «Новое Лианозово», 1997; например:

«На постели / Лежит / Игорь Холин / — Поэт / Худой,
как индус. / Рядом Ева — без / трусов. / Шесть часов»,
(«Утро Игоря Холина» в книге «Голоса», 1958—1962));

• деавтоматизация и литерализация пословиц, поговорок,
афоризмов, клишированного языка (например: «Что ж, был
бы муж, как муж хорош, / И с обезьяной проживешь»,
(«Обезьян», в книге «Голоса», 1958—1962));

• сочетание аналитической тавтологичности и повтора как
прием актуализации смысла (например: «сержант схватил ав-
томат Калашникова упер в синий / живот и с наслаждением
стал стрелять в толпу / толпа уперла автомат схватила Ка-
лашникова — / сержанта и стала стрелять с наслаждением в
синий живот <...>» («Современный лубок. 3. Сержант»),
цикл «Лубок» в книге «Путеводитель по Карадагу», 1990);
в тавтологических повторах Сапгира заметен след обэриутов
(ср. «Иван Топорышкин» [1928] Даниила Хармса), но ме-
тод скорее сродни Гертруде Стайн (ср. у нее: «<...> December
twenty-sixth and may do too. / December twenty-seventh have
time. / December twenty-eighths a million. / December twenty-
ninth or three. / December thirtieth corals. / December thirty-
first. So much so», («A Birthday Book», 1924)).⁷⁴

• интерес к неологизмам, корнетворчеству⁷⁵, зауми (транс-
смыслу), (книга «Терцихи Генриха Буфарева», 1984—1987;
книга «Встреча», 1987; книга «Смеяницы», 1995);

• внедрение иностранной лексики (особенно английской,
ивритской, идиш, немецкой, украинской, французской) и сме-
шение языков (например, «<...>He told of many accident [sic]
/ вейз мир! Вей! / — кто там? / It's me / — не открывай /
герл вытягивает перлы <...>»; «Три урока иврита», circa
1997⁷⁶; «Вали сняг как проливлен дъждь / Небе — водна
жаба бяла / Нежной ты и чуждой стала <...>» («Фъртуна.
Славянская лирика», 1993⁷⁷));

• сечение слов и опускание частей слов (например, «ржа-
вый бор на бере выбр / ракови открыла жабр / пластик

пальмовые ребр / от Адама — странный обр», «Кукла на морском берегу» в книге «Дети в саду», 1988).

Стилистические и жанровые параметры

• абсурдизм (книга «Слоеный пирог», 1999);

• гротескность и сатиричность (книга «Голоса», 1958—1962, стихи из которой в некоторых изданиях и публикациях печатались с подзаголовками «гротески» или «сатиры»⁷⁸; книга «Терцихи Генриха Буфарева», 1984, 1987);

• театральность⁷⁹ и «мизансценовость» (книга «Молчание», 1963; книга «Монологи», 1982);

• перформативность и привлечение читателя к генерированию смысла (книга «Тактильные инструменты», 1999);

• кинематографичность, кадровое построение текста и эффект «глаза-кинокамеры» (цикл «Этюды в манере Огарева и Полонского» 1987; книга «Слоеный пирог», 1999)⁸⁰;

• представление о паузе, пробеле, дыхании, молчании, пустоте как важных структурных элементах стихотворного текста; текст молчания (книга «Дыхание ангела», 1989; книга «Глаза на затылке», 1999)⁸¹;

• цитонность и игра с литературными цитатами⁸² («<...> Мы все похожи друг на друга: / Друг Похож на врага, / Враг / Похож на друга. / Ненависть похожа на любовь, / Вино пролитое — на кровь. / И только нож / Похож / На нож» («В ресторане»; книга «Голоса» — эхо «Евгения Онегина» создает эффект узнаваемости незнакомого новаторского текста, а тавтологизм есть отказ от звенящих в ушах (клишированных) рифм; «социализм без конца и без краю!... / узнаю тебя жизнь — / понимаю», «№ 40 [из Александра Блока]» в книге «Лица соц» [1990] ср. у Блока: «О весна без конца и без краю — <...> Узнаю тебя жизнь! Принимаю!» ч. 1 цикла «Заклятие огнем и мраком» [1907])⁸³;

• «литературность»⁸⁴ («Черновики Пушкина», 1985; «Этюды в манере Огарева и Полонского», 1987);

• сдвиг реальности и «сюр»⁸⁵ (поэма «МКХ — Мушинный след», 1981; книга «Параллельный человек» 1992);

- примитивизм, синтез наивно-детских и взрослых перспектив, остранение за счет создания детской точки зрения (книга «Дети в саду», 1988);

Тематика и проблематика

- острая социальная тематика и обследование моральных aberrаций (советского и пост-советского) общества (например, «Но есть консервы РЫБНЫЕ ТЕФТЕЛИ / Расплывчатость и фантастичность цели / Есть подлость водка скука и балет <...>», «Сонет о том чего нет» в книге «Сонеты на рубашках», 1975—1989);

- исследование быта и семейных отношений советских и пост-советских городских обывателей; этот тематический импульс исходит прежде всего от «Городских столбцов» Заболоцкого и отчасти от Михаила Зощенко⁸⁶ (книга «Голоса», 1958—1962);

- актуальность еврейских и иудейских вопросов: Холокост, иудейско-христианские отношения, антисемитизм (книга «Молчание», 1963; книга «Псалмы», 1965—1966);

- метафизичность: изнанка бытия, потустороннее и пост-мортемное, ангелизм (книга «Конец и начало», 1993; книга «Три жизни», 1999);

- философская лирика⁸⁷ (поэма «Старики», 1962; книга «Элегии», 1967—1970);

- изображение быта и бытия литературно-художественной богемы (книга «Московские мифы», 1970—1974);

- насыщенность стихов географией, топонимикой, историческими персонажами, особенно художниками и литераторами (например, «Командировка», 1964; «Сонеты из Дилижана» в книге «Сонеты на рубашках», 1975—89).

- карнавальность и эротичность (цикл «Люстихи», 1964; книга «Элегии», 1967—1970; книга «Любовь на помойке», 1992);

- политическая злободневность (книга «Глаза на затылке», 1999).

«<У> Сапгира было много ролей, по крайней мере несколько различных литературных масок», — писал Виктор Кривулин вскоре после смерти поэта, — «официальный детский поэт и драматург, подпольный стихотворец-авангардист, впервые обратившийся к живой новомосковской речевой практике, сюрреалист, использовавший при создании поэтических текстов опыт современной живописи и киномонтажа, неоклассик, отважившийся «перебелить» черновики Пушкина, визионер—метафизик, озабоченный возвышенными поисками Бога путем поэзии, автор издательских считалок, речевок, вошедших в фольклор <...>. Все это Сапгир». ⁸⁸ Именно так и было. Детский поэт Генрих Сапгир широко печатался в издательствах «Детская литература» и «Малыш», издав с 1960 по 1984 г. около 40 детских книг. ⁸⁹ Многие из его детских стихов, среди которых «Бутерброд», «Лимон», «Полосатые стихи», «Стихи про слова» и другие, стали «культовыми». Вот одно из самых знаменитых, «Умный кролик»: Умный кролик / Сел за столик. / А затем в одно мгновение / Сочинил стихотворенье: / Умный Кролик / Сел за столик. ⁹⁰ Это блистательный детский метатекст, близкий художественным исканиям Сапгира — «взрослого» поэта. В детских театрах страны шли пьесы Сапгира. Кинорежиссеры снимали мультфильмы по его сценариям. «Лошарик», «Мой зеленый крокодил», «Паровозик из Ромашково»... Всего около сорока анимационных фильмов. Детская литература, кинематография и драматургия кормили. В 1992 году Сапгир вспоминал: «Я много работал в своей жизни, всякой работой зарабатывая деньги просто. Для кино писал, для театра писал. Наверное, не самые лучшие произведения <...> А если бы сейчас краска стыда покрывала мои щеки, как я извивался и вползал куда-то, а сейчас бы я был раззолоченный? Все равно мои бы года остались при мне, мое мышление. Но только было бы как-то все испоганено, испачкано». ⁹¹

Разумеется, бинарность «детское—взрослое» в жизни и творчестве Сапгира — искусственное и даже уродливое порождение советской эпохи. Как бы развилась карьера Сапгира и писал бы он вообще детские вещи — предмет пострфактумных гипотез. Но важно учесть два обстоятельства. Во-первых, мысль В. Кривулина, что «<...> как детский поэт [Сапгир] действительно был высочайшим профессионалом. А во взрослых стихах этот профессионализм ему иногда вредил. И он сам это чувствовал, стремился он него освободиться»⁹². Во-вторых, тот факт, что в 1998 году Сапгир отнес к «самым значимым книгам», вышедшим со времени публикации его взрослых стихов в СССР в 1988 году, следующие: «Сонеты на рубашках» ([1978], 1989, 1991), «Пушкин, Буфарев и другие» (1992), «Избранное» (1993), «Смеянцы» (1995), «Принцесса и людоед» (1996) и «Летающий и спящий» (1999).⁹³ 18 мая 1995 года, в Париже, после чтения новых стихов в номере гостиницы «Ла Мармот» в квартале Монтрюэль (неподалеку от любимого Сапгиром Центра Помпиду), поэт сказал авторам этих строк, что за последние восемь лет он многое понял о том, как устроено детское мышление, что оно гораздо более сродни поэтическому. «Писатель должен быть — как мальчик в берлинской пивной, в рассказе Набокова «Путеводитель по Берлину»», — добавил Сапгир позднее в тот же день, сидя в парижском кафе. Похожая мысль изложена в письме Сапгира 1988 года: «Сам я за этот год написал книгу стихов <т. е. книгу «Дети в саду». — Д. Ш.-П., М. Ш.> — совсем новых по форме. Долго объяснять, но все слова в них то разорваны, то пропущены, то осталась половинка. Тебе это должно быть понятно. <...> Я шел от того, как мы мыслим. А мыслим, оказывается, устойчивыми слогами и группами слов, где одно можно заменить другим — и ничего не изменится, кроме гармонии, конечно».⁹⁴

Книга «Смеянцы: стихи на детском языке» (1995) занимает особое место в творчестве Сапгира. Книга эта —

своего рода «Eхegi monumentum...» Сапгира — детского писателя. На то, что это «взрослые» детские стихи, сам Сапгир намекает в предисловии: «Дорогие дети и уважаемые взрослые дети! Когда я, сам взрослый ребенок, играю забавными пестрыми словами <...>». ⁹⁵ В стихах, собранных в «Смеянцах», сочетаются многогранные стихотворческие эксперименты, на которых построены как прекрасные книги Сапгира «Терцихи Генриха Буфарева» (1984, 1987) и «Дети в саду» (1988), так и менее удачная «Встреча» (1987). Среди источников экспериментов Сапгира в «Смеянцах» — Льюис Керролл, обэриутские «детские» стихи, но прежде всего — Хлебников. «Смеянцы» названы в память о хлебниковском «Заклятии смехом» (1909): «О, рассмейтесь, смехачи! / О, засмейтесь, смехачи! / Что смеются смехами, что смеянутся смеяльно <...>». ⁹⁶ В «Смеянцах» встречаются тексты, в которых тот же уровень сложности и открытости словесных экспериментов, что и во взрослых книгах Сапгира. Вот начало стихотворения «Пельсисочная» (книга «Терцихи Генриха Буфарева»): «В мырелки шлепают пельсиски / В стакелках светится мычай / Народострах и чуд российский <...>». Сравните эти строки со стихотворением «Мурота» (книга «Смеянцы»): «Мурота, мурота. / В дуроте — белота, / а над ней — небота, / в неботе — пустота. <...> / Снегота, снегота, / ты пушистее кота, / ты встретишь нас волчанием, / а проводишь нас свычанием». Из стихотворения «Стражи» (книга «Встреча»): «Там на страшной высоте / реют сильные линоны / длиннокрылые линоны / тамнастра и тимносте <...>» ⁹⁷ Сопоставьте со стихотворением «Теменя и ясеня» (книга «Смеянцы»): «<...> В темень собираюсь / в гости к мигунам, / в ясень озираюсь, / смотрю по сторонам. / В темень меня вирши / носят и роняют. / В ясень меня тоже / кто-то сочиняет. ⁹⁸ Несмотря на приглашение — как детей, так и их родителей — к веселым словесным приключениям, при чтении «Смеянцев» ощущается прежде всего незавер-

шенность лабораторных экспериментов Сапгира в области усложнения детских стихов заумью и перегрузки литературными аллюзиями. Собранные в «Смеянцах» стихи не пользовались столь большим успехом среди детей и их родителей, как классические детские тексты Сапгира: «Лошарик», «Принцесса и людоед» или «Умный кролик». Подзаголовок книги «Смеянцы» будто предостерегает о том, что стихи для детей пишутся не на «детском языке».

В течение раннего брежневского правления Сапгир упорно сочиняет книги «несоветской поэзии», не публикуя ни строчки из них в СССР: «Псалмы» (1965—1966), «Элегии» (1965—1970), «Московские мифы» (1970—1974).⁹⁹ Центральное место в творчестве Сапгира 1960-х годов занимает книга «Псалмы» (1965—1966). В ней воплотились принципы поп-арта — монтаж в едином художественном пространстве разнородных предметов, тем, ритмов, идей, образов, компонентов массовой культуры и др.¹⁰⁰ Сапгир: «В “Псалмах” <...> есть и цитаты из Библии, и мой номер телефона, и рецепты, и надписи, которые я вставил в стихи. Это был коллаж, который и есть постмодернизм. Но научили меня всему этому американские поп-артисты».¹⁰¹ Характерно, что строя всю книгу на шокирующих столкновениях ожидаемого (каноническая библейская поэзия Псалмов) и неожиданного (образы насилия в мировой и еврейской истории, прозаика советского быта), Сапгир одновременно осознал себя «поп-артистом» и художником-метафизиком. В. Кривулин назвал «Псалмы» Сапгира «молитв[ой], вмонтированн[ой] в газетный лист».¹⁰² Здесь необходимо ввести в наш обзор новую яркую фигуру. Это замечательный еврейский писатель Овсей Овсевич Дриз (Шике Дриз, 1908—1971). Сапгир дружил с Дризом еще со времен их работы в Скульптурных мастерских Художественного Фонда, в начале 1950-х. В одной из

последних книг «Три жизни» (1999) Сапгир вспоминает: «Я помню как в кафе / у Курского вокзала / взгромоздившись на стул / Дриз произнес речь: / Друзья мои! — в пространство / Говори отец! — / закричали кругом: / сейчас сейчас / седой пророк — / все объяснит! / Укажет виноватых! / Откроет жизни смысл! / Бородач крестится на Овсея / как на икону / Николая угодника / — Нет, не могу — / — слез со стула / — и ушел пошатываясь — <...> («Овсей Дриз»). Об этом эпизоде Генрих Сапгир рассказывал не раз, в несколько иной редакции. В устной передаче Сапгира, он застал в пивной у Курского вокзала в Москве следующую сцену: на стуле стоял Овсей Дриз, пьяный, с вздыбленной седой шевелюрой, и читал стихи. Он читал долго, на идиш, с параллельным дословным переводом на русский, и его никто не прерывал. Люд в пивной был самый разный, в том числе привокзальная шпана. Пока Дриз читал, несколько посетители пивной плакали. Когда Дриз закончил, один работяга бросился ему в ноги со словами «Отец, как жить?!»

Дриз писал на языке Диаспоры евреев-ашкенази. Он писал стихи и прозу, много сочинял для детей. Сапгир блестяще переводил стихи Дриза на русский язык и «пересказывал» его детскую прозу. В советское время по-русски вышло несколько детских книг Дриза, которые перевел или со-перевел Сапгир.¹⁰³ Вспоминается день на даче у Сапгира в Переделкино, летом 1965 года, прошедший в присутствии одного из пишущих эти строки (Д. Ш.-П.).¹⁰⁴ Овсей Дриз читал свои стихи. Он читал сначала на идиш. И сразу же переводил строчку за строчкой на русский язык. Это был авторский животрепецующий подстрочник, буквальная передача содержания и метафористики стихов. Дриз читал энергично, эмоционально. Седые волнистые волосы падали на его орлиное лицо. Отдельные строки выступали в его стихах, как голос греческого хора в античных пьесах. Дриз напоминал древнего проповедника, пророка, деформированного ГУЛАГом и алкого-

лем. Будто Иов, пожив в России, настрадавшись и наоравшись богоборческих слов, запил горькую.

Книга «Псалмы», несомненно, написана под большим влиянием дружбы Сапгира с Овсеем Дризом, пережившим Холокост, ГУЛАГ и почти тотальное уничтожение еврейской культуры в поздние годы сталинизма: «<...> На лице веселом / голом — / выразительные / печальные / беззащитные / отчаянные — / как очередь / полураздетых евреев / к Бабьему Яру / как мальчик в той очереди / которого выхватили / соседи-украинцы <...>» («Овсей Дриз», книга «Три жизни», 1999). «Переложениями» псалмов можно назвать только часть текстов Сапгира; остальные правильнее отнести к «медитациям» на темы псалмов и современных исторических сюжетов. Из длинных Псалмов ближе всего к библейскому тексту сапгировский Псалом 136-й, посвященный Овсею Дризу (Псалом 136 в православной и католической Псалтыри соответствует Псалму 137 у иудеев и протестантов): «1. На реках Вавилонских сидели мы и плакали / — О нори — нора! / — О нори — нора руоло! / — Юде юде пой! пой! Веселее! — / смеялись пленившие нас / — Ер зангт ви ди айниге Нахтигаль / — Вейли башар! Вейли байон! / — Юде юде пляши! Гоп — гоп! <...>. / 2. Они стояли сложив руки на автоматах / — О Яхве! / их собаки — убийцы глядели на нас с любопытством / — О лейви барам бацы Цион на земле чужой! <...>.¹⁰⁵

Очень интересен вопрос о происхождении фраз «О нори — нора!», «О нори — нора руоло!», «Вейли башар! Вейли байон» и «О лейви баарам бацы Цион», а также их месте в структуре псалма Сапгира. Из созданных Сапгиром «синтетических» слов и фраз лишь четыре слова («руоло», «башар», «бацы» «байон») могут быть названы ономатопеическими имитациями иврита Псалмов и арамейского, остальные же «синтетические» слова и фразы несут не только структурную, но и важную лингвистически-смысловую нагрузку (об этом

см. Примечания). Тем не менее, большинство русскоязычных читателей воспринимают эти слова и фразы как древне-еврейско-арамейский гул неотожествленных ассоциаций. В то же время, отголоски дорогой Сапгиру немецкой романтической и пост-романтической поэзии (см. его «Этюды в манере Огарева и Полонского») вызывают у читателя гораздо более конкретный комплекс литературных и исторических ассоциаций. Вспоминаются многочисленные образы соловья у Гете и Гейне; известное стихотворение «Die Nachtigal» Теодора Шторма (1817—1888), положенное на музыку Альбаном Бергом и, конечно же, «бог Нахтигаль» Осипа Мандельштама («К немецкой речи», 1932). Записанная в русской транслитерации и ориентирующаяся не на немецкий, а именно на идиш (Ер зангт ви ди айниге Нахтигаль), эта отсылка к немецкой поэзии сталкиваются лоб в лоб с историей истребления европейского еврейства нацистами и их подручными. Такое будоражащее соседство совершенной поэзии и чудовищной исторической правды, святынь немецкой литературной культуры и антилюдского быта концлагерей придает стихам Сапгира безупречную принципиальность и ясность видения.¹⁰⁶

В заключительной части Псалма «При реках Вавилона...» нота отщепенца мучителям еврейского народа звучит четко и безоговорочно: «8. Дочь Вавилона, опустошительница! / блажен, кто воздаст тебе за то, / что ты сделала нам! / 9. Блажен, кто возьмет и разобьет / младенцев твоих о камень!¹⁰⁷ Вот концовка Псалма у Сапгира (у Сапгира 6, а не 9 частей): 5. Дочери Вавилона расхаживали среди нас / — поскрипывая лакированными сапожками / — шестимесячные овечки / — с немецкими овчарками / — О нори — нора! руоло! / — Хлыст! хлыст! — Ершиссен / 6. Блажен кто возьмет и разобьет / младенцев ваших о камень».

Данила Давыдов вспоминает организованное им выступление Сапгира перед студентами Литературного института в Москве, в конце 90-х годов: «Большой части аудитории (в

которой православных было отнюдь не большинство) оказалась кощунственной последняя фраза сапгировского «Псалма 136» <...>. Меж тем, это почти дословная цитата [в отличие от тех огромных отступлений, которые Сапгир позволяет себе в других частях этого Псалма и других Псалмах. — Д. Ш.-П., М. Ш.] из канонического текста». ¹⁰⁸ Те глубинные — и тормозящие рецепцию читателей — механизмы привычного прочтения религиозных текстов в контекстах русской литературной культуры, на которые указывает Д. Давыдов, действуют при прочтении «Псалмов» Сапгира. Для их адекватного, непосредственного осмысления лучше всего обратиться прямо к библейскому тексту, а уже потом восстанавливать различные пласты истории и культуры, которые питали тексты переложений Сапгира.

Вавилон Псалмов Сапгира — Россия. Вместо древних израильтян в них действуют современные Сапгиру советские евреи. Псапмопевец Сапгира — Овсей Дриз, пьяница («шикер»), поэт-пророк в стране, в которой к началу 1950-х была обескровлена еврейская культура. «Псалмам» Сапгира принадлежит особое место в мировой поэзии. По масштабу и радикальности переработки иудейских священных текстов, а также по степени внедрения в них реалий современной истории, политики, идеологии и повседневного быта, эту книгу можно сопоставить с поминальным циклом Аллена Гинзберга «Каддиш» (1959): «Strange now to think of you, gone without corsets & eyes, while / I walk on the sunny pavement of Greenwich Village. // downtown Manhattan, clear winter noon, and I've been up / all night, talking, talking, reading the Kaddish aloud, / listening to Ray Charles blues shout blind on the / phonograph // the rhythm the rhythm — and your memory in my head three / years after — And read Adonais's last triumphant stanzas / aloud — wept, realizing how we suffer — <...>». ¹⁰⁹ А вот отрывок из последней, 4-й части «Каддиша» Гинзберга: «O mother / what have I left out <...> / farewell / with your old dress and a long black beard around the vagina / farewell / with

your sagging belly / with your fear of Hitler / with your mouth
of bad short stories <...>. ¹¹⁰

«Псалмы» Сапгира — классический еврейско-русский текст пост-Холокостной поры. ¹¹¹ В них соединяется — как и в трудах многих еврейских мыслителей и художников Диаспоры, написанных во время и после Катастрофы (от Т. Адорно, И. Эренбурга, П. Целана, Примо Леви до С. Бэллоу и Ф. Рота) — скептическое отношение к возможности существования всеильного и всемогущего Бога с неизбежно экстатической верой в мистическое божественное устройство вселенной), как в этом сапгировском переложении Псалма 150 (та же нумерация в Танахе): «1. Хвалите Господа на тимпанах / на барабанах (три гулких удара) / 2. Хвалите Его в компаниях пьяных (выругаться матерно) <...> 9. Все дышащее да хвалит Господа (кричите вопите орите стучите — полное освобождение) / Аллилуйя! (12 раз на все лады)».

Широта художественного вкуса Сапгира и его терпимость в отношениях с людьми (особенно литераторами младших поколений) требовала самоограничения и хотя бы условного нахождения собственных истоков на карте российского искусства. Этим *заповедником* была для Сапгира «Лианозовская группа». Наставник Сапгира и других поэтов и художников Евгений Кропивницкий и его жена — художница Ольга Потапова — жили в деревне Виноградово, около станции Долгопрудной по Савеловской железной дороге. После того, как дочь Кропивницких, Валентина, стала женой Оскара Рабина, они поселились неподалеку, в барачном доме на станции Лианозово. В 1950 годы в Лианозово происходят встречи художников и поэтов. Здесь и возникает знаменитое Лианозовское содружество — отчасти *artistic community*, утопическое сообщество связанных узами родства и художественных

пристрастий литераторов и художников, отчасти творческий и экзистенциальный андеграунд, отчасти продукт утрирующей мифологизации в сознании преследователей и (по)читателей. В костяк «лианозовцев» входили Г. Сапгир, О. Рабин, И. Холин (прямые ученики Е. Л. Кропивницкого), О. Потапова, В. Кропивницкая, Л. Кропивницкий, Вс. Некрасов и Я. Сатуновский. Были им близки художники Николай Вечтомов, Лидия Мастеркова, Владимир Немухин, Борис Свешеников. В 50-е с лианозовцами тесно общалась поэт Милитриса Давыдова. Уже позднее, в конце 60-х, к лианозовцам примкнул Эдуард Лимонов. О месте Лианозова и лианозовцев в ландшафте русской культуры уже много написано.¹¹² Владислав Кулаков еще в 1991 указал на то, что лианозовцы существовали как литературно-художественная группа больше в глазах своих читателей, чем в своих собственных: «Да и само название “лианозовская группа” впервые было произнесено отнюдь не искусствоведами и критиками, а все теми же советскими начальниками, конечно, вовсе не стремившимися в данном случае оставить свой след в истории».¹¹³ Любопытно привести несколько заявлений Сапгира о Лианозово: 1990: «<...> Никакой “лианозовской школы” не было. Мы просто общались. <...> Просто мы одновременно почувствовали, что современная нам официальная поэзия отделилась вообще от первоосновы всякой поэзии, от конкретного события, от предмета<...>».¹¹⁴ 1991: «Вообще по поводу моих отношений с концептуализмом да и с лианозовской школой я хочу сказать вот что. Я все-таки [sic] от всего этого отличаюсь, как мне кажется, неким синтетизмом, пафосностью, стремлением к экстатическим состояниям духа. <...> Никто из них не пишет такие вещи, как “Псалмы” — обращение человека к Богу или “Элегии”».¹¹⁵ 1995: «То ли это была Лианозовская школа, то ли Лианозовская группа, во всяком случае ее теперь называют и так и так [sic]. Но для меня, для моих друзей: Оскара Рабина, Игоря Холина, Льва Кропивницкого и еще небольшого кружка молодежи в те 40—50-е

годы еще ничего этого не было. Был наш духовный Учитель, Евгений Леонидович Кропивницкий. <...> Было страстное желание выразить весь этот Божий мир по-своему, своими найденными средствами — пусть в диссонансах... Это были мы — содружество поэтов и художников. <...> Значит так, школа была Евгения Кропивницкого, группа — не знаю, скорее Товарищество близких по духу, Лианозово <в общем>». ¹¹⁶ 1999: «Потом приехал из Харькова Лимонов, тоже стал ходить к Кропивницкому, — позднее возник “Конкрет” <...> Этот термин возник в наших разговорах с Лимоновым. Раньше об искусстве много говорили. Ходили и говорили. А “Конкрет” — это уже 1970-е. <..> Так вот, мы [Сапгир и Лимонов] ходили и беседовали: что, дескать, мы не хотим метафор, что наш идеал — Катулл, а потом нас всех напечатали в австрийском журнале [Neue Russische Literatur, 1981—1982]. И Лимонов придумал нам общее имя — “КОНКРЕТ”». ¹¹⁷ Памятью этой привязанности — к Лимонову и Катуллу — служит двустихие из книги Сапгира «Московские мифы»: «С яблоком голубем розами ждал я вчера Афродиту / Пьяная Нинка и чех с польскою водкой пришли». ¹¹⁸

Интересы Сапгира никогда не ограничивались кругом лианозовцев. Сапгир широко общался с поэтами, входившими в литературные объединения (официальные-полуофициальные-андеграундные) и группы Москвы, Ленинграда и других городов России. С конца 50-х — начала 60-х он был связан узами дружбы и давних знакомств с литераторами, входившими в группу Леонида Черткова (особенно с А. Сергеевым), с литераторами теперь уже легендарного объединения при Клубе Факел (С. Гринберг, А. Лайко), с «сексуальным мистиком» Юрием Мамлеевым, со «смогистами» (В. Алейников, Л. Губанов, Ю. Кублановский), с питерцами В. Кривулиным и О. Григорьевым, с «мигрантом» из Питера Е. Рейном, с Венедиктом Ерофеевым и другими. ¹¹⁹ «Лианозово» же стало тем самым юнгианским мифом культуры, который был нужен

как его основным героям, так и различным интерпретаторам. Лианозовский миф одновременно компенсировал и затуманивал. Он компенсировал — для Сапгира, Холина и других — невозможность их участия в официально-мэйнстримной советской культуре. Он затуманивал и затенял разность талантов, эстетических кредо и формальных поисков даже в пределах внутреннего круга лианозовцев. Хотя сами лианозовцы и их друзья и близкие стоят в рядах первых лианозово-мифотворцев, в ретроспективном взгляде миф о Лианозово существует чуть ли не отдельно от его героев. Некоторые из них, к счастью, живы (В. Некрасов, О. Рабин), а других не стало всего несколько лет назад (Г. Сапгир, И. Холин). Герои только начинают сходить со сцены и садиться в «лодку Харона», а о них уже слагаются мифы. Память о мифологических лианозовских временах угадывается, к примеру, в книгах Владимира Сорокина. В романе Сорокина «Голубое сало» (1999) Сапгир и Холин изображены литературными хулиганами, но с несколько большим градусом симпатии, чем остальные персонажи, которые включают шестидесятников Б. Ахмадулину, А. Вознесенского, Е. Евтушенко и др.¹²⁰ Полные культурологического аллегоризма «разборки» между бандами лианозовцев и шестидесятников происходят у Тишинского рынка в Москве. Но еще важнее в этом смысле роман Сорокина «Норма» (2000), где читатель находит вкрапленный в повествование *hommage* Сапгиру в форме полуабсурдных звукоподражающих стихов: «Отважный роса данаил / Гороко ава ет! / Огоро взоро, отолил / Одава убарет! / Поторо, ворого, боро / По ветром, ука рах! / А свет долоно и форо / В его тура барах».¹²¹ Угадывается пародия сразу на тексты из нескольких книг и циклов Сапгира, включая «Встречу» (1987), «Терцихи Генриха Буфарева» (1984, 1987) и «Конец и начало» (1993). К тому же, завуалированно, появляется сапгировская (биографическая) тема барака, барачных поэтов и «барачного-барочного» искусства (каламбур советского времени).

Генрих Сапгир до 1988 года не мог опубликовать ни одного «взрослого» текста в советских литературно-художественных журналах. Даже такое «широкое» издание как московский ежегодник «День Поэзии» было закрыто для Сапгира-поэта.¹²² Оставался единственный путь: публикации в советских неподцензурных изданиях и в зарубежных журналах, альманахах, антологиях. На этот путь Сапгир встал в 1959 г., приняв участие в подпольном альманахе «Синтаксис» (выпуск I) под редакцией Александра Гинзбурга (1936—2002). Власти немедленно оценили эту публикацию не столько как факт литературы («Только без политики», — вспоминал Сапгир свой разговор с Гинзбургом — <...> Но без политики не получилось»¹²³), сколько как идеологическую акцию. Вскоре в «Известиях» появилась статья Ю. Иващенко «Бездельники карабкаются на Парнас», задавшая тон будущим пасквилям на неугодных властям литераторов (ср. «фельетон» «Околитературный трутень», опубликованный в 1964 году накануне процесса И. Бродского, осужденного за «тунельство»¹²⁴). Александр Гинзбург был арестован в июле 1960 года и осужден на два года лагерей. Генрих Сапгир попал в «черные списки» литераторов, неугодных бонзам из Союза Писателей. Сапгир называл публикацию в «Синтаксисе» одним из «трех литературных скандалов своего времени, участником и героем коих [он] оказался»¹²⁵. Вторым «скандалом» было принятие Сапгира в Союз Писателей в 1968 году (по детской секции) и тут же последовавшее исключение. Сорокалетнему Сапгиру поручают «работу с молодыми»: «Я горячо и наивно принялся за дело. Привел в Союз “смогистов”, организовал выставку художника-белютинца <ученика Элия Белютина. — М. Ш., Д. Ш.-П.>. Но развернуться мне не дали. Танки входили в Прагу. Органы следили зорко». В 1965 году первые 3 номера «Синтаксиса» были перепечатаны в журнале «Грани»; это была, по-видимому, первая *тамиздатовская*

публикация Сапгира . В поздние советские годы стихи Сапгира печатались во многих изданиях русского зарубежья в 70-е — 80-е годы, включая журналы «Грани» (1975), «Время и мы» (1978), «Континент» (1978; 1987; 1988), «Стрелец» (1984), «Эхо» (1986), альманах «Третья волна» (1977; 1979), сборник «Аполлонь-77», 1-й («московский») том антологии «У Голубой Лагуны» (1980) Кузьминского-Ковалева и другие, а также в переводах.¹²⁶ Подборка Сапгира вошла в первый выпуск альманаха «Часть речи» (1980), посвященный 40-летию Иосифа Бродского. Пути Сапгира и Бродского, знакомых еще с 1960-го, вновь пересеклись и пересекутся в дальнейшем.¹²⁷ В 1978 году в Париже, в издательстве Александра Глезера «Третья волна», вышла единственная тамиздатовская книга Сапгира «Сонеты на рубашках».¹²⁸

Годы 1975—1979 — время активнейшего участия Сапгира в неподцензурных и тамиздатовских акциях. Участие в альманахе «Метрополь» (1979) — крупнейшем литературном скандале брежневского времени — Сапгир называл третьим своим «литературным скандалом».¹²⁹ Из Союза Писателей Сапгира исключать не пришлось. На фоне такой мощной волны неподцензурной деятельности, а также перемен в семейной жизни, у Сапгира происходит тяжелый инфаркт во время отдыха на черноморском берегу Кавказа в 1977 году.¹³⁰ После инфаркта, а особенно после скандала с «Метрополем» (1979), Сапгир стал более осторожен в своих действиях, опасаясь прямых репрессий со стороны властей. Но он продолжал оставаться ведущей фигурой московского литературно-художественного андеграунда.

В июне 1998 года журнал «Знамя» провел дискуссию «Андеграунд вчера и сегодня».¹³¹ Вот отрывок из выступления Сапгира: «Андеграунд, подполье. Я никогда в нем не был, и напрасно литературные мифологи считают, что я — оттуда. <...> Была литературная богема: московская, питерская — молодая, с присущим ей вольным житием. Да она и сейчас

есть. Из богемы уходили — вверх в официальные структуры, в эмиграцию и в подполье. <...> Почему мы не были так называемым андеграундом? <...> Потому что в шестидесятые и семидесятые годы <...> мы — молодые художники и литераторы, нельзя не объединить, считали себя и свой кружок центром вселенной и то, что нам открывалось в искусстве, — самым важным для себя и самого искусства. Мы всегда были готовы объявиться, но общество, руководимое и ведомое полуграмотными начальниками или льстиво (вспомните Хрущева и Брежнева!) подыгрывающими им идеологами, на все свежее и искреннее реагировало соответственно: от “не пущать” до “врага народа”. От “тунеядца” до “психушки” <...> За тридцать лет произошел процесс: не андеграунд стал истеблишментом, таково расхожее мнение, а богема родила художников и литераторов, которые — естественно, некоторые, стали классиками. Нормальный порядок вещей». ¹³² В 1998 году, Сапгир дал следующее определение: «<...> мы были богемой и никогда не были диссидентами, Власти всегда нужны последователи и враги. Мы не хотели быть ни теми, ни другими» ¹³³.

Уже незадолго до смерти, летом 1999 года, Сапгир дал такое определение в стихотворении «Гулящие»: «<...> Наша свобода / пахла масляными красками / стучала на машинке / под старую копирку / не обращая внимания / на стук в потолок / на стук под окном / на стук в КГБ <...>». В разные годы, в зависимости от состояния души, аудитории, трибуны Сапгир говорил и писал об андеграунде по-разному. В эссе «Лианозово и другие» (1997), Сапгир указал именно на «яркий всплеск андеграунда 60-х и, особенно, 70-х годов». ¹³⁴ Кроме небинарной оппозиции «андеграунд—богема», в спорах об андеграунде часто фигурирует еще одно противопоставление, предлагаемое бывшими участниками неофициальной литературно-художественной культуры советского послевоенного времени. Противопоставление «диссиден-

ты—богема» не лишено натяжек, хотя оно, видимо, сильнее, чем «андеграунд versus богема».¹³⁵ В первом противопоставлении главенствующее место занимает политика и идеология, а не эстетика, модальность и стиль жизни. На единой шкале (если таковая возможна) понятия «андеграунд», «богема», «внутренняя эмиграция», «диссидентство» — находятся не в оппозиционных, а скорее в комплементарных отношениях друг с другом. В пореформенное время широкой раблезианской натуре Сапгира, несомненно, претило аскетско-истерическое эхо, которое слышалось ему в слове «подполье», доносясь через столетье от «Записок из подполья» Достоевского. А может быть, Сапгиру вспоминался известный афоризм правозащитника Петро Григоренко: «В подполье можно встретить только крыс?»¹³⁶

В центре книги «Московские мифы» (1970—1974) — написанной Сапгиром по следам особенно богемных 60-х и хотя бы поэтому самой «социальной» из книг Сапгира,¹³⁷ соревнуются две идеи, связанные с проблематикой континуума «андеграунд—богема—диссидентство». Во-первых, это неустойчивость границ между состоянием культурного подполья и бытом/бытием литературно-художественной богемы. Во-вторых, это мифотворчество как форма и механизм истории и культуры: «И только брови сдвинул Брежнев / Что громовержец был повержен / Ведь был он бог и древний грек / Простой советский человек» («Зевс во гневе»). Именно поэтому так важно стихотворение «Московские мифы», давшее название всей книге Сапгира. В нем с большим остроумием зафиксировано состояние двойной мифологизации: отсюда и отсюда. Уехавшие из СССР писатели и художники сочиняют свои «московские» — и ленинградские — «мифы». Оставшиеся, к которым принадлежал сам Сапгир, питаются отраженным светом этих мифов и в свою очередь мифологизируют как малоизвестную им западную жизнь уехавших, так и свою собственную: «Мамлеев с Машей в Вене или в Риме

/<...> Мамлеева избрали кардиналом /<...> А грустный Бахчанян как армянин / Открыл универсальный магазин / <...> А по Гарлему ходит хиппи Бродский / И негритянок ласковых кадрит / В своем коттедже рыжий и красивый / Он их берет тоскуя по России / <...> Лимонов! Где Лимонов? Что Лимонов? / <...> Лимонова и даром не берут / Лимонов — президент ЮНАЙТЕД ФРУТ / <...> А мы в Москве стареем и скучаем / <...> И стулья за столом у нас пустые / Ау! Друзья-знакомые! Ау! / Не забывайте матушку-Москву». Здесь важна не фактографическая точность описанного (литературная история в большой мере — литературная мифология), а ощущение, близкое натуре самого Сапгира. Но рядом с жизнью знаменитого неподцензурного поэта — параллельно? в других плоскостях? — проходила почти официальная жизнь Сапгира-детского писателя и (кино)драматурга. Были устойчивые заработки, семинары Союза кинематографистов и конференции «кукольников», была даже поездка по странам Юго-Восточной Азии в 1975 с группой киношников.¹³⁸ Было ли кокетством, что поэт предпочитал относить себя скорее к художественной богеме, нежели к литературному андеграунду? Наверняка, нет. Кокетство, неискренность, изворотливость, недосказывание самого важного были вовсе не в характере Сапгира. Он был предельно честен к себе, отказываясь и от лавров, и от терний поэта-подпольщика. Он понимал, что только тяжкий путь арестов, судов, тюрем и каторг дает писателю такое горькое право.

Отдельного упоминания заслуживает дружба Сапгира с художниками и его стихи о литературно-художественном авангарде. Вот формулировка Сапгира пост-советского времени (1998): «Мы и наши поэты», — говорил в свое время Пикассо. «Мы и наши художники», — могу сказать я вам».¹³⁹ В годы непечатания художники составляли значительную часть первичной аудитории Сапгира.¹⁴⁰ В интервью 1992 года, в ответ на полемическое замечание Е. Перемышлева о том, что

«<...> и самые авангардные стихи переживают свой век, без читателя быстро ветшают», Сапгир ответил: «Я же вам говорил, читатели были всегда. Это были художники...».¹⁴¹ Бок о бок с художниками Сапгир принимал участие в ставших легендарными акциях «другого искусства», среди которых выставка художников-нонконформистов в павильоне «Пчеловодство» ВДНХ (февраль 1975) и выставка в павильоне «Дом культуры» ВДНХ (сентябрь 1975).¹⁴² Книги Сапгира включают в себя множество посвящений и упоминаний, связанных с друзьями и коллегами по литературно-художественному авангарду. Некоторые имена художников и поэтов повторяются вновь и вновь. Посвящений художникам и образов самих художников в текстах Сапгира гораздо больше, чем обращений к литераторам и фигур литераторов. Ряд стихов Сапгира можно отнести к жанру мемуарной — и мемуариальной — поэзии. Персонажи-художники действуют в написанных в 1995—1996 годах мемуарных поэмах Сапгира «Единоборство», «Блошиный рынок», «Лувр» и «Жар-птица». Одна из последних книг Сапгира, «Три жизни» (1999), несет подзаголовок «мемуары с ангелами, написанные в Красново». Здесь Сапгир возвращается к опытам мемуаров о себе и своей жизни в искусстве, начатым еще в 60-е, в книге «Элегии».¹⁴³ Если стихи в книге «Элегии» — дневник души, полусознательный поток воспоминаний (не случайно часть «Элегий» записана прозой), осмысливание механизмов творчества сквозь призму античной философии, то каждое стихотворение в «Трех жизнях» — тематически и структурно осознанная глава итоговых мемуаров. В этих (метафизических) мемуарах ангелы(-хранители?) Сапгира — художники и поэты.

«Сонеты на рубашках» (1975—1989) — одна из самых известных и цитируемых книг Сапгира — в значительной мере обязана своим появлением дружбе Сапгира с художниками-авангардистами и принятию участия в их акциях. Сап-

гир начертал первые сонеты «Тело» и «Дух» (одновременно литературные тексты и художественные объекты) фломастером на рубашках; они «недолго провисели» в павильоне «Пчеловодство» на ВДНХ (1975).¹⁴⁴ «Сонеты на рубашках» сочинялись двумя волнами; из 80 сонетов, включенных Сапгиром в прижизненное Собрание сочинений, 62 написаны в 1975—1977 гг., остальные 18 были созданы в 1989 году, в пореформенное время. Эксперименты Сапгира с сонетной формой восходят к ранним 1950-м. «<...> Сонет меня всегда привлекал», — рассказывал Сапгир в беседе с А. Глезером. «<...> Я понимал, что сонет — форма очень строгая, но туда можно вложить живое содержание <...> Мне было ясно, что нельзя по старинке эту форму использовать, а надо с ней как-то играть <...>»¹⁴⁵.

Большинство сонетов Сапгира написано ямбами (в основном Я5), но встречаются другие силлабо-тонические размеры (Ам4), тонические размеры (Ткт, Акц), верлибр, а также несколько текстов со (сверх)микрополиметрией. С точки зрения истории стихосложения-стихуслужения и сонетной формы, радикальными отступлениями от канона можно считать всего несколько текстов в «Сонетах на рубашке». Среди них «Сонет-статья» — записанная взятой в кавычки прозой (псевдо-?) статья из советской печати, а также пара «I Новогодний сонет» / «II Сонет-комментарий». В книге несколько сонетов с «минус-приемом», где катрены незарифмованы, а терцеты рифмуются (например, «Путевые впечатления»). (При этом целиком нерифмованных сонетов в книге около 20%, и из них большинство — среди «Сонетов-89».)¹⁴⁶ Есть у Сапгира сонет, в котором недостает одного катрена («Миледи»). Но таких — радикально-экспериментальных сонетов, форма которых открыто бросает вызов традиции, — меньшинство. Большая часть «Сонетов на рубашках» свидетельствует об экспериментах Сапгира в области «обновления» сонета; сонетное кредо Сапгира — последний стих со-

нета «Дух»: «И изнутри трясу его сонет». Именно из экспериментов по *встряске и излому изнутри* сонетной формы явствует основное направление формальных поисков Сапгира в «Сонетах на рубашках», особенно в тех, которые написаны в 1975—1977 гг. и вошли в Парижское издание 1978 года. Степень морфологического разнообразия достигалась Сапгиром главным образом за счет деформации схемы рифмовки. При этом Сапгир прекрасно понимал, что такого рода эксперименты с сонетной формой предпринимались его предшественниками в начале XX века и некоторыми из его современников, и поэтому вполне осознанно шел на «излом» формы.¹⁴⁷

Одна из самых интересных черт «Сонетов на рубашках» — это их язык. Сапгир не раз указывал на то, что его сонеты обращаются к широким пластам речи (сленг, арго, советский канцелярский язык и т. д.) и сталкивают их с «высоким» и «литературным»: «<...> Где в балахоне греком шел Волошин / Хип “ловит кайф” двусмыслен и взъерошен / Письменники здесь пишут похабель / И в самый цвет махровым их идеям / Живую душу сделали музеем / И Планерским назвали Коктебель» («Коктебель»). Многие из сонетов Сапгира именно о динамике превращения «Коктебеля» в «Планерское», о пертурбациях русского языка и культуры в советское время.

В середине 1980-х Сапгир говорил о целой книге под названием «Сонеты и катрены», в которую должны были войти его сонеты, а также четверостишья, которые он сочинял в 1979—1981 годах. Часть метафизических катренов Сапгира вошла в цикл «Путы» (1980), другая — в миниатюрную книгу «Стихи для перстня» (1981), сочиненную по следам ориенталистских исканий поэта. Книге «Сонеты и катрены» не было суждено увидеть свет. Вместе с «Элегиями», «Московские мифы» и «Сонеты на рубашках» — лучшие книги второй трети творчества Сапгира, развивающие достижения его ранних книг.

В середине 1980-х популярность Генриха Сапгира в России была «огромной» и «никакой», в зависимости от того, как ее оценивать.¹⁴⁸ Несмотря на то, что взрослые стихи Сапгира не печатались в СССР, у поэта была громкая слава в литературных и артистических кругах Москвы и Питера. О популярности среди «мэйнстримных» советских читателей судить гораздо сложнее. Поздней осенью 1985 года один из пишущих эти строки (М. Ш.) совершенно случайно узнал — из вывешенного в главном здании МГУ объявления — о выступлении Сапгира в «гостиной» Дома Ученых МГУ. Сапгира представили как «известного детского писателя», который всю жизнь пишет и взрослые стихи. Генрих читал из «Монологов», «Терцих Генриха Буфарева» и переводов (в том числе из У. Блейка). На выступление Сапгира пришло семь-восемь человек, причем одна из слушательниц, пожилая дама, рассерженно хлопнула стулом и ушла в середине чтения.

Авторы этих страниц особенно тесно общались с Сапгиром и его семьей в 1984—1987 годы. Дом, где жил Генрих Сапгир, номер 57/65 по Новослободской улице — массивное детище сталинской эпохи — населяли в разные годы всевозможные знаменитости. Два характерных символа сапгировской мифопоэтики — Бутырская тюрьма в каких-нибудь десяти минутах ходьбы от его дома и здание-башня, в которой размещались дочерние «правдинские» журналы («Работница», «Крестьянка» и др.), — напоминали Сапгиру о годах литературных репрессий. В бывшей квартире академика медицины патологоанатома А. И. Абрикосова Сапгир жил с женой, Людмилой Станиславовной Родовской.

Кроме цикла «Этюды в манере Огарева и Полонского» (1987), в 1985—1987 годы Сапгир особенно любил читать из книг «Черновики Пушкина» (1985) и «Терцихи Генриха Буфарева» (1984, 1987). Вместе с циклом Сапгира «Этюды в манере Огарева и Полонского» (1987), эти две книги,

созданные незадолго до легитимации Сапгира во «взрослой литературе», образуют естественную черту между второй и последней третями творчества поэта. Триада «Черновики Пушкина», «Герцихи Генриха Буфарева» и «Этюды в манере Огарева и Полонского» — самый пик «литературности» Сапгира. Во всех трех книгах ощутим мощный диалогический импульс (скорее нео-, чем постмодернистский), выраженный в желании поиграть в классика и с классикой. В замысле и исполнении «Черновики Пушкина» и «Этюд в манере Огарева и Полонского» — «игры» Сапгира с XIX веком, со временем «Жуковского и Пушкина» и со временем «Некрасова и Фета»¹⁴⁹. Серия «прогулок» Сапгира «с Пушкиным» начинается в 1950-е и продолжается в течение четырех десятилетий, завершившись «Черновиками Пушкина» (1985). Вспоминается наблюдение Сапгира: «А знаете, кто был первым настоящим постмодернистом? <...> Пушкин Александр Сергеевич. У него цитаты бесконечные. <...> Играющий человек».¹⁵⁰ *Homo ludens*.... Следуя «извечному желанию русских поэтов» дописать-переписать Пушкина, в «Черновиках...» Сапгир идет гораздо дальше А. К. Толстого, В. Брюсова, В. Ходасевича, В. Набокова.¹⁵¹ Но это не только диалоги Сапгира с классиками и их текстами, но и археология литературной культуры эпохи романтизма и пост-романтизма. В этом смысле особенно примечателен цикл «Этюд...». Они возникают из попавшегося под руку Сапгиру русского перевода второй строфы «Greisenworte» Людвиг Уланда (1787–1862): «Komm her, mein Kind, o du mein süßes Leben! / Nein, Komm, mein Kind, o du mein süßer Tod! / Denn alles, was mir bitter, nenn' ich Leben, / Und was mir süß ist, nenn' ich alles Tod».¹⁵² У Огарева перевод строфы Уланда озаглавлен «Слова старца» (1843): «Ко мне, мое дитя, ты жизнь моя... / Нет, нет! ко мне, дитя, моя ты смерть. / Ведь все, что горько, жизнью зову я, / И все, что сладко, называю смертью».¹⁵³ Судя по всему, Сапгир исходил именно из перевода

Огарева, минуя немецкий оригинал. Вот 9-е из 15 стихотворений в «Этюдах...», помещенное Сапгиром под эпитафией («Из Уланда»): «Иди ко мне — ты — жизнь моя живая / Уйди — ты — смерть моя — сомлело сердце / Я все что горько жизнью называю / а все что сладко называю смертью». В «Этюдах...» обнаруживается целый ряд реминисценций из стихов Н. П. Огарева и Я. П. Полонского и несколько прямых отсылок. Среди последних назовем стихотворения Огарева: «Стучу — мне двери отпер ключник старый...», ч. VIII и X «Buch der liebe», «Стансы Пушкина. 1826», «У моря»; Полонского: «В гостиной», «На пути из гостей», «Утрата», «Ползет ночная тишина...», «Век», «И. С. Тургеневу». Важную роль в генезисе цикла сыграли описания зимнего Финского залива в ряде произведений Полонского («Полярные льды», «Финский берег», «Зимой, в карете»). Тексты Огарева и Полонского послужили, скорее, поводом для сообщения Сапгира с их временем и эпохой, нежели моделью для эмуляции. Название цикла «Этюды в манере Огарева и Полонского» (наш курсив) не лишено двойной романтической иронии.¹⁵⁴

В «Терциях Генриха Буфарева» «игры» приводят Сапгира к изобретению авторского alter ego (фамилия Буфарев от скрещения двух корней: «бух» («бухать», «бухарик») и «буфф» («буффон», «буффонада»): «Генриха Буфарева я знаю давно, потому что я его придумал. Он мой тезка и мой двойник».¹⁵⁵ Такое масштабное изобретение лирико-эпической персоны роднит Сапгира с творчеством ряда модернистов, к примеру — с великим португальским писателем Фернандо Пессоа (1888—1935) и его персонами-гетеронимами, Фернандо Пессоа, Альберто Каэйро, Альваро де Кампос, Рикардо Рейс, Бернардо Соарес, имена которых стояли на обложках разных книг Пессоа. В «Терциях» («терцины» + «стихи») раскрывается все великолепие Сапгира — его словотворчество, социальная ирония и сатира, его абсурдизм и его лиризм и горькое этическое прозрение героев: «А на дурoge —

дымовозы / и мразогрязь... божба, угрозы — / живьем
корчуют и мостят / Сквозит на взлобье — исинь — ветошь
/ И любят так, что не поверишь / как бы насилуют и мстят»
(«Пельсисочная»).

В период «перестройки» запрет на публикацию стихов Сапгира в «толстых» журналах был снят. Первая отечественная публикация состоялась в декабре 1988 года, в журнале «Новый мир»¹⁵⁶. Через месяц после первой публикации, в январе 1989 года, появляется вторая, монолог «Амадей и Вольфганг» (книга «Монологи»), в журнале «Советский театр», с коротким предисловием Беллы Ахмадулиной. Сапгир, в письме от 20 декабря 1990 года: «<...> здесь меня с трудом, но начали печатать — в разных журналах».¹⁵⁷ В 1989 года Сапгира печатают журнал «Литературная Армения» и московский «День поэзии». В 1990 году в журнале «Огонек» появляется большое интервью с Сапгиром, носившее характер «прорыва». В том же году Сапгира печатают центральные журналы «Огонек» и «Дружба народов» и периферийные — «Радуга» и «Родник». О Сапгире — не только детском, но и «взрослом» поэте — впервые заговорила читающая публика. Начинается триумфальное шествие Сапгира. В 1989-м, в кооперативном издательстве «Прометей» МГПИ им. В.И. Ленина, выходят сразу три книги Сапгира, «Стена», «Московские мифы» (с осторожно-сдержанным предисловием Андрея Битова) и «Сонеты на рубашках». В 1992—1994 гг. появляются первые публикации Сапгира во многих старых журналах, московских и периферийных (но не петербургских!): «Волга», «Знамя», «Октябрь», «Сельская молодежь», «Юность». Издания постсоветского времени — «Арион», «ВОУМ!», «Новая юность», «НЛО» и другие — с энтузиазмом публикуют Сапгира. Сапгир, в письме от 5 июня 1993 года: «Меня издают все толстые и тонкие журналы <...>».¹⁵⁸ В постсо-

ветскую пору Сапгир становится модным и начинает широко печататься в России (см. в Примечаниях список книг Сапгира). Особняком стоят три уникальные, раритетные книги Сапгира: «Пушкин, Буфарев и другие», с иллюстрациями Льва Кропивницкого, «МКХ — мушиный след», с иллюстрациями Виктора Гоппе и «Утренняя философия», проиллюстрированная Виктором Пивоваровым.¹⁵⁹ В этих трех книгах достигнута истинная гармония творчества поэта и художников, — гармония, к которой с юности стремился Сапгир.

К середине 1990-х годов Сапгир занимает положение патриарха московского литературного авангарда. Он широко печатается и много выступает, нередко по несколько раз в неделю. Это было время большого социального и творческого напряжения. В Москве, за восемь месяцев до смерти, Сапгир сделал следующую надпись на 1-м томе своего Собрания сочинений: «Прими мою “бурю и натиск”, если тебе будет интересно, я уже вознагражден. <...> 31 января 1999».¹⁶⁰ «Sturm und Drang» Сапгира не прекращался до последних дней. Среди поэтических книг и циклов Сапгира, созданных в начале и середине 90-х годов, есть бóльшие и меньшие удачи. В таких книгах-циклах как «Новое Лианозово» (1994), «Собака между бежит деревьев» (1994), «Женщины в кущах» (1995) местами видны творческие швы и чертежи, пусть талантливые, но все же швы и чертежи, в которых, порой, слишком выпячен метод (ср. название книги 1991 года «Развитие метода»). Вот пример — стихотворение «Подмосковье» из цикла «Новое Лианозово» (1997): «в подмосковье / талый снег / картина Саврасова / сочится кровью / по весне / песенка Утесова / серый лес / у полотна — / сыро туманно / пора Левитана / и встают / на перекличке — / а вдали районы / белого картона / в тучи прячется / луна — / сброшенные с электрички — / призраки — чудовища / рондо Шостаковича!». ¹⁶¹ Здесь Сапгир будто бы теоретизирует о том, как писать стихи à la Sapgir («Но тогда я не занимался теоретизиро-

ванием», — писал Сапгир в 1998 году о своих поэтических экспериментах начала 60-х¹⁶²). Отвечая на непрекращавшиеся просьбы журналов дать стихи, Сапгир компоновал новые циклы и подборки, в которых порой смешивались старые и новые стихи и повторялись те же самые тексты («Просто я цикловой», — заметил Сапгир в беседе 1998 года).¹⁶³ Поэт торопился возместить упущенное за долгие годы непечатания.

В последнее десятилетие своей жизни Сапгир активно общался с молодыми литераторами, был чаще всего благосклонен, много сделал для литературной легитимации нового, пост-советского поколения. Он был убежден, что поэты нового поколения лучше, чище; что они не отравлены ядом советской эпохи. Нота скорби особенно отчетливо звучит в словах основателя «Вавилона» Дмитрия Кузьмина: «12 октября 1999 года. Сегодня хоронили Сапгира. Это трудно себе представить: так много жизни в нем было. Даже в последние месяцы он искрился и пенился, как шампанское».¹⁶⁴ Именно эти литераторы из поколения родившихся в поздние 60-е — ранние 70-е стали хранителями памяти Сапгира.¹⁶⁵ В то же самое время, Сапгир был жестче и непримиримее по отношению к поэтам советского времени — своим старшим и младшим современникам, даже к тем из них, кто — как Борис Слуцкий или Андрей Вознесенский — принимали участие в его судьбе. «В детскую [литературу Слуцкий путь] указал, а в толстые журналы путь был закрыт», — сказал Генрих пишушим эти строки в Париже, в мае 1995 года.¹⁶⁶ Случайно ли, что предисловии, написанном Сапгиром в 1993 к изданию «виодеом» А. Вознесенского, он дает такую оценку: «В своих видеомах Андрей Вознесенский авангарднее самого себя. Именно они кажутся мне вершиной творчества поэта»¹⁶⁷.

«Вся эта кодла», — так Сапгир отозвался о Союзе писателей советских времен.¹⁶⁸ На тридцать лет у него была утрачена нормальная литературная жизнь. Это была травма, от

которой не избавляют ни воспоминания о былых богемных вакханалиях, ни публикации и поздно пришедшая предсмертная слава. В «Терциях Генриха Буфарева» Сапгир высказал все, что он думал о советских «питутелях» еще до начала «перестройки»: «Питутели приехали в колдоб <...> / Потом читали подыхая мух / места — отдельно — выжимая смех / лыснюк и молодой полустарух / <...> Давай, Бруснюк, дави их эрудитом / в мощь децибел! — и каждого при этом / всенепременно сделай патриотом / Зови, Песнюк <...>» («Поездка в колдоб», 1984). Центральный Дом Литераторов (ЦДЛ) Сапгир не любил всю оставшуюся жизнь, и это чувствовалось во время выступлений и презентаций, на которых ему приходилось бывать. «[К]огда он опускался в буфет [ЦДЛ], ему казалось, что там бродят тени умерших писателей, которые слизывают упавшие винные капли», вспоминает Анатолий Кудрявицкий.¹⁶⁹

«Но, к счастью, в литературу нельзя пустить или не пустить. В литературу врываются иногда, как свежий ветер в распахнутое окно. И веет новым в этой затхлой атмосфере», писал Сапгир в 1992 г.¹⁷⁰ Радовало ли Сапгира широкое признание и публикации последнего десятилетия его жизни? В голову приходит стихотворение его друга, замечательного поэта Яна Сатуновского, не дожившего до публикации своих взрослых стихов: «Хочу ли я посмертной славы? / Ха, а какой же мне еще хотеть! / Люблю ли я доступные забавы? / Скорее нет, но может быть, навряд. / Брожу ли я вдоль улиц шумных? Брожу, почему не побродить? / Сижу ль меж юношей безумных? / Сижу, но предпочитаю не сидеть» (1967).¹⁷¹ Из письма Сапгира 1993 года: «Я попрежнему [sic] думаю, в литературе, как и всюду, много званых, да мало избранных <...>. Но по-моему они все не исключая Самойлова и Слуцкого, в лету — бух! Потому что появятся и уже появились новые свободные страстные поэты <...>. Так что оставим тех вместе с сентиментальным Булатом историкам литерату-

ры. Ведь жизнь течет и не останавливается “на достигнутом” <...>. ...художник должен уметь думать сердцем, рождать новое, а им по большей части слабо. <...> Вот так получается, я еще жестче, еще придирчивей, ведь это прежде всего ко мне относится. Потому много пишу. <...> Одна надежда... <...>». ¹⁷² Зная Генриха Сапгира еще в советские годы невозможно читать эти строки без волнения.

3 октября 1999 г. один из нас (Д. Ш.-П.) позвонил Сапгиру в Москву из Провиденса (США), куда мы эмигрировали в 1987 году. Все эти годы связь не прекращалась, хотя виделись мы всего несколько раз — в Москве и в Париже. Генрих обрадовался звонку, рассказал, что за лето сочинил несколько книг стихов. И много прозы. А в начале лета был небольшой инсульт, но все прошло, хотя еще приходится пользоваться палкой. Генрих сказал, что недавно участвовал в Первом Московском международном фестивале поэзии. ¹⁷³ «Вместе с Рейном часто выступали. Мало нас — стариков — осталось. Ты знаешь, что Холин умер?» И замолчал. Слышно было молчание Сапгира. Последние книги Сапгира холодят предчувствием смерти и горячат осознанием высшей гармонии творчества. Самой замечательной из сапгировских творений 1999 года нам представляются раздел «Стихи с предметами» в книге «Тактильные инструменты». ¹⁷⁴ Ничего подобного в русской поэзии не было.

Принципом действия эти перформативно-медитативные стихи Сапгира напоминают психологические медитативные упражнения, которые проделывают с целью релаксации и снятия напряжения. Такие упражнения пришли на Запад из восточных культур (йога). Они обыкновенно воспринимаются с живого голоса или с записи и предлагают слушателю закрыть глаза и представить себе — именно *представить* — запах разрезанного на две половинки лимона, шум прибоя, теньканье птиц в хвойном бору, аромат только что постриженного газона, ощущение, испытываемое при погружении в ванну или же при

прикосновении тыльной стороной ладони к вельвету, бархату, парче и т. д. Многие из «Стихов с предметами» Сапгира направлены на переход от словесно-предметного к умозрительно представленному в виде визуальных, слышимых и ощущаемых образов: «<...> Наждак грубый, наждак, неструганная доска, соль, песок, наждак мелкий, порох, выворотка, бархат, вельвет, кожа, картон, бумага оберточная, дерево полированное, сатин, шелк, лавсан, бумага, стекло, хрусталь, пластик. Три октавы <...>» («Тактильный опус № 1»). Кроме того, в таких упражнениях нередко предлагается сосредоточиться на одной части тела и снимать с нее напряжение посредством осознанного дыхания и концентрации внимания. Похожий принцип действует у Сапгира: «Волосы. Потрескивает электричество, грозовая ночь в степи. Я слышу, пахнет Крымом и польнейю. // Лоб холодит. Мы идем в Зауральские степи с пронизывающим ветром. // Брови. И — разлетаются чайки над заливом Чарджоу. Тысяча птиц — тысяча красавиц. <...> // Верхняя губа. Дорога в горах. Где палец обрезал осокой у воды на полпути в Тихую бухту. Полуоткрыта» («Губы и руки»). Особая прелесть этих стихов в зыбкости и перетекаемости границ между умозрительностью ощущения и реальным приглашением к (мета)физическому контакту с предметами. «Поэзия в них, — как заметил Борис Колымагин, — неотделима от работы с воображаемым предметом <...>».¹⁷⁵

В последних книгах Сапгир ностальгически возвращается к своим литературным корням, — российским и западным. Каким-то магическим, быть может, самому Сапгиру неизвестным дуновением ветров культуры, к «Тактильным инструментам» тянутся векторы родства от гениальной книги Гертруды Стайн (1874—1946), научившей методу прекрасной лирико-аналитической тавтологии поэтов XX века (см. знаменитую матрицу Г. Стайн «Rose is a rose is a rose» из стихотворения «Sacred Emily», 1913). Вспомним книгу Г. Стайн «Tender Buttons» (букв. «Нежные кнопки», 1914). Из за-

падных литературных гигантов первой половины XX века, Сапгиру особенно близка Гертруда Стайн с ее страстной поп-артистской энергией, ее неутомимой популяризацией «метода», ее близостью к художникам-авангардистам, ее протеизмом, ее убежденностью в собственной первородности. Первые две части «Нежных кнопок» («Objects»; «Food») составлены из записанных прозой коротких и очень коротких стихотворений и коротких рассказов-эссе-стихотворений в прозе; третья часть — более длинная медитация в прозе («Rooms»). Книга «Стихи с предметами» Сапгира, в конце которой появляются стихотворения в прозе, ближе всего первым двум частям «Нежных кнопок», в которых каталогизируются всевозможные предметы и объекты обихода и гардероба («Предметы»: «Графин, то есть слепое стекло», «Коробка», «Длинное платье», «Красная шляпа», «Пианино», «Очки», «Бумага», «Зонт», «Собака» и т. д.) и составные части трапезы («Еда»: «Ростбиф», «Сахар», «Ревень», «Конец лета», «Сельдерей», «Апельсин», «Приправа к салату и артишок» и т. д.). С методом Стайн «Стихи с предметами» Сапгира роднит сочетание конкретности, предметности, с абстрактностью манеры преподнесения читателю этих конкретных деталей и предметов. Более того, в некоторых стихах «Нежных кнопок» Стайн особенно заметна установка на «тактильность» словесного опыта: «Objects: Within, within the cut and slender joint alone, with sudden equals and no more than three, two in the center make two one side. / If the elbow is long and it is filled so then the best example is all together. / The kind of show is made by squeezing».¹⁷⁶ Как Г. Сапгир в Москве, Г. Стайн в парижской полуизоляции долгими десятилетиями ждала своего массового читателя и своего звездного часа, пришедшего лишь за тринадцать лет до ее смерти, когда ей было почти шестьдесят. Вязь инициалов Г. С./G. S. на манжетах судьбы....

Сапгира до конца жизни не покидало чувство перетекания энергии стиха от крупнейших русских поэтов Золотого и Серебряного всков к современному русскому авангарду. Он много размышлял над тыняновским уравнением «архаисты и новаторы», пытаясь вычислить его эстетические и этические компоненты: «Правдоискатель князь Хворостинин / Лжеклассичный Ломоносов / Ученый русский дьяк О! Тредьяковский О! / Мурза самодержавный Державин / Пушкин — полурусский полубог / И Блок — / Кудрявый как цыган профессорский сынок / И Хлебников как хлеб и как венок / И ты и он и все — / Р о с с и я / Р о к» («Похмельная поэма», книга «Элегии», 1967—1970). Посреди застолья он мог увести собеседника в другую комнату и завести оживленный разговор о родстве ритмики Антиоха Кантемира и Иосифа Бродского. Любимыми русскими поэтами Сапгира были: Пушкин, Блок, Северянин, Хлебников, Маяковский, Пастернак, Заболоцкий. Среди его любимых прозаиков особое место занимал Владимир Набоков и его роман «Дар», где «<...> все объемно, трехмерно, можно разглядеть все детали <...> каждую букву, казалось, можно было пощупать. Роман превращается в экран».¹⁷⁷

Классик авангарда?...¹⁷⁸ В этом оксюмороне заключена, быть может, сущность художественных исканий Генриха Сапгира. На эту оксюморонность по-разному указывают коллеги Сапгира и исследователи его творчества. Виктор Кривулин: «Генрих жил как бы между авангардными и классическими тенденциями. <...> Он, в классическом смысле, авангардным ведь не был».¹⁷⁹ Сам Сапгир, говоря о композиторе Альфреде Шнитке (1934—1998), сказал и о себе самом: «У Шнитке мне важно то, что я как раз всегда для себя проповедовал: совмещение классики и авангарда. Я именно в этом всегда ощущал потребность».¹⁸⁰ О выступлении Сапгира 24 сентября 1999 года, на вечере журнала «Арион» в рамках Первого Московского международного фестиваля поэзии, В. Криву-

лин написал страстно и с учетом перспективы соперничества Сапгир (Москва) — Бродский (Питер): «Когда Генрих читал... нет, не читал, вынимал из себя, обнажал, выворачивал наружу эти стихи, что-то явственно произошло в душном, переполненном зале. <...> Я почувствовал, что не могу удержать слез. В жизни не испытывал ничего подобного — может быть, только один раз — в момент первого публичного чтения Иосифа Бродского, осенью 1960 года. Но Бродскому было 20 лет, юношеская энергия тогда переполняла его, никого не оставляя равнодушным. А Генриху исполнилось 70 лет, возраст для поэта запредельный. И однако от него в момент чтения исходила такая же по силе и пронзительности энергетическая волна, как и когда-то — от юного Бродского».¹⁸¹ В книге Сапгира «Конец и начало» (1993) есть такое стихотворение: «глупости! все это глупости / иссяк рог / изобилия булок и женщин — и меня вытряхнуло из пропасти / утро белое и синее / хоть в пустую бочку стучи / ... и в троллейбусе еду один». 7 октября 1999 года, в Москве, Сапгир должен был выступать на презентации антологии «Поэзия безмолвия», куда вошли его тексты.¹⁸² За несколько часов до выступления он нехорошо себя почувствовал, но пересилил себя. «Безумно хочется почитать», — сказал Сапгир по телефону коллеге по литературному цеху.¹⁸³ Сапгир умер в троллейбусе, на руках у своей жены.

Генрих Вениаминович Сапгир был одним из самых ярких и талантливых поэтов XX века. С его уходом исчезла живая, пульсирующая координата всего нашего литературного времени. «У меня есть кредо, — говорил Генрих Сапгир, — больше всего в искусстве ценю божественную свободу, вдохновение».¹⁸⁴

Давид Шраер-Петров,
Максим Д. Шраер
Апрель 2003, Провиденс—Бостон

Примечания

1 «Сапгироведение», которого до середины 1980-х в России практически не существовало, стремительно развивается в наши дни, чему свидетельством сборник «Великий Генрих», выпущенный по материалам выступлений в Георгиевском клубе (Москва) 19 ноября 1999; см.: Великий Генрих (1928—1999): Сборник памяти Генриха Вениаминовича Сапгира / Ред. и сост. Т. Михайловская. М., 1999. За последние полтора десятилетия появилась существенная критическая литература о Сапгире.

Важной вехой стала публикация в Германии книги (с сопровождающей ее аудиокассетой) о лианозовском содружестве; см.: Lianosowo. Gedichte und Bilder aus Moskau / Hrsg. Günter Hirt, Sascha Wonders. München, 1992. Из российских публикаций, важным этапом был блок материалов «Лианозово и вокруг» в «Новом литературном обозрении» (1993. № 5. С. 186—291), а также книга: Лианозовская группа: Истоки и судьбы: Сборник материалов и каталог к выставке в Государственной Третьяковской галерее. 10 марта—10 апреля 1988. Tabakman Museum of Contemporary Russian Art (New York). 15 May—15 June 1998 / Сост. Александр Глезер и Генрих Сапгир. М., 1998. В 1999 году Владислав Кулаков опубликовал свои работы о лианозовской группе, а также беседы с В. Некрасовым, Г. Сапгиром, И. Холиным, в кн. «Поэзия как факт» (М., 1999), куда вошли его опубликованные ранее статьи и интервью: «Лианозово. История одной поэтической группы» (С. 11—34); «Лианозово в Германии» (С. 151—163); «Взгляд в упор. Генрих Сапгир» (С. 324—331).

Сапгироведение развивается в значительной мере благодаря усилиям Ивана Карамазова (создателя сайта Сапгира sapgir.narod.ru; там же размещен текст сборника «Великий Генрих») и Дмитрия Кузьмина (см. страничку Сапгира на сайте Вавилона (vavilon.ru/texts/sapgir0.html)). На сайте sapgir.narod недавно были размещены «Материалы к библиографии Г. Сапгира», составленные Ольгой Филатовой: sapgir.narod.ru/texts/bibliography/filatova.htm. Творчество Г. Сапгира ждет своих дальнейших российских и зарубежных исследователей.

Отметим следующие воспоминания о Сапгире: *Эдуард Лимонов*. Генрих Сапгир // Антология новейшей русской поэзии у Голубой Лагуны / Сост. и ред. Константин К. Кузьминский и Григорий Л. Ковалев. Т. 1. Newtonville, Mass., 1980. С. 283—284; *В[севолод] Некрасов*. Лианозовская чернуха // Другое искусство. Москва 1956—1976 / Сост. Леонид Талочкин, Ирина Алпатова. Т. 1. М., 1991. С. 259—266 (к теме «Сапгир и Лианозово»); *Юз Алешковский*. Памяти Учителя // Литературная газета. 1999. 20—26 октября. № 42/5762. С. 10 (короткая заметка о Сапгире в 1947 году); *Э. Лимонов*. «Индус» с караимом // *Э. Лимонов*. Книга мертвых. М., 2000. С. 65—77; *Виктор Пивоваров*. Влюбленный агент. М., 2001. С. 43—50, 70—78, 95—96, 196, 240, 263—274. *Виктор Пивоваров*. Тетрадь № 7. Холин и Сапгир / / *Виктор Пивоваров*. Серые тетради. М., 2002. С. 223—270; *Кира Сапгир*. Памяти учителя // Стетоскоп. 2000. № 25. С. 39—41. *Давид Шраер-Петров*. Тигр снегов (Генрих Сапгир) // *Давид Шраер-Петров*. Москва Златоглавая. Baltimore. 1994. С. 18—63; *Давид Шраер-Петров*. Возбуждение снов. Воспоминания о Генрихе Сапгире // Таллинн. 2001. № 21—22. С. 3—36; *Максим Д. Шраер*. Генрих Сапгир весной 1993 года // Побережье. 1994. № 3. С. 34—36. Сапгир оставил короткую автобиографию: *Г. Сапгир*. <Автобиография>. Писатели России. Автобиографии современников. М., 1998; последняя (с датой 27 сентября 1999 г.) была также опубликована *Е. О. Путиловой* (*Звезда*. 1999. № 12. С. 72—74); см. также автобиографические заметки Сапгира «Бабье лето и несколько мужчин» (*Г. Сапгир*. Летящий и спящий. М., 1997. С. 312—330). Кроме того, биографическая информация о Сапгире содержится в ряде интервью, данных им в 1989—1999 гг. Мы ссылаемся на них ниже. При цитировании указываются источники только тех стихотворений, которые не вошли в этот том; раздел Примечания содержит библиографические сведения обо всех вошедших в этот том текстах Сапгира и их источниках. Если приводятся две даты, то первая соответствует дате написания, вторая — публикации.

2. См.: *Г. Сапгир*. Лианозово и другие (группы и кружки конца 50-х) // *Арион*. 1997. № 3. С. 85.

3. *А. Вознесенский*. Баллада-яблоня // *А. Вознесенский*. Тень звука. М., 1970. С. 241—244.

Другая параллель «Сапгир—Вознесенский» подмечена Олегом Дарком; см.: *О. Дарк*. Чужой // Великий Генрих. sargir.narod.ru/texts/criticism/dark.htm. Вознесенский откликнулся на смерть Сапгира статьей «Герника Сапгира»: «ушел мой любимый поэт» и процитировал именно «Икар» Сапгира; см.: *А. Вознесенский*. Герника Сапгира // *Общая газета*. № 41. 14—20 октября 1999 (в названии анаграмматически обыгрывается имя Генрих и знаменитая работа Пабло Пикассо 1937 года).

4. Об этом впервые: *Д. Шраер-Петров*. Искусство как излом // *Новый журнал*. 1995. № 196. С. 245—256.

5. См.: *В. Кулаков*. Поэзия как факт. С. 238. Сапгир приводит по памяти свое высказывание из беседы с Андреем Монастырским.

6. См.: *Г. Сапгир*. Сатиры и сонеты // *Новый мир*. 1988. № 12. С. 77—79. См.: *Генрих Сабгир* [sic] // *Грани*. 1965. № 58. С. 118—123; *Poets on Street Corners: Portraits of Fifteen Russian Poets* / Ed. Olga Carlisle. New York, 1966. С. 356—353 (в правописании фамилии Сапгира повторена опечатка из «Граней»: «Sabgir»); по-немецки в австрийском журнале «Die Pestsäule» (1973. № 6. С. 512—513); в сб.: *Freiheit ist Freiheit/Свобода есть Свобода* / Hrsg. Liesl Ujvary. Zürich, 1975. С. 122—133.

7. *Г. Сапгир*. <Автобиография> // *Писатели России*. Автобиографии современников. М., 1998. С. 433. Ср.: *Г. Сапгир*. Рисовать надо уметь, или в искусстве всегда есть что делать. Беседу вела Т. Бек // *Вопросы литературы*. 1999. № 4. С. 144. О детских стихах Сапгира конца 50-х — начала 60-х, см. 4-ю главу («Оттепель в детской литературе, 1954—1968») книги Бена Хеллмана (Ben Hellman), написанной по-шведски: *Ben Hellman*. Barn Och Ungdomsboken Sovjetryssland: Fron oktoberrevolutionen 1917 till perestrojkan 1986. Stockholm, 1991. С. 147—148.

8. *Г. Сапгир*. Андеграунд, которого не было // *Знамя*. 1998. № 6. С. 189.
9. См. подборку переводов из *Дриза*, которую Сапгир составил для антологии Е. Витковского «Переводы века» (М., 1998. С. 644—646).
10. О смысле термина и легенде о гамбургском трактире, где проходят состязания литераторов, см.: *Виктор Шкловский*. Гамбургский счет // *Виктор Шкловский*. Гамбургский счет. Л., 1928. С. 5. В статье-некрологе «Герника Сапгира» А. Вознесенский назвал Игоря Холина и Сапгира «поистине народн[ыми] поэт[ами] высокого гамбургского счета».
11. Своему творческому и биографическому родству с Марком Шагалом Г. Сапгир посвятил эссе «Полеты с Шагалом. Записки поэта» (*Вопросы литературы*. № 2. 1994. С. 177—185).
12. Выражение Сапгира; см.: *Г. Сапгир*. Летящий и спящий. С. 316.
13. *Г. Сапгир*. Стихи и поэмы 1958—1974 // *Собрание сочинений*: В 4 т. Т. 2. Нью-Йорк—Москва—Париж, 1999. Об этом мотиве, см.: *Лев Аннинский*. Тени ангелов // *Г. Сапгир*. Собрание сочинений. Т. 1. С. 7—9.
14. См.: *Генрих Сапгир*. И барский ямб, и птичий крик. Беседа с Евгением Перемышлевым // *Новое литературное обозрение*. 1992. № 1. С. 320—321.
15. Ставшая советским клише фраза из поэмы В. Маяковского «Хорошо! Октябрьская поэма» (1927); см.: *Владимир Маяковский*. Полное собрание сочинений. Т. 8. М., 1958. С. 322.
16. Цикл «Изостихов» Сапгира был частично опубликован в журнале «Черновик» (1997. № 12. С. 48—50); см. также: «Стихотворения на незнакомом языке» в сб.: *Точка зрения. Визуальная поэзия 90-е годы* / Сост. Дмитрий Булатов. Калининград—Кенигсберг, 1998. С. 469—472; *Словорисунок* // *Новое литературное обозрение*. 1995. № 16. С. 258—260. См. также: *Г. Сапгир*. Рисовать надо уметь... С. 145—146.
17. *В. Кривулин*. Комната-текст (к портрету Генриха Сапгира) // *Арион*. 2000. № 1. С. 85. Кроме послесловия к посмертной

публикации Сапгира в «Арионе» Кривулин написал предисловие к его посмертной книге; см.: *В. Кривулин. Голос и пауза Генриха Сапгира // Г. Сапгир. Лето с ангелами. М., 2000. С. 5—16.* Предисловие также опубликовано как эссе в: *Новое литературное обозрение. 2000. № 41. С. 233—241.* Конец предисловия был опубликован ранее в «Литературной газете» под названием «Власть слова»: *Литературная газета. 1999. 13—19 октября. № 41/ 5761. С. 9.* См. также короткую рецензию Кривулина «Голос и Пауза» (Коммерсант. 20 января 2000); и: «От него исходили поразительные лучи любви»: *Беседа <Ивана Карамазова> с Виктором Кривулиным, 20 июня 2000 // sapgir.narod.ru/talks/about/krivulin01.htm.*

18. См.: *Г. Сапгир. <Арсений Альвинг> // Самиздат века / Сост. А. Стреляный и др. Минск; Москва, 1997. С. 366;* см также: *Г. Сапгир. И барский ямб, и птичий крик. С. 321; Г. Сапгир. <Автобиография>. С. 431—432; Мы были богемой, а не диссидентами. Генрих Сапгир в беседе с Ольгой и Александром Николаевыми // Литературная газета. 1998. 20 мая. № 20/5700. С. 10; Г. Сапгир. Рисовать надо уметь... С. 137.* См. также стихотворение Сапгира «Первый учитель» (1999) из книги «Три жизни». Здесь вероятнее всего имеется в виду популярное пособие Георгия Шенгели, ко времени учебы Сапгира в Литстудии прошедшее несколько изданий; см.: *Г. Шенгели. Практическое стиховедение. М., 1923; Г. Шенгели. Техника стиха. Практическое стиховедение. 3 изд. М., 1940.*

19. Момент получения похоронки запечатлен в сонете «Мне 12 лет».

20. *Г. Сапгир. <Автобиография>. С. 432; Г. Сапгир. Летящий и спящий. С. 313—314.*

21. *А. Глезер. Интервью с Генрихом Сапгиром // Г. Сапгир. Собрание сочинений. Т. 2. С. 5.* См.: Самиздат века. С. 406. Подборка Е. Кропивницкого составлена Сапгиром; см. также «Барачный лед» — подборку материалов о Е. Л. Кропивницком в: *Антология новейшей русской поэзии... С. 269—76.*

22. *Г. Сапгир. <Автобиография>. С. 342.* О Кропивницких и Лианозовском круге Сапгир говорил и писал неоднократно. См.

особ.: *Г. Сапгир. Два эссе. Лианозовская группа. Лев Кропивницкий. Евгений Кропивницкий. Ольга Потапова // Стрелец. 1998. № 81/1. С. 158—64; 225—27; Г. Сапгир. Рисовать надо уметь...; Г. Сапгир. <Автобиография>; А. Глезер. Интервью с Генрихом Сапгиром; Г. Сапгир. Лианозово и другие (группы и кружки конца 50-х) // Арион. 1997. № 3. С. 81—87.*

23. В кн.: *Генрих Сапгир. Пушкин, Буфарев и другие. Лев Кропивницкий. Графика. М., 1992 (раритетное издание. 537 пронумер. экз.).*

24. См.: *Г. Сапгир. Рисовать надо уметь... С. 139.*

25. *Кривулин. Комната-текст. С. 84.*

26. К этому же поколению принадлежал бы и побывавший на войне сотоварищ Сапгира по Лианозово Игорь Холин (1920—1999), если бы в 50-е годы он профессионализировался как взрослый поэт.

27. *В. Кривулин. Голос и пауза Генриха Сапгира. С. 7. Кривулин здесь полемизирует с предисловием Льва Аннинского к т. 1 Собрания сочинений Сапгира (М., 1999. С. 5—14).*

28. *Г. Сапгир. Рисовать надо уметь... С. 147; Р. Якобсон. О поколении, растратившем своих поэтов // Смерть Владимира Маяковского. Берлин, 1931 (перепеч.: Вопросы литературы. 1990. Вып. 6. С. 70—98). Об этом стоит призадуматься: по сравнению с большинством своих современников в послевоенной русской поэзии, Сапгир гораздо меньше ориентировался на революционный авангард раннего советского времени (Н. Асеев, Э. Багрицкий, В. Луговской, И. Сельвинский, Н. Тихонов и др.), двигаясь от Хлебникова и Маяковского — через Заболоцкого и обэриутов — к своей собственной поэтике. О Сапгире и Маяковском, см.: *Кривулин. Голос и пауза Генриха Сапгира. С. 7; см. также: А. Глезер. Интервью... С. 6.**

29. *Г. Сапгир. Рисовать надо уметь... С. 139.*

30. См.: *Юз Алешковский. Памяти Учителя.*

31. См.: *Мы были богемой...*

32. Там же. С. 140.

33. Там же. С. 140—141; *Г. Сапгир. И барский ямб, и птичий крик. С. 324.*

34. А. Глезер. Интервью с Генрихом Сапгиром. С. 6.
35. Об этом см.: Д. Шраер-Петров. Тигр снегов... С. 18—24; Д. Шраер-Петров. Возбуждение снов. С. 5—6.
36. Сапгир. Рисовать надо уметь... С. 140—141.
37. Былины: В 2-х т. // Сост., подг. текста, комм. В. Я. Проппа, Б. Н. Путилова. Т. 2. М., 1958. С. 145.
38. Н. Заболоцкий. Столбцы и поэмы. Стихотворения / Сост. Никита Заболоцкий. М., 1989. С. 30. Сапгир, в интервью 1998 года: «Второе художественное явление, ставшее “моим”, Николай Заболоцкий и его “Столбцы”» (Мы были богемой...).
39. Здесь и далее использованы традиционные стиховедческие обозначения: Я — ямб, X — хорей, Д — дактиль, Ам — амфибрахий, А — анапест и т. д.; цифры указывают на число стоп.
40. Письмо Г. Сапгира Д. Шраеру-Петрову. 20 декабря 1990 г. Архив Д. Шраера-Петрова. Провиденс, шт. Род Айленд.
41. О месте обэриутов в творчестве Сапгира, а также динамике процесса «обэриуты — Е. Кропивницкий — Сапгир и другие лианозовцы», см. следующие исследования: В. Кулаков. Поэзия как факт. С. 14—25; Р. Patricia Carden. The New Russian Literature // Russian Literature and American Critics / Ed. Kenneth N. Brostrom. Ann Arbor, 1984. P. 16—17; А. Цуканов. Два поэта и абсурд // Великий Генрих. sapgir.narod.ru/texts/criticism/cukanov.htm; Андрей Ранчин. «...Мой удел — слово». Поэтический мир Генриха Сапгира // Лианозовская группа: истоки и судьбы. С. 161; 164; 169—170. Из обэриутов, Ранчин выделяет поэзию и драматургию Александра Введенского (с. 169) как наиболее близкие Сапгиру.
42. На след «гения банальности» Козьмы Пруткова в стихах Сапгира еще в 1975 году указал Василий Бетаки в предисловии к подборке стихов поэтов «абсурдистов», в которую вошли тексты Сапгира, Славы Лёна, Лимонова и Кузьминского. Бетаки также обозначил параллели между стихами Сапгира и других современных ему русских «абсурдистов» и обэриутами. См.: В. Бетаки. Реальность абсурда и абсурдность реальности // Грани. 1975. № 95. С. 40—54.

43. См. интересное замечание Сапгира о Ионеско в интервью 1993 года: С поэтом Генрихом Сапгиром беседует Игорь Семицвев // Литературные новости. 1993. № 24 (февраль). С. 2.

44. Дословный перевод по изд.: *Samuel Beckett. The Complete Dramatic Works*. London, 1986. P. 14—15. «Творчество Холина кажется мне по духу сродни беккетовским пьесам», — писал Э. Лимонов; см.: Э. Лимонов. Игорь Холин // АНтология новейшей русской поэзии. С. 318. Беккетовские интонации действительно отчетливее слышатся у Холина конца 1950-х — начала 1960-х, чем у Сапгира того же времени.

45. Дословный перевод с франц. по изданию: *Eugène Ionesco. Rhinocéros // Rhinocéros. La Vase. Paris, 1970. P. 9—137*. Указ. цитата на с. 49—50.

46. Целиком опубликована в кн.: *Генрих Сапгир. Лето с ангелами*. М., 2000. С. 17—106.

47. См.: Беседа <Ивана Карамазова> с Иваном Ахметьевым, октябрь—ноябрь 2000; sapgir.narod.ru/talks/about/achmetjev.htm. Характерно категоричное заявление Всеволода Некрасова: «Сразу скажу: для меня Сапгир — Сапгир 1959 года <...>. Сапгир максимальный и, как никто тогда, доказательный. Время было такое — такого потом уже не было. И Сапгир был героем именно этого времени. В поэзии. Точнее — в стихе»; В. Некрасов. Сапгир // Великий Генрих. sapgir.narod.ru/texts/criticism/nekrasov.htm; см. также: *Всеволод Некрасов. К истории вопроса // Новое литературное обозрение*. 1993. № 5. С. 212—222. (Статья датирована 1990 годом).

48. Г. Сапгир. Собрание сочинений. Т. 1. С. 123—124.

49. А. Цуканов. Два поэта и абсурд. Цуканов подробнее исследует два характерных текста Сапгира, «Радиобред» и «Два поэта».

50. Были проанализированы все известные нам опубликованные поэтические тексты Сапгира, включая те, которые не вошли в состав этого тома. Книги «Черновики Пушкина» (1985) и «Монологи» (1982) и переводы Сапгира исключены из анализа стихосложения Сапгира. Кроме того, мы не учитывали «стихотворения в прозе» (со стиховедческой точки зрения — проза), вошедшие в книгу

«Тактильные инструменты» (1999), в конце раздела «Стихи с предметами» («Труба духовная», «Гармоника небесных сфер», «Роковой круг», «Лебедь — летательный прибор...», «Большая машина тишины», «Мост», «Подземный тромбон», «Шуршальник из старых газет», «Египетские ночи», «Замедлитель», «Ускоритель»). Поскольку здесь нас интересует лишь общая тенденция чередования и сочетания размеров, мы не учитывали тип цезуры и клаузулы и рифмовку. Наши подсчеты направлены лишь на передачу общей метрической картины стихосложения Сапгира и нуждаются в дальнейшей детальной выверке специалистами, с учетом и неопубликованных текстов.

51. Из этих текстов, около 55% — Я5, около 20% — Я4, около 10% — Х4, около 5% — Ам4; почти по 2% приходится на Я3 и Х5; около 6% поровну распределены между Я6, Х3, Х6, Ам3 и Д2, Д3, Д4. Процент Я5 так велик главным образом из-за книги «Сонеты на рубашках», где они преобладают. Целиком равностопной урегулированной силлаботоникой написана только одна из одиннадцати поэм («Бабыя деревня», 1958), и почти полностью (на 95%) лишь 2 цикла («Путы», 1980; «Стихи для перстня», 1981, в который Сапгир включал поэму «Вершина неопределенности»). Внутри остальных книг и отдельно стоящих циклов Сапгира, в которые вошло более одного силлабо-тонического текста, наблюдается следующая пропорция текстов, написанных целиком равностопными урегулированными силлабо-тоническими размерами: «Московские мифы» (1970—1974) — около 40%; «Сонеты на рубашках» (1975—1989) — около 80%; «Терцихи Генриха Буфарева» (1984—1987) — около 50%; «Этюды в манере Огарева и Полонского» (1987) — около 50%; «Встреча» (1987) — около 30%; «Дети в саду» (1988) — около 30%.

52. Из написанных тоническими размерами текстов: 40% — разновидности тактовика (Ткт, с преобладанием неурегулированных), 35% — разновидности акцентного стиха (Акц), а 25% — разновидности дольника (Дк). В стилизованных под барочные текстах из цикла «Жития», (примыкающего к кн. «Московские мифы»), Сап-

гир экспериментирует с виршевым стихом и силлабикой; об этом см.: *Андрей Ранчин*. «Вирши» Генриха Сапгира // Новое литературное обозрение. 2000. № 41. С. 242—256.

53. Мы следуем определению свободного стиха, сформулированному М. Л. Гаспаровым; см.: *М. Л. Гаспаров*. Русские стихи 1980-х—1925-го года в комментариях. М., 1993. С. 13. С этой точки зрения наиболее проблематичны тексты в книге «Элегии» (1967—1970), где Сапгир использует знак тире как для ритмического, так и для смыслового членения стихотворений. Эта книга, часть стихотворений которой лежит на границе свободного стиха и метрической прозы, заслуживает подробного стиховедческого разбора.

54. Термин «сверхмикрополиметрия» предложен М. Л. Гаспаровым в связи с поэтическими экспериментами Хлебникова; см.: *М. Л. Гаспаров*. Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. 2-е изд. М., 2000. С. 224—225; о микрополиметрии см.: Там же. 223—226.

55. Мысль, вооруженная рифмами. Поэтическая антология по истории русского стиха / Сост. и ред. В. Е. Холшевников. Л., 1983. С. 11.

56. *Велимир Хлебников*. Творения / Вступ. статья М. Я. Полякова, сост. В. П. Григорьев и А. Е. Парнис. М., 1986. С. 69—70. Из длинных стихотворений Хлебникова, на которые, по-видимому, опирался Сапгир в своих метрических экспериментах, особое внимание заслуживает «Крымское» (1908), с подзаголовком «Вольный размер».

57. *В. Е. Холшевников*. Стихovedение и поэзия. Л., 1991. С. 222—224. Холшевников здесь сравнивает поэмы «Человек» Маяковского, «Ладомир» Хлебникова и «Торжество земледелия» Заболоцкого. О «вольных хорях» Маяковского, которые тоже повлияли на стихосложение Сапгира, см.: *М. Л. Гаспаров*. Современный русский стих. Метрика и ритмика. М., 1974. С. 372—396.

58. *В. Е. Холшевников*. Мысль, вооруженная рифмами. С. 37.

59. Там же. С. 37. См. предисловие М. Гаспарова ко 2-му изданию его «Очерка истории русского стиха» (М., 2000. С. 6).

60. Тенденция к (сверх)микрополиметрии выражена не только у Сапгира, но и его соратника И. Холина, а также Ильи Бокштейна (1937—1999, эмигрировавшего в Израиль в 1972) Олега Прокофьева (1928—1999), с 1971 г. жившего на Западе, и ещё нескольких современных им поэтов русского литературного андеграунда позднего советского времени (Сергей Стратановский, Елена Шварц).

61. М. Гаспаров предполагает, что в экспериментах со сверх-микрополиметрией Хлебников «ориентируется» на «Дозор» Брюсова («Это будет последняя драка [АнЗ]/Раба голодного с рублем [А4] /Славься, дружба пшеничного злака [АнЗ] /В рабочей руке с молотком [АмЗ]»). Он замечает, что «эта тенденция [т. е. сверх-микрополиметрия] не получила развития (хотя подобная игра строками классических размеров встречается в пролетарской поэзии начала 1920-х годов» (Гаспаров. Очерк истории.... С. 224—225).

62. Виктор Пивоваров вспоминает, что на Сапгира в 1967 году «произвела <...> огромное впечатление» книга «Сказки и предания Северного края», собранные и записанные Карнаухова; см.: Пивоваров. Серые тетради. С. 231—32. Речь идет о книге Сказки и предания Северного края / Сост. и ред. И. В. Карнаухова. М., 1934.

63. Г. Сапгир позднее интересовался поэзией Эдварда Лира (Edward Lear. 1812—1888), абсурдистские стихи и лимерики которого он пробовал переводить на русский.

64. Сапгир в интервью 1993 года: «Конечно, как поэт, я сейчас сам по себе. Прежде всего я пытался представить окружающие меня социальные дисгармонии в каких-то новых гармониях, следуя за Хлебниковым и обериутами, которых я считаю современными поэтами. Я в этом был такой же 'лианозовец', как другие»; см.: С поэтом Генрихом Сапгиром беседует Игорь Семицветов.

65. См., к примеру В. Кривулин. Голос и пауза С. 7—9; Иван Кармазов беседует с Анатолием Кудрявицким. Октябрь 2000. <http://www.sapgir.narod.ru/talks/about/kudriavizky.htm>.

66. Константин Кедров, в предисловии к посмертному сборнику Сапгира «Неоконченный сонет», высказал мысль о параллелях между художественным мировоззрением Сапгира и идеями метаме-

тафористов; см.: *Константин Кедров. Поэзия всех миров // Г. Сапгир. Неоконченный сонет. М., 2000. С. 272.*

67. *Ю. Тынянов. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 179.*

68. *Ян Сатуновский. Поэт Генрих Сапгир и его поэма «Старики» // Новое литературное обозрение. 1993. № 5. С. 237 (написано в 1964 г.).*

69. См. интересные наблюдения Сапгира об экспериментах с записью стихов: *Г. Сапгир. Три из многих // Новое литературное обозрение. 1998. № 33. С. 310—312.*

70. Этот пример приводит *Вс. Некрасов*, называя диссонансные рифмы «консонансными»; см.: *Вс. Некрасов. Лианозовская чернуха. С. 260—261.*

71. В своей известной работе *Омри Ронен* определяет паронوماзию (вслед за *Р. Якобсоном*) как «семантическое сопоставление фонетически похожих слов независимо от этимологической связи»; см.: *Омри Ронен. Два полюса парономазии // Russian Verse Theory: Proceedings of the 1987 Conference at UCLA / Ed. Barry P. Scherr, Dean S. Worth. Columbus, OH, 1989. P. 287—295. О. Ронен (С. 287) опирается на определенные В. П. Григорьевым в кн. «Поэтика слова» (М., 1979) две паронимические тенденции: «будетлянская» (с установкой на «обнажение приема») и классическая («блоковская», с установкой на использование паронимии главным образом как «выразительного средства»). *В. Кулаков* касается паронимичности и каламбуризма Сапгира и Холина; см.: *В. Кулаков. Поэзия как факт. С. 33.**

72. *Г. Сапгир. Собрание сочинений. Т. 2. С. 176.*

73. См.: *Владимир Набоков. Собрание сочинений русского периода: В 5 т. Т. 3. СПб., 2000. С. 106.*

74. *The Yale Gertrude Stein / Ed. Richard Kostelanetz. New Haven, 1980. P. 98. Елена Петровская* намекает на некоторые параллели между творчеством *обэриутов* и *Г. Стайн*; см.: *Elena Petrouskaya. The Path to Gertrude Stein in Contemporary Post-Soviet Culture / New Literary Review. 1996. № 27.2. С. 329—336; см. также рецензию Александра Скидана на два русских перевода*

«Автобиографии Элис Б. Токлас» Г. Стайн (Новая русская книга. 2001. № 3—4). Скидан пишет: «Многие из [вещей Стайн] превосхищают опыты дадаистов и обэриутов (особенно “Пьесы” и “Нежные кнопки”)».

75. О корнетворчестве Сапгира впервые написал Петр Вайль в рецензии на «Сонеты на рубашках»; см.: *Петр Вайль*. Брега веселые Сапгира // Третья волна. 1979. № 6. С. 113.

76. *Генрих Сапгир*. Три урока иврита // Диалог. Россия—Израиль. Литературный альманах. Вып. 2. 1997—1998. С. 312.

77. См.: *Генрих Сапгир*. Стихи последних лет // Новое литературное обозрение. 1993. № 5. С. 279—280.

78. См.: *Г. Сапгир*. Московские мифы. М., 1989. С. 5; *Г. Сапгир*. Сатиры и сонеты // Новый мир. 1988. № 12. С. 77—79.

79. О театральности, см.: *И. Кукулин*. Калейдоскоп с бараками, Адонисом и псалмами // sapgir.narod.ru/texts/criticism/crit2.htm.

80. Андрей Ранчин («...Мой удел — слово»): «Поэтика Сапгира вообще кинематографична: многие стихотворения — своеобразные киноэпизоды — с остановленным кадром и обратным движением пленки» (С. 165).

81. Об этом см.: *Л. Аннинский*. Тени ангелов. С. 8; *А. Глезер*. Интервью с Генрихом Сапгиром. С. 7.

82. Андрей Ранчин заметил, что в отношении «ироническ[ой] игр[ы] с литературными цитатами» «концептуалисты <...> — своеобразные последователи автора “Псалмов” и “Сонетов на рубашках”», т. е. Сапгира; см.: *Андрей Ранчин*. «...Мой удел — слово». С. 167.

83. *Г. Сапгир*. Лица соца. Париж, 1990. С. 17.

84. О своей «литературности» Сапгир говорил не раз, в том числе в беседах с В. Кулаковым, Т. Бек, А. Глезером.

85. Ян Сатуновский еще в 1964 году указал на то, что у Сапгира «реальность деформирована»: «Остранены не только отдельные образы, часто остранена вся система. В избытке — сны. <...> Иногда неизвестно — сон или не сон. <...> Шагал. Полет фантазии (или поэзии) на высоте полметра от земли, не больше. Во

сне, помнится, всегда летают на такой высоте» (*Я. Сатуновский. Поэт Генрих Сапгир... С. 237*).

86. О Зошенко, см.: *А. Глезер. Интервью с Генрихом Сапгиром. С. 13*.

87. На это указал П. Вайль в 1979 году; см.: *П. Вайль. Брега веселые Сапгира. С. 116*.

88. *В. Кривулин. Голос и пауза... С. 6*.

89. См.: *Wolfgang Kasack. Sapgir, Genrich Veniaminovich // Dictionary of Russian Literature since 1917. New York. 1988. P. 346—347*.

90. См.: *Г. Сапгир. А напишу-ка я стихи. Смоленск, 2001. С. 46*; *Г. Сапгир. Лошарик. М., 2000. С. 10*.

91. *Г. Сапгир. И барский ямб, и птичий крик. С. 326*.

92. *В. Кривулин. От него исходили...; ср. важные замечания самого Сапгира о месте детских стихов в его карьере: Г. Сапгир. И барский ямб, и птичий крик. С. 325*.

93. См.: *Сапгир. <Автобиография>. С. 436—435*.

94. *Г. Сапгир. Письмо Д. Шраеру-Петрову. 15 декабря 1988. Архив Д. Шраера-Петрова. Провиденс, штат Род Айленд; см. также: А. Глезер. Интервью с Генрихом Сапгиром. С. 12*.

95. *Г. Сапгир. Смеянцы. М., 1995. С. 5*.

96. *В. Хлебников. Творения. С. 54; ср.: Велемир Хлебников. Стихотворения. Поэмы. Драммы. Проза / Сост., ред. Р. В. Дуганов. М., 1986. С. 42*.

97. *Г. Сапгир. Собрание сочинений. Т. 2. С. 177*.

98. *Г. Сапгир. Смеянцы. С. 11*.

99. Выражение поэта Ивана Ахметьева: «И это была совершенно несоветская поэзия. Не анти-советская, а не-советская». см.: *Беседа <Ивана Карамазова> с Иваном Ахметьевым // www.sapgir.narod.ru/talks/about/achmetjev.htm*.

100. См. об этом: *А. Глезер. Интервью с Генрихом Сапгиром. С. 7*. См.: *Л. Аннинский. Тени ангелов. С. 11*. О книге «Псалмы», см. интересную работу: *Д. Давыдов. «Псалмы» Генриха Сапгира и современное состояние традиции стихотворного переложения псал-*

мов (из заметок о поэтике Г. В. Сапгира) // Великий Генрих (sapgir.narod.ru/texts/criticism/davydov.htm).

101. Г. Сапгир. Рисовать надо уметь... С. 147.

102. В. Кривулин. Голос и пауза... С. 9.

103. См., к примеру: *Овсей Дриз*. Слон, запряженный в паром / Пересказал с еврейского Г. Сапгир. М., 1998. См. также книгу: *Овсей Дриз*. Моя песенка. М., 1983; Г. Сапгир. Овсей Дриз // Строфы века-2. Антология мировой поэзии в русских переводах XX века. М., 1998. С. 644—646.

104. Об этом подробнее: Д. Шраер-Петров. Москва златоглавая. С. 311—335; Д. Шраер-Петров. Возбуждение снов. С. 7—8.

105. Вспомним в связи с употреблением Сапгиром ивритских слов упоминавшийся выше цикл «Три урока иврита».

106. См. классическую работу Роберта Луиса Джексона о «Скрипке Ротшильда» (1894) А. П. Чехова, где показано, что в рассказе Чехов обращается к библейской поэзии — поэзии, которая в равной степени апеллирует к русскому (гробовщику-)скрипачу Якову «Бронзе» и к еврею-флейтисту Ротшильду — и таким образом намечает путь еврейско-русского (и иудейско-христианского) примирения: Р. Л. Джексон. «Если я забуду тебя, Иерусалим»: О рассказе Чехова «Скрипка Ротшильда» / Перевод Максима Д. Шраера / Таллинн. 1999. № 13. С. 154—165. Эта статья была впервые опубликована по-английски в журнале «*Slavica Hiersolymitana*» (1978. № 3). См. также концовку «Братьев Карамазовых». В главе VII («Илюша») 10 книги четвертой части романа Ф. М. Достоевского, когда смертельный диагноз уже произнесен врачом, отец умирающего мальчика восклицает: «— Не хочу хорошего мальчика! Не хочу другого мальчика! — прошептал [капитан Снегирев] диким шепотом, скрежеща зубами. — Аще забуду тебе, Иерусалиме, да прильпнет...» (Ф. М. Достоевский. Собрание сочинений: В 10 т. / Под ред. Л. П. Гроссмана и др. Т. 10. М., 1958. С. 68—69). Подробнее об этом, см.: Maxim D. Shrayer. Dostoevskii, the Jewish Question, and *The Brothers Karamazov* // *Slavic Review*. 2002. № 61.2. С. 273—291.

107. Цитируется по изд.: Библия. Книги священного писания ветхого и нового завета. М.: Издание московской Патриархии, 1992. С. 591.

108. *Д. Давыдов*. «Псалмы» Генриха Сапгира...

109. *Allen Ginsberg*. Kaddish // Kaddish and Other Poems. 1958—1960. San Francisco, 1961. P. 7. В дословном переводе: «Странно теперь думать о тебе, ушедшей без корсетов и глаз, в то время / как я иду по солнечной мостовой в Гринвич Вилледж, / в нижнем Манхэттене, ясным зимним полуднем, а я не спал / всю ночь, говоря, говоря, читая Каддиш вслух, / слушая блюзы Рэя Чарльза кричащего вслепую / из проигрывателя / этот ритм этот ритм — и память твоя у меня в голове три / года спустя — И читая последние триумфальные строфы Адоная / вслух — рыдал, понимая, как мы страдаем — <...>».

110. *Ibid*. P. 34. В дословном переводе: «О, мама / о чем я умолчал <...> / прощай / с твоим старым платьем и длинной черной бородой вокруг влагалища / с твоим висящим животом / с твоей боязнью Гитлера / с полным ртом плохих рассказов <...>».

111. О Сапгире как о еврейско-русском поэте см.: *Давид Шраер-Петров*. Памяти Генриха Сапгира // Новое русское слово. 1999. 16—17 октября.

112. См.: *В. Кулаков*. Поэзия как факт. С. 17—34; *Г. Сапгир*. Лианозово и другие; *Ю. Орлицкий*. Генрих Сапгир как поэт «лианозовской школы» // Новое литературное обозрение. 1993. № 5. С. 208—211; *Г. Сапгир*. Не ушел, а приходит // Арион. 1999. № 3. С. 75—76; *В. Некрасов*. К истории вопроса; *Всеволод Некрасов*. Лианозовская чернуха; *В. Некрасов*. К истории русской литературы последних десятилетий // Русский журнал (russ.ru). 1999. 18 марта); *Lianosowo* / Hrsg. G. Hirt, S. Wonders. См. также: «Искусство лезло в парки и квартиры...» беседу [с Генрихом Сапгиром] вела Наталья Загальская // Огонек. 1990. № 25. С. 8—9.

113. *В. Кулаков*. Поэзия как факт. С. 11.

114. «Искусство лезло в парки и квартиры...»... С. 8—9.

115. *В. Кулаков*. Поэзия как факт. С. 328—29.

116. Г. Сапгир. Лианозово // Студия-Studia (Berlin-Москва). 1995. № 1. С. 142—144.

117. Г. Сапгир. Рисовать надо уметь... С. 141—42.

118. Лимонов появляется и в других стихах Сапгира. См., например, стихотворение «Сладкий лимон» из книги «Тактильные инструменты»: «<...> лимон похож по вкусу / <...> на ручную гранату-лимонку / только не взрывается / на фамилию Лимонов — / только он Савенко / на рай — вот он лови!» См. также позднюю прозу «Бабье лето и несколько мужчин»: «Он вычертил линию своей жизни еще в Харькове, как схему пистолета-пулемета, которая висела на стене его комнаты, которую он снимал в Москве, рядом с портретами Мао Цзедуна и Че Гевары, которые были его юношескими идеалами, которые... <...> Иначе седеющий, коротко остриженный, в черной косоворотке — почему он не президент? Почему он только писатель? Интересно, убил ли он кого-нибудь или так и промечтал всю жизнь? Убить не запланировал, думаю, а то бы убил». (Г. Сапгир. Летящий и спящий. С. 315—316).

119. См. предисловия Сапгира к составленным им подборкам в антологии «Самиздат века»: с. 388, 389, 394, 398, 403, 436, 437, 438, 468, 469, 478, 481, 484, 486; см. также: Г. Сапгир. Лианозово и другие.

120. Это подмечает В. Кривулин (Голос и пауза... С. 8—9).

121. В. Сорокин. Норма. М., 2000. С. 460.

122. До 1989 года стихи Сапгира не допускались даже в выпуски московского «Дня поэзии», куда в 60-е годы попадали компромиссные стихи некоторых из его друзей по неофициальным художественным кругам; см.: Александр Глезер. Деревня Прилуки [посв. О. Рабину] // День поэзии. М., 1968. В московском «Дне Поэзии» Сапгир дважды выступал как переводчик Овсей Дриза; см.: Овсей Дриз. В дороге. Певчие птицы / Пер. с еврейского Г. Сапгира // День Поэзии. М., 1968. С. 49; Овсей Дриз. Последний лист. Теннис. Должник. Одинокий сапог / Пер. с еврейского Г. Сапгир [под последним стихотворением переводчик не указан] // День поэзии. М., 1975. 218—219.

123. Сапгир. <Автобиография>. С. 433—34. В 1-м номере «Синтаксиса» наряду с стихами Сапгира из книги «Голоса» («Обезьян», «Смерть дезертира», «Радиобред», «Икар», «Голоса») были стихи А. Аронова, Б. Ахмадулиной, Н. Глазкова, Б. Окуджавы, И. Харабарова, И. Холина и других поэтов — как печатаемых в официальных изданиях, так и не печатаемых.

124. См.: Ю. Иващенко. Бездельники карабкаются на Парнас // Известия. 1960. 2 сентября. С. 4. (В известинской стряпне Иващенко фамилия Сапгира напечатана как «Сабгир»).

125. Сапгир. <Автобиография>. С. 433. См. также: В. Кулаков. Поэзия как факт. С. 330—331.

126. Позднее, в постсоветское время, Сапгир печатался в американских русскоязычных ежегодниках «Черновик» (1991; 1997) и «Побережье» (1994).

127. См. предисловие Сапгира к подборке стихов Бродского в антологии «Строфы века». (С. 473).

128. См.: Двадцать лет спустя: Беседа Генриха Сапгира, Валерии Нарбиковой и Александра Глезера в связи с двадцатилетием издательства «Третья волна» // Стрелец 1997. Вып. 79. № 1. С. 304—310.

129. Сапгир. <Автобиография>. С. 424; см.: Метрополь. Литературный альманах / Сост. и ред. В Аксенов, А. Битов и др. Анн Арбор, 1979. С. 18, 491—499; а также «Путы» с графикой А. Брусиловского (С. 756—759); см. англ. издание: Metropol. Literary Almanac. New York, 1982. С. 5, 417—424.

130. Об этом см., например: В. Кривулин. От него исходили....; см. также: В. Кулаков. Поэзия как факт. С. 331.

131. См.: Андеграунд вчера и сегодня // Знамя. 1998. № 6. С. 172—199.

132. Г. Сапгир. Андеграунд, которого не было // Знамя. 1998. №. 6. С. 188—189. Об этом см. также: «Искусство лезло в парки и квартиры...»... С. 8—9; С поэтом Генрихом Сапгиром беседует Игорь Семицветов.

133. См.: Мы были богемой.... ; см. также: Г. Сапгир. Рисовать надо уметь... С. 146.

134. *Г. Сапгир*. Лианозово и другие (группы и кружки конца 50-х) // *Арион*. 1997. № 3. С. 81.

135. *В. Пивоваров*. Влюбленный агент. Ср. рец.: *Н. Б. Застой* — два. Петит // *Ex-Libris*. Независимая газета. 2002. 7 февраля. С. 5. См. также сходную мысль в дневниках Михаила Гробмана; см.: «Мы не были диссидентами, мы просто игнорировали эту власть». Разговоры Михаила Гробмана о товарищах по живописи и литературе. Беседовала *Лилия Вьюгина* // *Независимая газета*. 2002. 5 сентября. С. 5. Дневники М. Гробмана опубликованы в книге: *Левиафан*. Дневники 1963—1971 годов. М., 2002. В них не раз фигурирует имя Г. Сапгира; см. особ. с. 10—11, 52, 107, 277, 281, 308, 339—340, 362, 363—365, 448, 479, 475, 505. См. также: *Э. Лимонов*. Московская богема // *Антология новейшей русской поэзии...* Т. 1. С. 339; *В. Кривулин*. Золотой век самиздата // *Самиздат века*. С. 342—354; в статье *В. Кривулина*, см. особ. разделы «Андеграунд и самиздат» (С. 345—346); «Без взрослых» (С. 347—450).

136. *Петро Григоренко*. В подполье можно встретить только крыс... Нью-Йорк, 1981.

137. Выражение Сапгира; см.: *А. Глезер*. Интервью с Генрихом Сапгиром. С. 8.

138. См. мини-роман Сапгира «Сингапур» в кн.: *Армагеддон*. М., 1999. С. 9—109; о сильном впечатлении от поездки см. характерные воспоминания *В. Кривулина*. (От него исходили...).

139. *Г. Сапгир*. Два эссе. С. 161. На типологическое сходство Сапгира с Пикассо указал *Александр Глезер* в короткой заметке: *А. Глезер*. Любимец муз и дев // *В новом свете*. 1998. 25—31 декабря; см. также: *Андрей Ранчин*. «...Мой удел — слово». С. 162.

140. См.: *Другое искусство*. Москва 1956—1976. Т. 1. К хронике художественной жизни. Т. 2. Каталог выставки / Сост. *Леонид Талочкин, Ирина Алпатова*. М., 1991. В т.1 представлены материалы о Лианозово, о дружбе Сапгира с художниками и его участии в неофициальных выставках и акциях художников, в том числе на частных квартирах; см. С. 47—49; 74—75; 96; 128; 240—244; 249; 259—260; 259—266; 281; Tallinn—Moskva /

Москва—Таллинн, 1956—1985 / Ed. Leonhard Lapin, Anu Liivak. Tallinn, 1997.

141. *Г. Сапгир*. И барский ямб, и птичий крик. С. 327.

142. См.: *Г. Сапгир*. <Автобиография>. С. 434; Другое искусство. Т. 1. С. 241.

143. Об «Элегиях» см.: *Rosemarie Ziegler*. Genrich Sapgirs Elegie «Archangel'skoe» als Text der russischen Neoavantgarde // Russische Lyrik heute. Interpretationen. Übersetzung. Bibliographien / Hrsg. Eherhard Reissner. Mainz, 1983. С. 187—207.

144. См. предисловие к парижскому изданию «Сонетов на рубашках» (1978); см. также: *А. Глезер*. Интервью с Генрихом Сапгиром. С. 8—9.

145. *А. Глезер*. Интервью с Генрихом Сапгиром. С. 8—9.

146. О «минус-приеме» см.: *Юрий Лотман*. Структура художественного текста. Репринт. Providence, RI, 1971. С. 122.

147. См.: *М. Гаспаров*. Русские стихи... С. 206—211; *М. Гаспаров*. Очерк истории русского стиха. С. 262; 303—304.

148. См. полярные характеристики Льва Аннинского и Виктора Кривулина. *Лев Аннинский*. Тени ангелов. С. 5; *В. Кривулин*. Голос и пауза... С. 6—7.

149. Подразделения М. Гаспарова в кн. «Очерк истории русского стиха». Сам Сапгир называл «Черновики...» и «Терцихи...» «играми»; см. надпись на кн.: *Генрих Сапгир*. Черновики Пушкина. Экз. № 222. (Архив М. Д. Шраера. Честнат Хилл, шт. Масс.).

150. *Г. Сапгир*. Рисовать надо уметь.... С. 146—147. Учтем также ответ Сапгира в интервью 1992 года: «Говорят, что меня относят к модернизму. Я бы относил себя скорее к постмодернизму. Почему? Потому что это течение теперешнее, в котором можно писать различными стилями. Полистиль возможен». *Г. Сапгир*. И барский ямб, и птичий крик. С. 325.

151. Об этом см.: «От него исходили поразительные лучи любви»; *Г. Сапгир*. И барский ямб, и птичий крик. С. 328.

152. *Uhlands Werke* / Herausgegeben von Ludwig Fränkel. Leipzig und Wein., 1893. S. 91.

153. *Н. П. Огарев*. Стихотворения и поэмы. Л., 1956. С. 739.
154. У Сапгира есть еще один цикл из 12 «этиодов», опубликованный в составе книги «Параллельный человек»; см.: *Г. Сапгир*. Летящий и спящий. С. 154—162.
155. Ср.: *Г. Сапгир*. Пушкин, Буфарев и другие. С. 162.
156. См.: *Г. Сапгир*. Сатиры и сонеты // Новый мир. 1988. № 12. С. 77—79. Избранные журнальные публикации Сапгира учтены в Примечаниях. Многие приводятся О. Филатовой; см.: *О. Филатова*. Материалы в библиографии Г. Сапгира.
157. Письмо Д. Шраеру-Петрову. 20 декабря 1990. Архив Д. Ш.-П.
158. Письмо Д. Шраеру-Петрову. 5 июня 1993. Архив Д. Ш.-П.
159. *Генрих Сапгир*. Утренняя философия. Из стихов 1964—67 годов. Рисунки Виктора Пивоварова. [Прага], 1999.
160. Надпись на кн.: *Г. Сапгир*. Собрание сочинений. Т. 1 (архив М. Д. Шраера).
161. Новое литературное обозрение. 1998. № 33. С. 313—314.
162. *Г. Сапгир*. Три из многих // Новое литературное обозрение. 1998. № 33. С. 310.
163. *Г. Сапгир*. Рисовать надо уметь... С. 146. Проблема формирования и семиотики циклов Сапгира очень интересна и достойна отдельного исследования.
164. См.: vavilon.ru/diary/991012.html; см. также Некролог «Вавилона»: www.vavilon.ru/lit/memoria.html#sapgir; *Данила Давыдов*. Большая машина тишины // vesti.ru. 6 сентября 2000. sapgir.narod.ru/texts/criticism/crit5dd.htm.
165. В 2000—2001 гг. в Москве под эгидой «Вавилона» проводились «Воскресенья Сапгира»; см.: vavilon.ru/lit/office/sapgir.html.
166. См. об этом подробнее *Д. Шраер-Петров*. Возбуждение снов. С. 29.
167. *Г. Сапгир*. <Предисловие> // *Андрей Вознесенский*. Видеоомы. М., 1993 [каталог выставки].

168. Самиздат века. С. 468.

169. Иван Карамазов беседует с Анатолием Кудрявицким.

170. *Г. Сапгир*. <Предисловие> // *Давид Шраер-Петров*. Герберт и Нэлли. М., 1992. С. 4.

171. *Ян Сатуновский*. Хочу ли я посмертной славы / Сост. И. Ахметьев, П. Сатуновский, предисл. Г. Сапгира. М., 1992. С. 67.

172. Письмо Д. Шраеру-Петрову. 5 июня 1993. Архив Д. Ш.-П. См. также: Направление души, или можно ли силой духа родить верблюда. Генрих Сапгир отвечает на вопросы Светланы Еремеевой // Литературная газета. 1994. 1 июня. № 22(5502). С. 5.

173. Вместе с Е. Рейном Сапгир выступал 22 сентября в ЦДЛ, 24 сентября в Музее Цветаевой, 26 октября в салоне «Классики XXI века». См.: www.moscow.yabloko.ru/bounimovich/poets_festival.html.

174. Борис Колымагин относит эти стихи к жанру «смешанной техники»; см.: *Борис Колымагин*. Гармоника небесных сфер // Литературная газета. 2000. № 28—29. 12—18 июля 2000. С. 9.

175. Там же.

176. Цит. по изд. *Selected Writings of Gertrude Stein* / Ed. Carl van Vechten. New York, 1972. С. 470; дословный перевод: «Объекты: Внутри, внутри одного лишь резного и изящного сустава, со внезапно равными и не более трех, два в центре становятся одной стороной./ Если локоть длинный и он сжат то лучший вариант все вместе // Такого рода представление делается путем сжатия».

177. См.: *Г. Сапгир* <Предисловие> // *Давид Шраер-Петров*. Герберт и Нэлли. М., 1992. С. 4. Юрий Орлицкий замечает лексические и образные сходства Сапгира и Набокова; см.: *Юрий Орлицкий*. Послесловие // *Генрих Сапгир*. Летящий и спящий. М., 1997. С. 339. Ольга Филатова проводит параллель между стихотворением Сапгира «Трехмерный обманщик» и «Приглашением на казнь» Набокова; см.: *Ольга Филатова*. «И моими глазами увидит...» // *Новый мир*. 1995. № 10. С. 218—220.

178. См. врезку к публикации стихов Сапгира в «Огоньке» в 1990 году: «Между тем, он классик отечественного авангарда (что до сих пор звучит как парадокс) <...>» (Огонек. 1990. № 29. С. 27).

179. «От него исходили поразительные лучи любви». См. также: *О. Д. Филатова*. Г. Сапгир: «Самокритика» текста // Вопросы онтологической поэтики. Потаенная литература. Иваново, 1998. С. 190—195.

180. *Г. Сапгир*. Рисовать надо уметь... С. 148.

181. *В. Кривулин*. Голос и пауза... С. 15—16. О перспективе соперничества Сапгир—Бродский, см., к примеру, *Вс. Некрасов*. Сапгир // Великий Генрих. sargir.narod.ru/texts/criticism/nekrasov.htm; *В. Пивоваров*: «Генрих Сапгир <...> много лет дружил с Иосифом Бродским. Это была дружба-соперничество. И так же, как Бродский представлял собою фигуру поэта в Ленинграде-Петербурге, так в нашем московском кругу фигуру поэта олицетворял Генрих. Однажды он сказал: “Бродский — поэт классический, а я — современный”»; цит. по: *И. Т. [Иван Толстой]*. «Я — поэт современный». Вечер памяти Генриха Сапгира в Праге // Русская мысль. 1999. 21—27 октября. № 4289. С. 13. См. также короткий рассказ-эссе Сапгира о Бродском: *Г. Сапгир*. Попутчик // В новом свете. 1998. 25—31 декабря.

182. Об этом см.: *Иван Карамазов* беседует с *Анатолием Кудрявицким*. См. также: *Антология безмолвия* // Сост., ред. *Анатолий Кудрявицкий*. М., 1999. С. 40—44. В антологию вошли тексты Сапгира: «1 Новогодний Сонет»; «Сонет-комментарий»; «Свидание»; «Молчание»; «Война будущего».

183. Со слов *А. Кудрявицкого*, составителя антологии «Поэзия безмолвия» (1999); см.: *Иван Карамазов* беседует с *Анатолием Кудрявицким*.

184. *Г. Сапгир*. Направление души...

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. ГОЛОСА

Вон там убили человека,
Вон там убили человека,
Вон там убили человека,
Внизу — убили человека.

Пойдем, посмотрим на него.
Пойдем, посмотрим на него.
Пойдем, посмотрим на него.
Пойдем. Посмотрим на него.

Мертвец — и вид, как есть мертвецкий.
Да он же спит, он пьян мертвецки!
Да, не мертвец, а вид мертвецкий...
Какой мертвец, он пьян мертвецки —

В блевотине валяется...
В блевотине валяется...
В блевотине валяется...

.....

Берись за руки и за ноги,
Берись за руки и за ноги,
Берись за руки и за ноги,
Берись за руки и за ноги

И выноси его на двор.
Вытаскивай его на двор.
Вытряхивай его на двор!
Вышвыривай его на двор! —

И затворяй входные двери.
Плотнее закрывайте двери!
Живее замыкайте двери!
На все замки закройте двери!

Что он — кричит или молчит?
Что он — кричит или молчит?
Что он — кричит или молчит?
Что он? — кричит или молчит?..

2. ОДИНОЧЕСТВО

Мигает лампочка у входа!

Тут, на полу, на полках склада
Толь, гвозди и — кому что надо —
Лопаты, пилы, топоры,
Кувалды, кирки и ломы.

Бутылку и стакан — на бочку!
Пьет водку молча, в одиночку.
Лопаты, пилы, топоры,
Кувалды, кирки и ломы.

Очки на лбу. Подслеповато
Глядит. Жена? Была когда-то.

Лопаты, пилы, топоры,
Кувалды, кирки и ломы.

Глядит — и тянутся концами,
Кривыми скалятся зубами
Лопаты, пилы, топоры,
Кувалды, кирки и ломы.

Вдруг инструмента стало вдвое...
Все поскакало вкруговую:
Лопаты, пилы, топоры,
Кувалды, кирки и ломы.

Довольно! Хватит! Надоело.
Лежите смирно. Ждите дела,
Лопаты, пилы, топоры,
Кувалды, кирки и ломы.

Поднялся. Вышел из сарая.
Замок навесил, запирая
лопаты, пилы, топоры,
кувалды, кирки и ломы.

Луна. Леса. Громада стройки.
Барак. Старик уснул на койке.
Лопаты... пилы... топоры...
Кувалды... кирки... и ломы...

3. ПРЕДПРАЗДНИЧНАЯ НОЧЬ

Льву Кропивницкому

Пахнет пирогами. Тихо.
Прилегла и спит старуха.

Из-за ширмы вышел зять,
Наклонился что-то взять.
Мигом сын вскочил с постели
И стоит в одном белье —
Тело белесет.
Вдруг
Зять схватил утюг.
Хряк! —
Сына сбил с ног.
(Крикнуть порывалась,
Но пресекся голос,
Встал отдельно каждый волос!)
Зять глядит зловеще:
«А ну, теща, отдавай мои вещи!»
Надвигается на тещу —
И не зять, а дворник —
И не дворник, а пожарник.
За окном кричат: Пожар!
Запевает пьяный хор
В багровом отсвете пожара
За столом пируют гости.
Зять сидит на главном месте.
Рядом с ним соседка Вера
Хлопает стаканом водку.
Зять облапил, жмет соседку.

Целовать! Она не хочет,
Вырывается, хохочет.
Зять кричит: «Женюсь, ура!
А законную жсню
Из квартиры выгоню
Или в гроб вгоню!»
Галдеж: «Давно пора!»
В комнате все жарче,
Ярче.
С треском лопнуло стекло.
Дымом все заволокло.
Лица,
Глаза, разинутые рты —
Все проваливается...

В солнце половина комнаты.
На столе блюдо —
Пирогов грудя.
Сын стоит в одном белье.
Из-за ширмы вышел зять,
Наклонился что-то взять:
— Эх, погодка хороша!
— С праздником Вас, мамаша.

5. «ОБЕЗЬЯН»

«На что жалуетесь, гражданка?
Была она баба бойкая, а тут
будто язык отнялся. Стоит,
плачет — ничего сказать не
может. «Дай ей новую
квартиру и десять тысяч от
моего имени».

(Из народного фольклора)

Вышла замуж.
Муж, как муж.
Ночью баба
Разглядела его, по совести сказать, слабо.
Утром смотрит: весь в шерсти.
Муж-то, господи прости,
Настоящий обезьян.
А прикинулся брюнетом, чтобы значит,
Скрыть изьян.
Обезьян кричит и скачет,
Кривоног и волосат.
Молодая чуть не плачет.
Обратилась в суд.
Говорят: нет повода...
Случай атавизма...
Лучше примиритесь...
Не дают развода!

Дивные дела! —
Двух мартышек родила.

Отец монтажник-верхолаз
На колокольню Ивана Великого от
радости залез

И там на высоте,
На золотом кресте
Трое суток продержался, вися на своем
хвосте.

Дали ему премию —

Приз:

Чайный сервиз.

Жена чего не пожелает, выполняется любой
ее каприз!

Что ж, был бы муж, как муж хорош,
И с обезьяной проживешь.

6. ПРЕМЬЕРА

Начинается премьера —
Драма Шекспира,
Мольера
И Назыма Хикмета.
Героиня Джульетта,
Дочь короля Лира,
Любит слесаря Ахмета.
Ахмет не любит Джульетту.
Ахмет встречает Анюту...
В эту самую минуту

Побелела, как стена,
Крикнула: «Боюсь отца!»
Публика накалена.
Режиссер волнуется.
Дело близится к развязке.
Вот Джульетта в черной маске...
Отравлена Анята!
Ахмет ее за это...
Зарезана Джульетта,
Король казнит Ахмета.
не выдержали нервы —
Режиссер схватил рапиру,
Бросился на сцену.
— Варвар!
Одним ударом
Покончил с Лиром.
Сам

Охвачен пафосом —
Продолжает монолог
Оскорбленного отца.
(Публика беснуется.)
Вдруг
Провалился в люк.
(Публика неистовствует.)
Справедливость торжествует.
И хохочут фурии
В храме бутафории
И визжат эринии
У трамвайной линии.

7. ИКАР

Скульптор
Вылепил Икара.
Ушел натурщик,
Бормоча: «Халтурщик!»
У меня мускулатура,
А не части от мотора».
Пришли приятели,
Говорят: «Банально».
Лишь женщины увидели,
Что это — гениально.
— Какая мощь!
— Вот это вещь!
— Традиции
Древней Греции...
— Сексуальные эмоции...
— Я хочу иметь детей
От коробки скоростей!
Зачала. И вскорости
На предельной скорости,
Закусив удила,
Родила
Вертолет.
Он летит и кричит —
Свою маму зовет.
Вот уходит в облака...
Зарыдала публика.
**ТАКОВО ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ
ВОЗДЕЙСТВИЕ ИСКУССТВА!**
Раскланялся артист.
На площади поставлен бюст —

Автопортрет,
Автофургон,
Телефон-
Автомат.

8. ДВА ПОЭТА

На дороге
Волочится воловья шкура.
В овраге
Лежит ободранная туша,
Ноги кверху задраны,
На осине голова.
Глазеет бритая сова.
К реке идут Сапгир и Холин.
Смеется филин
Над простофилями.
Овечья шкура удаляется,
Под ней лопатки
Выделяются,
Четыре палки
Передвигаются.
Поэт Холин заявил:
«У меня возникло подозрение,
Что это — обман зрения».
Но по мнению Сапгира,
Эта шкура
Не собачья,
Это человеческая
Кожа, из которой шьют перчатки,
На пятки ставят заплатки,

Вьют спирали
На электроплитки;
Пергамент, на котором

Вырубают правила морали
Топором!.....
А корову все же ободрали
Несмотря на прописи морали.
Хохочет Холин,
Хохочет филин,
Хохочет эхо

Бычья шкура лопается от смеха.
И в лесу становится тихо.

9. ГРУЗИНСКАЯ ЗАСТОЛЬНАЯ

Грузин
Зарезал армянина.
Армянин — враг,
Прокурор — друг,
Адвокат —
Брат,
Заведующий магазином
Приятелям рад.
За бутылкой Гурджиани —
Цинандали, Тибиани,
Хванчкара, Вазисубани,
Что-то мутное с Кубани,
Снова ящик Цинандали
И так далее...

...и Марину и барана!
— За здоровье армянина!
— Ты мне друг, враг?
— Я тебе брат, Брут.
— Русским не простим обиду!
— Грек
Воюет за свободу!
— Суд — хороший человек.

10. ПЕТР И КЛЕОПАТРА

Зал кинотеатра.
Драма ПЕТР И КЛЕОПАТРА.
На полотне вместо
Петра —
Пустое место.
Рокочут трактора —
С фонарями ищут Петра.
Венера в ожидании
Тюремного свидания.
Входит Петр
Небрит.
Говорит
Адвокат:
«Обратите внимание
На форму черепа —
Репа.
Подзащитный от рождения
Был невинен, как жопа».
Крики:
— Мы не дураки! —

Дамы в обмороке.
У Верховного судьи
Вырос
Волос
Метра
На три.
— Это что за пугало? —
Мода: все обриты наголо!

Актриса
Лыса.
В темпе скерцо
Сделал предложение
Руки и сердца —
Потерпел поражение.
С горя вырвал на себе все волосы
И удалился за кулисы.
Снова человечество
Ждет: еще чудачество.
В небо трубами — орган.
Играют фугу Баха.
У конференсье из уха
Вырастает половой орган.
Вопль из партера.
Автор трубит отступление...
Петр и Клеопатра
Маячат в отдалении...
Зал в недоумении...
Ни фантазии, ни смысла.
Судьи, улыбаясь кисло,
Смотрят тем не менее.

11. ГЕРОСТРАТ

На улицах иллюминация.

— Это Афины?

— Нет, не Афины.

— Это Венеция?

— Нет, не Венеция.

Тут на башенках антенны,

На колоннах микрофоны.

Музыка играет,

Публика гуляет,

Пьяные горланят,

Подростки хулиганят.

Юбка выше

Колен,

Проститутка в нише

У колонн.

К террасе ресторана

Подъехала машина.

Глядя на море, мужчина

Женщине сказал солидно:

«Настали дни спокойствия и мира,

Это очевидно».

Женщина сказала:

«Сыро.

Хочу шампанского и сыра».

В темноте завывала сирена.

Кто-то вышел из вагона.

— Говорят:

Герострат

Поджог
Рейхстаг!
— Где горит? —
Спросила:
— Около вокзала?

— Нет, — сказал мужчина, — это
Совсем не в нашей части света.

12. КЛЕВЕТА

Напечатали в газете
О поэте.

Три миллиона прочитали эту
Клевету.

Незнакомцы,

Незнакомки,

Шлют поэту:

Анонимки:

— Спекулянт!

— Бандит!

— Убийца!

— Печать не может ошибаться!

— А еще интеллигент...

— Справедливые слова.

Общественность — она права. —

Сказали чукчи и эвенки.

Редактор не подал руки...

Друзья-интеллигенты

Поэту принесли венки
И траурные ленты.
А поэт пропал без вести
Говорят,
Уехал в гости.
Ни покаяния,
Ни завещания,
На двери
Три
Буквы —
На прощание.

На окраине Москвы
На шоссе
И в лесу
Поутру
По росе
Идет бандит и спекулянт:
Каждая росинка — чистый бриллиант!

Хорошо убийце
На зеленом лугу!
В солнце
Лес дымится
На другом берегу.
Посвистывает птица —
Газеты не боится!

13. БУТЫЛОЧНЫЙ ПЕЙЗАЖ

На острове
В густой траве
Стоит дощатая палатка.
Перед ней — бидон и лодка.
На откосе острова
Два заезжих рыболова
Пьют бутылочное пиво.
На песке блестят осколки.
По волнам плывут бутылки.

— Клюет?

— Не клюет.

Артист

Поет.

Приятель носом клюет,

Храп и свист

Издает

В три

Ноздри.

— Смотри,

— Клюет!

— Артист!

— Поет!

Пьют с утра.

Жара.

В палатке

Закрыты ставни.

Приехал

Хахаль
Из деревни
На моторной лодке.
На прилавке —
Поллитровки.
На стене стучат часы-ходики.
— Эх, ехал Жора
На пароходике!..

Жара.
В бутылках киснет пиво.
Уснули оба
Рыболова.
Из травы торчат носы.
Проплывает мимо рыба,
Усмехается в усы.

14. НОЧЬЮ

На Тишинском рынке ночью —
Тишина.
В Замоскворечье —
Ни души.
И на площади Свердлова
У колонн —
Никого.
Иду к заводу Лихачева.
Ни Лихачева,
Ни завода —
Вода
И больше ничего.

Лишь собака лает где-то
Возле Университета.

15. ПОСЕЩЕНИЕ

Ночью
Собрались в амбаре.
Всякой твари
По паре.
Архангел протрубил в трубу!
И вот посередине —
В исковерканной автомашине —
Сидит Христос —
Очки на лбу.
Живой Иисус
Читает лекцию
О боге
Ругает местные дороги,
Автоинспекцию,
Начальство
И налоги...

В общем, было решено,
Что на свете жить грешно.
Под знамена старой веры
Встали пенсионеры.
Запели на мотив «Катюши»
Псалм «Очищение души».
Глаза на лоб —
У Верки-дурочки!
Посередине —

На иконе —
Автомобильные очки!
В полутьме амбара
Засияла
Фара!
Толпа шарахнулась, заголосила...

Сказал, прощаясь, лектор
Виктор:
— Ждите страшного суда
Скоро.
Но вместо голода и мора
Сюда
Пришлю я прокурора!..
Автомобиль задрал
Нос,
Дал
Газ,
Петровну зацепил крылом,
Полез
В пролом.

— Христос, скорей! —
Кричали все.
И видел пьяный возле клуба,
Как бог
Летел
На колесе,
Возносясь
В ночное небо.

16. БЫК

Подслеповатый Цыферов
На площади пасет
Коров.
— Куда тебя несет,
Холява?
Под троллейбус попадешь!
Улыбается корова.
Гена высунул язык.
Тут к нему подходит бык.

Этот бык миролюбиво
Предлагает выпить пива.
Зашли в соседнюю пивнушку.
Бык выпил кружку.
Окосел.
Стучит о стол
Своим хвостом
И требует долива
Пива.
— Ах ты, говорит, корова!

Подбоченилась торговка.
Появилась поллитровка.
Выпил бык —
С ног
Брык!
Лежит
В луже,
Лижет осколки
Бутылки.
А Цыферов,

Обняв быка за шею.
— Я, говорит, страдаю!
— Я, говорит, тебя сейчас забодаяю!
— Мы, говорит, мы-ык!

И потрясенный бык
Рыдает,
И звезды падают,
И спутники
Летают,
И совещаются преступники.

17. СУД

Беседую, как с другом,
С Богом.
Но верю лишь своим
Ногам.
Они несут меня, несут
На площадь —
На Великий Суд.
— Что случилось?
Кого собираются вешать?
Отвечайте же скорее!
— Говорят,
Казнят
Еврея.
Спрашиваю одного героя:
— Неужели всех
Врачей? —
(Смех.)

— Рабиновича?
Рабиновича.
— Абрамовича?
— Абрамовича.
— А Гуревича?
— И Гуревича
И Петрова Ивана Петровича...
Покосился этот тип.
Холодный пот
Меня прошиб.
— Ты сам, случайно,
Не сектант?
Товарищи,
Интеллигент! —
Тут окончилась война,
И началась такая бойня,
Что даже Бог —
Мой лучший друг —
Никого не уберег.

У Бога есть один дефект:
Его смущает интеллект.

18. В РЕСТОРАНЕ

Стол
Похож на белый стул.
Бокал
Похож на унитаз.
Мой нос
Похож на множество носов.

И на меня похож
Мой собеседник Носов.

А гладкие рожи
Похожи...
И губы соседки
Похожи...
Я пьян?
Нет, я в своем рассудке.
Сравнения бывают и похуже...

А ресторан
Похож на сон.
Пьяный гам
С джаз-оркестром пополам
Удивительно похож на шум.
Офицер
Похож на официанта,
Швейцар
Похож на лейтенанта.

Мы все похожи друг на друга:
Друг
Похож на врага,
Враг
Похож на друга.
Ненависть похожа на любовь,
Вино пролитое — на кровь.
И только нож
Похож
На нож.

19. КАК УКРАСИТЬ СВОЮ КОМНАТУ

Возьмите Лайф и Огонек
И на стенку
Клейте смело
Картинку,
Обложку старого журнала,
Рентгено-снимок
Со звезды
И снимок
С кинозвезды.
Улыбается приятно.
Приклейте рядом
Аккуратно
Географическую
Карту,
Анатомическую
Морду,
Статью
«Последствия аборта»,
Афишу
«Детские поэты»...
Не вижу
Бороды Фиделя Кастро.
Быстро
Все переиначьте!
Присобачьте
Бороду на самом видном
Месте!
В лоб актрисы вбейте гвоздь —
И на гвоздь

Пейзаж повесьте.
Хорошо теперь!
Видна
Вся ненецкая страна.
Пестро сплошь —
Даже двери
Не найдешь.
И со стен десятки глаз
Весело глядят на вас.

20. ПОЭТ И МУЗА

Собралась компания —
Литобъединение.
Поэт на стол залез.
Вокруг расселись
9 муз:
Кроме музыки
Музыки —
Муза
Физики,
Муза
Математики,
Муза
Электроники,
Муза
Кибернетики,
Муза
Бионики,
Муза
Космической войны,

Муза
Общей тишины
И девушка по имени Муза.

— Стихотворение
«Завихрение».

Винт
Винтообразно
Ввинчивается...»

Фса, фсса, ффссса!
Музы: — Мало пафоса.
Поэт: — Продолжать дальше?
Музы: — Продолжайте. Больше
Фальши.
Поэт: — Винт завинчен до отказа.
Тормоза.
Рванул
Реваноль.
Боль!
Моя голова!
Не крутите слева направо!
Крац.
Крец.
Свинтил ее подлец!
Зараза!
Конец...

Девушка по имени Муза:
— Прекрасное стихотворение!
Поэт: — А ваше мнение?
— Вздо - о - ор!
Гласит античный хор.

Поэт превращается в белку,
Прыгает на книжную полку.
Говорит об ощущении,
О том,
Что современность — это фантом...
Музы выражают свое возмущение.
Поэт:
— Нет,
Никогда я не был дилетантом!

21. СОЛДАТЫ И РУСАЛКИ

Старшина привел солдат
На пруд.
С другого берега орут:
— Ог-го-го! Плывите к нам! —
Это девки из поселка.
— Старшина, мы — ненадолго. —
Отлучились за вином...

На лугу — гуляние,
А в лесу — свидание.
Кусты трещат.
Труссы трещат.
Солдат Марусю тащит
В чащу.
Везде — разбросанные вещи.
И порожняя посуда.
Свобода! Свобода!
Ефрейтор и Лида
Притихли в траве.

Он ее не выпускает,
И она его ласкает
По арбузной голове
Заскорузлою рукой.
Вдруг нарушил их покой
Крик:
— По команде становись! —

Выбегают из кустов бузины,
Лезут из воды,
Второпях
Надевают штаны,
Строятся в ряды.
В кустах
Ликует плач и смех...

Идут. Пылят. Поют в поселке.
Портянки плавают в пруду.
Очевидно, все русалки
Забеременеют в этом году.

22. КИРА И ГАШИШ

Кира
Накурилась гашиша,
Не соображает ни шиша.
Смеется, заливается!

Иодковский удивляется:
— Кира!
Что с тобою, Кира?

Я — не Кира.

Я — Тамара!

Взвизгнула так,
Что другое полушарие
Ощутило биоток.

— Выключайте солнце!
— Начинаем танцы!
(Поехали китайцы, китайцы,
Китайцы...)

Эльвира
В образе японки
Смотрит на партнера —
Вора.

Улыбаются коленки:
— Хи!
Слабый пол

Свалился на пол.
Декламирует стихи.

Схватили вора.
Бьют Сапира.

Обливаясь кровью, вор
Хохочет,
Клянется, что всех
Изувечит,
Как бог
Черепуху.
(Китайцы померли со смеху).

Ура, китайские эмоции!
Продолжение — в милиции
Дело пахнет гашишом.

Гейша
Пляшет нагишом
На столе
Начальника паспортного стола!

Все тонет в волнах гашиша...
Лишь
Фигура Иодковского
Возвышается на площади Маяковского.

23. УТРО ИГОРЯ ХОЛИНА

На постели
Лежит
Игорь Холин —
Поэт
Худой, как индус.
Рядом Ева — без
Трусов.
Шесть часов.

Холин, закрыв глаза,
Сочиняет поэму
Экстаза: —
Му!
Ева
Лениво

Повернулась к нему:
— Холин, ты в своем уме?
— Мар!
— Мор!
Миру мир! —
Открылась дверь
Вошел Сапгир.

Индус приветствует приятеля:
— Здорово!
Сапгир, полюбуйся, как Ева
Красива!
У бедняжки
Груди —
Пушки.
Гляди,
Какая линия бедра
У ней в седьмом часу утра. —

Сапгир глядит,
Как троглодит.
Он
Поражен.
Мелькнул за углом...
Бежит в магазин...
Между тем
Игорь и Ева занялись тем,
Чем занимался с Евой
Адам.

Вернулся Сапгир, потрясает
Белоголовой
Бутылью.

Холин и Ева потрясают
Постелью.
Сапгира это потрясает!
Стекло окон сотрясает
Экскаватор.
— Тар!
— Тор!
Таратор!

Ева говорит: — Кошмар!
Холин: — Моя поэма.
Ева говорит: — Мама!
Исчерпана тема.
Холин зевает.
Сапгир выпивает.
Ева
Не говорит ни слова.

24. МАРТ

Воздух стал нежней
И чище.
Люди умирают чаще.
Во дворе больницы
Радуются
Птицы.
Сапгир чирикает,
Танцует, прыгает.
Ведет себя развязно
Пустая оболочка.
К ноге привязана

Дощечка.
Вы догадались.
Сапгир, конечно, умер давно.
Вы тоже веселились,
Пили вино.
Вдруг
Чашка выпала из рук.
Плывете в незнакомый мир.
Впереди плывет Сапгир.
Здесь некоторые вещи
Кажутся гораздо проще.
Например,
Тело
Свободно проникает в стены,
Скалы
И древесные стволы.
Не пьет и не ругается.
Свободой наслаждается.
Здесь хорошо!
В тени берез
Прогуливается
Туберкулез.

25. ПАМЯТНИК

Пьедестал.
На пьедестале
Стул.
На стуле
Всем на обозрение
Страшилище —

Влагалище
Косматится гривую гения.

Вокруг
Разбит цветник.
Приятель говорит приятелю:
— Это памятник
Писателю. —

Дебаты возле монумента.
Толпа окружила студента:
— Крикнул: Надоели!
Умер
На дуэли. —

Двое роняют на мрамор
Цветы.
— Люблю.
А ты?..
Поэты
Вышли из училища.
Поэты
Смотрят на влагалище.
Поэт сказал:
— Фигура гения
Во мне рождает вдохновение.

26. БУКЕТ

Науму Олеву

— Кто там?
— Это я. Привет.
Ноль пришел ко мне с букетом
Замороженных цыплят.
Меня смущают птицы,
У птиц такие лица!
— Одевайся поскорее,
Прошвырнемся по «Бродвею». —
Предлагая голый веник,
Говорит мой ученик.
Что ж, пошли —
Два еврея;
Я и Ноль,
Я и моя зубная боль,
Я и 88!
Любопытные глядят,
Что такое мы несем?
Букет?
Цыплят?!
Девушки, глядите:
Это —
Цыплята,
Размышляющие о конце света,
Цыплята
С грустными глазами,
Цыплята
С длинными носами,
Которые носили
Талес,

Которые плясали
Фрейлехс,
Которых убивали
В гетто.
Цыплячьи детские скелеты...
Так и гуляем:
Я и Ноль,
Я и моя зубная боль,
Я — и красавец-тунеядец
С останками нелепых птиц.

Из книги **МОЛЧАНИЕ**
1963

27. ПАМЯТИ ОТЦА

И времени больше не стало...
Это не ново.
Это случается часто —
По заявлению Иоанна Богослова
И примечаниям Екклезиаста.

Под синим небом Вострякова
Белело
Неузнаваемым лицом
То,
Что было
Моим
Отцом.

Для нас
Был час.
А для него?
Ничего?

Во избежание лишней тряски
Гроб погрузили на салазки,
Не спеша
Покатили
К могиле.
Раввин

Все обращался к тебе: — Беньямин!
Сын Файвыша!
Но молчало
Тело.
Без имени?
Без рода и племени?
Неужели не стало времени?

28. СНЕГ ИЗ ФОНАРЯ

Днем
Вниманье к мелочам
А по ночам?

Днем совсем другие мелочи
Что-то вроде медной мелочи
Даже лица
Забываются

Фонарь
Выхватывает из мрака
Улицу белую как собака

Под фонарем
Мелькает снег

Снег
Сыплется из фонаря
Я думаю:
Си-ва-но-ря
Она куда-то убегает
А он горит и не мигает

А мы его не замечали
Когда с приятелем скучали
Когда Людмила
Приходила
Мельтешили и мельчали

Ссорились
Сиваноря!
Сыпались
Из фонаря

Теперь
Совсем другое дело
Фонарь
Слепая сила
Света

И кажется
Все фонари

Си-ва-но-ри
Бежит куда-то

29. БОЧКА

В пустыне Гоби
Забыта пустая железная бочка

В небе
Ни облачка

Красная глина
Дымится равнина

Ветер задувает
Бочку задевает
Покатилась бочка

На дороге блюдо
Череп
Верблюда
Хряп
Подскакивает бочка

Орел — одиночка
Видит
В пустыне катится бочка

Ветер гонит пыль
Колючки
Подталкивает бочку
Кочка
Кочка
Подпрыгивает бочка

Розовые скалы
Сучья саксаула
С восхода до заката
Катится бочка
Избита
Измята

Бочку швыряет налево
Направо

И восьмисотметрового
Обрыва

Круто описав духу
Легла на каменном лугу

Из песчаной глыбы
Ящер скалит зубы
Как собачка

Посредине
Пустыни —
Еле заметная точка
Бочка

30. СУЩНОСТЬ

Белый свет не существует
Он в сознании торжествует

Вот
Предмет
Смотришь —
Нет

Каждое мгновение
Это пожирание

Стол —
ол —
Растворился и ушел

От зеркала
Осталось —
ло

В книге —
Ни
Одной строки
Только чистые листы

И знакомое лицо —
Ни начала ни конца
А любимое лицо —
Все равно что нет лица

Но
Остается
Карта сущности

Я видел карту
Это в сущности
Слепое белое пятно
Слегка вибрирует оно

31. ТЕЛО

На площади Революции
И на прилегающих к ней улицах
На солнце
В толпе переливалось и блестело
Тело
Похожее на цеппелин
Его баюкали
Несли
Подталкивали словно детскую коляску
Иные отходили прочь
Другие подходили

Проходили очень близко
Заслонив глаза от блеска
Как бы желая помочь
Несущим
А те
Не замечая ноши
Бродили в полной темноте
И говорили о насыщенном
Хлебе
О горячем небе
Блестели
Сумки и портфели
И все никелированные части
Автомобилей
И даже на подошвах гвозди
Блестели
В этом непонятном теле

И мужчины с коробками
И хозяйки с покупками
И дети с немытыми лапками
Существовали
В этом теле
А девушки
Раскрыв глаза — ловушки
Насквозь летели

И все намеченные цели
Соединялись
В этом теле!
И если бы оно погасло
Как масло
Все бы растеклось

Длинноногая
Нагая
Белая
Кисти рук большие загорелые
Ты трогаешь меня
Руками трогая

Всего руками обнимаешь
И весь
Я здесь

Нутром буквально понимаешь
Что вот
Я тут

Обнимаешь все мои движения
Понимаешь до изнеможения
И далее
Где ничего уже понять нельзя
Полузакрыв глаза
И полу-улыбаясь
Ты понимаешь все
Почти не ошибаясь

33. СТИХИ ИЗ КАРМАНА

Часто
Когда на работе кричало начальство
Мой приятель
Самолюбие прятал в карман

А дома
Зажимал в кулак —
Вот так
В кармане —
Скомканный платок
И в компании
Девушки похожие на мальчиков
Не обращали никакого внимания

Лишь в компании
Таких же неудачников
Выпив рюмку водки
Самолюбие расправляло свои складки
Мой приятель его вынимал из кармана
Собеседники тупо глядели
В самом деле
Самолюбие
Без обмана!
И все
Дань отдав колбасе
И селедке
Забывали про драные пятки
И мелькали цветные платки:
Один — знаменитый художник
Другой — именитый поэт
Четвертый — академик
А пятый — просто вождь
Играет радио
Поют
Все взявшись за руки идут
Овеянные славой —
Платок над головой!

Но кто-то
Глядя на часы
Сказал
— Пора домой
Вождь
Сразу интерес утратил
Жует кусочек колбасы
На улице — дождь
Туман
Уходя мой приятель
Самолюбие прятал в карман

34. НОЧЬ

*(разорванные стихи —
сохранилась половина страницы)*

Веч
Маш
Машинистка печ
Нач
Точ
Пр
Прошу Вас дать мне рас
Мать спит за шир
Шор
Сосед бос
Торчит ч
Стучит маш
Он зовет Маш, Маш

А под окнами шур
Маш

— Тиш
Проснется Шур
— Нет
— Выключ
Свет
Ночь

Тысячи Маш
Тысячи Шур
Тысячи шор
Тысячи мур
Тысячи кош
Тысячи крыш
Лун
Стелются туч
Он

Впился зубами в плеч
Она
«Мучь мучь
Тиш
Лишь за шир
Шор
В коридор
Мур
А под окнами шур
Маш

35. ХРАПОИДОЛЫ

На южном берегу Крыма
Появились
Храпоидолы
И даже
Вчера их видели на диком пляже
Храпоидол гогоча гонялся за храпоидолом
И сигали со скалы
В море
Храпоидолы

Ночью женщина спала
У открытого окна
И слышала...
А сегодня
Только солнце
Озарило пляж
Табун храпоидолов
Выбежал на пляж
Один
Бородатый храпоидол
С куриным богом на груди
Как говорится
Что-то выдал
Храпоидолы заржали так
Что возмущенные волны
Выбросили
Морского петуха
Ластоногий храпоидол

Подобрал добычу
И зашлепал с нею в кусты

Две девушки
Два храпоидола
Играют в карты
Храпоидол
Хватает за ногу блондинку
И тащит
В море
 Она хохочет
Храпоидол и девушка топят друг друга

Старая мымра
Блеснула глазами
— У храпоидолы!

36

Ложусь на галечник
Нагретый солнцем
Этот камень —
Плечо
Эти круглые камни —
Груди
Этот плоский камень —
Живот
Эти гольши —
Колени
И
Пучок
Водорослей

37. РОМАНТИЧЕСКИЕ СТИХИ ПО ПОВОДУ ОСЕНИ

Мокрый лист прилип
На рукав пальто
Как желтая звезда
Давида

Вот за то
И лишали всех прав
Вывозили на свалку
Давили вповалку

— Давай про другое
Не могу про другое
Интеллигенты все —
Изгой

Не скроешься
Не затаишься
Тебя узнают по разрезу глаз
И по тому
Что каждый твой ответ —
Вопрос.

(За жалкой миною субъекта
Слепая маска интеллекта)
А потому
Носи свой характерный нос
Гордо
Как Герой Социалистического Труда
Носит свою золотую звезду

Тебя наверно презирают
Быть может завтра расстреляют

Но умирая где-нибудь в овраге
Хватая ртом горячую траву
Ты вывел формулу
Осеннего листа
Она проста...

Я говорю о том
Что осень бедна и богата
Говорю о том
Что бедные не любят богатых
О том
Что листья на ветвях
Еще висят
Что революция продлится
Лет тридцать
Или пятьдесят
А дальше ни черта не видно!
Надеюсь, это очевидно

38

Еще не осознав
Что это взрыв
Тебя целую
Шею
Плечи
Так повторяется каждый вечер

39. МОЛЧАНИЕ

Мне
Подарили перстень
С геммой —
На бледном камне
Розовая рыба

Молчание
Ибо

Молчание
Либо

Молчание
Глыба
Изламывается тень
При свете свечи
Хриплое дыхание
Показываю подаренный мне перстень

— Молчи
Молчание

Крест на камне
Их пытали
Они молчали
— Отрекись
Они молчали
Хрустели кости

Молчание
Ибо

Молчание
Либо

Вырвали язык из гортани!

Остался человек
И небо —

Молчание
Какая радость
Какое страшное звучание —
Молчание

40. ИРИНА

Спасибо тебе
Солнечная страна

Там по берегу моря
Гуляют твои имена

— Ира!

— Ирина!

Они окликают друг друга

Это голос любимой
И мой
Возникающий в шуме прибоя

Двое
Лежат на песке

Самолет
И летит

Его тень
По земле и воде

И уносит
Меня
Все дальше
Все глуше
Твои имена
— Ира!

— Ирина!
И машут руками

— Я вернусь!
Не вернешься
Время смыло следы

Лишь соленое солнце
Колыханье огромной воды

41

Северо-
Двинск
Верх-
Нейвинск
И там и тут
Один
Завод
И вот
Ночная смена
Кошмаря
Улегся спать
Под батарею
Тепло

42

Посреди белесой тундры
Шатаются андры
И ондры
Машут крыльями индры
И посвистывают сондры
Кондры
Опускаются на снег

В глубине белесой тундры
Замерзает человек

43

В архангельских лесах
Спасался некогда монах
Давно на небесах
Монах
Мы валим лес
И водку пьем
Темно
В архангельских лесах

44

Уедешь ты Иосиф
В архангельские леса
Отбывать срок
Отбывать срок
Рыжебородый
Не нашей породы
Пророк

Там будешь ты Иосиф
Бродить пилу забросив
Стихи читать над озером
В бараке творить чудеса

И вновь населят архангелы
Архангельские леса

45. В АЛЬБОМ

В Северодвинске
Живут по-свински

46

Истосковался
По бедрам
И шее
По маленьким смуглым соскам
Когда она ступает
Она ТАК ставит ноги —
Икры врозь
Колени вместе
Когда она курит
Она забрасывает ногу за ногу
Юбка ползет вверх
И можно себе представить
Какова она когда спит

47

Ты — моя Лаура
Дура

Ты — моя Лаура!
Белая голубка
Брось ворковать
Со штурманом
А не то я турну его так...
Ты же знаешь
Что я — поэт
И приехал на самый край света
Чтоб увидеть тебя — дуру
Лауру

48

Озираюсь
Как ворона
Залетевшая в чужой город
— У, какой черненький!
Это пьяная девушка
— Идем на пароход
У нас компания — Петя Митя Катя
— Не могу карр
Улетаю
— Когда?
— Сейчас

49

Памятник жертвам интервенции
РАССТРЕЛЯНЫ 1 мая 1919

РАССТРЕЛЯНЫ 22 июня 1942

РАССТРЕЛЯНЫ

РАССТРЕЛЯНЫ

РАССТРЕЛЯНЫ

На ступенях солнце и подтаявший ледок

50

— Не знаете вы Севера
В озерах много рыбы
Леса богаты зверем
Плоты плывут по рекам
Построим новый город
Как дважды два — четыре

Приятно побеседовать
С хорошим человеком

Из книги ПСАЛМЫ
1965—1966

51. ПСАЛОМ 1

1. Блажен муж иже не иде на сборища нечестивых
как-то
не посещает собраний ЖАКТа
и кооператива
не сидит за столом президиума —
просто сидит дома

2. Соседи поднимают ор —
не вылезает в коридор
(не стоит на пути грешных)

3. Три страшных
удара
в дверь
— Убил! Убил! — из коридора

4. Лампу зажги
хочешь — можешь прилечь
о законе ЕГО
размышляй день и ночь
сосредоточь...

5. И вот —
дерево
омываемое потоками вод:
и ствол

и лист
и цвет
и плод

6. Весь от корней волос
до звезд
ты медленно уходишь в рост...

7. Внизу подростки — гам и свист
бьют железом по железу
один на другом
ездят верхом в пыли
— Дай ему! дай!
— ай!
— Пли! —
две пули в фотокарточку

8. — Тань! А, Тань!

9. Встань
закрой форточку

52. ПСАЛОМ 2

1. Зачем мнутся народы и племена?
Какого рожна?

2. Сидели бы в районных городишках
и разговор вели
о женах и детишках
Но восстают цари Земли

3. Солидные мужчины
а что кричат с трибуны
— Арахмонес!
— Остались в одних трусах! —
поцы

4. Живущий на небесах
посмеется —
ведь Господь на то Господь
чтобы псалмы ему петь

5. Прошел один
пришел другой
и третий
«Хоть я (говорит) ни в зуб ногой
но возведу определение
Господь сказал мне:
ТЫ СЫН МОЙ!»

6. А вы все — сукины сыны!!!
Яростью своей
приведу вас всех в смятение!
Не оставлю камня на камне!

Железным жезлом
буду бороться со злом!
Как дам
дам
по глиняным головам!

7. Итак вразумитесь цари Земли
и входя в учреждение
за дверьми

оставляйте ваше мнение
Служите господу со страхом —
и с кресел бархатных вставахом
почтите Сына
сукины сыны!

8. Ну-ка ребята спляшем
чтоб вам не погибнуть на пути вашем
Блаженны свечки веры —
идиоты и пенсионеры

53. ПСАЛОМ 3

1. Господи бегу!

2. Оглядываясь вижу
как умножаются мои враги —
или во мне горят их рожи?
Мания —
беги беги

3. Испания Германия
Польша Россия
что так жжет босые
пятки?
Этот пепел
еще тепел
Господи освободи!

4. — Нет ему спасенья в Боге!
— Нет ему спасенья в Боге!
— Нет ему спасенья в Боге!

А вот вам — фигу фигу фигу
бегу

5. И плачу и смеюсь
и не боюсь

6. Здесь лег и спал
а Бог мой сон оберегал

7. Не убоюсь
пусть будет вас
больше в десять тысяч раз
потому что Он — мой щит —
даст в зубы — челюсть затрещит

8. Господи уповаю на бегу
ибо
не бежать не могу
бегу как заяц полы подобрал
бегу из собственного дома
от сына (мерзавец)
Авессалома
от братьев и жены бегу

9. Бегу и мыслю на бегу

54. ПСАЛОМ 6

1. Господи в смерти не будет памяти о Тебе
червек-гспди червек-гспди червек-гспди

2. Ни о воде —
В—О—О—О!

3. Ни о солнце —
СОЛХЧШ—Ш—Ш—Ш!
4. Ни о небе —
— Эге — ге — гей!
5. Ни о самой тончайшей травинке —
муравье — винки — винки — винки
6. Ни о снежинке
.....
7. Кто будет славить Тебя во гробе Господи?
червек-гспди червек-гспди червек-гспди
8. Иссохшие кости —
склкт
9. Пощади меня Господи
А—О—А—О—А—О— И
10. В эти весенние дни —
Э—И—Э—И—Э—И—И—Э—И—И
11. Сохрани — склкт
СОХРАНИ — склкт
Господи — склкт
ГОСПОДИ — склкт

55. ПСАЛОМ 16

1. Услышь Господь правду
Вот я Господи

весь на виду
воззри на правоту
человечью

2. Ты искушал мое сердце
ночью
страхом смерти
Да! я завидовал мухам
фанатикам — социалистам
хотел быть просто листом
травы

3. Трава по-своему права —
какой-нибудь комар
(комарис вульгарис) комар обыкновенный
летает словно царь вселенной
Два — три дня
тоже вечность

4. Господи прояви человечность —
почтовой маркой сделай меня

5. Нет? Не хочешь?
Так что же Ты меня морочишь?
В делах человеческих я не отступал от Слова
Твоих Уст

Я такой какой есть
Пусть —
их удел в жизни этой
Ваше Преподобие
Я — Твое подобие
и я хочу остаться не у дел

6. — Водки!
— Женщин!
— Легкой жизни! —
Господи заткни им глотки
Или бомбой дербалызни

7. Укрой меня Господи в тени Твоих Крыл от
лица нечестивых

Укрыл
Спасибо

8. Одних удел — чрево
Других удел — слава
А мой удел — слово

9. Господи честное слово
в правде Твоей взираю на Лице Твое
пробуждаясь насыщаюсь образом Твоим

56. ПСАЛОМ 55

1. Человек хочет поглотить меня человек
но что сделает мне человек?

2. Человек хочет поглотить
Кого?
Меня
Да да! человек
А что?
Человек хочет

3. Кого?

Кто?
Меня?!
Человек?!
Ха ха! человек хочет
ну ну — человек

4. И все же меня хочет

5. Ну что?
Что? Что? Что? Что?!
Что сделает мне человек?

57. ПСАЛОМ 57

1. Подлинно ли правду
говорите вы судьи
.....

2.
.....
.....
.....

3. Заклинаю вас
вашиими актами
протоколами
заклинаю вас
невеселыми
фактами
заклинаю вас
неурожаями
заклинаю вас

уважаемый
вашей серой
карьерой

4. Боже поставь их пинком на карачки
Сокруши им Господи челюсти
ниспошли им болячки
и болести
чтоб увидели и услышали
Или мыши вы?
Или выкидыши? —
что не видите солнца
Или в землю вы влипли
как сопли?

5. Монголы вы
Прежде нежели ваши головы — котлы
ощутят горячий дух соломы
и зеленое и отгоревшее
унесет вихрь

6. Это все глубоко наболевшее
и простое как доктор Живаго
Листья есть
птицы есть —
небо есть —
и воистину есть
Судия всего живаго

58. ПСАЛОМ 69

1. Боже поспеши избавить меня
«от собственного корреспондента Правды»

2. Поспеши Господи на помощь мне
«новые происки империалистов»

3. Да посрамятся ищущие души моей
САЛАКА В ТОМАТЕ
желающие мне зла
САЛАКА В ТОМАТЕ
говорящие мне: хорошо хорошо
ЧЕЛОВЕК В КОСМОСЕ

4. Да возрадуются
«Легенды и мифы Древней Греции»
ищущие Тебя во мне
ДИЕТИЧЕСКИЕ ЯЙЦА 10 штук
спасение мое в Тебе
ПОВИДЛО И ДЖЕМ
ПОЛЕЗНЫ ВСЕМ

5. Боже! поспеши ко мне
253. 71. 47.

Господи! не замедли —
2 звонка

59. ПСАЛОМ 116

1. Хвалите Господа все народы:
аиды и оды и рады и веды

2. Прославляйте его все племена
и на О
и на У
и на И
и на А

3. Ибо милость Его
даже милость Его
ибо даже ничего —
Алилуйя!

4. Не желая ничего
Алилуйя
валяюсь пьяный на полу я
Алилуйя
и во мне — из меня
все народы времена
вопиют:
Боже — на!
На! На! На!
Алилуйя!

60. ПСАЛОМ 132

1. Хорошо летом в солнечный вечер
на даче
двум сочувствующим

2. Листья — и доски — и свет и трава
и мысли — отсутствие мыслей
просвечивает и дышит

греет и гладит
и кладет свои тени

3. Э т о — как драгоценный елей на голове
стекающий на бороду
бороду Ааронову

4. Как роса Ермонская
сходящая на горы Сионские
благословение и жизнь навеки

61. ПСАЛОМ 136

Овсею Дризу

1. На реках Вавилонских сидели мы и плакали
— О нори — нора!
— О нори — нора руоло!
— Юде юде пой пой! Веселее! —
смеялись пленившие нас
— Ер зангт ви ди айниге Нахтигаль
— Вейли башар! Вейли байон!
— Юде юде пляши! Гоп — гоп!

2. Они стояли сложив руки на автоматах
— О Яхве!
их собаки — убийцы глядели на нас с любопытством
— О лейви баарам бацы Цион
на земле чужой!

3. Жирная копоть наших детей
оседала на лицах

и мы уходили
в трубу крематория
дымом — в небо

4. Попомни Господи сынам Едомовым
день Ерусалима

Когда они говорили

— Цершторен! приказ № 125

— Фернихтен! Приказ № 126

— Фернихтен! № 127

5. Дочери Вавилона расхаживали среди нас
поскрипывая лакированными сапожками —
шестимесячные овечки

с немецкими овчарками

— О нори — нора! руоло!

Хлыст! хлыст! —

Ершиссен

6. Блажен кто возьмет и разобьет
младенцев ваших о камень

62. ПСАЛОМ 143

1. Господи что есть человек
и что Ты знаешь о нем!

Ночью — один

днем — другой

и совершенно нагой

то есть абсолютно голый

2. Господи у Тебя характер
тяжелый
как трактор
Господи Ты — постоянный вектор
А человек — дуновение — фу!
Тень эта белая
что она делает —
просто тьфу!

3. Господи
наклони свои небеса
и сойди
хоть на полчаса

4. Пусть вопят: мол не я не я!
Но Господь как молния —
в пламени от головы до пят!
Неистов! —
(по утверждению специалистов)

5. Боже новую песнь воспою Тебе
на псалтыри
на гитаре
на пустыре
и на базаре — воспою Тебе!

6. Господи зачем Ты нас оставил?
Господин
Это против правил

7. Мы достойны Хиросимы
Все же Господи спаси! мы
так хотим чтобы нас
хоть кто-нибудь спас

63. ПСАЛОМ 148

1. Хвалите Господа с небес
все ангелодемоны
все бесоархангелы
все солнцемолекулы
все атомозвезды

2. Он повелел — и сотворилось
злодобро и доброзлом
завязаны узлом
Да здравствует Твоя жестокомилость!

3. Хвалить — хули
Хулить — хвали
Хвалите Господа с земли
при том хулите не боясь
равнинопад
и дождеясь
и тигробык
и овцегад
и нищекнязь
и святогнус
и англонегр
и немцерус
и старцедев
и умоглуп
и всякий зев
и всякий пуп
хвалите Атеистобог!

4. И ухорук
и глазоног

и хвосторог —
Алилуйя!

64. ПСАЛОМ 150

1. Хвалите Господа на тимпанах
на барабанах
... .. (три гулких удара)
2. Хвалите Его в компаниях пьяных
..... (выругаться матерно)
3. Хвалите Его на собраниях еженедельно
..... (две-три фразы из газеты)
4. Нечленораздельно
..... (детский лепет пра-язык)

5. Хлопая в ладоши
... .. (три раза хлопнуть в ладоши)
6. Хвалите Его по-собачьи
... .. (три раза пролаять)
7. По-волчьи
... .. (три раза провыть)
8. Молча ликуя
..... (молчание)

9. Все дышащее да хвалит Господа
..... (кричите вопите орите стучите —
полное

освобождение)

Алилуйя!

(12 раз на все лады)

Из книги ЭЛЕГИИ
1965—1970

65. ПРОЛОГ. СЧАСТЬЕ

Я вышел на балкон
Спокойно
Уже шагнул через перила
Ах
Земля встречает лоб
Шмяк...
А вокруг — шмыг шмыг шмыг шмыг
Из подвалов из помоек
Из железных гаражей
— Что случилось-чилось-чилось-чилось-
чилось
— Это кровь-овь-овь-овь-овь?
— Он откуда-уда-уда-уда-уда?
— Так и надо-ада-ада-ада-ада!
— Бедняга...
Муравей на палец влез
Тоже недоумевает
Агент достал свое стило
— Как это все произошло?
— Это дело-эла-эла-эла-эла
— Посещала-ала-ала-ала-ала
— А подруга изуверка-верка-верка-верка
— Бедняга...
Рассуждения пожелания

Философские обобщения
Сегодняшние известия
И завтрашняя погода

Так!
Я видел
Как сильным ветром
Чаек сносило
Над иссинякоричневым морем
Всеми пустыми костями
И полыми перьями
Косо простерт
Я кричал
Я кричал по-кошачьи
Над кефалью
Над чудовищным Нечто
Что в пене и брызгах
Летело ко мне

Так!
Я любил эту землю
Из окна самолета
Как чужую планету
И просто в лесу на лугу
Жесткие желтые пижмы
Если выжать и сдуть
На пальцах останется
Запах желтый пушок
Лист полыни сорвать
Растереть...
НЕТ
Не умею понять!
Запах звучит

Как гром
Море пахнет
Как женщина
Голоса то желтые
То фиолетовые
Все это слишком громко
И огромно
Дверь над Москвой
Раскрыта
Но это не полное счастье

Счастье — свобода —
П а д е н ь е

Что вы? О чем говорите?
Оставьте меня пожалуйста
Я уже там
Где там?
Здесь
Где здесь?
Там

66. ПОЛУДЕННОЕ БЕЗУМИЕ

«С ума сойти» — гладит и печет — «Ну в общем психопатка» — просвечивает лист ландыша — витая свеча — «стояла у твоих окон и смотрела» — жгло сердце — вчера мы провожали Машу — ПОНТ АВЕН — гладит и печет — сирень увяла — (я это знал) — ринципы мовизма — «затравлена по телефону» — акустика мистика — солнце

просвечивает — оптика эпилептика — сквозь увядающую сирень — г л а д и т и п е ч е т — «поэзия — отдаться языку» — с ума сойти! — «между поэтом и обществом связи чисто негативные» — (я это знал) — «конечно психо-патка» — гладит и печет у в я д ш а я с и р е н ь — печет невыносимо! — в окне балкона — ПОНТ АВЕН — голубь промелькнул — темная зелень поблескивает — печет и ж ж е т — прохладно волнуется — сквозь шелковый платок — радужная призма — принципы мовизма — «ко-нечно психопатка» — сладкий запах увядшей сирени — печет зеленое сухо — с у м а с о й т и о т — гладит и печет

67. АРХАНГЕЛЬСКОЕ

Европа — Юлий Цезарь — Азия — Вакх — геральдические львы (один похож на Холина, другой — на меня) — уступами просторной планировкой — балюстрада ступени — вдоль газонов с двух сторон — все ниже ниже — санаторий спокойные больные — ниже к Москве реке — и снова луг — и выше роща — и вверх уступами далекие леса

И тут два московских поэта-философа — спор и поток информации — отбор информации — ассоциации — «Какие к черту ассоциации?» — прямо в упор еще теплые свежестрепещущие — зеленая зелень! — небесное небо! — и солнечная воды! — и вопли — и голые пятки — (живу!) — летящие в воду — и мои — и твои — и его ощущения

И превращения: время исчезло — музейные кресла — ты видишь картину какого-то века — я вижу: грека-негоцианта царицу царя генерал-адъютанта — ты видишь: левкой левкой левкой — я вижу: лакеи лакеи лакеи — Юсупов и длинные доги стоят на пороге дворца — и нас кто-то видит гуляющих в парке и видящих все что мы видим — и этого «кто-то» и нас и царей и богов другой обязательно видит — и этого тоже — и так без конца Я слушал вчера пианиста (Джон Броунинг) — и в амфитеатре паря над огромною залой как чистые звуки Шопена — я вспомнил:

каменные скамьи — и беспредметный спор — и солнце — гримасы мраморные в солнце — полифония построенья — и желтая гроза на горизонте

я понял — (пальцы пианиста — взмок от напряженья — улыбка похожа на рыдание — аккорды!) — что основное это планировка — просторная — широкие ступени — все выше выше — и река луга — и дальше лиловые леса до истончения зрения и слуха

И — (если верно выбрать угол падения и отражения) — все есть! — всегда! — одновременно! — Джон Броунинг и Юсупов — автобус и философ — и лес и ресторан — и все подряд поэзия: музей — приехали на дачу — холодная бутылка пива — транзистор — «кажется гроза» — читаю чьи-то мемуары — велосипед — веселая Алиса — и девушки и небо и вода —

АРХАНГЕЛЬСКОЕ и МОСКВА

И краснолапый голубь на балконе
Как вылепленный
Смотрит на меня

68. ПОХМЕЛЬНАЯ ПОЭМА

Георгию Баллу

Матрешка — чертова Матрена — деревянный в
цветах и колосьях живот — (я — из него, он — из
кого-то) дурак рождает идиота — и тут внутри еще
какой-нибудь балбес

Друг Жора мы с тобою влипли — поблескивает риза
алтаря — хоть переукраситься в индейца — мы тут —
нам никуда не деться — мы любим купола церквей —
и небо низкое — поля и перелески — проще говоря
мы русские — и что ни говори — как русские и
каждый раз с похмелья обречены решать свои тре-
клятые вопросы

Правдоискатель князь Хворостинин
Лжеклассичный Ломоносов
Ученый русский дьяк О! Тредьяковский О!
Мурза самодежавный Державин
Пушкин — полурусский полубог
И Блок —
Кудрявый как цыган профессорский сынок
И Хлебников как хлеб и как венок
И ты и он и все —
Р о с с и я
Р о к

Дождь зарядил — нас мучат мысли о бесплодии —
уже не день не год слышать небьтие — оттяжелела
зелень — мы чувствуем свою нелепость — сомни-
тельно поблескивают крыши — свою огромность и
свою ненужность — и небо кажется устало от дождя

И все равно нам — не двадцатилетним
Нам нынешним а не вчерашним
И все равно нам не взирая на!
Спокойно повествуящим о страшном
Опохмелясь без лишнего веселья
(Мы любим жизнь — старуху)
Рыгнем похлопаем себя по брюху
Затем благословясь берем за перо

69. О СМЕРТИ

Оса искала следы какао — ползет — по липким
доскам дачного стола — детсад — отклеивая лапки
— разглядываю близко-близко — на жопке ядови-
то-желтые полосы — ужасно хочется потрогать

И больше ничего не помню кроме большого страха в
темном доме — когда проснулся ночью весь в сле-
зах — и понял — это Я — и все что происходит
— в самом деле — со мной — в трусах и майке —
трет резинка — Я — а не другой умру — Меня не
станет — МЕНЯ на самом деле — а не того о ком
я думал — это я —

Все дети спят — а ночь гудит от ветра — пахнет
слежавшимся матрасом — маленькое сердце: мама!

мама! — и дерево наполненное бурей огромное ночное за окном

Мать умерла от рака — сначала не обращала внимания — но клетки уже переродились одичали — рука была тверда и горяча — чужое мясо

Как мучилась! —

Говорила все о каких-то пустяках — кажется она не понимала — «открой окно» — что все на самом деле — «дай апельсинового сока» — с ней — не с кем иным — лепетала как младенец

Как мучилась! —

И уходя в свое первоначало — в свое спасение от боли — просила передвинуть телевизор к ногам постели — потом уж не она кричала — другая женщина —

родные оперировать хотели — которая желала чтоб кончилось все это поскорей

Сегодня выйдя из метро — троллейбус липы ресторан СОФИЯ — улицу я знаю наизусть — впервые ощутил — (продажа мужских носков — отмеченные солнцем лица — скучающая продавщица) — что это ЕСТЬ — и только ЭТО — реальность из которой хода нет — улица устало клонилась к западу — недоуменье оставило — поток машин вливался в солнце что стояло над шпилем Белорусского вокзала — сияла каждая пылинка — и было счастье! — к вечеру слышнее пахли липы — сознание что вижу и дышу — на самом деле — и что умру Я а никто другой

70. СЕРДЦЕ ОТЦА

Когда стал пенсионером — он обернулся и вернулся в детство — дело в том, что стал он старым — голос матери моей бормотанье голубей — шорох крыльев наполнил жизнь отца — ясный ветреный день как само бытие — он брал их в руки — замирали — сквозь перышки и кости под руками прощупывалось бойкое сердечко — и мальчику-отцу казалось: он осторожно сжимает собственное сердце — но отпустил — и выпорхнуло полетело

Вот отец лежащий на диване — двое в белом над телом — черный ящик похож на адскую машинку — заняты привычным делом — сын бледен: никакой надежды — дочери нехорошо — а между тем никто не видит — как сердце бедного отца расхаживает на балконе — и лукаво склонив головку клюет граненую крупу

Анализируйте! — пожалуйста берите! — а вот и не дается не поймать — не верю что отец и мать гниют на станции Востряково — (электричка 20 минут) — как пахнет летом! — подброшенные в небо стаи! — весь город в воздухе нагретом! — он полюбил когда ей было 12 лет — в 15 сыграли свадьбу — и были вместе до самой смерти — она и вскоре он — которой как известно нет — лишь сердце выпорхнет из рук

71. ВЕТЕР

Первый желтый лист — подает весть — пусть —
наизусть я это знаю — ветер будет дуть — все выдует
— обиду и досаду — продует комнату и выдует меня

Из форточки — пожалуйста сквозняк! — заносит ногу
за порог — тащит за полу плаща — толкает в спину
— ну ну потише я и так — почти бегом — я сам туда
— из роуци (вижу) выдувает все пичьи трели все тепло
(поймать хоть что-нибудь) все листья пух и перья —
толкает в спину — налитая сизой синью звенит — и
тут опустошенье — летит газета середины лета — весь
воздух продувает над рекой — чтоб не осталось
памяти о том —
что было там —
кустом любовью лодкой —

Ну ну потише — я тебе не перышко не воспомина-
нье — вот тут в ложбинке усядусь и не сдвинусь с
места — ведь я еще храню тепло земли
Утих — сосредоточиться — согреться — вот белый и
сухой цветок — от сердца тепло как бы от рюмки
коньяку — сажу обняв свои колени — как обнимал ее
колени — а поверху проносит облака — и впереди
как в аэротрубе — машины продувает по шоссе

И от земли вступает в кости сырость — я знал что
это только передышка — цветы дрожат сухой и
нервной дрожью — зачем такая спешка? — Ах это
место

тоже стало пусто! — несколько помешкав я поднимаюсь — и всей спиной — хоглодная плита — сопротивляясь твоему напору — стою и вижу что ничего уж не осталось

72. ПАДЕНИЕ

Толчками падал в ночь меж туч —

снижался

самолет и сердце ах! —

вот оно —

в ничто и снова ах! —

— беззвучное падение в лифте — стоп — снова вниз — желудок подкатывает к горлу — мы падаем? — ленивый разум разверни секунду в сорок лет — дай! дай! дай! мне! — но есть же ценное — все пережить сначала — и сокровенное — стоп — снова ах! — вкус цвет запах — что? — женщина? — не эта — та первая — соседка наклонилась над пакетом — падение — вверх или вниз? — огромный влажный трилистник земляники — под ним я прячусь — лиловые ладони пахнут — ах! — дождем большим как небо — ах! — черникой прекрасной как любовь — бегу с горы — и страх и радость невероятные как ужас без конца

Вдруг пробудился — колотится сердце — что это было? — будто выпрыгнет сейчас — по ступеням в ночь — как мяч — держу — вспомнил: Мне снилась подмосковная платформа — и сумерки осенние пус-

тые — все есть — ржавые на вкус листы — все
здесь — вдали размытый зеленый свет пронзитель-
ной печали — и холод от асфальта по ногам — а я?
— все ходят и знают что нет меня — и ничего —
ждут электрички — я сам стою и вижу: нет меня —
да как вы можете ходить и ждать? — ведь нет меня!
— синим уколом в сердце — и никогда не будет! —
сигнальные огни — ни листьев ни дыханья ни огней

Я умирал в такси — вдруг почувствовал — мне
дурно — остановить машину? — нет продержаться
дотянуть до дома — машинально опустил стекло —
хватая холодный ветер — «вам нехорошо?» — сполз
на сиденье лицом в холодный дермантин — и это
было куда спокойней и страшнее сна

День за днем обкрадывают — подхлестывая сердце
— заботы работа — заполни его хоть каким-ни-
будь бредом — губы в губы! — зубы в зубы! — но
уже растут грибы плесени — хоть по осени погляди
на себя — ты ходишь белый — белый весь заплес-
невельный — от пустого листа ты уходишь к пустым
разговорам — от пустых разговоров — к пустым
упражнениям в постели — подолгу стоишь над сто-
лом — я знаю на что похожа пустота — она опре-
деленна — ей нет конца — на чистый лист бумаги
— я знаю что такое п у с т о т а

73. ПЕРЕЕЗД

1

Мешки и чемоданы уже нажрались тряпками — а барахла становится все больше — лезет из шкафа изо всех углов — мы задыхаемся — наш быт трясет — пригородный вагон — и лихорадит — мы едем стряхивая пепел на паркет — а сколько лет по нем скользили — натирали так что отражалась люстра целиком — уже шурупы не держат ручку двери — лампочки перегорают — наружу выходят подтеки трещины и войлоком сваявшаяся пыль — с улицы приносят комья грязи — «вот тут поставим шкаф» — оглядывают стены по-хозяйски — «тут холодильник» — мы лишние — как лишний весь этот скарб — который нам приходится тащить — с собою серый хвост — на новую квартиру

2

Сколько помню тело перемещалось и переезжало Но есть последний переезд — когда обмоют и оденут — и сразу станешь всем чужой — друзья скрывая отчужденье — а кое-кто и отвращенье — весь напоказ — бессмысленно топчась на месте — подставят плечи под деревянный чемодан — и расставшись со всеми милыми вещами ты сам поедешь в чемодане — и солнце будет как назло — носы услышат: развезло — лица мокрые от слез

отвернутся — не выдержал — раскис — величие —
и будешь ехать и томиться — превратилось в
неприличие — скорей бы вниз переселиться — но
если навсегда и вниз — а если

.....
.....
.....

74. ЭЛИЗИУМ

В туманных горах стоит санаторий
У него отрешенный вид
В кипарисах и цветущем миндале
Больных и отдыхающих не видно
Будто попрятались куда-то
И такой покой
Что ранняя бабочка
Желтый торчком листок на балюстраде
Как блаженный намек
Но уже отлетевшие жизни
Холодный ветер морщинит море
Кому приснился этот сон о солнце?
Не серому ли камню?
Страдающий астмой физик
По-жабьи сложенные губы
Не хочет думать ни о чем
Уже напечатан черным и жирным
Некролог в НАУКЕ И ЖИЗНИ
Уже состоялась гражданская панихида
Перечислены все чины и звания
А он игнорируя факт своих похорон

Гуляет в саду санатория
У которого нет названия
Ленинградская певица — экзоптица
Кутает горло черным шелком
Полушепотом: Питер Питер
Ветер треплет юбку
Придерживает чтоб не улетела
Вот-вот рассыплется сама как бабушкин атлас
И в медленном вальсе
Спускаясь кружась по асфальту дорожек
Они позабыли начало своей прогулки
И в невиннейшем флирте —
Ни слова о смерти —
Они прозевали ее конец
У ограды рабочий в сиреновой майке
Намаялся копая какую-то яму
Рабочий и ветка цветущего персика
Смотрят прямо на них
Но не видят не помнят не знают —
Выпил кислую кружку вина
Но как будто не все прояснилось
А цветам это вовсе приснилось —
Санаторий в туманных горах

75. ГОЛОВА БУДЫ

О чем он молился в зале музея — во мне поселился тоненький голосок — вот осколок статуи — сквозь время темного металла уцелела голова — полдень мысли — Голова — тишина вышина — муравьиные чьи-то слова — прокатил неслышно на

роликах аппарат телевидения — и как видение — танцующая на пальчиках — телевизионные гейши — мальчики — улыбаясь в блаженном безумии — несколько видов экскурсоводов — спеленутая тряпками мумия — и в сером костюме седой — должно быть из ФРГ

Деревянные облики корчат гримасы — летят на клубящемся облаке — меняют свои очертания — по белым залам идет тайфун — расталкивая всех могучим телом идет как слон: «быстрее ребята» — телевизионные мальчики кланяются как болванчики — «начали» — и обращаясь к пустоте: «идя навстречу пожеланиям мы начинаем передачу».....

И вот на голых призрачных возникла легкая улыбка тысячелетнего металла —

И выйдя на улицу в солнце — что все немного пожелтели ты замечаешь невзначай — встречаясь говорят все больше ни о чем — «сенсай сенсай» — «все было было» — и кланяются как японцы — «дела — сакура отцвела» — и больше ничего не будет — скорей как полуавтоматы — лишь введенный ритуал

О чем он молился я понял наконец — гладкий лакированный японец в каждом поселился — не замечаем по своей беспечности — но сквозь уют! азарт! стандарт! — как темный знак НЕ КАНТОВАТЬ — все больше проступает контур вечности

76. НОВЫЙ АФОН

Толстый храм — слоеное пирожное

Здесь жили некогда монахи — среди маслин и кипарисов сладчайшие вздохи — и охи и ахи — миндаль оливки мандарины — форель в зеленом водопаде — и девки нежные как осетрина по-монастырски в Ленкорани —

Монасей вышибла из рая милиция в двадцать четвертом — и мне сегодня видно в лунном свете — как на дороге удирая — задрав подрясники — мелькают голыми лодыжками — их догоняя бьет по нервам джаз

Здесь новый рай на две недели — отели и пансионаты — слетаясь со всего Союза — стаи крашенных блондинок — а за ними за волнами волосатые армяне и носатые грузины развращенные наживой устремляются на пляж — Гурам нашел себе простушку — друг обхватил ее подружку — а девки-дуры как в раю — роняют миртовые ветви из ослабевших рук — и лютни — отдаваясь возле стен монастыря — где маслины серебрятся — неостывших даже к ночи — из расселин белый дым

И-ах! — беспокойны отшельников мощи в пещерах — плоть блеснула в лунном свете — тонкий запах кипариса донесло — как щемяще жить на свете! — зачем же все шахтерам пьяным? — ах возвратите нас возвратите — наши жаркие молитвы

— на землю из небытия — мы согласны мы согласны — ваши дщери так прекрасны! — быть шо-

ферами такси — ваше море как вино! — не в часов-
нях и пещерах — о кошунство! — с интуристами в
Эшерах — гениально! — агнцам заклан- ным слу-
жить — о хотя б на две недели дайте этот новый
рай!

Умолк оркестр у водопада — и стало слышно как
шумит — как словно за сердце щемит — отрезвляет
и берedit эта сладкая вода — да им — покой —
(когда бы знали вы какой!) — вам людям — стад-
ное веселье — (с какой-то дьявольскою целью!) —
а мне поэту — вечное похмелье — утратив родину
свою кипарисами дышать в чужом раю

77. ВЕСНА В ФИНЛЯНДИИ

В березах Куоккало гуляет мартовское солнце —
где кроткий и чересчур прославленный старик —
смотрел на поле Финского залива — беспомощно
жуя бородкой — будто ожидая от серо-голубой
полоски — так близко — почти не различая —
которая одна осталась — в тумане слез — разгадки
жизни всей — и ветер выдувая влагу сушит съедает
льдистый снег

И на дороге в Териоки вдруг припомнишь строки:
«...на даче в Куоккало» — «...уехал в Териоки» —
журнальная виньетка начала века — чье-то больно
шевельнется воспоминанье — и там где в соснах
розовый просвет напоминает лето — приснятся чьи-
то восемь лет — вот у калитки ваш сосед в чесучо-
вом пиджаке — раскланялся с твоим отцом — вра-

чом или профессором — и женщина белея взволнованным лицом и полосатым платьем — бежит в траве — и тебя оглохшего от сумасшедшей тряски снимают руки нежные с коляски — и близко-близко счастьем осветленные глаза

Послушайте Куоккало и Териоки — нельзя же так! нельзя — навязывать чужое детство — и соседство с великим дачником — я не был тут — недобрым старичком — вернее был гораздо позже — теперь сейчас — и посетил музей — бесцельно проехал в войлочных лаптях по лакированным паркетам —

Но почему же так тоскливо? — как будто так сложилась жизнь моя! — здесь я играл — там похоронен эмигрантом — а отсюда в марте с горки глядел поверх берез и елей на белизну залива — на финских рыбаков — тюлени на льду — они чернели сиротливо —

78. ЗНОЙ И ВЕТЕР

Под дикою грушей читаю Платона — и слышу — пятная меня рябой и дрожащей тенью — заглядывают через плечо — и еще — коллективное сознание муравьев — над морем — над миром — мерцает текучей дорожкой на сером

Ветер взял взаймы трепетную плоть листьев оливы — и бежит над нами серебристый — зной повис блаженным звоном цикады — и вполне живет одним впечатлением —

А Сократ беседуя с друзьями растирает ноющую ногу — как земля в трещинах пятка — но уже растерт яд — раб несет чашу цикуты — и мудрец пьет — он считает что вполне логично умереть и стать диалогом Платона

А быть может смерть была легка — «Критон мы должны Асклепию петуха» — что была его выздоровленьем

Складкой земли притворяется Федр — Лисий — собачкой что мимо сейчас пробежала — лисьей породы — ящеркой Эриксимах ускользнул в серебристую щель — облачком Апполодор над безоблачным Крымом стоит

И как не кощунственно это — здравствуй Сократ! — и во мне отзывается: здравству-уй... —

Алкивиад Агафон и Критон и Павсаний! — вы молчаливой толпой — семенем став и травой — принимая любые обличья — пылью и камнем всегда

существовая — мне говорите — что я — тоже — всегда — и повсюду — море! я был — небо! я буду — и наконец кто-то однажды прочтет диалоги Платона под дикою грушей — и нечто припомнив — моими ушами услышит — з н о й — и моими глазами увидит — в е т е р б е г у щ и й

79. О ЛЮБВИ

Мы жили тогда на задворках больницы рядом с моргом —

Каждое утро будила нас медная музыка в зелени — и каждую ночь — в грудь мою твоё толкалось сердце — и вытягивался девственный живот в сумасшедших простынях — все учащенное дышала — и мучили друг друга рты — а под полом — внизу в подвале стояли банки с формалином — отдельно — сердце — желудок — легкие — яичники — два черепа безгубых — я и ты...

80. КРАСАВИЦА

Красавица лежит на пляже — плечо лопатки — все красиво — и книга — может быть читает — и если стать тенью ее головы на странице — тоже прочтешь:

«Когда Коля кончил, то передал поскорей газету князю и, ни слова не говоря, бросился в угол, плотно уткнулся в него и закрыл руками лицо. Ему было невыразимо стыдно...»

Красавица пошевелила пальцами ноги — и несколько камешков раскатившись — недоумевают белея на солнце — почему она их отвергла? — и если стать этим — перепелиным яйцом — то вероятно услышишь в шуме прибоя слова Одиссея:

«Руки, богиня иль смертная дева, к тебе простираю!

Если одна из богинь ты, владычиц

пространного неба,

То с Артемидою только, великою дочерью Зевса,

Можешь сходна быть лица красотой и

станом высоким;

Если ж одна ты из смертных...» и так далее

Солнце поглаживает спину — углубляясь в ямки бедер — нажимает всем горячим небом — хочет ощутимо сделать больно — чтобы ночью красавица вспоминая ревнивое солнце говорила любовнику мужу — «не трогай... мне больно... я сегодня у моря сгорела...» — и если стать как-нибудь его ладонью — можно услышать как стучит ее сердце:

Тук-тук, тук-тук, тук-тук, тук-тук и т. д.

81. СОН ЗЕМЛИ

На террасе в полдень не мог уснуть — подбиралось солнце к лицу — на щеке — и приснилось мне — то ли перстень был не на той руке и на сердце давил — что стихам своим дал я новый вес и объем — в эту комнату можно войти — и ведет эта дверь в распахнутый сад — где яблони пахнут дождем

Ничего на свете страшней тебя — и прекраснейтебя земля — только глубже уснуть — почти не дышать — чтобы пчелы запутались в волосах — уши коконами заросли — и две бабочки сели наспящие веки — закрываются — открываются удивленные крылья — глаза

В этот полдень я провалился в ночь — но глаза мне были даны — бархатно-синие с черной каймой — глубоко-шоколадные с желтой каймой — и розовые почти — покрытые серой пылью

И я вижу: свет на траве стоит — вижу как звук плывет — и желтые запахи слышу я — синие голоса — мохнатую шерсть полевых цветов — ноздр-

ватос мясо их — словно сладкие булки тычинки торчат — пестик лаково гол — рыжие челюсти пилы багры — и зеркальные купола —
О земля! — эти сны мотыльков и червей! — сам себя пожирающий рай — о мертвец — поскорей в этих снах растворишься — и себя этой прорве отдай

82. РАДОСТЬ

Радость — обыкновение которой — летом в лес прийти — и все застать на месте — чьи-то листья в легкой грусти — желтый праздничный цветок — чего-нибудь рассеянно коснуться — и безболезненно проснись

МОСКОВСКИЕ МИФЫ

83. ПАРАД ИДИОТОВ

Иду. А навстречу
Идут идиоты
Идиот бородатый
Идиот безбородый
Идиот ноздреватый
Идиот большеротый
Идиот угловатый
Идиот головатый
Идиот — из ушей пучки ваты

Идет идиот веселый
Идет идиот тяжелый
Идет идиот симпатичный
Идет идиот апатичный
Идет идиот нормальный
Идет идиот нахальный
Идет идиот гениальный
Идет идиот эпохальный

Одни идиоты прилично одеты
Другие похуже — небриты помяты
Одни завернулись по-римски в газеты

Другие в свои чертежи и расчеты

Иные свой стыд прикрывают зарплатой

Иные учностью эти — работой

Большие задачи

Несут идиоты

Машины и дачи

Несут идиоты

Идет идиот чуть не плача

«Несу я одни неудачи

Жена — истеричка

Начальник — дебил

И я — неврастеник

Себя загубил»

Идут идиоты — несут комбинаты

Заводы научные институты

Какие-то колбы колеса ракеты

Какие-то книги скульптуры этюды

Несут фотографии мертвой планеты

И вовсе невиданные предметы

Идут идиоты идут идиоты

Вот двое из них избивают кого-то

А двое из них украшают кого-то

Какого-то карлика и идиота

Идиоты честные

Как лопаты

Идиоты ясные

Как плакаты

Идиоты хорошие в общем ребята

Да только идти среди них жутковато
Идиотские песни поют идиоты
Идиотские мысли твердят идиоты
И не знают и знать не хотят идиоты
Что однажды придумали их идиоты

Идут работяги идут дипломаты
Идут коллективы активы и роты
И вдоль бесконечной кирпичной ограды
Идут идиоты идут идиоты
Играет оркестр «Марш идиотов»
Идут — и конца нет параду уродов
И кажешься сам среди них идиотом
Затянутым общим круговоротом

А может быть это нормально? Природа?
И есть и движение и цель и свобода?
Недаром же лезли на ствол пулемета
Как листья осенние гибли без счета...

Так пусть же умру за мечту идиота
С блаженной улыбкою идиота

84. МОСКОВСКИЕ МИФЫ

Мамлеев с Машей в Вене или в Риме
Сиамский кот повсюду ездит с ними
Мелькают километры города —
И у Мамлеева усы и борода
Мамлеева избрали кардиналом
И кардинальша Маша ходит в алом

Но мрачный точно тысяча волков
Их ждет в Нью-Йорке Генрих Худяков

Он перевел Шекспира на английский
Он в каждом баре хлещет джин и виски
«Ли быть иль нет! не быть!» В трусах и в
майке

Бежит от предприимчивой хозяйки
А грустный Бахчанян как армянин
Открыл универсальный магазин

Там Купермана книга продается
Название книги МАТЬ ТВОЮ ЕДРИТ!
А по Гарлему ходит хиппи Бродский
И негритянок ласковых кадрит
В своем коттедже рыжий и красивый
Он их берет тоскуя по России

Лимонов! Где Лимонов? Что Лимонов?
Лимонов — обладатель миллионов
Лимонов партизанит где-то в Чили
Лимонова давно разоблачили
Лимонов брюки шьет на самом деле
Лимонов крутит фильм в Венесуэле

Лимонова и даром не берут
Лимонов — президент ЮНАЙТЕД ФРУТ

И так же изменяется мгновенно
Его жена прекрасная Елена
Оставила Лимонова Елена
И вышла говорят за манекена
Попала в лапы гангстеров Елена
Перестреляла — вырвалась из плена

Там где Елена — кружева и пена
Блеск доллары и страсти непременно

Ах мы в Москве стареем и скучаем
Пьем водку и беседуем за чаем
И мысли за столом у нас простые
И стулья за столом у нас пустые
Ау! Друзья-знакомые! Ау!
Не забывайте матушку-Москву

85. УМИРАЮЩИЙ АДОНИС

Я — Адонис
Я хромаю и кровь течет из бедра
Я корчусь — червяк на ладони
Не отворачивайся Природа будь добра
Я — сын твой Адонис

Меня погубила дура из бара
Обступили какие-то хмуро и серо
Я падаю — мне не дожить до утра
Мне дурно

Вот приближается рокот мотора
Меня освещает белая фара
— Как твое имя парень?
— Адонис
«Адонис? Латыш наверно или эстонец»

Я — Адонис
Я совсем из другого мира
Там апельсины роняет Флора

Там ожидает меня Венера
И о несчастье узнает скоро
Дикие вепри
Бродят на Кипре...

— Ах ты бедняжка!
«Понял! он — итальяшка»

Я — Адонис!
Я чужой этим улицам и магазинам

Я чужой этим людям и трезвым и пьяным
Поездам телевизорам телефонам
Сигаретам газетам рассветам тумана

«Нет
Скорей
Это
Еврей»

Я — Адонис
Я сквозь дэбри за вепрем бежал и дрожал
Меня ветки за пятки хватали пытали
Меня били! любили! хотели! потели!
Я любезен богине Венере
Я не здесь! Я не ваш! Я не верю!

— Сумасшедший ясно
— Но откуда он?
— Неизвестно

Я — Адонис

86. ГЛАВТИТАН

Сизиф толкал вагоны в гору
Атлант держал свою контору
Когда он поводил плечами
Машинки яростней стучали
Гул проходил по коридору

У Прометея ныла печень
Он был болезнью озабочен
Не радовали даже ляжки
Слоноподобной дуры Ньюшки

Шурупы мучили Тантала
Ему шурупов не хватало
Он нервничал — и снились трупы
В зубах зажавшие шурупы

Так жили мрачные титаны
Катились под гору вагоны
По коридорам шлялись люди
Шурупов не было на складе
Не вспоминалось даже детство
И было некуда податься

Атланта стукнула кондрашка
Тантала увезли в дур-дом
А Прометея — неотложка —
Ушла к другому дура Ньюшка

И лишь Сизиф свои вагоны
Толкал и двигал на подъем!

87. ЗЕВС ВО ГНЕВЕ

За столиком расположив
Свое вместительное тело
Пил в ресторане у вокзала
Античная мускулатура
Костюм буграми распирала
Официантка подавала
И Зевс глядел на это хмуро

Сидел сидел — и вдруг из головы
Родил сердитую Афины
Я видел страшную картину
Как развернулся этот боров
Как бил он всех: милиционеров
Официантов и швейцаров
И доброхотов всех размеров
Он так работал кулаками
Как будто молнии сверкали...
Военный прислонился к стенке
Официант — лицо в солянке
Милиционер ползет в сторонку
Швейцар схватился за мошонку...
Какой-то пьяный мужичонка
Икал и ойкал от восторга
А местная пьянчужка Шурка
Кричала: Глянь-ка глянь-ка Ирка!
Глядели все: котлеты кури
Глядели с потолка амур
Со стен цветы и помидоры
Портреты надписи узоры...
От жара тучен и багров

Следил за битвой повар-шеф
— Ну кто еще? — спросил Юпитер
— Не горячись постой приятель —
О фартук руку повар вытер
И в зале будто свистнул ветер...

И только брови сдвинул Брежнев
Что громовержец был повержен
Ведь был он бог и древний грек —
Простой советский человек

88. ИЗ КАТУЛЛА

С яблоком голубем розами ждал я вчера
Афродиту
Пьяная Нинка и чех с польскою водкой пришли

89. НА ПОКУПКУ КНИГ

Сумерки. Март. Люди — по магазинам
Я — в магазин где продаются книги
Вдруг достают из-под прилавка —
О нищета и богатство духа!

Так приобрел Шиллера и Шекспира
В издании Брокгауза и Ефрона
Мерцают золотым обрезаем
Ну же! досыта ешь книгоешка

90. МРАМОР

Наполовину отбитая левая грудь —
Афины Палладу
Целовали туда
Длинноволосые девушки —
Сколок изнутри розовел просвечивая
Афродиту зрелые женщины —
Безрукую обнимали сзади
Казалось богиня ласкает сама себя
Эти полные руки скользят
По мраморному животу!
Эти круглых четыре колена!
Этот сдвоенный круп!
А та что всегда бежит прекрасным безносым
лицом

Диана приманивала девчонок
В лунном свете ее волос
Скользили безмолвные псы
И подростки — лунатики шли
Опустив безвольные плечи
Протянув безвольные кисти

О богини! Я ваших возлюбленных знаю
Они любят нравиться и мужчинам
Но я отличать их умею
Они спокойно снимают платье
Они ложатся — пожалуйста возьми меня —
Вдруг открывают веки
Остывают каменеют

Глупый мальчик ты обманулся
Эта девушка не невинна

Эта женщина не фригидна

Их любили
Богини

91. ТРЕТИЙ РИМ

Вокруг Москвы белеют корпуса —
Инопланетные становища
И бродит в парке ЦДСА
Зеленомордое чудовище

Стоит киоск у Сретенских ворот
Толкует возле выпивший народ
Интеллигентных несколько бород
И подняла головку саламандра
В углу где подозрительные пятна
Как этот город вся невероятна

На Выставку приезжий из Рязани
Глядит осоловелыми глазами
Широкотазы полновесногруды
Чиновные экстазы и причуды
Колонны завитки порталы шпилы —
Быка с мудьями тоже вылепили!

За окружной сверкают чудеса —
Инопланетные становища
И воев в парке ЦДСА
Широкоротое чудовище

92. МОЛОХ

(читать нараспев протяжно и важно)

Волох и Вулох и шизики все и подонки!
Юра Мамлеев — брюхатое божество!
Лорик и Шурик и все его дочки —
Бледные девочки — темные почки
Вы поклонитесь слоновьим копытам его!
Фикус зеленым пером осеняет его

Возле пивной толковище и зной
Сколько мужчин возжелавших общенья и пива!
Сколько мужчин избегающих женщин и секса!
И между них добродушный и сальный —
Сверх — эротический! вне — сексуальный!
И воют собаки обнюхавши желтые ссаки!
Вы поклонитесь слоновьим копытам его!

Волох и Вулох — и все эти пресные черти
До смерти сами себе надоевшие! Будда
Мамлеев с портфелем пришел ниоткуда
И у помойки для них сотворил это пошлое чудо —
Кошек и мух голубей и московское лето
Свадьба горланит за окнами где-то —
Пиво и трусики! гроб и газета!
И да поклонятся брюху и лапам его!

Козлобородый Фридынский примчался
вприпрыжку
Наболтал начадил — и другой уже вертится
бес...
Вежливо к ним проявляя ко всем интерес
Тискает гладит и щиплет трехцветную кошку...

И красногубый Дудинский и громогласный
Трипольский
И головастик Бакштейн (впрочем он
в Израиле давно)
Весь этот русский еврейский татарский и
польский
Дух поклоняется духу и брюху его!

Волох и Вулох ползут в переулок
Лорик и Шурик впорхнули во дворик
Тупо глядит алкоголик по имени Гарик
Пиво и трусики! гроб и газета!
В это — вне времени — душное лето
Падаль астрал и абстракцию склеив
Просто вас выдумал душка Мамлеев!
Да поклонюсь многодумному заду его!

93. ВОЗВРАЩЕНИЕ В ИТАКУ

На стене висят часы не старинные но все же
Покачнулся корабельный медный шар под
потолком

На каюту и часы моя комната похожа
На минуту и весы — что сказать что сказать
Под такой улегся пес — но что сказать
неизвестно

У кого-то есть жена и в кого-то влюблена
У кого-то есть душа — что сказать неизвестно
В нашем доме тишина — бьют тарелки —
тишина

Эта белая махровая — что сказать что сказать

Разве то что Карлова улица
По-над Вислой штопором кружится
И однажды на рассвете
После дружеской попойки
Ноги непослушные двигая
Вверх по этой пьяной чертовой улице
Говорил поэт Галчинский — что сказать что
сказать

Говорил поэт Галчинский своему приятелю
— Посмотри заря над Вислой —
Вкус божественный чуть кислый...
Щ-щас мы выпьем это солнце!
И закусим этой чертовой улицей...

Хорошо бы выпить солнце — на стене висят
часы

У кого-то есть жена — ноги кверху
вскидывали

А на площади туристы — плачет маленький
трубач

Говорил поэт Галчинский — и не знаю что
сказать

Говорили говорили — не сказали ничего
Есть у каждого свое что сказать что сказать
В этом высшее блаженство и свобода и любовь
И клены и маленький трубач

94. ГОЛОВА СКАЗОЧНИКА

Памяти Геннадия Цыферова

Вот голова Камилла Демулена
Бормочет нежные слова
Вот голова как маска льва
Свирепые черты Дантона

Вот Цыферова голова
Трясет соломенной бородкой
И распускает губы как бутон:
— Любил я в жизни сей короткой
Вас Робеспьер Марат Дантон —
Само звучание имен

— И вашу голову Людовик
Я целовал в глаза и лобик

Марина помнишь это лето
Марина ах! — Антуанетта
Была любовь... Была Москва...
В подушках чья-то голова
Я в руки брал ее — и это
Была она — Антуанетта

И вашу голову Дантон
Я видел в Химках под мостом
И вашу голову Камилл
Я видел в Болшево под дубом
Болела под осенним небом

Дождь листья на нее лепил
А пляска алых колпаков —

Так листья в парке закружило!
Я был нелеп и бестолков
Но сердце видело и жило

И вот новинка — гильотинка
Над сердцем нож ее навис
И падает сползает Генка
В колени в кружева маркиз —
По лестнице ногами вниз

Я — сказочника голова
И может быть чего-то стою
Хоть золотистой пыльюю
Цветов и бабочек полна

Любили же в конце концов
Чужие жены чьи-то дети
Мое бугристое лицо
Купринско-чеховские дяди

Ах, все во мне перемешалось
Россия... Франция... века...
Маркизы... бабы... боль и жалость...
И бабочки... и облака..

ЖИТИЯ

95. КАРАСЕВ

В 10 часов Карасев
Вышел из ресторана

Ночь принимая вид бурана
Валила с ног в снег

Кремль? — ничего похожего
Вокруг дымилась Арктика
Умолял прохожего
Смахнуть со спины чертика

11 часов — Карасев
В Александровском саду искал невесту
12 часов — Карасев
Полз по Крымскому мосту
Прячься от пуль
И мешая движению...
В таком положении
Его подобрал милицейский патруль
Заткнули пасть

Утром в шесть
Дежурный
Прошел к уборной
Умылся и вернулся на свое место
По-бабьи подоткнув подол
Проститутка мыла пол

Подать сюда прохвоста
Который с Крымского моста!

Дверь камеры
Приотворилась
А там черт знает что творилось
В маразме
Плавали миазмы

Храпели странные миры
И шевелилось нечто вроде протоплазмы

Исрихонская труба

Воззвала

— КАРАСЕВА!

Вышла рыба

Глаза невинные как небо

И в каждом грустный грешник нарисован

— Ну что с тобою делать Карасев?

— Пожалуйста возьмите штраф —

С похмелья

Милицию раскалывало болью

— Ну парень наломал ты дров —

Посмеивались окружающие

Пал на колени Карасев

На полу снежинки тающие...

— Слушает дежурный 13-го отделения

Высылаем наряд...

— Катись отсюда говорят

Пока не намотали срок...

Не помнит как

Выкатился на порог

И живо —

К палатке ПИВО!

А там уже томился длинный хвост

Опухших рыл

И ангел среди снежных звезд

Парил

96. ЖРИЦА КУЛЬТА

Дремлют дачники московские
Кира, я и Брусиловские
Парни с лыжами прошли
По вагонам путешествуя
Вдруг вошла танцуя шествуя —
Из совсем другой игры

— Будет Авель помнить Каина...
— Вы! Забыли про хозяина!
Сталин — мой отец и брат! —
У старухи голос мхатовский
Книппер-чеховский ахматовский
И замасленный бушлат

И кривясь улыбкой странною
Держит пальму ресторанную
Будто зонтик или флаг
Приближаются кошачие
Рыжесерые незрячие
— Будешь помнить или как?

Усмехнулась понимающе
— Посоветуйтесь товарищи
В общем можете идти —
На часы гляжу растерянно
Как плывет в другую дверь она —
Время ровно без пяти

Рядом девушки хихикают
Огоньки в окошке прыгают
Наше дело — сторона...

Но была она — вошедшая
Пьяная и сумасшедшая
Величава и страшна

97. КРИК ЭЛЕКТРИЧКИ

Как электричка неслась и кричала
В ночной подмосковной пустыне!
Как электричка неслась и стучала стучала
Всеми своими вагонами полупустыми
Без головы и хвоста без конца и начала
Блюдца жестянки и банки дребезжали в
заколоченной даче
Так электричка кричала — неслась и кричала!
Окна таких же вагонов мелькая летели
навстречу
Светом своим мельтеша без конца и начала
Ночь без конца и начала — одни на рабочем
воровском полустанке
Чудилась близость Москвы без конца и
начала
И все сильнее бренчали ведра тазы и жестянки
Чайкою в снег электричка неслась и кричала

Из книги **СОНЕТЫ НА РУБАШКАХ**
1975—1989

«Здесь только оболочка. Слезы вытри», —
сказал отец Дмитрий.

98. ТЕЛО

Продуто солнцем — все в огромных дырах
И время водопадом — сквозь меня
Но стыну гипсом видимость храня
В метро в такси на улицах в квартирах

Меня легко представить как коня:
Храп трепет плоть. Но вообще я сыро:
Вспотевший вкус черствеющего сыра
В рогоже скользких мускулов возня

Костюм дворец тюрьма — миллионы клеток
Страна пещер и чудиц — всюду лето —
В подмышках жмет — и много тайных мест...

Живем привыкли... кажется просторно...
Но вчуже видеть просто смехотворно
Как это решето спит! любит! ест!

99. ДУХ

Звезда ребенок бык сердечко птичье —
Все вздыблено и все летит — люблю —
И на лету из хаоса леплю
Огонь цветок — все — новые обличья

Мое существованье фантастично
Разматываясь космос шевелю
И самого себя хочу настичь я
Стремясь из бесконечности к нулю

Есть! пойман!.. Нет! Еще ты дремлешь в стебле
Но как я одинок на самом деле
Ведь это я все я — жасмин и моль и солнца
свет

В башке поэта шалого от пьянства
Ни времени не знаю ни пространства
И изнутри трясу его сонет

100. ПОЛИФОНИОН

Шкатулка медь сургуч бутылъ с клеймом
Музейный стул — с помойки уворован
Мы в мастерской у Сашеньки Петрова
Покрыты даже пылью тех времен

Я — звучный ящик П о л и ф о н и о н ь
На желтой крышке ангел гравирован
Вложи железный диск полуметровый —
И звон! и Вифлеем! и фараон!

Ведь были же трактиры и калоши —
Всего себя в тоске пересрошу!
Когда ж печать последнюю сниму —

Рожок играет и коза пасется
В арбатском переулке на снегу
Напротив итальянского посольства

101. ПРИАП

Я — член но не каких-то академий!
Я — орган! но не тот куда «стучат»
Я — прародитель вех твоих внучат
Я — главный винтик в солнечной системе

Я от природы лыс и бородат
Я — некий бог издревле чтимый всеми
Я — тот дурак... Я — тот библейский гад...
Змий своенравен: нервы место время

Пусть хочешь ты да я-то не хочу
Я — тряпочка. Я — бантик. Бесполезно
Меня дружок показывать врачу

Но чу — почуял! Как солдат в бою
Я поднимаю голову свою
Стою горячий толстый и железный

102. ЧЕМОДАН

Когда я обожрался барахлом
И стал до неприличия пузатым
Он придавил меня костлявым задом
И брюхо мне перетянул ремнем

Как бодрый шмель гудел аэродром
Волнуясь он стоял со мною рядом
А я — наружу всем своим нутром
Позорно перещупанным измятым!

Закрыли подхватили понесли...
Бродя по колеям чужой земли
Он верит в ярость своего таланта

А я устал я отощал давно
За что мне век закончить суждено
Цыганским чемоданом эмигранта!

103. РУКОПИСЬ

Раскрыл меня ты на смех — наугад
На двести девятнадцатой странице
Оплыли свечи. Все кругом молчат
И дождь потоком по стеклу струится

Дорогой кони скачут и храпят
В кустах — огни! Предательство! Назад!
Мария спит смежив свои ресницы
И в лунном свете замок серебрится

Начало: «Граф дает сегодня бал»
Конец: «Убит бароном наповал!»
Я — пыльный том седого графомана

Но лишь открой картонный переплет
Предутренней прохладой пахнет
И колокол услышишь из тумана

104. 1 ФРИЗ РАЗРУШЕННЫЙ

лицаем кудри складки
и треснувшие крылья
вдавились мощной длани отпечатки
поверх легли тончайшей пылью
стекло крыло автомобиля
закружилась в беспорядке
взмыли
мраморные пятки
беззвучно развалилась
лась половина
и на ощупь гладкий
странно наложилась
ангельский и львиный
нет разгадки!

105. 2 ФРИЗ ВОССТАНОВЛЕННЫЙ

На сером различаем кудри складки
Орлиный глаз и треснувшие крылья
Вдавились мощной длани отпечатки
Века поверх легли тончайшей пылью

Куст блеск стекло крыло автомобиля
Реальность закружилась в беспорядке
Сквозь этажи сквозь отраженья взмыли
Блеснув на солнце мраморные пятки

Вселенная беззвучно развалилась
Реальности осталась половина
Все тот же камень — и на ощупь гладкий

Но на другую странно наложилась
Все тот же профиль ангельский и львиный
нет разгадки!

106—109. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СОНЕТЫ

1. ЗВЕЗДА

С т а р неба круг сверлит над космодромом
Как сквозь вуаль мерцает Э с т у а л ь
Зеркально отраженная изломом
Уходит С т е л л а коридором вдаль

Ш т е р н — лаковый журнал —
редактор Фауст

З в е з д а над колокольной смотрит вниз

Ю л д у з по всем кочевьям расплескалась
и сыгтою отрыжкой — Ы л д ы з !

Мириады глоток произносят так
Здесь блеск и ужас и восторг и мрак
И падающий в космос одиночка

И звездам соответствует везде
Лучистый взрыв: ЭэДэ или эСТэ
Где эС есть свет, а Тэ есть точка

2. ОГОНЬ

Когда славяне вышли на Балканы
Был заклан а г н е ц — капли на ладонь
Из бога Агни вылетел огонь
Зеленый рай синел за облаками

Я слышу вой враждующих племен
Из глоток: Фаер! файэ! Фламма! пламя!
Мы были ими, а германцы — нами
Смерд сел на Пферд, а Конунг — на комонь

Ты, я, они — из одного зерна
Я вижу лоб священного слона...
Лингвист укажет множество примеров

Латинский и г н и с и огонь — в родстве
И на закате окна по Москве
Как отблеск на мечах легионеров

3. ВОДА

Речь как река. Во всем — свои истоки
Индусское у д а течет в воде
И мной разгадан смысл ее глубокий
В — влажность. О — овал. Движенье — Д

О у да ка м ю а ква в а т о в о т э
...И выжимая влагу из волос
Как много дней и солнца пролилось
В небытие пустое как зевота

Я пить хочу. Горит моя гортань
В ней — скорпионы мерзостная дрянь!
Язык мой — враг мой вытянут как жало...

И — разрешилось! Ливнем снизошло
Все мокрое: асфальт кирпич стекло
Ты льешься в горло — мало! мало! мало!

4. ЗЕМЛЯ

Не принял дар. Ударил Дарий о з е м ь
Посла. Шла мгла опустошная з а м
А в результате зеленеет озимь
В лучах и листьях бродим по лесам

Зачем з е м л е мы говорим «С е з а м
Откройся»? Но о страшном ли мы просим?
Блестит и пляшет милая глазам
Стоцветная сокровищница — Осень

«ПРОЩАЙ ДРУЖИЩЕ —

водка и закуска»

«СДОХ БАЧКА! СДОХ! СОВСЕМ

ПРОПАЛ — МОНГОЛЫ»

«УШЕДШЕМУ С ТОСКОЙ —

собака Ларри»

«СВЕЖАТИНКЕ! — кладбищенские твари»

«Соседи по могиле — НОВОСЕЛУ!»

111. СОНЕТ О ТОМ ЧЕГО НЕТ

Яну Сатуновскому

То мяса нет — то колбасы то сыра
То шапок нет куда я ни зайду
Но я встречал и большую беду
Нет близких. Нет здоровья. Нет квартиры

Нет радости нет совести нет мира
Нет уваженья к своему труду
Нет на деревне теплого сортира
Нет урожая в будущем году

Но есть консервы **РЫБНЫЕ ТЕФТЕЛИ**
Распывчатость и фантастичность цели
Есть подлость водка скука и балет —

Леса и степи, стройки и ракеты
Есть даже люди в захолустье где-то
И видит Бог! — хоть Бога тоже нет

112. ПЬЯНЫЙ СОНЕТ

Навеселе под мухой под хмельком
За друга для сугрева для настроя
У магазина вздрогнули — нас трое
А кто-то в одиночку и молчком —

Наклюкался надрызгался надрался
Как зюзя назююкался раскис
Набрался накакался настebaлся
До чертиков! до положенья риз!

Нарезался. Распался по-российски
Пьян в дребодан! в дым! в сиську и в сосиску!
— Поколбасись еще! похулигань
Спой песню нам про цветики-цветочки

Нафиздипупился. Дошел до точки
Пьянь распьянющая! Распьянь и перепьянь

113. 1 НОВОГОДНИЙ СОНЕТ

Посвящается Герловиным

.....
.....
.....
.....

.....
.....
.....
.....

.....
.....
.....

.....
.....
.....

114. 2 СОНЕТ-КОММЕНТАРИЙ

На первой строчке пусто и бело
Вторая — чей-то след порошей стертый
На третьей — то что было и прошло
И зимний чистый воздух на четвертой

На пятой — вздох: «как поздно рассвело»
Шестая — фортепьянные аккорды
Седьмая — ваше белое письмо
Восьмая — мысль: «здесь нечто

от кроссворда»

На две терцины: все что вам придет
На ум когда наступит Новый Год
И все о чем вы здесь не прочитали

И основное: то что мой концепт
Из белых звуков сотканный концерт
Поэзия же — просто комментарий

115. ЗИМОЙ В МАЛЕЕВКЕ

Гнилой кокос плавает в воде чернея
Гнилой канал оплавлен фонарем
Летят из Таиланда и Гвинеи
А друг мой умер в семьдесят втором

Хочу уехать в Ялту по весне я
В апреле мы вещички соберем
Что из того что мы с тобой умрем
Жила бы лишь земля — и радость с нею

Спадает с хвои снег по ветру вея
Дорожек сырь. Скамеек темный хром
Письменник бодр хотя мозгами хром

Душа подонка и лицо плебея
В Нью-Йорке Эдик вылез из сабвея
И жизнь и смерть он чувствует нутром

116. НЕОКОНЧЕННЫЙ СОНЕТ

Четверг. С утра я позвонил в Москву
Сошел с крыльца на снег навстречу солнцу
Увидев близко розовую сойку
Обрадовался я что я живу

Дорогу помню — желтую постройку
Опять сегодня поздно я усну
А в дымчатое нежное высоко
Вливалась синь предвосхитив весну —

И что созвучно всей моей душе
Которую за много лет я снова
Сверкали звезды грозно и лилово —

Почувствовал

117. РВАНЫЙ СОНЕТ

Да все мы — Я! но лишь на разных этажах
Страдания. Сквозь боль и бред предчувствуем
Себя. Иногда как будто рассветает. Тогда
Истина прозревает себя. Вот-вот

Коснется особенной ясностью. Сейчас —
Какой-нибудь сучок, ветка, намек, счастливое
Воспоминание. Уже соскользнул. Не
Удержаться на этом ослепительном

Острие. Сознание разорвано как
Осеннее дерево. Этот листок —
Улетающее вчера. Этот — зыбкое завтра.

А этот

Совсем уже не ты. Снова ощупью
Жадно шаг за шагом, день за днем, ночь
За ночью. Но придет же Весна наконец?
Или Смерть?

118. СОНЕТ С ВАЛИДОЛОМ

Мокрые листья влипли в асфальт
Сентиментально гляжу на природу
На серое небо на серую воду...
В июне меня прихватило — инфаркт

Кажусь себе барином старого рода
Мол пожил и хватит — фойе и антракт
А кто-то гуляет и пьет! И кого-то
Сам черт не берет!.. Поразительный факт

Как выжила жизнь и поэзия в этом
Сплошном советизме! На вечер к поэтам
Опять участковый с повесткой пришел

Сейчас бы (пожалуйста — клетка и птица)
Израниться в кровь... или просто напиться...
Но в левом кармашке лежит валидол

119. СОНЕТ ПЕТРАРКИ I

Если то не любовь, то что же я чувствую?
(Франческо Петрарка)

Но что со мною, если не любовь?
А если я влюблен, то что же это?
Само-му-чи-тель-ство!.. Простите, нездоров.
Заразный. Все. Не прикасайтесь. Вето.

Попался, влип — не рыпайся, не сетуй.
Ведь все живут, хотя умрет любой.

Банальная, как девка из балета,
Любовь, как смерть, расправится с тобой.

И будешь ты носиться без руля,
Безвольно плавниками шевеля,
Во власти волн... как говорит Петрарка...

Где шея начинается изгиб,
Там темный завиток — и я погиб!
Я в зной дрожу! мне на морозе жарко!

120. СОНЕТ ПЕТРАРКИ II

Будь благословен день, месяц, год...
(Франческо Петрарка)

Я помню год и месяц, день и час,
Твой локон юный, вид бесцветно-кроткий...
Тот человек... Где он теперь, сейчас
Тот иудей со шкиперской бородкой?

Я помню, мы накачивались водкой...
Пришла с подругой... Села не дичась...
И день был странный — длинный и короткий
В пустой квартире — в небе светлых глаз.

Я помню все — и тени на снегу
И даже то, что помнить не могу,
Как целовал тебя в тот вечер марта

Не я! Как упивался поцелуй
До крови! Как окреп и вырос...!
И ревность обжигает так же ярко!

121. ПОДМОСКОВНЫЙ ПЕЙЗАЖ С КУКЛОЙ

Вся в ряске течет полудохлая Клязьма
В осоке видна утонувшая кукла
К осени — дождь... Но и солнышко дразнит
Окраина вся менструально набухла

На том берегу — магазины и праздник
Здесь кто-то крикнул а там кто-то гукнул
Там пьяный бежит. А другой безобразник
Чернеет в траве словно жук или буква

Что все это — кукла плакаты бараки?
Наверно какие-то тайные знаки —
И всюду рассыпанные человечки
И желтый закат за поселком — и даже

Лошадь белеющая у речки
В нечеловеческом этом пейзаже

122. СОНЕТ — СТАТЬЯ

«Большая роль в насыщении рынка товарами принадлежит торговле. Она необычный посредник между производством и покупателями: руково-

дители торговли отвечают за то, чтобы растущие потребности населения удовлетворялись полнее, для этого надо развивать гото-

вые связи, успешно улучшать проблемы улучше-

ния качества работы, особенно в отношении сферы услуг, проводить курс на укрепление материально-технической базы, активно внедрять достижения техники, прогрессивные формы и методы организации труда на селе»

123. ПЕЙЗАЖ С ДОМОМ ТВОРЧЕСТВА БОЛШЕВО

«Заходящее солнце косыми лучами
освещало зеленые верхушки деревьев»
(Из рассказов начинающих авторов)

Дом обжитой и барский — довоенный
Бывали в нем и Горький и Гайдар
Я помню фотографию: военный
До блеска выбрит — как бильярдный шар

Старуха знаменитая когда-то
Здесь ходит в джинсах в красном парике
И сценарист таинственный как дата
Весь в замше размышлять идет к реке

А солнце заходящими лучами
Чего-то освещает... И ночами
Из-за гардин в аллее мертвый свет

Как бьется сердце!.. Утром у столовой
Сидят вороны крупные как совы
На ветках увенчавших мой сонет

124. ПУТЕВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

В Северодвинске помню я кафе
Как будто МОЛОДОСТЬ а может быть и
ЮНОСТЬ

Оно похоже было на бездарность
И пахло тухлым пластиком внутри

А из Елабуги привез я сувенир
Гвоздь кованый и синий на котором
Цветаева повесилась* ... В Саранске
На улицах я видел дохлых крыс

— Эй, посмотри! — по бронзе я стучу
Мне в Пензе показали каланчу
Пизанскую. Придавит ведь засранцев

Пухов и сер — не Серпухов — Париж!..
Ну чем еще тебя расшевелишь —
Нашествием китайцев? африканцев?

* Вот как это было. После долгих поисков и блужданий по всей Елабуге наш полувоенный «козлик» подкатил к старому бревенчатому дому. Здесь в те давние дни эвакуации жила из милости у доброй хозяйки, думала свои невеселые думы и в отчаянии покончила с собой неистовая Марина. Прежней хозяйки давно уже не было. Здесь жила новая семья, которая как раз затеяла ремонт своего подгнившего жилища. Сены были разобраны, и толстые балки лежали в стороне в саду. Сам не знаю зачем, я вытащил длинный откованный вручную гвоздь из одного бревна (он сидел не крепко) и взял себе. Известно, что Цветаева повесилась в снях. Страшный сувенир.

125—129. СОНЕТЫ ИЗ ДИЛИЖАНА

1. ГОРОДОК

Обвалы за Севаном — в сердце гор
Ползут в тумане фары — виражами
Спускаются — тревожится мотор —
На дно где городок и горожане

Приехал Гамлет... Друг его — шофер
Ромео — кутежи за кутежами...
Отелло остролицый как топор
И площадь как подмости в Дилижане

Задумчив принц: на стройку туф опять
Не завезли... И гвозди где достать?..
Офелия — глазастик: дома — драма

Какой армянский зодчий рассчитал
Что приняла тщета и нищета
Шекспировские очертанья храма!

2. СМЕРТЬ КРОТА

Из снега Верный выхватил крота —
И выронил... Затряс как бы обжегся
Там — талая вода и чернота
Он — там! — Схватил — и вновь поостерегся

Как с мышью кошка он играл с кротом
По-зимнему стучал в деревьях дятел...

Обнюхал шкурку плоскую потом —
И сразу интерес к нему утратил

Мы ближе подошли и удивились:
Зачем слепой глупыш наружу вылез?
Но видно землю разморило всласть —
Вся в корешках набухла засочилась...

И он проснулся. Тут-то и случилось!
Горячая как печь собачья пасть

3. МОНАСТЫРЬ ГОШ

Паленым пахнет... Безбородый — Гош
Здесь книги прятал — свод блестит от копоти
Да! Тимур-ленг прошел в огне и топоте —
И до сих пор здесь дух горелых кож

Внизу селенье: свиньи трактор грязь
И дом из туфа — розовый ДОМ БЫТА
Века назад все брошено забыто —
Дымится и живет не торопясь

Но черные небритые мужчины
На площади стоят не без причины —
И тот старик похож на книжный знак

Любой из них (придурковатый самый)
Хранит в себе и смысл и крепость храма
Хоть самый храм их — брошенный очаг

4. ЕРЕК ВАГАНЦ

Синицами исклеванное масло
Там на балконе... Из ущелья — пар
В тумане солнце вспыхнуло... погасло...
Но в марте липнет к москвичам загар

— Автобус в Дилижан идет?.. Неясно
Врунишка — но глаза как Божий дар
Среди деревьев розовых и красных
В снегу торчит могила — чей хачкар?

Доехали в такси. Пиджак потертый —
И сам изжеванный, зато тариф — пятерка
Ерек Ваганц! — да — и не прекословь

А горы между тем — страницы книги
Камней шизофренические сдвиги
И землю ткни ножом — проступит кровь

5. ПОЛЯНА В ГОРАХ

Вся в воздухе стеклянная поляна
Лишь тикающий шорох из тумана —
С деревьев тающий и падающий снег

Там — замирающие наши разговоры
И оплывающие кельнские соборы
И осыпавшийся псевдочеловек

И если слушать в молоке в лесу ли
И снега шлеп и проблеск как бы хруст
То различишь дыхание косули
И глаз ее армянский полный чувств

А если выше выше — всей поляной —
Всем слухом подниматься в тишину
То станешь белой бабочкой стеклянной
Иль просто каплей слышащей весну

130. МУЗА

Появилась из-за края скалы на дороге
В чем-то белом подобно тунике. Соски едва
Обозначены, худые колени. В тени лица —
Светлые глаза еще светлей. Миловидность

Юной некрасивости; козья мордашка
Усмешка — быстрый язычок — еле уловимое
Движенье ящерицы. Массив Карадага
Высвечен голубизной. Отрок. Лаванда. Рыба.

И как в н а ч а л е — в музыке и сини
С пучком колючек воронцев полыни
Она прошла ничем не выражая

Божественного отвораченья к миру
И было мне дано (ему — Сапгиру)
Понять что муза не моя — чужая

131. КОКТЕБЕЛЬ

Памяти Коктебеля

Меж Карадагом и Хамелеоном
Как серая жемчужина — залив

Художник на скамье нетороплив —
Рисует скалы точек миллионом

Полынным кругом горы очертив
Сказал Господь: «Здесь будет хорошо вам»
И в солнце на тычке вином дешевым
Упился интеллект и примитив

Где в балахоне греком шел Волошин
Хип «ловит кайф» двусмыслен и взъерошен
Письменники здесь пишут похабель

И в самый цвет махровым их идеям
Живую душу сделали музеем
И Планерским назвали Коктебель

132. ПИЦУНДА ЗИМОЙ

Похожа на Японию Пицунда
Зимою в дождь — и небо как гримаса
Какого-то свирепого абхаза
Газета мокнет — из Москвы — оттуда

Там липнет снег... огни... представить трудно
Безвольные во власти Фантомаса...
Мыс в пену накренься скрипит как судно —
Вдруг лопнул ствол сосны — наружу мясо!

Обречены на грусть и прозябанье
Мы смотрим в небо... Бледными губами
Едва живем... Что час назад промокло —

Все высохло. И ездит по балкону
Наперекор всемирному закону
Стул алюминиевый, что ему — наши стекла!

133. СТОЛИЦА

Гранитный парапет. Москва-река
С утра такси несутся от вокзалов
Миллионы пришлых, тьма провинциалов
Кипят как дрожжи в капле молока

Ночная — корпусами облаками —
Незрячий взгляд, разжатая рука —
Раскинулась и дышит словно Каин
В беспамятстве — уж очень велика

И снова «холодок бежит за ворот»
Для интуриста скучен этот город:
Ни супер-шоу ни реклам ни сект...

Но вдруг пустеет Ленинский проспект
От Внукова как будто ветер вытер —
Текут машины... где-то там — правитель

134. ПИТЕР

Ни лошади на Аничковом, ни да-
же Летний сад осеннею порой
Ни бывшей и стареющей обида
Ни Петр ни змей ни бог и ни герой

Ни в ЕВРОПЕЙСКОЙ лилии модерна
Ни ростры — их русалочьи хвосты
Ни то что всем хронически вам скверно —
(В муть в душу разведенные мосты) —

Другое помню. Утром у вокзала
Шла троица. Ночной триумвират:
Большой как блин дворовый опивало

Алкоголичка — косточка рабочья
И рыженький — сомлеешь встретив ночью
Им двигался навстречу Л е н и н г р а д

135. ЛЮБОВЬ

Надежде Януариевне Рыковой

Пообещала — значит выйдет скоро
Одну бутылку подобрал в подвале
Другие две строители мне дали
Купил треску и пачку БЕЛОМОРА

Стучал в окно — играл как на рояле
«Май дарлинг» вызывал — для разговора
Шипел мяукал... приняли за вора
Ушел в подъезд — опять меня прогнали

Что бормочу лишь ей одной понятно
Вон за стеклом — и нос ее и пятна —
И вертикальный с золотом зрачок

Отец ее и враг из дома вышел
Зачем сказал он то что я услышал?
«Влюбленный в нашу кошку дурачок»

136. МОСТ

Бородачи пузаны — малышня
Гуляем во дворе нарядных ясель
Лепечем и пузырится: ня! ня!
Визжит как смерть — упал и нос расквасил

Влез на горшок величие храня
Все девочек исследует — мамасик
Обиделся: не поняли что — классик
Дым! шоры! обезьянник! злоба дня!

Куда иду я через Крымский мост —
Стальные фермы — балки вперехлест —
Заклепки в два ряда — стальные шляпки —

Весь в солнце — над рекою — в пустоте
Теряя чешую монетки перья тряпки
Завидую высокой простоте

137. ЦВЕТЫ С ОКРАИНЫ

Вьюном ефросинья вся в желтых цветочках
У ржавой трубы где труха и кирпич —
Мильон срамокашек... пук лапушек сочных
И скромный лиловый иван-ильич

Хлион и валерия — белые точно
Движенье души — все равно не постичь
И чемпиоза — махроза мистич-
ческая — вся в клопах и окантах барочных!

Собрать эту живность и нечисть в канаве
Домой принести и поставить на стол
Принюхайтесь к этой любви и отраве —

Как будто здесь чистили рыбу и жрали
Арбуз пили пиво газету марали —
И кровью и спермой букет изошел!

138. ЖИВЫЕ И МЕРТВЫЕ

*При получении извещения
с черным крестом из Праги*

Мой тесть Гуревич Александр Давыдович
И музыкант из Праги Глеб Ерохин
Солагерники — что вы там навиделись! —
И снова вместе — тени духи вздохи

И собеседник мой пожалуй с виду лишь
Еще вполне — он мертв — и ухо в мохе
А если жив ему не позавидуешь —
Кариатида вымершей эпохи

Но в памяти живет и ходит Прага
В глазах блестит предательская влага
Как бриллиант весь мир омыт в апреле

Вон Федоров идет по тротуару
С ним — Цыферов... И эту знаю пару
Кто умер тот живой на самом деле

139. ВСТРЕЧА

Памяти Юло Соостера

Был автобус — ехали к Юло
Было бледно ветрено и тонко
Бормотала старая эстонка —
Их глаза как лед или стекло

Было море ласковой теленка
Лес сквозил что аиста крыло
И шоссе куда-то вверх вело
— М е т с а к а л м и с т о о —

наша остановка

Свечи на земле — на мокрой хвое
Пламя белое стоит как неживое
Позабыл я, ты в каком ряду?

Все что первым — жизнь насквозь — заметил
Чем сквозь холст — в прорыв бумаги бредил
Так и знал что я тебя найду

140. УРАЛ ЗИМОЙ ПЯТИДЕСЯТОГО

Сугробом кровля — овощехранилище
С зарей приводят женские бригады —
Штаны платки бушлаты и заплаты
Внизу темно и скользко — запах гнили еще

Зато попеть позубоскалить рады
Всему научат в лагере: училище

— А эта блядь откуда еще вылезла? —
Глаза блестят и губы виноваты

— Скучает дура по тебе траншея! —
Из-под тряпицы тоненькая шея —
Картофелина вроде проросла

Вверху белеют смутные окошки...
Возились двое на горе картошки —
Да это ведь любовь у ней была

141. МНЕ 12 ЛЕТ

Весь встрепанный и потный со двора
Вбежал: отец!.. И сразу тихо стало
Из темных рук бумага выпадала —
И той бумаге не было конца

Он плакал половиною лица
Над Витебском над мятой похоронкой —
И горе вдаль веревочкой — воронкой
Закручивалось — дымная дыра

Устами — всеми звездами крестами
Отец рычал хрипел: «Будь проклят Сталин!»
Обмолвился?.. Ослышался я? да?

Не Гитлера винил он в смерти сына...
Пусть жжет вас пламя Страшного Суда! —
Да керосина больше! керосина!

142. ДЖОЙС

Ты Гамлет, Клинк. А море как трюмо
 Бык выбривал с усердьем подбородок
 Внизу в подвал с каким-то невозмо
 Омфал... Ку-ку!.. зеленый луч короток

План Дублина — и Трои — и настроя
 Суп из цитат — сплошное недове
 Фантастика такая в голове
 Хоть торт лепи из главного героя

Суть всех вещей — я жду — куда-то делась
 Не прячь глаза и не... — Эт видит Деус! —
 Он растянулся навзничь в острых ска

Собачий лай... Игрушки сэра Лута —
 Песок и камни — вечная минута —
 И ночь полусознания близка

143. ПОРТРЕТ АННЫ КАРЕНИНОЙ
 (С УСИКАМИ)

Она слышала звуки шагов по его кабинету
 Высокая трава мягко обвивалась вокруг
 Впечатление мрака при потухшей свече
 Она боялась оставаться одна теперь

«Вы но не я» — сказала она оборачиваясь
«А хорошо! очень хорошо» — сказал он
сам себе
«Уехал! кончено» — сказала себе Анна
И подошла к трюмо чтобы увидеть

Глядя на тень вагона на смешанный с углем
Какое-то неприятное чувство щемило
Солдаты брякнули ружьями, арестанты

Блестящие казавшиеся темными от ресниц
Приближение поезда... Эта радость избавления...
Усики над вздернутой губой

144. РАЗНОЕ ОБ А. С. ПУШКИНЕ

Заходил Пушкин, он пробегал
«Московский европеец», «Идеал»,
«Трактат о висте»
Вспомнил что у Гете Мефистофель
Прозрачные намеки на отчужденность

Одного недоставало счастью Пушкина
Она выпучила на меня свои большие
Мы заметили уже что неумеренная
Ничего не смыслящему в конспирации

Пушкина убили, непростительная
Что касается нападок Кюхельбеккера
Пациент все слабее. Касторовое

Я пошел на квартиру Пушкина
В синем фраке с золотыми пуговицами
Камышевую желтую палку, у которой

145. ДЕТЕКТИВ

Полицейский комиссар с аппетитом докончив филе
На сиденье лежал фотоаппарат «лейка»
Наконец заключенному передали записку
— Я не убивал ее! не убивал!.. — Вообще-то

Волшебство солнечного дня яркие цветы
Я лежал уставясь в черную пустоту
В одиннадцать часов после короткого разговора
Серое небо казалось ползет по крышам

— Скорее! Там убили человека!

Ничего не понимаю

— Помоги мне погрузить тело в багажник
И перерезал горло ему чтобы не кричал

Наконец убийца (своего рода акт милосердия)
Приканчивает их выстрелом в голову
Суровая деловая женщина за пишущей
машинкой

146. БОДАЛСЯ ТЕЛЕНОК

Упорнее всего Твардовский и редакция —
Кричал и разговаривал причем на разные голоса

Свобода! Легкость! Весь мир обойми
Вероломное нападение в мирной обстановке
Спускаясь по мраморной лестнице и думая
о другом
Мой архив и сердце мое терзали
жандармские когти
Система навесных железных коридоров
Вся Москва перепрыгивала куда-то самиздат
Во дворе на солнце заколачивали ящики
И опять я перепрыгивал в дальнее Укрывище
Во всяком случае Лакшин не задохнулся
Видел же Иосиф сон и поведал братии своя —
Такую одинокую женщину с тараканами и кошкой
Дух истины — его же мир не может прияти

147. ГОДОВЩИНА ОКТЯБРЯ

Барабан под окнами — сразу всех перебудил
«Вставай вставай кудрявая Москва моя»
Забежал во двор поссать — а там еще стоит
в парадном
Жена моя проснулась злая — внизу шел
Кировский район
Шарики флажки плакаты
С КЕМ ТЫ ГОРБАЧЕВ?
Неверие и все-таки возможность решить
проблему
Кемеровскую область оставили без бензина
А Керенского нет! Вот черт — сбежал

Этих молодых людей — им выкручивали руки —
Зашвыривали в автобус другие молодые люди
А цензура мой сонет — зарубили сволочи

На экране телевизора — залитая алым площадь
Инфузории шевелятся в капле дождевой воды
Прочитал же Шомпильон иероглифы Египта

148. ДЕТСТВО

В некотором царстве в тридевятом сорок пятом...
Здесь бомба упала — во всех домах

вылетели стекла

У хирурга смягчились и потеплели глаза
Какая она путанная эта Венеция — искать тут

Тот спал — лицо укрыто марлей — на голове
Схватили во время облавы... Куда везут?

На тот свет?

Английская борзая глядела и шумно дышала
Дали мне колпак и стали толкать: иди мол домой

Выменяли теткину шаль на водку и черняшку
От Совинформбюро: после длительного

сопротивления

Мы стояли в снегу перед чернеющей часовней

Мы шли и шарили глазами подростки —

я и Оскар

На углу Садово-Самотечной и Котельнической
Конь оборотился ершом и бултых в воду

149. МОСКВА КОНЦА ВЕКА

Фантастика — Москва и москвичи:
То лысина, то сталинское что-то
Прохожие громьки кривороты
Бровасты леониды ильичи

Спаси меня Господь и научи!
Постреливают... По ночам охота
А то идут танкетки и пехота
Пронизывают улицу лучи...

Днем — смурь толкучка — плоские затылки —
Не люди а какие-то обмылки
Я сам под мышкой свой качан несу

Мерцая нитью поезда — в столицу —
Убить ограбить затеряться скрыться
В полях Таганки в Кунцевском лесу

150. ИЗ АЛЬБОМА

Фото: на холме желтый дом с белой колоннадой
Фотография учеников колледжа — третий слева
Любительское: с девушкой на фоне чего-то
Он и еще кто-то в комнате — угол окна

Фото на документ: выпучил глаза как рыба
Фото: не похож на себя — голый весь в мыле
Тот же вид — другой ракурс — пьян или не по себе
Фото с закрытыми глазами — убит или притворяется

Переплыв: какие-то люди поджидают у садовой
ограды

Дорожка в парке — солнце — вот-вот появится

Крупно: лицо — мельканье — ладонь лезет
на объектив

Где? Кто снимал? Почему во мне напечатлелось?

Чья жизнь? Чья смерть? Втоптан в глину
брелок с ключом

Фотография смуглой девушки с белыми волосами

151. ГОЛЕМ

Стопнулись на кладбище плиты — кричат и молятся

Раби Лев достал из кармана четыре свечи —
и зажег их

... собираться в гетто группами — в пятого стреляют
— Я — авир! я — огонь! я вдохну в глину жизнь

Войска 2-го 3-го и 4-го Укр. фронтов стремительным

Стальные звенья — о брусчатку Вацлавской площади

Помнишь я купил тебе блестящую зажигалку

— Ты маим — вода! сделай семь кругов
слева направо

Около тысячи иностранных корреспондентов

... и тысячи лебедей шумно поднялись над Влтавой

Колонна тяжелых танков на большой скорости

Слава Богу ЦУ не сумело справиться с ситуацией

Прага ты держишь во рту кусочек пергамента

...когда солнце высветляет в тумане твои ступени —

Градчаны

152. МЕЙЛ-АРТ

Плавающая пряной приправой в супер-искусстве
Юккер ел свой Бекон и запивал игристым
Раушенбергом
В это время Рей Джонсон и Шозо Шимамозо
с азартом
Разделявали тушу коровы — все в крови и навозе
Петер Костерман из Ганновера — бокс 26. 44
И Ры Никонова из Ейска что само по себе
фантастично
Он ей послал свой бокс и двух псов — боксеров
Она ему — свое «ры» пенсне и бородку
Шозо посылаю мимозу твоим шизоидам
Джонсон посылаю тебе Рея — смотрите не подеритесь
Из Австралии — пакет: в нем — Москва и Пекин
Весь мир из себя выворачивается — опоздал
— он уже наизнанку
Из конверта сыплются зеленые человечки Господи!
Кто-нибудь! пришлите мне отпечаток большого
пальца Бога

153. ПАРИЖ

Оскар Рубину

Люблю Париж — с утра он пуст и чист
Под тентом стулья расставляя ловко
(Туристы — собирается массовка)
Гарсон свистит — скучающий артист

Квартал Марэ лилово-серебрист
На заднике — дождь брызнул — растушевка —
Античный хлам — блестящая дешевка
«Мак-Дональд» вылез как из-за кулис

По вечерам — теней и света драма —
Мысль Эйфеля и думы Нотр-Дама —
В аквариумах — розы и амор...

Но в сущности Барбес мочою пахнет
А над Монмартром — призрак в небесах — нет!
Белея куполом сверкает Сакрекер

154. ЭТО ВСЕ О ПАРИЖЕ

В щеголеватых кафе арабы и негры как дома
Москва просто разваливается на куски асфальта
В Иваново-Вознесенске из окна гостиницы глядя
За трамвайным кругом — овраг и конец света

Мне снилась Европы — в подвале поют эмигранты
Голоса за дверями — репетиция в сельском клубе
Шел я к станции полем — посвистывали
птицы — светало
Доисторический пляж и взбесившийся желтый Ламанш

И снова литература: эклектика восьмидесятых
Солнце уже перешагнуло наискосок в комнату
Господи! прости — постоянно обрываются
связи — моя вина

Как быстroteкущие ручьи которые черны ото льда
Целовались на скамье возле памятника Рублеву
В длинной шинели стараясь на нас не глядеть...
Это все о Париже

Из книги ТЕРЦИХИ
ГЕНРИХА БУФАРЕВА
1984, 1987

Генрих Буфарев

ТЕРЦИХИ

Генриха Буфарева я знаю давно, потому что я его придумал. Он мой тезка и мой двойник. Он живет на Урале. Он пишет стихи. Как всякий советский человек, бывает в Москве и на Кавказе.

Генрих Буфарев... Однажды он вошел ко мне, не постучав:

— Пельсисочная, — заявил он. — Что? — не понял я. — В пельменной обыкновенно пельменей нет, — объяснил поэт. — Зато имеются в наличии сосиски. А в сосисочной — наоборот. — Красиво, — согласился я.

— Пространство — транс, а время — мера, — раздумчиво произнес выдуманный Буфарев, и я ощутил в своей ладони его небольшую сухую горячую руку.

155. ПЕЛЬСИСОЧНАЯ

В мурелки шлепают пельсиски
В стакелках светится мычай
Народострах и чуд российский

Жить отдыхать и врать и верить
Рабить стакелку невзначай
и правду выдумкой проверить

Сижу качуриком в отставке
с майороглазым старшиной
Дожали — снова по одной...
Хрегочут глотки в переплавке

А на дуруге — дымовозы
и мразогрязь... божба, угрозы —
живьем корчуют и мостят

Сквозит на взлобье — исинь — ветошь
И любят так, что не поверишь
как бы насилуют и мстят

156. КИОСК КУРОРГА

Киоск курорга: старый добрый пластик
На выбор — сумки, рюмки, жустик, хрястик
— Вам нужен блист? Здесь есть похожий
блистик

Народ глядит. Внутри ряды резин
и никчешек полный гамазин
Набычил глаз небритый баргузин

Тигрессы, вепри, бракодабра, на-
рисованы на майках и штана-
Хватают все. Такие времена

Нет вас не удручает нет! что это —
сплошной обман нарпитом карапета
вампука, кривошвейная работа

Возьмите в руки эту пару, братья
смотрите: не услады, а усраты —
распороты и буфли оборваты

Вы сами два солдута в наборе —
В ничьей культуре, в выдернутом мире
И что за игры там — на верхотуре!

157. ДОМ ИЗ ДЕТСТВА

Одноэтажный дом с высокими
белыми окнами помню как дум
с белыми окнами помню как дым
одноэтажный с высокими белыми
помню как ветер и помню как шум

158. ГИСТОРИЯ

Звал ковырялу Главный Бутафор
и приказал: расковырай мне двор
не то с тобой — короткий разговор

Звал каменилу Славный Буфари
и говорил: мне известъ затвори
и каменную повесть сотвори

Звал меднолюба Гневный Фарибу
морщиной храм изобразив на лбу
он вырешил: измысли мне трубу

Был двор изрыт. Собор построен был
И крылоса охрангел затрубил
как бы Господь пришел во славе сил

И жители бежа на трубный зов
кричали так, как будто взят Азов —
И громче всех — сробевший Буфарев

Но всюду были ямы, камень бут
был Футариб раздет и необут —
и навернулся в яму Фарибуд

И умер Арибуф. И до сих пор
туристы посетившие собор
идут к автобусу через изрытый двор

159. ПОЕЗДКА В КОЛДОБ

Питутели приехали в Колдоб
Подумал предпрятель: «Ах ты чтоб...»
Задача: отстающим вымыть клуб

Лыснюк, грустнюк и белоклочковатый
полустарух по-модному одетый
глядит: полукотеджи — полухаты

Скружаются к бибобусу фигуры
У дверцы — озабыченный который
не в складь — не в мать заводит разговоры

Лыснюк ему лопаточкою — брысте!
Полустарух собрал себя на части
Винтарь щепу и тракты смотрят гости —

Куровники муровники — охмурь!
А баграном со сцены (верь — не верь)
«Весь ураган доложим без потерь!»

Потом читали подыхая мух
места — отдельно — выжимая смех
лыснюк и молодой полустарух

Теперь — грустняк. Он честный и очкастый
Он с отвращеньем в рифму мыслит часто:
за час — пятнадцать, а за двадцать — триста

Давай, Бруснюк, дави их эрудитом
в мощь децибел! — и каждого при этом
всенепременно сделай патриотом

Зови, Песнюк, чтоб каждый первокурсник —
неруха знал: гудит престольный праздник!
Колдобник чтоб задумался о жизни

Не галочкой, а козырем прошел
«Ну прощевайте» — женщины как шелк
— Питутели питуйте хорошо

Куб опустел. Известка — голяком
Осталась память хухом — чесноком
И предпритель быдто незнаком

160. КЕРЫВНИК ТАЙ ПРАЦІВНИК

Шахтер — большой и шумный сухожил
— Пишлы до баб, — другому преложил
— Поихалы! — обрадовался ты-л.

Будынок видпочынку — тю! — СТАХАНОВ
Блюкають хлопци в поисках коханных
В фойе физдеш: Гоните фулюганов!

Сторонкой — в лифт. И той — мужик огромный
— Працууй, казав другому, жмы подъемник! —
Тот и нажал, хоть с измальства был скромник

По коридору темень, як в забое...
Дви дивчины. И наших було двое
Ге, совписуе, значить роковое

Приподнимае кофточку рожеву
два порося... — Мы — не помеха? — Что вы?
Халатик расстегнуться був готовый

Подруга — быстр и смугол — ни словечка
Спросил: — Откуда? — Отвечал: — Узбечка
Татарка — и казанская конечно

Под окнами грымыв зализный шлях
Блымали зори, огоньки в горах
И там был Бог, а тут сидел Аллах

И пировали двое великанов
краса и блесс одесских ресторанов
и гурия из рода Темир-ханов

Овчар склонял коровушку к амуру
Товарищ обнимал татарку-дуру
Спивали хором: — Взяв бы я бандуру

И вдруг сказал товарищ напрямик:
— Ты — працевник, а я, брат, керывник
Я к обчеству шановному привык

— Нехай працное витры над хвылыной
Нехай працное ричка коло млына
Видпочиваты хочу, геть, хамлына!

И счастье наступило в сей же миг

161. ХОРОНЫ БАРАКА

Тут с поезда сойдя, казалось, только шаг
забор? Нет, здесь описывали круг
автобусы — и дальше был барак

Охристая стена — в такую дальину...
Стежком пройдя снежком и подойдя к окну
заглядывал как рыба в глубину

Там в солнце сдвоено: какая-то доска
блеснул очками, кажется, Оскар
качнулась комната как некий батискаф

Хоронят или блазь? Хоронят: слышу медь
И стылая со ржавчиною сельдь
лежит в сугробе так, что любо поглядеть

Из коридора вышли Валя и Оскар —
на яси снял очки, глазами поискал
(от дужки — вот — полоска у виска)

Да, видим: понесли народом долгий ящик
с окошками и крышей настоящей
Несут барак, потряхивает вещи

Там с полки сыплотся кастрюли, чашки, плошки
кровати ездят, падают подушки
Из форточки на снег выскакивают кошки

И видно, как все меньше раз за разом
несут на белом к смутным тем березам
дощатый гроб великим переносом

Когда я проезжал и видя корпуса
(забыл упомянуть, что здесь теперь Мокса)
другая жизнь, другие трубеса

162. ХМЫРИЗМЫ

Из многих лиц слагался хмырь
над морем наводя на душу хмарь
переползала облачная хмурь

И будто въявь я встретился с хмырем
когда вдоль моря шел я пустырем
и мир кругом был хвоен и огром

Туману может быть благодаря
вдали на белой гальке, где коря
коряжится, увидел я хмыря

Был в кепочке, нет — лыс и седокур
сидел в развилке, где целуют дур
такой худой и в маечке амур

И глазки так размывчиво — скорей —
жалючи... Хитер! нет я хитрей —
что в своей жи не видел я хмырей!

«Давчемлособств!» Себе я говорю
пришел смотреть дымясь я на зарю
Пусть в брызги..юсь! не дамся я хмырю

Вдруг вижу вдаль: вдоль берега лежат
десятки тел лежат, как рцы на гряд
Я слышу крик хмырюношей, хмырят

Там — мертвый адефлин у бахромы
ухмылкой морды будто молвит: хмы
Скружились, отчужденно смотрят мы

Там в желтом супе плавают хмыри:
газеты, пластик, юфть, хоть гнем гори! —
И грязное величие зари

Все голо — кость и камень — вот их мир
Все сбрито, стерто, сношено до дыр
и в человека водворился хмырь

Но съест его он скоро изнутри

163. ПЕРЕМЕНА

Дует ветер порывисто и смольно
разволноволновывает пальмы
Воду всю в курчавках видим вдаль мы

Вдруг рвануло флаг шток — сник тряп

Перехлебнулось как задохлось в хвое
Дрожь прошла переберебирая веер
Дрыгнул лист глицинии — проверил

Небо стало... лишь ласкательные волны
полоскательные

164. ХРСТ И САМАРЯНКА

Красавец ждал — автобус

ВИНТУРИСТ

Народ был пестр — осваиванье мест
Подтягивался — торопился хвост

— В пруж! — рывкнуло в два микрофужа разом
Наш дом дал дым... и явно был «под газом»
наш красовод с развесистым под глазом

Ну-с развлекай нас милый куровод
рцы в мирошиш брадатый э-энекдот
пуст квохчут женщины, грегочет златорот

«Адна армянка Сарра Федосевна...»

Все: гры, двры, кры, гзы, псы, кровьи говна —
кавказисто как будто нарисовано

Ноздристый кмнь — сплошь кровавая стена
крст зрелая хурьма ветвями оплела
кого ты прячешь посреди села?

За крысоводом — врта в стене — труисты...
Вдруг небо Иоанна Златоуста
нас высветлило весело и чисто

Потомкам верующих — новым дикарям
большое А созвучное горам
как на ладони протянуло хрм

Вот тут пришла пора ХРСТУ И САМАРЯНКЕ
Колеблемы сошли они с картинки
беседуют — босой ногою на ступеньке

Нездешний воздух душу холодил
И даже златозубый крокодил
в своих печенках что-то ощутил

Пицунда Гагры Лыхны Гудаута
Здесь вся земля замешана на свете
и пении — и радостью прогрета

Здесь древоцерквоиноградохрамхурьма
переплела все души и дома —
и далеко внизу — бус, красовид и мы...

Здесь плавают курлы, дракони и грома —
Кавказия...

165. ПОСЛАНИЕ — САПГИРУ

Твой вислозадый ус, твой волосатый пуз
по перышку я описать берусь
Прощай Сапгирыч — молодец-дедусь

Форфора чашечка и листья глянецом воска
и Питиунда про — всю вылюбили, тезка —
ты — черномор и я — кусок довеска

Дождь на шоссе, смиренный вид коров
Я — буф! я — пуф! из трубочки искрев
Из ничего сложился Буфарев

Я — клоун! цирк! — но и в брезенте дырка
Я тот мальчишка — «посмотреть» — из парка
Ага! попался! ждет годяя порка

Тебе в тумане чайку вместо рук
я протяну — расстанемся, навек? —
Все буду жить и ждать глазами всех собак...

Бери, Сапгир, дарю свои терцихи —
хоть бы они завязли в чьем-то ухе
и то мне хлеб — хрычу и выпивохе

Но ты — не Герцен, я — не Огарев —
хоть кроликам скорми! Прощай и будь здоров
Мкрч! Твой лоскутный тезка Буфарев

166. КУЗНЕЧИКУС

Давиду Шрасеру

Оретикус моретикус кантарус! —
Свою латынь теперь изобрету
Я над любой фонемой ставлю парус
Жив сретик вживлением в ничту

Как ариель взбежал на звездный ярус
Кричу судьбе: огнем его! ату!
И сам себя хватаю на лету
Жгу в ярости! — На сцене — пыль и старость

Беру ваш мир — и этакий макарус
Из стеклодранок строю аппаратус
Кузнечикус — и зинзивер икарус!

Не звездомер не время-акробатус
Сам-сон лечу и нет пути обрауунс
Пусть солнце попадает в точку! в ту!

167. БУТЫРСКАЯ ТЮРЬМА В МОРОЗ

Моксовые дворы белеют кры
Сверкеет небо как седая ры
с утра еще морозище ветри

На холоду гляди потусторонна
тюрьма в снегу большая как ворона —
она сидит и ходит как ворона

С Ивана начиная — с башни дуры
домашним страхом дышат кирпичуры —
всех выше профиль сталинской бандуры

Наверняка с такой мороз и снег
какой-нибудь залетный «человек»
фланируя планирует побег

Когда спят и гаснут фонари
еще красней морозище ветри —
еще и с вышки вертухай смотри...

Душа успел — пролезли проскочили (ха!)
не выдали его не «замочили» (ха!)
В пустом трамвае — до ВДНХ

А там до Ивантеевки — такси
Душа расслабься! Скука не крыси! —
у шефа БЕЛОМОРА попроси

В кабине черный свет летит свечой
так жарко что горит — знобит плечо
и ноет девка — рана: чо да чо?

Вкось зеркальце ныряет глаз — чекист
«емутовсеравно» — вези таксист
пусть буркалы твои слепуша съест — артист!

Заветный дом — светло заморожено
От крыши тень — крылом. Стучу в светло
перепелом — там ждут меня давно —

Ноэтонсвозметоневозмо!.....
На дверь и стены зырит как в трюмо —
и там — я сам — портрет и натюрмо

Джазморж — еще ветрище! — и Бутырки
дуванит вовсе каменные дырки
скрипучит карусели в детском парке
Скрипачит и качели в дымной пурке

168. СУМЕРКИ

Манеж в опилках — наломали дров
а вывихи которых будь здоров! —
в любой из одиноких вечеров

когда нарепетируешься со
товарищи — серсо и колесо
огнями рассыпаясь в нарисо-

Твое лицо в привычном кукаре
из зеркала кричу тебе навстре
и слышно: ржут горынычи в горе

Улыбку снял — кругами на воде
расходимся — и оплеуха где?
Сам незнаком — уже в другой оде

...усталости — погаснут все они
По коридорам — ответ беготни
...о притолоку — голову нагни

По стенам осыпаясь тарака...
и с прочим пестрым ворохом рука
кладет на дно — и в солнце городка

где девичье на третьем этаже
где позвала — и никого уже —
распахнуто

169. ЧУРЗЕЛ

*Памяти Тоси Зеленского —
подмастерья Татлина*

Сидит чурзел на курбаке лицом как желтый жаб
хлебает Хлебникова суп — античный водохлеб
он видит сквозь и срез и врозь — фактически
он слеп

Ладони сани млину гнут — сметана сатаны —
удочерил и в девы взял как вылепил жены —
весь млечный путь губам прижечь — все
гродинки спины

Горягой книгу кухватив летатлина рука
над виноградником летит куступам Судака
где всинева и всеблака — сомнениям близка

Чурзел ты муж! лицо — пейзаж
из выдубленных кож!
ты скроен так! — горелый пыж! — по злomu
ты хорош —
летают гуки как огонь! — а умер... ну так что ж...

Мы — кипчаки от стрековиц до слюдевинных
крыл
тот — степь лиловая цветов — а этот —
серый Крым —
вдали сошлись гора к горе — теперь поговорим

170. ПАРЕНЕК И ГЕРЛЕСКИ

В наш клуб приухали герлески —
цыганско-русской по-одесски
интрепетации обноски

Два метра ноги — флеш и пляски
А у меня в моей коляске
полинизейка на присоске

Подраливаю к гитаристке —
в шузах и патлах — парень свойский
«Ай лав ю!» — и по Гиляровской

В экстазе жму! — под локтем сиськи
Она моя! — и вру ей — брыське
что городок у нас таковский

что быт степной — почти техасский
что там я вроде Смоктуновский
и что гриль-бар у нас по-карски —

турусы в общем — боль и сказки!
А сам — в трусы — и фингер близко
москвички эти — польки чешки —

распалась вдрызг!.. А город мерзкий
Швейцуг в отделе СВИНТУРИСТЕ
загородил лопатой барской —

Оберегают джинг и рвиски
Давлю стекло — я мальчик дерзкий
Мне хук — я брык... У! бийца в каске

попался бы ты мне в Хабаровске!..
Ну в общем как окурок в миске
сiju — генуг — в своей коляске

А мимо спрингуют сосиски
хоть презирают попкой детской
ай соу — хочется раздеться...

Приду как Зоро в гневной маске
Как Рембо прыгну — лев и мускул
любую выдержу нагрузку

но таун этот идиотский
весь разнесу машинкой адской..
А там пусть скажет суд советский

171. ВОЛК В УНИВЕРСАМЕ

Надоело мне бегать полям и лесам
отощал мой кайсак. Дети просят кусам
хоть горячих кругал в котелок набрасам

Сколь бетона и звона — красиво кругом!
У вокзала торгуют пустым пирогом
Кунья шапка ворует а мы не могём

В холодильнике — праздник — выходной —
никого

Не несутся несущки в НИИ ни в КОО
Скрипнул зубом: поеду! пусть оно далеко

Сбил стаю — зубасты мохна
и шофер наш — такая махна
белый путь — Волохна Болохна

Вспоминали как древле в лесу
я догнал и загрыз колбасу
А теперь все — в Моксу да в Моксу

Вот течет не уместаясь в берега
Как ударит сковородкой утюга!..
Взяли с тыла — проглядели нас — врага

Нас тьмы и тьмы волков — провинциалов
На площадь мы плывем со всех вокзалов
и солнце зимнее — кровавый оковалок

Да! видим! — небо заслоня колесом
стаканно светится колосс УНИВЕРСАМ
мг — мгают буквы на фасаде А М

Легендой манит путника витрина
Оранжевое боком апельсина
вернулось детство — «Сыр и Ассортина!»

Я пры — я прыгнул шапка с волчьим ухом
навстречу прыснуло сосисками, горохом...
Все покупаю! — не рассыпся лихом

Так два часа толкался как в раю
набил моксой горбушку до краю
Бегу чужой — своих не узнаю

Один старик узрев мои горбы
сказал мне внятно: «постыдились бы»
Я огрызнулся: — Постыдитесь вы! —
едой гонять... за тридевять... судьбы

172. ОЧЕРЕДЬ

Венечке Ерофесву

Государство нам перекрыло кран
но еще шумим — спорим по дворам
С двух часов стоим — очередь во храм

Наши тени по асфальту по земле —
просто каторжники сущие Домье
Протестуем неразумно как в семье

— Либер! Либер! — протестующий хрипит
— Из водяры тоже маде дефицит! —
Теща — ящерица слушает и спит

Впереди тоскует плешь. Сзади за —
нос грустит и разъезжаются глаза
дальше лица — как солдатская кирза...

Вот и девочка — старуха — надцать лет
а глаза — плевок! а душа — наждак! —
это ж надо так себя вывернуть суметь!

Что ни личность — околичность. В той чаще
ни проехать не продраться — что ещё —
скукотаща! — глоток тыща! — леж-би-ще-ё-ё...

Дрызнь об нас обколотила все углы
Мы бы рады стать красивей — жены злы
вот и пьем и вяжем мать твою в узлы

Ветераны-ны медаля-ля трясут
с фотокарточки глядят — народный суд
дай им волю — все порушат разнесут!

Размахнутся коммунальными Махно
развернут свои тачанки (как в кино)
и с бугра из пулемета — каждый знает
сам в кого!..

А пока пока по капле в даль двора
продвигаемся в затылок — номера
Горы ящиков и солнца штабеля...

Дом поехал... «Всем не хватит» — голосок...
Известь трескается... сыплется песок...
Водки нет уже — в бутылках ржавый сок!

У дверей скорей скорей — терпенья не!..
Дуська плавает руками как во сне...
Тут же стриженный другого жмэ к стене...

И пошел скорей скорей — терпенья не!..
Дуська плавает руками как во сне...
Тут же стриженный другого жмэ к стене...

Так и надо нас — смурьё и старичьё
На износ на выброс — кости и тряпьё!
Пусть над свалкой — небо птичьё и ничьё

Цикл ЭТЮДЫ В МАНЕРЕ
ОГАРЕВА И ПОЛОНСКОГО
1987

173—187. ЭТЮДЫ В МАНЕРЕ ОГАРЕВА И
ПОЛОНСКОГО

1

Никто! Мы вместе только захочу
на финских санках я тебя качу
ты гимназисткой под шотландским пледом
а я пыхтящим вислоусым дедом —
и разбежавшись по дорожкам льдистым
сам еду на полозьях гимназистом
Мы — отсветы чужие отголоски
мелькают елки сосенки киоски —
и с хода на залив где ветер дует
где рыбаки над лунками колдуют
где мне в лицо пахнет твой волос дымный
не нашим счастьем под луною зимней

2

Снежный ветер дует с белизны залива
рыбаки на льду чернеют сиротливо
Зябко — руки в рукава шинели прячу
и дышу в башлык — иду к нему на дачу
Долго буду там в углу снимать галоши
юной горничной шинель смущаясь брошу

К лампе — к людям — в разговор!

«Хотите чаю?»»

за чужой спиной себя на стуле замечаю
и рука с кольцом холеная хозяйки
чашку мне передает «Возьмите сайки»
Обыск был у Турсиных — всё ли цело?
Все сидят наперечет — люди дела
Маша светится свечой — чистым счастьем
и на сердце горячо что причастен

3

Прочли письмо узнали росчерк
вот кто иуда! кто доносчик!
Тянули жребий — люди чести
и тот кому достался крестик
взял револьвер тяжелый как замок
кивнул и — в дождь...
Ждал долго... Весь промок
Сюртук тяжелым стал хоть выжми
но ствол сухим держал под мышкой
всё вглядывался в ночь откуда
сейчас появится иуда
всё пальцы разминал которые свело
и всё спешил душой пока не рассвело

4

Еще пел соловей в бледных зарослях мая
комары уже открыли пляжный сезон на заливе
Ты брился отдувая щеку в зеркало
подкручивая победные усики

ты душился пачулями
и был глубоко и серьезно несчастлив

Она шла и шла по чуть заметной тропинке
расталкивая коленями тяжелый шелк платья
не хотела слушать никаких объяснений
и не успевая сам за собой
ты спешил впереди себя
за взволнованным демоном цвета морской волны
даже схватил ее за руку
нетерпеливо отдернула
отмахнулась от комара
локоть заехал тебе в лицо
было неловко и больно
она сердилась
все было кончено

Револьвер был чужой и тяжелый
как амбарный замок с ключом
но что делать! —
во всех столичных газетах
уважающая себя публика
стрелялась только из американского
СМИТА И ВЕССОНА
и представив себе ее слезы (будешь! будешь!)
допускаю ты застрелился
ведь когда я встал со скамейки
ты остался на ней полулежа
куколкой — раскрытой оболочкой

Кольхаясь на ветру блестящей тканью
шли из Хельсинки длинные фургоны — машины

время здесь пронизывало время
(крики лыжников их быстрые тени)
... и полней блаженство возвратиться
возвратиться чтобы застрелиться

5

Опять на финских саночках тебя качу качу
и волосы кудрявые щекою щекочу
ты в муфте прячешь кроликов — я там и сам
живу
полозья наши скрипнули со снега на траву
цветы такие нежные что кисея — внизу
давно по лесу летнему я саночки везу
твои глаза смеются: нет! — и губы как оса
а брови твои ласточкой ширяют в небеса
Ныряй сквозь солнце ласточка!
взгляни раскоса как
нас под медвежьей полостью
уносит прочь рысак
(платок из муфты вынутый нетерпеливо мнут)
мы до моста Елагина доскачем в пять минут
Зажглись электролампочки у Зимнего в саду
тебя из века вашего как прапор я краду

6

Свесил усы и глядит дед
видно что свитер мешком прямо на тело надет
джинсы на бедрах не просто в обтяжку — в облип
взглядом по швам по медяшкам — сразу погиб
тут и причины не надо — молодость — вот и
предлог
абрис груди показать — крепость и грацию ног

Смотрит Обломов и Штольц — и Короленко дед
это парнишка из Штатов — пастух... двоеполое!
бред!

7

Ты меня зовешь взглядом
в какое-то достоевское до-блоковское
дрожки одинокий прохожий
Парголово Павловск Териокки
пустынный вид залива Финского
почти что Эда Баратынского

Ты меня зовешь смехом
парковая статуя под снегом
девичий портрет — Маковский Репин
и кумиры: Царь Жорж Санд Тургенев
рассмеялась — и блестят блестят испуганные
так придумал что почти что вспомнил

Твой смех перерастает в кашель
Ну теперь что доктор скажет
мыза кумыс Баден-Баден Ницца
мама брат жених — уйти уединиться
Монашка деловито: «какая красавица!»
Жизнь короткая почти как детское платье

8

Твои веки — спящие голубки
и порхают быстрые улыбки
встрепенулись под рубашкой два голубя
и взлетают руки твои голые

так прекрасно что держу пока
третьего меж кружев голубка

Расскажу тебе свой сон откровенно
пусть уводит по руке бледная вена
снилась мне ты с нэпманами лысыми
и не с лысыми — с большими крысами
в мюзик-холле с толстым червяком —
покупал а сам едва знаком

Декорации переменялись сразу
раздают тебя солдатам по ленд-лизу
получил брусок тебя — точно масло
спрятать в тумбочку хотел — нет! Опасно
уронил искал и сам в месте том
поскользнулся плюх — в тебя... В руку сон!

9

(из Уланда)

Иди ко мне — ты — жизнь моя живая
Уйди — ты — смерть моя — сомлело сердце

Я все что горько жизнью называю
а все что сладко называю смертью

10

«Она его не любила
а он ее втайне любил»
Неужто все это было?
И век девятнадцатый был?

Мы пугалом сделали атом
мы вызвали нечисть из тьмы
Подумать что с веком двадцатым
уже на исходе и мы

И все же затянем уныло
мы внукам своим из могил:
«Она его (жизнь) не любила
а он ее втайне любил»

11

Воронье царство у реки —
крик по верхам орленым
В Кремле латышские стрелки
стреляют по воронам

По выправке военный спец
иду в шинели долгой
Бежишь — и март как леденец —
ты худенькая с челкой

Нет! мы встречаться не должны
Патруль чернеет у стены
Но обмирает сердце...
В дни революций и войны
любовь мудрее смерти

12

Будда — путник золотой стоял у храма
и бежали дети — вся его охрана
нищенкой лежала на ступенях ты

Сам я — тоже в желтом — стрижен под «нулевку»
с миской белой жести — но просить неловко
если б только пищи — но еще — любви

13

Стала появляться где и не хочу
даже в пошлой очереди на прием к врачу
даже в переполненной утром электричке
даже на экране — почему-то в брочке
и хоть непохожа на тебя Алиса Френдлих
в этой утешительной сказочке для бедных —
завитки на шее поворот головы
скорая походка людей деловых
и что-то довоенное как мятное драже
обложка мягкой книжки зачитанной уже
эта статья мальчишеская дерзости броня —
и странная уверенность что ты нашла меня

14

На выставке мейсенского фарфора
вдруг вспоминаешь город который
отец наш работал на ИСКОЖДЕТАЛИ
дважды во время войны утварили
город который остался деревней
лишь монастырь — общежитие — древний
сонный пуховый — зимой и летом
сидели с коптилкой — не баловал светом
чувствую с детства что-то утратил
был у меня Сережка — приятель
однажды гляжу на него и через
кожу вижу зеленый череп

главное сам я не испугался
череп светился и разлагался
что-то со зреньем (подумал)... но вскоре
мальчик Сережа умер от кори
гробик ветер гроза... и сразу
про всю в ангелочках немецкую вазу —
я пропускаю года четыре —
она стояла в московской квартире
на пианино достойно и чинно
но прежний хозяин (я чуял) скотина!

15

То достаю из прошлого то в настоящем прячу
то вырву кусок киноплёнки из времени наудачу
а лучше всего твои лица склеить в виде кольца
и запустить на монтажном столе — пусть светится
без конца

Из книги ДЕТИ В САДУ

Лето 1988 — Коктебель

«То, что Чайковский говорит, для меня потому уже многозначительно, что он как бы подсмотрел художественное направление, по которому меня постоянно тянуло и про которое покойный Тургенев говаривал, что ждет от меня стихотворения, в котором окончательный куплет надо будет передавать безмолвным шевелением губ».

Афанасий Фет — из писем к К. Р.

188. САД

Алеше Хвостенко

тсюда сад глядится темн
коридором и леском
а оттуда — незнаком
холостой пустыней комн

там солдатск полос-крова
лампочка без абажу
на столе стака и нож...
здесь мельпещут всевозмож
льки и бабочки и жу
розы в сумерках крова

небр дбородок запроки
из-под века — смурый зра

двери гнусное поскри ...
здесь ночные табаки
пахнут — сердце замира
а гвоздики — хоть умри

где бы ни был — zde и ве
мне сквози двойная те —
кровь и рвота на газе
мяч потерянный в траве

189. КАМНИ

белый берег на колот как сах на кам
ое лице — их сер бокам — щербакам

кажд кам испещр трещ
рас колота дая вещь

дый миг колот как сах
сто фото — и все в усах

слайды слоен все тоньше и тон
кажд фотон — на св и на тон

кажд точ пожир друг алч
а целое — вот! — непо хоть плачь

190. СИРЕНЬ

рень крупн куп оккуп сер двор
главн куст весь в звезд сир! монсеньор!

пруг стья по сто в ряд
ловые груди и ды стоят

кольш вет пышн юб глуп дам
(не торп) хоч хлоп по зовым задам

круг флирт со мн весь день сирень —
то глаз то жест то тень то сомнень

сумреч — веч засвечжество свеч
в стьях девич лич точь-в-точь — ночь

чу! звуч птич речь — там внутри —
озар пещер — порох! ворх! — два! три!

мереч свет на вет птич луэт
пещет горл трр! — плеч путь — счатицвет

191. ДУРОЧКА

вочка блед и худ
мы и ба — труд
носят-вы во двор
ру и но — пал
 лыбкою оскал
видит ли кого?

ломенная чел
падает на ло
шадинос-ло
 щавое чело
ВСЯ — я прочел
СВЯ — я прочел

сжалась как озябл
и крич по-птич
бесприч хныч
и косноязыч
седи были добр
рочке дали ябл

смотри не дыша
на леньи ша
нета плывет
скаливаясь ра
— вот ака! вот!
ба отобра
«мы ведь ей добра»
окость-жест в крови
тельность прояви
чала не поня
что у ней отня
рот зинут-ра
ная дыра
захлебнулась в пла
ками-язы пла
бедный мозг охва
зайчики крова
ня! ня! ня!
ну зачем отня ?

192. АКАЦИЯ

дкая ака свис вниз
на городь бел в пчел грозд

вечсром вочку из-
нисиров щавый подрост

слад фюм как из боч
шатся — нет не надыш
здесь у ней — рыж сосоч
там у ней — пах и мышь

шевой пудры зап
гу сжаты замоч
нул-опорки внезап
в вет — в цвет — в ночь

как их несла ака !
как их каче кача !
«ах ты моя промока »
глаз — и слеза печа

белый петух на кур
чели летя к звезде
ах! эта дурь... накур
ох! шорохо... везде

ночь затоп ака
улком лун повис
двое — из тени — пац
прац свис в вис

блес ослеп свет
гасн и св и звук
вот он ломая вет
дает ломаной кука

ровно т-ррр верчок

в гуще ака — рука
кровью цв намок — (черн)
мес ныр в блака

193. ДЕТИ В САДУ

Миле — 7.7.88

сон моей ду
дети в саду
теяли игр
вочку настиг
леблемый свет
шуном налет
прыг и повал
взгля — наповал
деялся и смущ
маленький мужч
взгл исподлоб
женская проб

дудка во сне
с площади — снег
тесная комн
взгл исподлоб
даже не вспом
нарь и сугроб
блестки снеж
с новою неж
скали друг дру
думал: умру

лежа ничком —
так и не вспом

жизнь испыт
дудоч спит

ветв колеб
свет и неб
стулья тарел
игры «горел
с криками беж
робко и с неж
смуглое пле
как тебя зва
жется Еле
вzgl напова

ренью закат
стало смеркат
острый луэт
торого нет
тетя стара
сходит с терра
шалью укут
— к чаю зовут
дети а вы
так и не вы
ляют в саду
спят наши ду

194. НА СМЕРТЬ ПУДЕЛЯ

пудель наш корич
шайший наш Рик-Флип
в одноча погиб
чсм и возвелич
умер делика
кончился достой
лишь глаза зака
— стой Рikuша! стой! —
но встряхнулся весь —
и уже не здесь

в небесах архан
радостно маха
шистыми хвоста
ша твоя чиста
приумно талан
ты плывешь мой пу
в пеструю толпу
праведных соба
все они тебя
дружелюб обнюх
а на райской кух
постоянно пах
жареной пече
морем крем тече
айсбергами — сахр-ррр!

полдень неподвижн
здесь в саду под вишн
двое в две лопа

ги́лу мы ко́па
ко́рни вы́леза
ко́рни вы́реза
ме́ста на́до ма
ме́ньше че́м младе
бу́ удо́бно зде
по́д зеле́ной ви́шн —
во́т ты и ле́жишь
бу́дто за́дрема
и сверну́ ко́леч
ка́к во́ чре́ве ве́чн

ле́жа на по́дсти́л
ды́ш с оды́ш и ча́ст
все́х ты на́с про́сти́л...
стра́шен и зу́баст
ты а́гонизи
по́мутнели зра́ ...
ну! по́лзи по́лзи
зады́ха от ра́
в све́ и пу́стоту
 тя́гиваясь ве́сь
 сту́па на у́сту
вы́ше вы́ше ле́зь!
ты у́же вы́со
в ко́смосе по́вис —
в бле́ске сере́брис
ка́ждый во́лос
преда́нно ску́лишь
не ро́бей ма́лыш!
ме́жду зве́зд ско́льзя
ты плыве́шь все вы́ш
к но́вому Хо́зя

195. СЕМЕЙСТВО

на косогоре над
белее дом скв сад
там рада моя ду
три месяца в году
стуча печка с утра
машинка на веран
не жарко и не тесн
и лень скв занавес

слежу неравноду
зеленый св в саду
соведи проплыва
как в глубине аква
дыхается хозяй
опухли ее но
легла бы — да нельзя
и умерла бы — но
поспели абрико
и плакать так легко

приеха зяйки до
расползшаяся до
невероя разме
и в клянной полутьме
зовет на море му
лыбається ему
лыбається скеле
торчат мослы коле
в глазах сидит компью
— да я и сам не пью

тербуржец нездоров
и с тросточкой хрома
для дурочки — племя
он протянул верев
от сливы и до ябл
и девочка гуля
держась переставля
и ослабляясь слаб
бескровленными десн
бывает и несносн

а ма ее весьма
кокетлива и жен
лишь в серых зрач уже
нерадость и зима
муж вышел из больни
и прыгал по пути
ступня-то ампути
вина-то никоти
и — боже сохрани! —
а он еще шути

на лезном стуле си
он чинит свой башма
и некого спроси
за что такой кошма —
такое наказан
неуж за доброту?..
из космоса летун
здесь искрой показа
на этот дом и сад —
живые ду не спят .

такое-то семей
и все шутя посмеи
то книги то журна
то полная луна —
и вечером купа
идет толпа мута

больные и увеч
—я вижу — люди счаст
луна и теплый веч
и нежное учас ...
а может быть как раз
пример для человек ?

МЕРТВЫЙ СЕЗОН

196. ВИРУС

начинается с утра
входит мо и в белом вра
и такие препара
окачуриться пора

отдыхаю в санатор
починяю свой мотор
а мои воспомина
плы блаками на меня

день на сумерки похо
кого бегут прохо

даже тени... если чест
сам нырну в любой подъезд

человек — он весь отверст
жется за все ответст
и такое оццуще
виноват — и нет прощце

грустный ком неполноце
пряжение в лице
здесь — при всех — сейчас меня
в стра деяньях обвиня

сзади города простра
полняют волны стра
в дождь от ужаса дрожа
даже зданья искажа

и лягушками везде
скачут — это эпиде
дергается эпилеп
— эпицентр! эп — эп — эп...

почему глаза расши
губы руки — все спеша
что уби тебя сестра
неужели вирус стра

а зрачки все уже уж
стаясь радужной окруж
свет уходит подозри
с потолка свисает гри

погружаемся все глу
лько отсвет на полу

сам трясусь и ты — желе
сподь! не надо! пожале

злым комочком паюсь-сли
мысли — вдоросли — сли
и уже не страшно не
жить как сырость на стене

197. МОЛИТВА

утки летят над мо
солн и обл в дремо

ночь за урал — хреб
в ямине между гора
лагерь от ламп ослеп
качиваются между бара

мо в весь свой разма
лько волны по пляжу разма
динокий абха задрема

ду по льду в громк тиш
солдат в тяжелой шине
не подстрели бы с выш
чувств взгл — на мне
за проволо бесится чарк
сается скалится ярк

там я ищу лю
где их нет и не может бы

лкой стебли и хво шевелю
ягды ловы и голубы

вот я пришел в свой ла
делся залез на кой
спящих солда тела
в кой мне — и мир и покой

лампа — и та не меша
вы воспари душа

лна бубух! — как плита
йки над мо разлета
в лнце зимний шторм
белых ча накорм

Гспди! — я Твой ра
Давший! — всем Тебя лю
наши тела заклю
небо душе пода
нас маята пыга
жизнь надоест — и та
лько воскликнешь: ма!
и сгинешь не понима

Гспди! — я твой ра —
следний между людьми
Давший! — Твоя ра
вот Твоя жизнь — возьми
Взявший! — Тебя бла
слезы — Твоя вла

разве не я в бара
умер — сосед по на

на берегу — коря
вывернута сосна

198. МЕРТВЫЙ СЕЗОН

сок и мякоть пожира
остается кожура
 жура мандари
на песке говори
что конец ноября —
морю то же говоря
черн от вла коря

мерт этот сезон
в ду опущен как зонд
а она в лохмо бедна
 лице увидела однаж
и живет вспомина
 сноязычна и пуста
в стах самшита обита

ду посмотри вда
неужто не вида ?
плями-кап на вет вися
запрокинулась вся
потому-то дрожь — озя
небо вяло и лило
 жется всегда лило

так повсю на земле
стонет суще в томле
воля сердца и ума —

нет они не понима
серд серд — красн ша —
нет они не разреша
точно зыбь в туман — душа

вот и смотришь ожида
в никуда или туда —
лько бредишь тоску
и конца нет этой ску
что-то чудится огром
больше! — зримое Добром —
выше! —

199. РОЩА НА ПИЦУНДЕ

красн будто мореные ство
коряги длинные тени
на мокром песке — торжество
запустени

вздыхающая во
стигающий просто
везде сквозят пусто —
и более того

Непостижим ! — я чувств
между тенями черн
прячет свои форм
чудливо кругло распласт

вчуже сквозит Незри
хвою колыша жабр

внутри глаз озари
мгн обликов собр

одни как будто вражде
другие — как ры в воде
иные вполне равноду
как белые ро в саду

 жется: сейчас уви
все во плоти и крови...
не то что и полови —
 лекулы не улови

дыша и враца с на
во времени и простра
невидима и темна
странная наша сестра

200. КУКЛА НА МОРСКОМ БЕРЕГУ

«что сердцу обида куклы
обида своей жалчей»
(И. Анненский)

ржавый сон на бере выбр
ракови открыла жабр
пластик пальмовые ребр
от Адама — странный обр

и стихая чертит мо
нечто пенной бахромо

будто пишет мне письмо
и при этом вслух бормо

в черных водосл — где? —
мама! — розовый младе
платье мокрое наде
голова лежит отде

и сама себя спеша
— это кукла! — утеша
и себе не ве душа
(кукла старая больша

даже камнем ненарок
дураком уби нырок
и на трех нога собак
так душе не поперек

безголовая сота
ножка вве поднята
пальчики пересчита
мертвых пляжей нищета

и вся муть весь жар со дна
стыд и боль и грех воня —
в крои в пятнах простыня —
не гляди ты на меня!

никого не убива
говорил тебе слова
нет послу ты не права
взглядом небу — голова

все как надо — хлам не собр
ракови открыла жабр
пластик пальмовые ребр
от Адама — странный обр

«Светом слышат ангелы в стане Силоам
детское дыхание — предшествование слезам»
(«Ангелы слышат» — 1987)

201. МОРЕ В РАКОВИНЕ

(шумный долгий выдох)
(шумный долгий выдох) и т. д.

202. КОНЕЦ СВЕТА

(вдох)
свет

(выдох)
конец света

203. ТЫ

вдохни себя
выдохни себя

вдохни себя
выдохни себя

вдохни себя
выдохни себя

вдохни себя
выдохни себя

вдохни себя — как ты вырос
выдохни себя — ты бесконечен

204. ПОГОНЯ ЗА СОБОЙ

(учащающееся дыхание —
ступеньками вверх)

(затаить дыхание
на вдохе)

(выжидающий
выдох)

(учащающееся дыхание —
ступеньками вверх)

(затаить дыхание
на вдохе)

(разочарованный
выдох)

(учащающееся дыхание —
ступеньками вверх)

(затаить дыхание
на вдохе)

(полный выдох —
облегчение обморок самоуничтожение)

205. ВЕТЕР С ХИМЗАВОДА

(вдох через нос) — что это?

(выдох в сторону) — тухлое яйцо?

(вдох через нос) — тухлое яйцо

(выдох в сторону) — хорошо бы выдохнуть все

(вдох через нос по ветру) — тухлое

но кажется терпимо

(выдох по ветру) — не помогает

(ни вдоха)

(ни выдоха)

(ни вдоха)

(выдоха)

(не дышу) — хорошо бы так вечно

(не дышу) — но уже невозможно

(осторожно вдох) — только не дышать носом
(долгий выдох) — ффф-ф-ф-у-у!

(обреченно вдох) — не дышу носом
(долгий выдох) — ффф-ф-фу-у

(вдох) — пожалуйста
(выдох) — привыкаю

(вдох) — отлично
(выдох) — живой

206. ВОДКА

хороший глоток
шумный выдох (с отвращением)
вдохнул кажется чертика
с удовольствием разжевал

длинный глоток
шумный выдох — (не понял)
вдохнул целую толпу рогатых и хвостатых
жую — изо рта торчат хвосты

очередной глоток
шумный выдох — черти сыплются на скатерть
на окружаюших
стряхиваю с себя
с соседки

207. ВЗДОХИ

- (вздох) — этот — частый гость
(вздох) — этот грустит беспричинно
(вздох) — все время что-то тяжелое носит да
еще на верхние этажи
(вздох) — пессимист: «что-то будет что-то
произойдет»
(вздох) — «а! все равно» — этот
беззаботный — и все куда-то убегает мушью
(вздох) — а этот со всеми примирился
(вздох) — этот извините вуквой ошибся —
был Вася стал Бася —
Была ворона стала борона — был просто вор
стал темный бор

208. РОЖДЕННЫЕ МНОЙ

- (выдох) — в воздухе обозначилось некоторое
количество странных фигур
(вдох) — в колеблющемся облике их замечаю
нечто общее
(выдох) — проясняясь переговариваются —
о чем?
(вдох) — затуманились
(выдох) — как будто ссорятся
(вдох) — смотрят на меня
(выдох) — собираются сгрудились их
становится все больше
(вдох) — как они смеют мне угрожать!
(выдох) — эй вы!

(вдох) — да! вы!

(выдох) — ведь это я родил вас всех

единым выдохом

(вдох) — и сейчас вдохну вас всех в себя

(выдох) — уходят оглядываясь

(вдох) — стойте!

(выдох) — мужчины женщины разбегаются

— кажется ребенок

(вдох) — стой!

(выдох) — обернулся — какой неприятный

старик с

обвислыми усами — лохмокосмый горбун —

старший мой брат?

(вдох) — я... это я

(выдох) — девушка — у нее мои птичьи

разлапые брови

сухие глаза и высокая грудь — тоже я

(вдох) стой! стой!

(вздох) — родственнички

209. ДЕТСТВО

К И Н О С Т И Х И

крашенная кровать — скелет динозавра

(ломает пальцы)

хотя и другую помню — станок для пыток

(хруст пальцев)

война — ржавое плетенье панцирной сетки

(высунутый язык)

страшное небо сквозь кружево креста

Видел я как из-под марли
как из черной дырки в горле
вырывается со свистом
темный воздух и мокрота —
и зрачки во все глаза!..
Господи! за что такое?
Или ангелы Твои
все напугали в докладах?
Ночью в зале ожидания
видел я берут с постелей
самых кротких и достойных
шлеп — живьем на сковородку
на арену в когти львам!
— Ерофеев! Ерофеев! —
возглашают мегафоны
А какой там Ерофеев? —
может быть совсем не тот

Ты умешь — это просто
и легко — как вдох и выдох —
счастье истины нам дать
но гвоздем дырявить мясо —
Сын Твой знает — чересчур

212. О СЕБЕ

дышу на бумагу
блаженно рукой помаваю
и славлю дыханьем Тебя
наверно я самый
из них сумасшедший —

из них нищих духом
и попросту бедных
с их тощими книжечками
и кирпичами стихов

213. ЗАТАИВ ДЫХАНИЕ

прислушайся к себе
дыханье затая
из смутной глубины
к тебе всплывает «я»

дыханье затая
ты слушаешь его
хотя не говорит
как будто ничего

ты чувствуешь его
как сон и бытие
и самым существом
оно твое твое

молчанием его
ты удовлетворен
пусть все твое «не я»
кричит со всех сторон

к реальности ослеп
и к внешнему оглох —
и обрывает все
твой судорожный вдох

214. ХРАМ

вверх выдыхаю
плотный воздух
взлетают колонны
скругляются арки
всё толще стены

выдохи сильные
вылепят купол
легкий и звучный
подул — там витраж
подул — там алтарь

каждое утро
так! воздвигаю
светлым желанием
строю дыханием
незримый собор

*ФОРМА ГОЛОСА.
КОКТЕБЕЛЬ 1990 г. ЛЕТО*

215. ПАМЯТЬ

Обратили вы внимание когда по телевидению показывают — когда показывают по телевидению — когда показывают — обратили ли вы внимание когда —

о Господи!

«я не верю во сколько живу в церковь заходил — заходил в церковь — зайду бывало в церковь и не верю — я не верю но сколько живу в церковь заходил»

прости наши про

... глинистая дорога заворачивала в орешник — я поглядел вверх — крупные зубчатые листья плотно лежали друг на друге —

орешков не было видно — может им еще не пора — орешков не было видно — я даже не стал пробовать пригнуть толстые глянцевиные пруты — может им еще не пора — я поглядел вверх: орешков не было видно — мне даже не захотелось пробовать — может еще не пора —

о Господи!

«...когда топчут других — топчут себя уничтожая тем самым Богом данную»

прости наши про

лошадь бежала как-то боком, часто вскидывая крупом — на стальном стертом ободе колеса мелькали налипшие остья соломы — крупные комья глины выпрыгивали из-под подков — шмотья глины срезанные подковами как ножом летели в лицо возница не оборачиваясь
он обернулся и попросил
то ли пел то ли рассказывал
молчал и клонился
...которого я так и не увидел
...на то были особые причины
...даже не вообразить
...не было ни лица ни самого
...у нее было молодое лицо — лицо моей мамы — молодой мамы — молодой

о Господи!

...возможно когда меня везли с Алтая
...глазами младенца
...может быть когда приезжали к отцу в лагерь под Вологду
...глазами четырехлетнего
Дай нам неба Всевышний! хотя бы клочок сенца

но если дом горит — если дом горит — если дом загорелся — запылал с четырех сторон — не уберечь не сохранить не оборонить не сказать

«ты — огонь! ты — жара! ты — пламя! стой смирно дальше не ходи»

ромашка — серый цветок у доро

о Господи! неужели это все? — это и есть это?

216. ПОХВАЛА ПУСТОТЕ

Девушка идущая к морю —

двушка идущая к морю поправляет одним движением свои
белые волосы — плечо локоть и длинная кисть руки — одним
движением — естественная пустота — естественная одним
движением — плечо локоть и длинная кисть — пустота одним
движением — плечо локоть и длинная кисть — руки —
винограда —

ныряя из света в тень пустота бежит между легкими ногами
— пустота бежит между ногами собачонкой — естественная
пустота молодости

наблюдаю за
наблюдают за мной
наблюдают за мной и подстерегают меня всюду
постоянно подстерегают меня — и застают врасплох
одно спасение: пустота — пустота которая покой — пустота
которая пустота

а пустота — скука которая в разговоре двух приятелей
стоящих на белой набережной — которая в разговоре скука —
которая в разговоре пустота — в разговоре двух приятелей на
набережной — стоящих на белой — скука которая пустота

а дети — они гоняются за пустотой — они ловят пустоту —
пускают мыльные пузыри — детский смех наполняет пустоту
— пузыри со смехом лопаются — пустота их любимая игрушка
— и ребенок отчаянно плачет: пустоту у него отбирают — когда
взрослые отбирают пустоту — когда безжалостные взрослые
отнимают любимую пустоту — дети плачут и пытаются ее снова
схватить и присвоить

старые люди привыкли к своей пустоте и все-таки ждут —
старые люди привыкли и все-таки — по привычке они
развлекаются тем что видят и слышат но все меньше — все
меньше участвуют в жизни — все хуже видят и слышат — и все
меньше — по привычке они развлекаются но — и все меньше
— но все-таки ждут

что жуют эти фальшивые пластиковые челюсти? они жуют
пустоту

отчего так сжимаются и разжимаются эти веснушчатые
руки?

они теребят пустоту

что так шаркают эти подгибающиеся ноги?

они танцуют в пустоте

и куда летят эти младенческие волосы с черепа
словно пух одуванчика?

они улетают в пустоту

почему постоянно жмурятся эти выцветшие глазки?

за толстыми линзами они созерцают столь ослепительную —
нет они не достойны —

может быть после может быть завтра —

нет они не готовы —

о чем никогда не рассказывают посторонним — не
рассказывают никогда

полоска пустоты все ширится — там на другом берегу человек
— далеко на другом берегу человек — он уже не ты — он уже
они — он уже толпа — и не разглядеть — моря пустоты — океаны

одинокчество — моя родная пустота я давно полюбил тебя —
и теперь признаюсь — я давно полюбил и теперь признаюсь
одинокчество — признаюсь я давно полюбил тебя — моя родная
— родная пустота

ну и слава Богу пожалуйста не спешите гневаться — ну и слава Богу — пожалуйста не спешите — не спешите гневаться — не спешите ну и слава Богу — пожалуйста не спешите

217. КОЗА НА ВЕРЕВКЕ

близко небо — ходит коза на веревке
вся трава пожухла от зноя но что-то находит коза на веревке
внизу — крыши поселка а здесь стрекочут кузнечики — тихо
— и коза на веревке
прибегает девочка с хлебом — краюшку жует коза на веревке
уходит тонконогая девочка — веревку жует коза на веревке
дразнит ее противный мальчишка — не пускает козу веревка
на закате пробегают собаки равнодушно проходят коровы —
кротко смотрит коза на веревке
ходит рогато-носатая тень между звезд — будто Гоголь —
коза на веревке
поздно приходит хозяйка отвести ее в темный сарай —
все таинственно там на холме: в медном свете встающей
луны — хозяйка и коза на веревке

218–220. СОВРЕМЕННЫЙ ЛУБОК

1. АЛКАШ

алкаш обнимал у помойки зеленую женщину — рыбу
и запрокинувшись пил из бутылки

алкаш запрокинувшись пил из зеленой бутылки —
красивая женщина — рыба его обнимала

зеленый алкаш и красивая женщина — рыба пили
вдвоем из помойки запрокинувшись обнимаясь

алкаш запрокинувшись пил зеленую женщину —
рыбу — помойка его обнимала

бутылка пила из помойки зеленого алкаша —
красивая женщина — рыба обнимала ее запрокинувшись

помойка пила из бутылки зеленого алкаша и красивую
женщину — рыбу запрокинувшись обнимая

2. ХМЫРЬ

лиловый хмырь — видали в темном переулке? —
баюкал мертвое дитя

видали? — темный переулок баюкал мертвое дитя и
лилового хмыря

в темном переулке незрячие окошки при луне
видали: мертвое дитя несет лилового хмыря

лиловый хмырь смотрел на мертвое дитя — и видел
темный переулок — незрячие окошки при луне

любило мертвое дитя наш темный бледный
переулок и длинного лилового хмыря

лиловое дитя и бледный переулок — и в небесах
висит незрячий хмырь

нас мертвое баюкает

3. СЕРЖАНТ

сержант схватил автомат Калашникова упер в синий
живот и с наслаждением стал стрелять в толпу

толпа уперла автомат схватила Калашникова —
сержанта и стала стрелять с наслаждением в синий живот

Калашников — автомат с наслаждением стал
стрелять в толпу... в сержанта... в живот... в синие...

в Калашникова толпа с наслаждением стала
стрелять в синий автомат что стоял на углу

синее схватило толпу и стало стрелять как автомат

насаждение стало стрелять

221. НАГЛЯДНАЯ АГИТАЦИЯ

на мотив рисунка В. Сысоева

вышли из автобуса туристы — удивляются церковкам
и колоннам нарисованным на листах фанеры

вышли церкви и колонны на площадь — удивляются
заморским туристам нарисованным на листах фанеры

вышла из автобуса фанера — удивляется церковкам
и колоннам нарисованным на заморских туристах

вышел из туриста автобус, из другого выперла
колонна, а из третьего вылезла церковь — нарисовано на
листах фанеры

нарисовано удивительное: вышли разом, строятся в
колонны церкви храмы автобусы туристы — а над ними
плавает фанера

ни бумаги, ни листа фанеры — на автобусе
нарисовано: туристы удивляются на церковки колонны

ничего — ни церквей, ни храмов, ни автобусов, ни
туристов — одна фанера

да и та нарисована

222. ПРИВЕРЕДЛИВЫЙ АРХАНГЕЛ

(танец памяти Высоцкого)

Михаил Барышников танцевал Высоцкого в крови и грязи — зеленой бархатной тряпкой ехал на коленях по гладкой сцене гениально! — «только кони мне попались привередливые» — в окна зала смотрел Лос-Анжелес — конская морда — японский бог

Высоцкий танцевал как всегда на коленях — задыхаясь в крови и грязи — в окна зала смотрел привередливый Миша Барышников конской мордой своей гениальной — бог и тряпка танцевали на сцене — день Лос-Анжелеса бархатный зеленый

конская морда танцевала на сцене — гениально! — в окна зала смотрел день тряпкой — зеленым Высоцким: «Михаил Барышников!.. А? Михаил...» — бархатным — бархатным...

сцена крутясь ехала по гладкому Лос-Анжелесу — за ней бежал Михаил Барышников тряпкой и Высоцкий японской конской мордой — зеленый бархатный заржал гениально в крови и грязи — привередливый архангел

окна зала смотрели в окна зала — где Михаилом Барышниковым — где Высоцким — где зеленым бархатом — где тряпкой в крови и грязи — где конской мордой — где Лос-Анжелесом — где японским богом — и все это ехало по гладкой сцене

и все-таки лошадиная морда — Барышников и тряпка — Высоцкий — московским поэтом предсказанный танец — гениально! — где и когда ты узрел Владислав — японский бог? — ведь тогда еще он еще жил — это столоверчение сцены —

этот бархат в крови и грязи — в окна зала смотрящие мы — и
зеленый Лос-Анжелес...

223. СТОЯЩАЯ ПОСТЕЛЬ

«Зверь о двух спинах»
(В. Шекспир)

он сжал ее смуглую сиську, не поймала его стоящий
— зверь о двух спинах в постели

геральдический зверь о двух спинах сжал ее
смуглую сиську, поймал его за стоящий — опрокинул
на них постель

она поймала его за смуглую сиську, он сжал ее
стоящий — зверь о двух спинах рычит

стоящий и сиська — сжал их в когтях
геральдический смуглый зверь о двух спинах

постель двуединого зверя поймала, ухватила за
смуглую сиську за стоящий — прыгает и рычит

стоящий — зверь — смуглые сиськи — ему постель —
сжали поймали — прыгают и рычат

стоящий зверь о двух спинах, смуглый (луна в окно)
стоящая постель

224. МЕТОД

случайные слова возьми и пропусти
возьми случайные и пропусти слова
возьми слова и пропусти случайные
возьми «слова слова слова»
возьми слова и пропусти слова
возьми и пропусти «возьми» —
и слова пропусти

225. ДВОЙНАЯ ТЕНЬ

вздрагнул — моя двойная тень на снегу
высоко двоится белая луна
на двойной луне — двойное небо

три звезды — алмазная стрела
на снегу — алмазная стрела
вздрагнула двойная луна

высоко двоится белая тень
вздрагнуло мое двойное небо
алмазная стрела пронзила тень —

мою двойную тень на снегу

226. СЕВЕРНАЯ ПОВЕСТЬ

кентавры северных лесов и чудовищные кресты озер —
о них говорили в доме
бледные рассветы светили сквозь очки директора
музея
хранитель северных лесов и озер встречал в доме
гостей с юга
он показывал им дом где бледные рассветы светили
насквозь чудовищными крестами окон
из окон было видно: тени северных лесов и озер
светились насквозь в небе
кентавры северных лесов — лоси уходили в озера
неба
возле дома — музея бледный хранитель показывал
женщине с юга чудовищные кресты и камни
тени северных лесов в небе — женщина с юга снилась
себе чудовищным крестом
в доме бледный хранитель равнодушно перебирал камни —
кентавры
среди северных лесов и озер светились их тени:
женщина — чудовищный крест и хранитель —
бледный
кентавр

227. НА ЭКРАНЕ TV

на экране вспоминал старик — палач
вспоминал и мучился старик — жертва
рассуждал благообразный комментатор
на голой земле валялись клубки ржавой проволоки

ржавый старик — палач вспоминал как докладывал
благообразный старик — жертва мучился на голой
земле
рассуждал комментатор о голой земле
клубки ржавой проволоки вспоминали на голой
земле
голая земля мучилась на голой земле
на экране комментатор мучился когда ржавый
и благообразный вспоминали о страшных временах
страшные времена вспоминали о страшных
временах
старик мучился вспоминая а комментатор рассуждал:
палач и жертва
старик — палач и жертва вспоминал о ржавых
временах
старик — палач и жертва мучился клубком ржавой
проволоки
экран мучился клубком проволоки
на голом экране мучились: старик — палач, старик —
жертва
и благообразный комментатор
страшные времена

228. ЛЕТУЧАЯ ФРАЗА

любит русский писатель как русский (это известно)
любит русский писатель как никто (это возможно)
любит русский писатель: никто я! никто! (это
слыхали)
никто не любит как русский писатель (это уже
перебор)

есть русский писатель и есть русский никто
любит русский никто как русский
любит русский никто как русский писатель
любит русский никто как никто
никто не любит чтобы ему — писатель!
любит никто чтобы ему — писатель! —
чтобы русский писатель ему как никто!
а русский писатель не любит не любит
писатель не любит как русский писатель
как русский не любит и как писатель
писатель любит чтобы ему — никто! —
чтобы никто: «писатель! не любит!» —
ни писатель ни русский — никто и никто

229. КУЗНЕЧИК

над горизонтом подпрыгнуло солнце
подпрыгнул бинокль в руках наблюдателя
на столе подпрыгнула тарелка с черешней так
что со стола попрыгали ягоды
подпрыгнули рабочие на строительстве дома —
продолжали работать как ни в чем не бывало
самолет в небе подпрыгнул на тысячу метров
желудок подпрыгнул к горлу
подпрыгнуло внезапно желание подпрыгнуть
подпрыгнул от беспричинной радости машинист
электрички
подпрыгнула электричка на мосту
и подпрыгнули все пассажиры
далеко в городе на глазах темноволосой
женщины

подпрыгнула чашка — на кафельном полу плыли
белые осколки разлетаясь
подпрыгнуло предчувствие: придет
вдруг подпрыгнул политический деятель —
мгновенный фотоснимок для журнала
подпрыгнули апельсины в сетке
подпрыгнули булки на прилавке
подпрыгнул пистолет в руке убийцы
подпрыгнули статуи в музее
изображение любви на экране подпрыгнуло
с мячом подпрыгнул негр — баскетболист
в Нью-Йорке подпрыгнуло здание
МЕТРОПОЛИТЕН ОПЕРА
на Кавказе подпрыгнула гора
там же подпрыгнул город — и весь разрушился
и множество вещей важных и неважных возможных
и невозможных
все подпрыгнули сейчас по одной единственной причине:
в сухой траве подпрыгнул серый кузнечик

230. ОПЕЧАТКА

(калейдоскоп)

«не менее замечательный рубин высокой огранки
подарил Петр Первый курфюрсту Бранденбургскому»
(из истории)

не менее замечательную историю Бранденбургского
рубина подарил Петр Первый курфюрсту высокой
огранки

не менее замечательный курфюрст высокой огранки подарил Петра Первого Рубину Бранденбургскому — история!

не менее замечательный Петр Бранденбургский подарил высокую огранку этой истории первому рубину и курфюрсту

не менее замечательная историяб рубин высокой огранки подарил курфюрста Петра Первому Бранденбургскому концерту

не менее бранденбургская высокая огранка подарила рубин (его история: пётр — камень) замечательному курфюрсту der Erste

тот принял с благодарностью (о! гранки)
принял с бранью в адрес бранденбургской охраны
не принял по случаю завтрака (о! гренки)
принял вызов и объявил войну — благодарность
высокой огранки спасибо тебе охламон Бранденбургский!
Петр Рубин — первый корреспондент
ИЗ ИСТОРИИ (к сему приложена о! печатка
— опечатка)

231. ПРО БЕРЕЗКУ

«счастливый ты, у тебя своя березка есть» — сказал
седой американец глядя с балкона
счастливый я, у меня своя березка есть
счастливая березка у нее свой американец есть
счастливый американец, у него своей березки нет

счастливый балкон чуть не обломился от такой красоты:
березка американец и я

«у нас в Нью-Йорке такой красоты нет»
у них в Нью-Йорке такой красоты нет
у них в Нью-Йорке — Нью-Йорк, а такой красоты нет
у них в Нью-Йорке — красота, а такой красоты нет
у них в Нью-Йорке нет нас — такой красоты
такой красоты

а березка росла в соседнем дворе и рыжие листья
падали на соседнюю крышу
а соседняя крыша росла в соседнем дворе
соседняя крыша падала на соседнюю крышу
рыжие листья падали в —
двор падал в помойку
помойка росла и росла
березка и крыши, рыжий американец и я росли
и падали в помойку
счастливая помойка
блаженный зеленый бак, у него своя березка есть

Из книги ПАРALLELЬный ЧЕЛОВЕК
(РАССКАЗЫ, ЗАПИСАННЫЕ
ПОСРЕДСТВОМ РИТМА)

1992

232. УПУЩЕННЫЙ СЛУЧАЙ

седоватый мужчина бегают рысцой
каждое утро
по дорожке парка
на сиреновой майке крупно: LOVE
и миловидная женщина
бегают там же
получасом раньше
на розовой майке: LOVE
если бы случай их свёл как-нибудь
они посмотрели бы друг на друга с интересом
пробегая: LOVE и LOVE
но женщина не опаздывала
а как-то не появилась вовсе
LOVE LOVE LOVE
мелькало одиноко между деревьями
может быть вышла замуж
или переехала
он бежит трусцой он трусит рысцой
и не подозревает
какой LOVE он лишился

233. МУЛЬТИМИЛЛИОНЕР

к нам приезжал мультимиллионер
седой костистый блондин
неужели и ему сквозит небытие
пил как лошадь
Таня не отставала
смеялся показывая лошадиные зубы:
по-русски по-русски
что ему чудилось в этом «по-русски»
город как табор плохая водка
женщина Таня неразбериха...
предок его — протестант
такой же костистый блондин
разминал сухой колос в ладони
и смотрел на солнце
сжалился Господь
подарил ему потомка — протестанта
с такими же коровьими ладонями
которому сквозит небытие
от самогонки всё же блевал
утром делал гимнастику
приседая как конь
надел измятый легкий костюм
и уехал торговать зерном

234. ХУДОЖНИК

все они с помойными ведрами
подгоревшими котлетами
пеленками развешенными на кухне

очередью в ванную
велосипедами над головой
и горами чемоданов в коридоре
ссорами и доносами
драками и примирениями
праздниками
алкоголиком — соседом спящим на
лестнице

ввалились в его творчество
шумной толпой
поселились там
и стали требовать себе бессмертия!..
потом они путешествовали по всему миру
из Нью-Йорка в Париж
из Парижа в Берлин
со своими помойными ведрами
подгоревшими котлетами
и алкоголиком — соседом
это был успех
а потом они вернулись домой
и хотели сойти с холстов и страниц
ан! место занято —
другая пошлость и новая нищета

235. БЕЗ НАЗВАНИЯ

Евгению Рейну

убегая от ревнивой депрессии
и тоскуя как фауст по молодости
целыми днями валялся — вялился на пляже

усох до черноты
поэт — вобла воображения
...и все-таки она тебя настигла
по-женски загнала в угол
бросила лицом в подушку —
и ты увидел себя со спины
в опрокинутый бинокль...
слышишь шорох и хруст —
целая толпа живых и умерших
ступает на пеструю гальку —
входят в глаза и в уши
как в собственный дом
пожалуй полетят с тобой в Париж
и в Америку — в иллюминаторе —
милая компания в облаках —
то зеленый то красный —
на мигающем крыле «боинга»...
и когда издыхающим крабом
ты еле двигаешься и не хочешь жить
они взлетают
смеясь на гребне волны
в мраморном изломе
на излете
рассыпаются пылью —
чтобы после навещать тебя во сне
умалчивая что уже умерли
ты обречён своим современникам
постоянно поверяешь им себя
а про них ты и так всё...
мусор и водоросли...
и вас все меньше
то есть вас все больше

многие — уже памятники
их рубашки — пыльные хламиды
мятые брюки в античных складках
вылепил себя — постарался
на века

даже если ты остался совсем один
на равнине среди изваяний
из известняка и песчаника
все равно все мы жалкие родные
в застиранных больничных халатах
цвета моря с тесёмками

236. СЕМЬЯ

в школе её звали Оля
по метрике она была Виктория
в ней было четыре сущности
одна из них безымянная
другая откликалась на — Максим Петрович
Виктория считалась лучшей волейболисткой
в команде курса факультета
Оля на троечки дотягивала
Институт Дорожного Транспорта
Максим Петрович обычно скучал и брюзжал
Олю уводил долговязый студент
Виктория в шутку тискала подруг
смеялись — слёзы не глазах!
Максиму Петровичу нравились игры девушек
Оля отдалась на скамейке в парке —
не разглядела кому

Максим Петрович не одобрил
Виктория быстро выскочила замуж
Оля родила девочку
воспитывала её Виктория
Максим Петрович чувствовал себя в некотором
роде отцом
Виктория чертила что-то на листе ватмана
между тем Оле всюду надо было успеть
и Максим Петрович поневоле занимал очередь
гулял с коляской
впрочем не жаловался

Оля была счастлива
Виктория несчастна
Оля еще надеялась и носила мини
Виктория старела критиковала мужчин
и тоже носила мини
Максим Петрович иронически хмыкал
но любил обеих
все-таки клан клон семья...
одна безымянная личность
всегда молчала
она была не из этого клона клана —
вообще не из этого плана
здесь по ошибке
и никак не могла проявиться

лишь изредка
когда Оля Виктория и Максим Петрович
клубком
глубоко засыпали в обнимку
безымянная
выходила за ограду дачи

или на пустынные улицы города
белая маска дергалась
шла неизвестно куда
вся в смятении
распадаясь
собирая себя на ходу
редких прохожих пугая до обморока...
когда возвращалась
нежные губы Оли
обнажали в чувственной улыбке
хищный оскал Виктории
лишь Максим Петрович вздрагивал во сне

237. ВОВА — МАРИНА

родилась красивой двухголовой
одну голову назвали Марина
другую — Вова
в младенчестве
головы колошматили друг друга
чем ни попадя:
ложка — ложкой!
кошка — кошкой!
башка — башкой!
руки только две
зато правые обе — всегда!
в школе Марина была отличницей
Вова тянул на её подсказках (балбес)
Марина рано пошла работать (умница)
большой универмаг —
в четыре глаза гляди!

а Вова только строил глазки
скучающим подругам
ах вы руки руки
чем вы были заняты?
зачем вы Наташу
хлопали по попке?
покупатель просил кружева показать
а она мне свои кружева показала
вдруг скандал —
кожаную куртку
цыган унёс
Марине расчёт
Наталья забеременела
виноват Володя
у Марины друг был
славный тоже в коже
лишняя голова —
делу не помеха
решил подумав
сразу две свадьбы
батюшка говорит
если по любви — можно
на двух машинах катается
на пяти предприятиях директор
и вовину голову
по-родственному пристроил —
телохранителем на пол-оклада
Наташа родила (дуреха)
семиголового —
по три кило каждая
растет на свободе
семейное дерево

как заревут хором
оглохнуть можно
(семь худых коров Иосифа)
сами посудите
если бы не мутанты чернобыльские
откуда бы взялись эти стихи!

238. ЛЮБОВЬ К ШОКОЛАДУ

герой еще ненаписанной повести
боится женщин
поэтому жена у него — черная палка
украдкой ест шоколад
в темноте
поэтому жена у него — черная палка
(не говоря что у мамы
был любовник — сухой армянин)
уничтожая шоколад
думает перед сном:
часто страдаю запорами
поэтому жена у меня и т. д.
горечь и сладость но больше — горечь
сухие листья — уходит в леса
в черном пальто
длинные гладкие не блестящие
черные ниже плеч
не оборачиваясь
уходит в леса
их забытья переходит в сон
черная — между стволами
куда ни глянешь — она

окликнешь
не оборачиваясь
быстро уходит
то ли в мантилье
то ли в монашеской рясе
да она вообще из чужого романа —
скорее всего символиста
герой еще ненаписанной повести
гонится за женщиной из чужого романа
по редким лесам в лунном свете
и уже под утро
она оборачивается в тумане
и сбрасывает накидку
длинное темное сухое тело —
стручок на подстилке из листьев
полураскрытые губы негритянки
незнакомый пряный запах
(и хрустит блестящая обертка)
серый пучок листьев
судорожно схватила рука

239. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

молодому человеку
лучше с бородой
сунуть в руки автомат —
просто любо-дорого!
а если посадить задом
на раскалённую броню
в яркий день
хоть снимай на кинохронику!

такой пыль-порох с бородой едет
глядят небось (ага!)
идет рослая пара (ненавижу таких)
что-то ей (про меня) обернулась
да как она смеет (при мне)
такую короткую юбку
такие длинные ноги носить!
его — к стенке (ага!)
запрыгала челюсть
её — в заброшенный сад
юбку — на голову
засыплю всю лепестками шиповника!
будет она у меня плакать
будет смеяться счастливая
глажу нежно
гладкое темное железо
утешаю глупую: да ты
у меня как за каменной стеной —
в укрытии
бьет где-то близко
щелкают осколки
сыплются срезанные ветки
а мы
нашли забытый воинский склад
еще с прошлой войны
столько ящичков банок бутылок —
тушёнка
французский коньяк
красивую жизнь проживём
погоди погоди я сейчас —
почему-то приходится в резком солнце
бежать и стрелять

и вжиматься в каждую щель...
на асфальте в луже крови
женщина смотрите сидит
силится подняться —
только дёргаются обрубки...
погоди погоди — ты у меня будешь —
все у меня будет
вот сейчас добегу... добегу...

Из книги ЛЮБОВЬ НА ПОМОЙКЕ
Март 1992

240—243. ВЕСНА В ПЕРЕДЕЛКИНО

1. МАРТ

просыхает ствол сосны на солнце
солнце просыхает на стволе сосны
сучья яблонь почернели в прозелень
яблонева прозелень на чёрных сучьях
ветер ест снег оставляя траву
лошадь есть траву ступая по снегу
дачная смиренная лошадь с девчонкой
дачная девчонка — и совсем не смиренная
попросила прохожего посадить на лошадку
попросила лошадку посадить на прохожего
оперлась каблуком о ладонь —
и махнула в седло
сидит на моей ладони но ведь на то и март

2. ВЕЧЕРОМ В ДОМЕ

самоцветные огни лучатся сквозь ночную хвою
ночная хвоя сквозь огни лучится
ночная хвоя самоцветами
огни лучатся сквозь

сошёл с крыльца — хрустнул чуть не провалился
ледок хрустнул и провалился
сошёл хрустнул — не провалился
с крыльца ледок и чуть

с палкой еле ходят Господи это люди
старые люди — писатели! Господи еле ходят
эти люди Господи с палкой еле ходят
люди! да ведь это Господи!.. еле ходят старые

серое поле и лес — дальше светится город
светится серый город — лес, дальше дальше!
дальше светится город — поле, дальше!
светится поле и лес, а дальше серое серое...

3. САД

белые её колени яблоками в траве
или яблоки в траве её белые колени
где находится сад — в моём прошлом?
обернулся: где находится сад?

положив голову на её руку
или её руку положив на голову
там я был и буду опрокинут в небо
или это небо во мне утонуло

ловят мои губы твои твёрдые сосцы
или твёрдые сосцы ловят мои губы
горечь тополёвых веток вяжет рот
или это горечь тополёвых веток...

я всегда их вижу вдвоём на поляне
или их поляна видит меня вдвоём
в сбившихся волосах запуталась лимонница
или ты — эта бабочка... или я — это ты...

4. СИНИЦА

женщина в очках похожа на писательницу
нет эта в очках непохожа на женщину
женщина похожа на другую — писательницу
похожа на похожую... эта в очках

женщина дышит выйдя на природу
на природу выйдя дышит природа
и природа видит: женщина в очках
дышит — не дышит, она — не она

она видит: синица тенькает
она не видит она не слышит
синица слышит: она тенькает
тенькает и тенькает женщина-синица

244. СВИДАНИЕ

голая сосна и бетонный помост
голый помост и бетонная сосна
из Москвы электричка — сейчас подойдёт
голая бетонная электричка

возле рельс — закрытый переезд
съехались будто сцепились машины
буквами и цифрами сцепились и рычаг —
рельсы рычаг выгибаясь восьмёркой

ты сойдёшь заметная в красном пальто
свет на помосте — мальчишки статистами
ни тебя никого — только красный свет
шум ручья и рокот — голоса — весна

245. ПОДАРОК

если будет солнце я тебя увижу завтра
если будет дождь вероятно не придёшь
а если будет падать снег прибежишь

обязательно

в плаще простоволосая вся в солнце и в снегу

вечно буду ждать тебя если будет время
если времени не станет всё равно буду ждать
где-нибудь в другой жизни всё равно опаздывая
из метро — из пустоты — выйдешь всё равно

это будет как подарок — тёплые губы
щека заолодевшая но губы тёплые
даже если не будет ни тебя ни меня
всё равно будет ЭТО — неожиданный подарок

нет не кровь нас торопит — чистое желание
горячие потоки омывают тебя и меня
и только прижаться щекою губами слезами —
солятся в одно золотое кольцо...

знаю тебя наизусть и всё-таки
 я тебя не знаю — каждый раз узнаю
 волосы — губами, губы — языком —
 и в тебе двигаясь узнаю зрачки
 как сужаются неузнаваемо...
 каждая моя жилка хочет узнать твою
 так ли тебе радостно и благодарно как мне
 становясь тобою и уничтожаясь —
 вот что значит в Библии: он её познал!

247. ЛЮБОВЬ НА ПОМОЙКЕ

ты говоришь: я люблю любить на помойке
 нет это город-помойка обступает тебя и меня
 любят нас голуби облезлые будто крысы
 и крысы в бумаге возятся как голуби шурша

здесь за гаражами возле ржавых баков
 Боже! наконец-то... Господи! мы одни...
 кирпичи и камни битые бутылки —
 прекрасная природа и поле для любви

ах эти пуговицы пуговицы пуговицы...
 молния вжик! — и выходишь из кокона
 обнимая лаская друг друга мы всё ещё
 гусеницы
 погоди погоди! станем бабочками

высоко над помойкой синее небесный квадрат
 к нам благосклонно высокое Око Его:

крыши и окна колодцем — и там на самом дне —
два белых червяка — Единое Существо

248. ДВОЕ В ГОРОДЕ

в городе как в лесу — при всех самозабвенно
рука и два затылка — в лесу как в лесу —
идут и обнимаются — даже грибами пахнет —
натягивает ширинку — и трескается асфальт

в метро прижимаются тесно — в лесу людей
под светофором крупно: зелёные зрачки
как шелковиста кожа в лесу автомашин
раскачиваются двое на самой белой черте

кто-то что-то выплеснул — пиво или помои
как не стыдно! в городе! в лесу носов и глаз...
кудри её — в бумажках в очистках как
папильотках
за ворот ему стекает смятый пакет молока

249

мягкая седая дама
то ли просилась на портрет
то ли смотрела из рамы

кузнечик с треском
опустился на подоконник
или какое другое животное —
курица например

шелестели качаясь
стебли травы

вершины деревьев
пьяные держались друг за друга

розовело небо
перед рассветом
перед гнусным делом
в зрачках ящерицы игуаны

и всё что там ни было —
всё розовело
шелестело качаясь
и просилось в реальность —
странное желание

250. ГЕНИЙ ЛИНИИ

с молодых ногтей
он видел всюду линию:
пробор на голове матери
нос отца
ремень в его руках —
жилы как нарисованные
линия спины и бёдра
раздевающейся женщины
линия горизонта
железнодорожная линия...
он и стал рисовать её —
линию

сначала робко:
гипс и натура
затем всё осмысленней
постоянное упражнение
в любви к линии
обожествление линии
в пустоте

всё тянул эту линию
через поля канавы постройки —
провода —
сквозь собственное тело!
если бы был Муссолини я —
или линейным кондуктором
или школьной линейкой —
хотя бы ватерлинейкой
на корабле...
линия —
лилия!

восторг
всю душу вытягивает...»

и тогда болзнь
издавна гнездившаяся в нём
выстрелила в него из обоих стволов
изо рта потекла краска
и расправились
линии лба

251. ОДНОЙ ЛИНИЕЙ

вспоминая Евгения Леонидовича
как рисовал обнаженную Людмилу
одной линией
плавно и страстно
как птицы летят
одним росчерком
как домишки сараи облака и деревья
одним душевным движением
как вся наша жизнь

252. ОДА БАРАКУ

слава бараку
слово бараку
длинный досчатый
сонный прыщавый
лежит враскоряку
посредине двадцатого века

снег
серый как газета
фонари —
гнойные пузыри света
и обрывки
колючей проволоки

безумное око —
высоко...
одинок
тело барака
дует в щели —
холод в теле
кашляет барак —
нездоров
накорми — подложи ему дров
напой его —
сукина сына
в печку плесни
керосина

и встает барак серым ящером —
окнами горящими
во мрак

шарят шуруют
руки барака
грабят воруют
руки барака
вдаль убегают
ноги барака...
заборы заборы
завалы проходы

узкие норы —
заныры заходы...
барак окружают
— сдавайся барак!
прыгнул...
на пулю нарвался
дурак...
кляксой кровь
в штукатурку шмяк!
барак умирает
барак убирают

но призрак барака
блуждает однако
и блуждающим
алкоголикам
он является
тенью на пустыре
или так — на столе
белым кроликом...

а все эти города
комфорта и синего льда —
лишь памятники бараку
поставленному на попа

253

как сумасшедшая
кричит жена
а на улице — солнце и вода

вороны кричат:
«карма! карма!»
мальчишки кричат:
«Парма! Парма!»
потому что кричат:
«падла! падла!»
и небо как в Италии
февраль сошел с ума

254

вспоминая Оскара и Валю
я вижу их именно здесь
молодых и нелепо одетых
перед крыльцом барака
(который давно снесли)
на желтом снегу
и Сашка еще не вырос
да они никуда не уезжали
обманчивый ветер
на солнце ядовитый холодок
пронзительное бытие

255

сунул руку в рукав
моей вязаной кофты —
и вытянул
дымные сумерки

...сарай сеновалом чернел —
шерстяным
...не то что была не моя —
даже кофты еще не связала
между тем отряхнув
три сенинки с подола
(звезда заслезилась)
... и рядом присела

256

вытащил на счастье
вечер со звездами
на Майами где не бывал
чужую семью —
четыре грубых персоны
перетасовал —
ужинают
колеблется круг под лампой
обнаружил кашляющего —
себя
или кого-то похожего
главное — рука
черным волосом поросла
шрам от пули
зеркало покажет
со спины

257

глупости! все это глупости
иссяк рог
изобилия булок и женщин —
и меня вытряхнуло из пропасти
утро белое и синее
хоть в пустую бочку стучи
...и в троллейбусе еду один

258

седая прядь
на смугловатый лоб...
февраль нам подарил
Бориса Леонидовича...
...просто плакал
...и разминая папиросы
...и белое окно во весь сад
с медными запорами
...лошадиная фамилия
...так пахнут
простые мытые полы
когда с морозца до бела
поскрипывая входят —
...и наследили снегом

259

синий шоколадный день
на плакате

хрустит серебром
сугробов
разверни его поскорее
горек на вкус —
февральская разлука
пусть уходит
синий шоколадный

260

за углом это было
на талом бульваре
на скамейке лежали
мочалка и мыло
все текло щебетало
и нежилось здесь
на Чистых прудах
хоть вымойся весь...
но твари мыться не стали

261

лицо затворено наглухо
губы вызывающе
торчат
и все в тебе
меня не пускает
старый холостяк
в тебе поселился

блаженствовала в кресле
 глядя поверх очков
 покачиваясь
 из стороны в сторону
 гладко без мысли
 музыка завораживала вдруг
 будто впрыснули
 хлорофос —
 вскочил
 мгновенный бросок
 плевков
 но жало
 только заскользило
 по выпуклому стеклу
 а цветное лицо на экране
 сменилось изображеньем
 интерьера дворца

живу рядом с Бутыркой
 тыркаюсь в тюремный кирпич
 будто нарочно
 на крыше будки
 забутили бутом душу...
 не забуду мать родную...
 живут же рядом с кладбищем
 тоже скажи — повезло

дождем — елки
 елочками — вышивка
 вышивка вышла
 вышла и затворилась
 затворилась в келье
 келья — в небо
 небо — в облака
 облака — в лапы
 лапы дождей
 дождем — елки
 и облака плывут слонами
 «где проститутка мой халат?»
 ...ревматик в заржавелой раме
 раскрытой в сад

сегодня заглянуло...
 половина стола —
 солнце наискосок
 в царапинах зримых щербинах
 (стамеской что ли ковырял)
 моя рука
 белеет рельефно
 грамотно положена тень
 и в стакане зажглись рефлексы

 и все же март —
 нам нечто несстественное

как будто Левитан
рисует суриком
а Суриков рисует
левитаном

266

засахаренная весна —
и солнышком подкислена
коктейль с мороженым
во всех московских дворах —
утопишь свой башмак
а там поскользнулся
и покатила
с леденцовой горки
прямо в твои варежки
в твои латышские варежки
пить твои легкие губы
и чувствовать: это весна

267. ГЛАВА ИЗ РОМАНА

и всех нас
в этой квартире
гостей и любезных хозяев
грохот и вой — вне разумения —
бросил друг на друга
посыпалась штукатурка
леди Астор — мельничиха

в муке и брильянтах
потолок раскололся
и раскрылся
в звездное небо
оттуда
блеснули зеленые зеркала
просунулась лапа
и зацепила кривыми кинжалами
сразу двоих:
визжащую женщину с бюстом
и лысого —
он отчаянно отбивался
почти выпал из фрака...
но чудовище успело
и уже чавкало и хрустело...
но самое странное
книга плохо расходилась —
бумага не та — переплет
или просто уже переели

268

Игорю Холину

...и стар и смутен и минутен
...набор костей и емкостей
бывших в употреблении
...но предельно зорок
...по утреннему морозцу
весь дышишь

...сочиняешь
самому неясное
...с елки шлеп
снег в снег
...и долго еще готов
...горячит изнутри

269

ты все еще живешь во сне
не с нами —
Венеция
и вечная весна...
а сам небрит и моховат
и пусть болтается?²
а зачем?²
зачем гнули?²
зачем шлифовали края?²
возможно ее назначение
стать выше всех
тогда понятно почему — резьба
вкручивать
чужие мозги

270. КОМНАТА

...и там она была
пустая комната
полная праздником любви

пахнувшая краской и картоном
...вверху и внизу
шевелились дышали
гордились вещами
...вихрь
уносящего ужаса и желания
...высоко что-то пролетало
мигая как моль
...да! радость
ухода исчезновения
...и там на самом дне —
дом изнутри
с пыльными лестницами
вонючим лифтом
ковром тараканом
почти летают —
и там комната...

271

когда они рядом
то слишком —
вещные что ли
...медный подсвечник
темный затылок
сизу — пишу как Ванька Жуков
...темнота переступает
«дождик тихой переступью»
свет перепархивает в траве
...бежит бежит по перрону
красный огонек

между синих
...чем дальше
тем воздушней
совершенней что ли

272

...простыни
грохотали железные
...бегу балансируя на скользоте
в ледяных и продутых дворах
...хлещет по лицу
перекрученным ветром
мнимая плоть на веревке
...там же Блока несли
и подвешивали
выше крыш

273. САМАРА

нет не расколдуешь
каменные скулы
веет холодком
полузатоplen дальний берег
прутья ивняка видны
или лес
...если же отдается
некрасиво страстная
одежды прочь! —

вся мокрая скользкая
...вот почему Лариса —
позор! —
с цыганами на тот берег
...на этом высоком
сама Самара
на все пуговички застегнута
но смотрит т у д а
как Лариса

Из книги СОБАКА МЕЖДУ
БЕЖИТ ДЕРЕВЬЕВ
1994

274. СОЧИНИТЕЛЬ

Куски идиот клеил реальности
вкривь — вкось, пейзаж — на лицо
лестницу — на небо, вечер — на утро
радость — на ужас, хохот — на смех

а я оборачиваясь идет между
все примечая в солнце снегу
женщина голубь витрина медью
волосы — со смыслом просветы в толпе

прошла пролетел промахнуло проехало
шарфом губами веером перьев
и не успело — ветром смахнуло
что заставляет клеить и жить?

самоотверженно и — улыбаясь
ложку проносишь мимо лица
ни на монетку не ошибаясь
пальцы считать и считать без конца

помню вчера разговор электричкой
вдруг набежал из-за сосен и дач
и развернувшись лодкой-моторкой
в снежное поле ушел по кривой

черная точка выросла волком
волк подбежал и виляет хвостом
и не успел разобраться я толком
вижу: приятель в поле стоит

кликнул — чужой... обознался в метели
платформа встречаю уходит вагон
в городе — комната двое в постели
сжал — захрустели твои позвонки

лезут глаза твои в разные стороны
за ухо рот зацепился крючком...
ключья обрывки ошметки истории —
все расплзается! — всю сочинил

275. СПЯЩИЙ КЛОШАР

в коробку заполз и газеты шуршат
изморозь на камне... свечу погасил...
как тепло и влажно в материнском чреве
красное в пакете — согреюсь изнутри

встречала махала крылом опахала
глядя из рая и негр нарисованный
падают розы когда запрокинутый
в кожаных диванах Лувра тишина

так всю зиму грелся на решетке метро
треснувшей фреской небритое лицо
ночью на скамейке нога как будто в гипсе
прощай! ты улетаешь в мурашках и цветах

276. СЕНТЯБРЬСКОЕ УТРО

1

весна! ну конечно все ясно: весна
первый признак — облетают листья
легче золота сусального на жести —
на пруду где слава вся отражена
лишь хвоей топорщатся (нет не уверен
что правильно их называю) еноты?²
в парке толпятся сплошь дикобразы
чуть зажмуришь — чешутся иглами шебурша

2

жизнь идет в основном к началу
детским глазом глядит сыроежка
кошка там кричит или птица
лица там сквозят или листья

неуверенность незащищенность
в каждом жесте своем в каждой мысли
ухватила понесла сойка хрипло
сам забыл о чем думал в орешник

станешь стану скоро младенец
как зовут орешник забуду решка
решка решка — и ночь и деревья
и луна и решетка веток и кошка

а потом не стало ни любви ни страха
пятаки погоны как назвать листочки?²

ласточки? жена? мама? вспомнил!
это сойка кричит по-кошачьи утром

277. МАСТЕРСКАЯ

церковное здание желтое осень
входят иду через двор небо
вижу его со спины лаковый
кузов проносится там отражаясь

выпукло вдоль фасада зима каркают
две мерзлых доски капель оттепель
теперь — проходила она — предчувствие:
волосы наискось ворон деревьев

растрепаны сырость досада давнее
достаёт (к тому же не греет) к подъезду
солнце ладонью перила мешок
гипса... ПРАВИТЕЛЬСТВУ

(обрывок газеты)

дверь цинковая звоню звонила
(до меня без меня или не было вовсе)
всегда вдали — теснота мусор
голая лампочка — вглубь коридора

...девичью грудь (даже задохнулся)
сжал сживаю с полок пустоглазые
белые смутно твои губы
боже! раздвинулись взял беру

головы голые торсы фанера
зимние окна но лезет воздух

пыль пахнет холод кубами на выброс
бутылки толпятся такой уклад

мастер глаз египетский живо
на все реагирует между тем руки
тяжелые вены черствых ломтя два
(сами из глины) месят и глядят

из каждой стены из любого угла
желание радость отчаянье гнев
разбей эту форму — там черный от клея
фрагмент обнажаясь кричит: не могу!

построим леса и пробьем потолок
разобрана крыша — десять этажей —
насквозь — задрал голову снизу:
нет ничего но лихо придумана!

мы ее — в синий голову белая
Зевс Джомолунгма в белилах штаны
Гаргантюа смотрит Родиной-матерью
труба протекает — а! к девкам звони

вытерев руки услышал: вскипел
чайник о ветошь седой и лохматый
сахар крошится сухари «присаживайся»
треснула чашка читает стихи

278. ПОДМОСКОВЬЕ

собака между бежит деревьесв
утро и снег к дальнему корпусу

жемчужное смотрит — сорока осыпала —
небо в березах — хлопья с окна

люди или радио — все равно проснулись
новый или давний — четче и светлей
то ли прилагается то ли привыкает
когда просторно и много воздуха

идешь иду идет я вижу
видят меня: вот он — слабо любопытствуют
к воротам автобус собака понюхала
тут была! где она? — сумка с теткой

снег упал в снег — и сразу приблизился
рокот — катер в марте? прямо на шоссе?
скорей электричка — и зеркало озера
вдаль рассекая она удаляется

солнце и фанера — сырость и шкафы
в пустующей ходят... щель на цепочке
это уже осень: золотые шары
сунул конверт: «вам? почта»

«что бы это...» шарит «как всегда» очки
штемпель — захолонуло — сразу запотели
«так и знала» все темно... полотенцем
вафельным
обтирался по утрам... в Крым еще хотели...

ржавчина окрасила (грузовик и выстрелы)
брусья эстакады — строили зека (когда-то)
в электричке душно — взяли бы
да выстирали
всю эту толпу — сквозь туман закат

вот неярким парком толстый нос в ушанке
на крыльце по-прежнему крутятся хвосты
«света нет» «монтера нет» «срочно»
«подождете»
век бы оставаться — уедем поскорей

ОДЫ И ГИМНЫ
1991—1997

279. ДОМ
(Ода)

Виктору Пивоварову

Дом новый старый светлый темный
аляповатый светский скромный
многоэтажный и стеклянный
руками слепленный саманный
на сваях рубленный из бревен
глухой и гулкий как Бетховен
простуженный огромный ветхий
где лифт ползет в зеленой клетке
где двор в тумане шевелится
где из колодца — чьи-то лица...
дом в прошлом и давно снесенный
дом нарисованный картонный
барачный блочный крупноблочный
обменный коммунальный склочный
фабричный экспериментальный
космический мемориальный
гостеприимный близкий дальний
родной родимый свой чужой

Дом — памятник архитектуры:
фронтоны завитки амуры
лемуры башенки колонны
оканты ранты каннелюры
решетки лоджии балконы
кариатиды и пилоны
гербы: коосья и короны
подвалы чердаки и крыши
бродяги голуби и крысы
помойки кошки и вороны
порталы купола и шпили
часы зачем-то прилепили
два льва глядят на человека
дом — особняк начала века
«дом улица фонарь аптека...»

Иметь купить продать построить
сдать в эксплуатацию в аренду
восстановить отремонтировать
покрасить и покрыть железом
застраховать приватизировать
закрыть открыть любить засрать
не посещать ломать третировать
разворовать и раскурочить
поджечь взорвать снести спасти

Прийти домой остаться дома
дом убирать бояться дома
они — домой а я — из дома
бродить ночами возле дома
скучать по дому злиться дома
дом обожать томиться дома

добраться наконец до дома
и навсегда уйти из дома

А дома — дом и всё домашнее:
быт обстановка обстоятельства
дела заботы неприятности
пирог варенье туфли радости
обед хозяйство воспитание
собака кошка все домашние —
такие милые домашние!
и пробуждение домашнее
и настроение домашнее
и точка зрения домашняя —
мировоззрение домашнее
друзья любимые привычки
тарелка чашка муха спички

Дом — календарь событий памятных
дом — колыбель и он же — памятник
гнездо нора пещера клетка
храм конура дыра конфетка
приобретение утрата
и ринг в дыму где брат — на брата
провалы пропасти высоты
где затхлостью пропахли соты
где страх тоска и одиночество
где все живут не так как хочется
где смотрят в ящик телевизора
где приезжает смерть без вызова
любовью полон — сном речами
и всю-то ночь бренчит ключами

280. СТРОФИЛУС

Перед ним вавилонская башня
На самой на верхней на макушке
Сидит его старая старуха,
На старухе сорочинская шапка,
На шапке венце латынский,
На венце тонкая спица,
На спине Строфилус птица.

*Из черновиков А. С. Пушкина к
«Сказке о рыбаке и рыбке»*

снег вздувается простыней
в парке снегопад — театр теней
дышит — стариковские вздохи...
море чудится — тоже по ошибке...
сказка о старике и старухе
и золотой рыбке
в трех соснах тропа заблудилась
где же птица? покажись Строфилус!

Филостратус — птица не простая
ты на сойку похожа — и на сайку
ты на иволгу похожа — и на Волгу
и на горлицу — и на горностаю...
наверху по сучьям шастая
скажет белочка пушистая
здесь ягод гроздь
там гриб на авось
как на гвоздь
на голый сук наколот

ты на дальних похожа и на ближних...
скрипнул снег хрустит валежник —
над ручьем несется лыжник

нет не вижу птицы только — голос...
рано научил меня Строфилус
складывать слова в стихи и строфы
где гуляют дрофы и грифы
львы единороги и жирафы —
счастье до вселенской катастрофы...
— Ну кого ты ищешь сам посуди!
день смеркается — отдохни посиди...
смахну шапкой снег с пня
сосны поглядите на меня

главное всю жизнь верил чуду
сам теперь я вам чудом буду —
сел нахохлясь как сова
спрятал руки в рукава
пусть увидят что — крылатый
смотрит в рюмку клюв горбатый
вся небритость серебрится
в мелких перышках
я — Строфилус и сажу на спице
птица в шапке ватнике и варежках

ну! пошарьте в голове у придурка:
голоса возносятся в небо клирос
и блеснув со спицы
взвилась ярко
златоперая птица Строфилус
над собором святого Марка

взметнулись голуби ко мне —
кипит Венеция на дне...

лепит сплошь
будто белую рубаху

— все ты врешь:
про птицу и старуху!
не бывать
старухе римским папой!
не повелевать
всей Европой!
недостанет разума у глупой!
русский человек такой нелепый...

*легче жить нам в новом районе —
над аптекой у метро — в Вавилоне!*

в темноте — мельтешенье снежинок
будто чертит пушкинский рисунок
исчезает на снегу след от санок...
в этом супе Пушкину явилась
птица с женским ликом Строфилус
а Жюль Верн увидел Наутилус

281. РИСУЮЩИЙ АНГЕЛОВ

*Памяти художника
Володи Яковлева*

картина — химера:
в кувшине цветы
такого размера
такой красоты! —
их лепестки —
журавлиные крылья
(смутные проблески
тел и белья)
я таким же
скоро стану
а тебе по телефону
говорят что умер я

ты знаешь любил я
цветы рисовать
большие и белые
будто колеса
тычинок и пестиков
рыжее мясо
картины мои
продавали родители
которые жили
и света не видели...
зренья осталось
процентов на пять...
но краску под кистью
любил осязать

а что писался в кровать
стоит ли упоминать
милосердная мать
Божья Матерь
поменяла
на облако одеяло
постелила
травы на кровати...
доктора не слышу —
слышу голоса

в тридцать три яруса
мои небеса
где плавают ангелы —
Божья роса

теперь все мы умерли
тем не менее
лежим в эпицентре
на сохранении
в средней школе
в десятом классе —
на черном баркасе —
на гладкой скале —
отец — костюм коробом
мать — даже мертвая
видно что с норовом
а я у них — собачонка
и на шее бечевка
школьники нас
не обижают
нас окружают
фиалки весенние

до Воскресения
до Вознесения

прожил полжизни
своей головы
в сумасшедшем доме
на краю Москвы
а вообще
ходите без опаски
здесь призраки
стреляют папироски
здесь и рисую
портреты цветов
и пачку «Беломора»
всегда раздать готов
в проходной собака —
без одной ноги
и такие дали
крикнешь — и беги..

ПРОВЕРКА РЕАЛЬНОСТИ
1998—1999

282. ГЛАЗА КУКЛЫ

Отблеск Зрачки На столе Живут
Вижу Ножницы Лампочки свет
Валялись без дела Ввинтила в орбиты
Зеркало Ресницами Хлоп Хлоп

Ноги мои Колесом Вращаются
Моя голова Кругом Обращается
Грубо Хозяйка Со мной Обращается
Ласкает Бросает Баюкает Бьет

Дождь Ухожу На улице Кукла
Коробка картонная Тоже промокла
Стою гольшом Накидали рубли
Подростки украли В подъезде ебли

Терзали Потом убежали Дождь Вижу —
Фонарь Догадалась Глаза мои в луже
Подобрала Свет кафе за углом
В животике — пусто Хоть фантиками

и стеклом

Навстречу Страшила Схватила Хозяйка
Била меня Головой Об угол
Нога отлетела Затылок расколот
Падают Подошвы Каких-то Пугал

Так и осталась Глаза — на асфальте
Фары и фары — Снова и снова —
Ударила палка Нашарили пальцы
Глаза мои — яйца в глазницах слепого

За гаражами В яме На стройке
Подстерегаю Горе — хозяйке!
Палкой — по икрам по ребрам по голове!
Утром — из ямы туфельки две

283. ЗОЛОТЫЕ ШАРЫ

Осы Летят На варенье
Заглянули Шары На веранду
Бледно-желтые Грустно Примета
Полнота И конец лета

Черный кокер Хозяйке верен
Ждет ее У калитки У двери
И моя Придет Но едва ли
Будем рады Картина «Не ждали»

Отмахнулся В стихи влетела
Увязает в размере Застыла
В солнце — осы На блюде —
крыжовник
Почитаю Сапгира Из древних

284. ХРУСТАЛЬНАЯ ПРОБКА

В каждой по Генриху Сколько их? Столько
Тронуть нельзя Рассматривать только
Каждый Сидит На зеленой траве
В кедах И солнышко На голове

Вот повернулись Разом Все двадцать
Веером глаз Ничего не боятся
Это я — Здесь Неуверенно робкий
А Генрихи — Грани Хрустальной пробки

У всех сорока Сложилось И вышло
О гольфе беседуют Просто не слышно

Любой Отшлифован И завершен
Лекарства глотающий Я Им смешон

На обе страницы Голая Лаковая
Перемигнулись У всех Одинаковая
В «тойоте» На даче В лесу И в саду
Но черви! И лярвы! И всё — на виду!

Я стольким приятным Обязан графину
Но в шкаф Этот штоф Захочу — и задвину
Мы — сон А не клоун И совсем не родня
Но что они празднуют Вместо меня?

285. АНДРЕЮ СЕРГЕЕВУ — ПОСЛАНИЕ

Вот так и встретился Андрей Сергеев
С одним Из новых русских негодяев
Да спьяна Показался На кого-то...
Огни — в упор! И сбило с поворота —

Похож... Андрей От страшного удара
Из этого Физического Мира
В метафизический Вдруг устремился Мир
Где обитает Бродский например

Долина в огоньках Подернутая флером
Вершины Заняты Неспешным разговором
Почти что Коктебель Рай Или мошек рой —
«Склонялся и шумел» Шумит над головой

Пожалуйста Андрей! Пусть книги С полки
просыпаются Или сервиз в осколки

весь разлетится Подай хотя бы знак
Тогда я буду знать Что мы Не просто так

286. СТАРЫЕ ФОТОГРАФИИ

М. Айзенбергу

Последнее Фото брата На снегу лыжник
Легче любить Не близких Ближних
С войны пожелтело Да и место пусто
Еще легче Не людей Родину Искусство

Смуглый Все мне снится Ни живой ни мертвый
Свои же наверно Все приносят жертвы
Мать отца и брата И другого брата
Унесло куда-то Смерть не виновата

Перекресток улиц Просто разминулись
Встретятся Я знаю И глаза и голос
Брата Я узнаю
Улыбка Родная

287. УЧИТЕЛЬ

Старик Стихи о смерти Лоб
склоняющийся над Глаза печальны Пишет
Тепло — и тополь Горкой домиков
синяя — даль На станцию идет Навстречу

воздуху Приехала Вон она
машет с платформы Голос грудной Сияет

Платье кивает ромашками Так и бежит
в памяти мой Почти влюблена Облаяла их
собака

Но и меня кто-то помнит Приехал К вечеру
автобусом Вот он я Березы теснятся Не ждали?
Так и идем мимо пруда Учитель и дети
Отсветы Смех Разговор И мое «р»

Никого не останется кто помнит Уже не
осталось
Трава — еще влажно И листья — листочки
Начало
Лечь — холодит Куртку — пакет — газету
подстели Затаив дыханье Учителя слушай

288. ОХОТА

Лес — далеко Кровь Брызги
Проснулся Спина Родинка Странно
Часто дыша Бежал Принюхиваясь
Женщина Шея и волосы Совсем незнакомая
Тубо! За кустарником Голос хозяина
Но даже комната И та Не моя

Серая ходит Хлопая крыльями Уже на земле
Спит Приготовлю кофе подам в постель
Весь раздуваясь Кругами Красивый петух
Спросить или нет? Глокает смешно Ушами двигает
Огнём плеснуло! Топорщатся перья Горячая пасть
Глаза потептели Конечно же любит Спрошу

Отобрал глухаря «Хорош» Осинки и кочки
Смотреть на неё Некрасивая А ведь подумал: убью
Ушами трясёт Вынул клеща Если услышали —
Грудь повисли Ключицы «Спасибо милая»
Пост обойдем Подозвал И пошёл посвистывая
Успеть бы уйти Параллельная Отсвет на бронзе

Лес пройдёшь И растаешь Вместе с собакой
Даже убьёшь Всё равно Из квартиры не выйдешь

Из книги **ТРИ ЖИЗНИ**
МЕМОАРЫ С АНГЕЛАМИ,
НАПИСАННЫЕ В КРАСКОВО
Лето 1999

289. ТЕНИ АНГЕЛОВ

Тени ангелов
за спиной
Обернулся —
нет никого

Полный город —
нет никого
Обернулся —
тени ангелов

290. ТРЕТЬЯ ЖИЗНЬ

Первая — 22 года назад
взорвалась инфарктом
Вторая —
ночью инсультом
На пятое марта —
в черепе грянули колокола
Снег и коробки —
в окне больницы
Третья жизнь началась

В первой жизни
ангел-хранитель
пренебрегал
своими обязанностями:
порх — улетит
в другую реальность
где раздают
свет и добро —
А я в это время...
Меня в это время...
Да! лишь обрадуюсь —
вмиг исчезает
порх! — появился —
но радость не та
Ангел мой был
настоящий гурман —
да и что за радость
без капли грусти!

Второй заглядывался
на женщин
прямо скажу —
я усну он уходит
С кем там — всю ночь? —
И — такие картины:
он ангельской грудью
грудь ее прижимает —
а девка кусает
его в плечо! Больно...
Под утро я вижу:
Вхожу я бесшумно —
не скрипнет — и зеркало

не отражает —
лишь перышко — на подушке
Слава Богу
обличье мое приносил
В трюмо — седые виски
и потасканный вид —
Изыди!

Третий — мальчишка
все озорует
то под локоть меня —
падает ложка со звоном
расплескивается чашка
то что-нибудь спрячет —
палку
с серебряным набалдашником
Путаю слоги слова
в голове зашумит
я-то знаю: это — мальчишка!
А врач уверяет —
обычная старость
Какая старость — смешно!

В жизни внеплановой
сверхурочной
мальчишка внушает —
не надо учиться
Надо учить! не одобрять!
быть неопрятным
и неприятным
(Старого дятла
пересбивать?)
Вмиг оборву

посмеюсь и унижу)
И не стыдиться
раскрытой ширинки
Вечно небритой
мокрой щекою —
Внука небрежно любить —

291. КЛЕНОВЫЕ АНГЕЛЫ

Ангел землю мне показывал —
незримый но осязаемый
наверно ребенок
такой же как я:
на земле не только рельсы
и булыжник-мостовая —
смотри
вся в кленовых —
то-то счастья раскидано!

Девочка лет двенадцати
руку протягивает —
церковные ступени
легко как великан
одолеваю —
— Какой хорошенький...
Наверно видит не меня
и желтые казармы
Внизу — Москва
похожа на
кленовый лист
где улицы

расходятся прожилками
Сорвался бы бутуз
в венке кленовом —
с колокольни —
и мама и та девочка внизу
напрасно плачут и зовут! —
меня бы небо
сразу притянуло

Когда в лесу
обрушился на нас
широким шумом
мы побежали вниз —
за воспитательницей
мимо гигантов — мухоморов
и лисичек
похожих на деревья
туда —
под лопухи
под шляпы подосиновиков
под листья земляники —
оглянулся —
рядом с ягодами
синее в горох —
ангел дождь пережидает
Ах как было хорошо
в шорохе-горохе!

За пчелами помню —
в крапиву и малину —
высокие рспы
все гуще обступали
Где солнце жужжит —

блеснуло
крыло стрекозы...
Были это деревянные кресты
или чье-то настроение —
мох и доски
ветхость запустение —
легкостью погосту сродни

Белая козочка —
на шее и следа веревки нет —
затрясла головою
замскала...
Как бросился скорее прочь!

В окне трамвайном —
незнакомый город
и наши лица —
едем к тете Розе
Полуподвал — синеют окна
Пустите! Не хочу!
Где покажите выход?
Экзаменаторы чужие строгие
и мама — будто не моя

Я бы там заблудился
но в темноте украдкой
протягивал мне руку
девичью —
ни разу так и не увидел
кто выводил меня из сна

292. ПЕРВЫЙ УЧИТЕЛЬ

Трубка пахла
крепко и приятно —
старый холостяк
в тазу стирал носки
Чисто выбрит —
аккуратность
и в бедности
На фотографиях —
дамы с зонтиками
бородатые мужчины
гимназисты
по стойке смирно —
и росчерком
фотограф Губерман
Книги в переплетах
с золотым обрезом —
им я верил
более всего

НАРОД И ПАРТИЯ ЕДИНЫ

во мгле светилось —
Рассказывал об Анненском
о Блоке —
как будто мы
на набережной в Ялте
Сияет солнце
на толпу из чесучи
на кружевные зонтики —
— Кто? Кто?
К приезжей барышне

он обратился: жопа —
естественно
та страшно покраснела
А может к жопе
обратился: барышня —
та тоже покраснела до ушей
Ах Антон Павлович
он такой шутник!

Мимо шли в дожде
перекошенные ветром —
как из газеты предвоенной —
прислушивались
слышали конечно
Однажды ночью
постучали в двери —
и он исчез

Тайга влезала
в ночные окна
остро пахло
горящею щепой
Трещало
падающее дерево
И прыгала
немецкая овчарка
В просвете —
над сопками
летащий самолет

В бараке
соблюдая аккуратность
он брился каждый день

перед осколком —
поджаты губы
сизая щека —
дворянская...
рассказывал о Ялте
Петербурге
стирал в тазу
портянки и платки

И слава Богу был

293. ЕВГЕНИЙ КРОПИВНИЦКИЙ

Синими глубокими глазами...
Юноша в рубашке
с кавказским пояском...
Свиданья — в черемухе!
Скамейка — в сирени!
Мольберт у окна
Императорского
Художественного
Ремесленного
Строгановского —
С утра грохотала
телегами по булыжнику
Москва — настоящая

Но — разгорелась киноварь:
тиф! пожар! война!
Днем как будто прячутся —
город колышет

митинг и рынок
Но после полуночи —
город затихнет —
голый фонарь
лезет в гостиную:
где вы тут? — а ну!

И снизу грохот — вламываются
двенадцать не апостолов —
кожаные куртки
Ноздри раздуваются:
золото и жемчуг —
господское добро!
Разбой — по комнатам
Выстрелы — в ночь...

Какое фортепьяно! —
сам чудом уцелел
Идти на службу —
бывший особняк
купца Морозова
пустуя ждет —
детей учить —
пятну и линии
так понимал

В двухэтажном бараке
в белой горенке —
Сократовский череп —
глубокие синие
но уже — и возраст:
палка и очки
Бедный Женья! —

влюбился и мучился —
так пахли юные плечи
и русые волосы!

Глядит любимый Ученик:
окружили Учителя
домашние черти:
один ему Фета подсунул
другой на девичье колено
руку его положил
третий — все мысли
поставил дыбом —
стараются враги человека!

Смеющиеся серые —
рука легла на талию —
не просит ничего...
Зачем ты Милитриса
ходила к Анатолию —
хромому бесу
в Пионерский переулок?
все врал небось
про подвиги свои

Прощанье в роще на закате
Темнели в березах
вороньи окрики
Сопровождали в стороне —
как беспризорные собаки
(она всегда их привозила)
репы цеплялись за хвосты —
тихонько взвизгивали
Слышал их Женя — и плакал:

шестнадцатилетняя —
общая добыча

Давно обосновались
в Москве и на окраинах
Вот почему так мучился
Евгений Леонидович!
Любил окраину поэт —
земной уют и бедность —
над рощей и прудами
Ночами слушал:
ветер шумит
в печной трубе
и писал стихи —
о гражданах и о себе

294. ОЛЬГА ПОТАПОВА

Евгений Леонидович
что называется
с перцем —
сам старик
стариков не любил
Но жена его
Ольга Ананьевна —
чистые и черные глаза
как вишни —
ручаюсь —
ангелом была

Ну хоть когда-нибудь!
Только добро!

Сына на фронте ранило —
только смиренье!
Из института взяли:
«Эти художники
покушались на Сталина»
«Застрелить из тубика!»
Но посылку ему собирая
в Караганду и не думала —
Женя
пусть себя иронизирует —
даже думать
себе не позволила

Он и девушками увлекается
Милитриса с букетом ромашек —
вся покраснела —
ну как осудить!
Крови татарской
все же была примесь —
темнели глаза

Приезжал и Генрих
часто в Долгопрудную
ссора объяснение с отцом —
некуда идти —
стелет фанеру на пол
сверху ватник простыню
и лоскутное одеяло —
«Вот ложе поэта!» —
щедрая бедность

Казалось совсем старики —
любили друг друга —

«Что скажет Олечка»
«Где Женичка?»
И когда преставилась
«Как же я без Олечки?»
Как же мы без Олечки?
Без Ольги Ананьевны?
Без темного ангела —
в березах стоит —
покрылась платком —
угадал ее Блок

295. ГЕНРИХ ЦЫФЕРОВ

Пили у Юли
Пели у Юли
Сидели у Юли
Юля: — А хули!
Юлю любили

Брат ее был — удивительно —
пьяница и пушкинист:
Пушкин — и о зайце
Зайца увидеть
выезжая со двора
нехорошая примета —
порскнул — и исчез
заяц — он в народе бес

Рядом с резиденцией
Генерала-Губернатора —
теплая квартира

Помню как вчера:
Сказочник-блондин в очках —
установленный бутылками
выше головы —
мы все — «свои»
не знаем что но празднуем —
московские красавицы —
мальчишечьи повадки
цыганское пение
любить — нетерпение
ночные приключения —
«Приключения Лягушонка»

Галина — «император»
царица смуглой плоти
положи на свою ладонь
этого взъерошенного
Лягушонка —
он целуется —
губы дудочкой
он так хочет всего —
протирает очки

А Наташа потянулась
удивилась — с ней в квартире
Поросенок —
перед сном очки снимает —
рядом на подушке
хрюкает от счастья
Розы дарит Поросенок
как такого не любить!

А Марине на сцену —
огромный букет

вечерних улиц
и сверкающих площадей —
от вмиг поклонника!
От почитателя таланта
быть женщиной!
Закружится пожалуй
голова —
В коробке с кистью
«Красная Москва»

Но знает японист
и пушкинист
что Пушкин был
на ссоры быстр
что в Генрихе сидит
все тот же бес и заяц —
и он убежит
от московских красавиц

Когда я прохожу мимо Ваганькова
Высоцкий и Есенин —
там пьяницы цветут
ничто не шевельнется —
он не тут

Так и остался
в старой Праге —
в городе похожем
на настольные часы
с фигурой Марии
(дар богатого еврея)
апостолов
на Карловом мосту

Вот он выходит из дома
— Доброе утро Сказочник! —
каждой вывеской
каждым окном
Вот он спускается к Влтаве
— Доброе утро Сказочник! —
взмахнув простыней лебедей
Вот поднимает его великан —
Солнце
на пирамиду домов
на Вышеград

Внизу — косо стоит
еврейское кладбище
на древней плите
вырезан лев
желания — камешки
Рабби Лев
из глины слепивший
одушевивший
в свое время
гулкого Голема
каждое утро
дарит день жизни
душе Генриха
...будут твои исполнены

296. ОВСЕЙ ДРИЗ

Помню время прежнес —
стояло время Брежнева —

челюсть не двигалась
язык не ворочался —
золото ему на грудь
и еще куда-нибудь
В то время
или несколько раньше
в Прагу вошли
советские танки
Убили на улице
Вацлава и Ружечку
Сапгиру не выдали
красную книжечку
Брежнева печатают
в журнале **НОВЫЙ МИР**
Не оглянувшись
уходит Сапгир —
«не наш человек»

А в Доме литераторов —
все те же флюиды —
такой тяжелый дух
отсутствия свободы
что лестница
скрипит — не вынести
советские и детские
романы их и повести

На стене — фото
такие вдохновенные —
дьявол изобразил —
начальники печальники
на дачах поседевшие
на Севере сидевшие

в семи водах варенные
в семи солях соленные
кормленные холеные
заросшие и бритые
убитые забытые...

Помню с Овсеем
ходил
в ресторан
где со стихами
поэт приставал
где девушка без возраста
кудрявая чернявая
вертелась
и дышала
писательской отравой
Во главе оравы всей
сидел и пел
стихи
Овсей —
одуванчик —
раздувались
ореолом...
На лице веселом
голом —
выразительные
печальные
беззащитные
отчаянные —
как очередь
полураздетых евреев
к Бабьему Яру

как мальчик в той очереди
которого выхватили
соседи-украинцы
как итальянка в кино —
хохочет хохочет —
которая хочет
любви с оборванцем
как рыбак на причале
который —
сегодня обильный улов! —
и сам не поймет
почему ему грустно

— Можете меня поздравить
с полным собранием
всех моих зубов —
И улыбнулся
потирая щетину
— Сейчас я вас покину —
Закрыв глаза —
и открыл опять:
— Где был не скажу

Я помню как в кафе
у Курского вокзала
взгромоздившись на стул
Дриз произнес речь:
— Друзья мои! — в пространство
— Говори отец! —
закричали кругом:
сейчас сейчас
седой пророк —
все объяснит!

Укажет виноватых!
Откроет жизни смысл!
Бородач крестился
на Овсея
как на икону
Николая угодника
— Нет! не могу —
слез со стула
и ушел пошатываясь —
слезы на глазах —
последняя надежда
Подольска и Подмосковья

297. ГУЛЯЩИЕ

Был сам себе помехой —
вернее Никто напевал —
которого я не видел
а значит не признавал
Утро начиналось
бутылкой «Виньяка»
Зверев входил
из зеркального шкапа —
опохмелиться жопа!
Художник Абрамов —
широким ликом
добрый и сумасшедший
«Красный цветок
в темнице» —
тоже опохмелиться
Теряя и набирая

бутылки и собутыльников
к вечеру
мы набирались —
гром столбом стоял
в пыльной мастерской

Наша свобода
пахла масляными красками
стучала на машинке
под старую копирку
не обращая внимания
на стук в потолок
на стук под окном
на стук в КГБ
Ночью и днем
пить и читать стихи
звучать и кричать
«Гениально» —
уснуть в лесу обнаженных
из керамики и гипса —
проснулся ночью
нашарил груди
и гладкий волшебный живот —
слишком теплая это майолика!

Куда нас только не таскало:
к вокзалам
в городские парки
в подвалы
в старинные будуары
в музеи
в постель к журналистке —
Он изнутри цплял

крючками плоть мою —
я рот по-рыбьи разевал —
и все казалось мало!

Исповедовался
неизвестной
девушке
в постели тесной —
Никто меня не признавал
но признавал Никто
Никто со мной не выпивал
но выпивал Никто
Никто на драку не толкал
но подтолкнул Никто

Никто меня не избивал —
меня избил Никто
Никто меня не полюбил —
меня любил Никто

Я думал что я естественно...
но едва ли...
Рядом со мною
так же бессмысленно
любили
пили —
время убивали

298. ПОЭТ ИГОРЬ ХОЛИН

Сразу ушел в монастырь —
в свои мысли

Да и то — выглянешь
где окажешься?
В детском доме —
В психиатрической больнице —
В Красной Армии —
В лагере среди зэка —
В ресторане среди официантов —
и всюду — шерстяное
бурое-зеленое
с полосами
и пододеяльник
штопаный зашитый —
с лиловым штампом
как наваждение

Вышел из монастыря:
кругом поля и рощи
и Долгие пруды —
вдали — шоссе на Дмитров
мост и водохранилище
с туманными берегами —
в общем поэзия:
с Учителем и Генрихом
с Фетом и Державиным —
далекие прогулки

Так и пошел
по прекрасной стране
где нищета живет
в облупленных бараках
где пьют и убивают
под тощими березами
где встанут на карачки —

пустынно у помойки —
и воют на луну

Он уходил все дальше —
к заводам и ракетам
к цехам-лабораториям
и к будущим огням —
к все тем же ситуациям
и тем же парадоксам
поскольку знал и видел
что жалок человек

В больнице женщина которая
его любила умерла —
при родах кровью истекла
Вот — новорожденная дочь
Отец издал индейский клич
всех подруг выгнал вон
отключил телефон
запер двери — затворился
с дочерью в монастыре
Так прошло шестнадцать лет

Вышел на свет —
сухой монах
привык один
в своих стенах —
сущий пришелец —
узкоголов:
впалые щеки
куполом лоб
Стучит на пишущей
машинке

живет и мыслит
без ошибки

Все кажется
что из монастыря
он никуда не уходил
сидит один
среди картин —
своих друзей —
и огненный ангел
сияет над ним —
от икон

299. АНГЕЛ ВЕНИЧКА

Косо ложатся русые
пересекая бровь
Как из дерева вырублен
северным резчиком
словно кто эту челюсть
косо дробью прошил
Все понимает
не просыпаясь —
слезы текут из закрытых —
все-таки жалко себя —
сам себя предсказал

Ангел домашний Галина —
полный стакан коньяка
Веничка просыпается —
и ибо всем вспоминает —

дыхание со свистом —
хриплое из-под марли —
из дырявого горла —
ах как пожить еще хочется! —
сразу не хочется жить
Демон домашний Галина
выпить второй не дает

Утреннее прояснение —
В красную книжечку —
вписывает убористо
то что сейчас подсказывает
настоящий Веничка

Вскоре приходит
Сапгир с коньяком
Вернее — коньяк
с Сапгиром
Веня рад Генриху
и коньяку —
приветствует то и другое
Генрих испуган
не меньше других —
но чаще приходит
Жестокое удовольствие
обреченный
с людьми позволяет —
извиняются их глаза

В горле клоочет...
Ангел-хранитель —
соломинкой пощекотал
Ангел Сапгира:

«Брось говорит —
сам справится!» — говорит
Снизу чокаются
подопечные
Пьют два ангела
под потолком
да и то сказать
чин невелик

Седая челка
глаза смеются —
Веничкин ангел
вспомнил Марину
карельские сосны
море — можно жить
Сдвинулись брови —
ангел Сапгира
потяжелел помрачнел

Веничкин ангел
Бродкого любит
обериутов читает
Ангел Сапгира
ему возражает —
любит он Холина
и Сатуновского
больше чем обэриутов

Веничкин ангел
злобно скрежещет —
смотрит на Генриха
демоном
Дсмон Сапгира

сердито рычит:
«Книгу не дам — прочитаешь!»

Темной стихией
разлился коньяк
Веничка лег
отвернулся к стене
Книгу забрал
и уходит Сапгир
Гляньте: на потолке
в уголке
два дьяволенка
дерутся

300. ХУДОЖНИКИ В САДУ

Ангелы в саду стоят
рядом с деревьями —
какого роста —
вижу — и не знаю
Яблоки яблоки —
как у Флобера
в ящике письменного стола

Созрели воспоминания
Собираются умершие
и живые — что удивительно
Если тем из прошлого —
отовсюду рядом —
свежий запах яблок —
и уже в саду

Этим надо с Выхино
ехать в электричке
А если из Парижа?
А если из Нью-Йорка?

Видно что — издалека
Темные их ангелы
закрывают лица —
Начата картина
глина еще мокнет
инсталляция скучает
без последнего стула...

Тайну появления
рано открывать

Ближе всех — Оскар
живет на Бабуре
рисует Лианозово
Валентина — тоже
рисует идеальное:
осенние рощи
и люди с лошадиными
головами задумчивы
думают: что же с Россией
сталось? А через дорогу
возле Сен-Дени
проживает удиви-
тельный Эрик Булатов
Престранные картины —
сразу — перед рамой
свет как отрезан:
картины вместо нас
видят тьму — тот свет

Вот и группа умерших —
в окружении ангелов
как на фотографии —
Рухин и Беленок —
в луне такой большой
— Хочешь Зверев яблоко? —
взял — и откусил —
Куст крыжовника
брызнул серебром
Угощаю Свешникова —
Боря не глядит

Стукаются о крышу
по железу скатываются
и — не долетают
Кто-то ловит яблоки
рядышком с верандой
Вот — стоит под деревом —
седые кудри
а за ним — невнятный —
перышка не светится
знаю как зовут —
только не скажу

А эта — сценограф или
декоратор — не помню
каждый раз
посмотришь —
бузина в пейзаже
Так и вижу — равнодушно
разметалась на подушках —
и в любви неутомима
а глаза куда-то мимо...

И эта — блондинка —
ученая бандитка —
не раз были вместе
в присутственном месте
дверь не запирали
вошла директора
скандала не вышло
стоит неслышно
Вот теперь и виден секрет:
ангелов при них нет

Под луной белеет падалица
Лица пожилые —
детское угадывается
Яковлев Володя
плакать собирается
а лицо невинное
даже невиновное
— Вот тебе яблочко —
Жизнь вечная

И повсюду — ангелы
круглые их личики —
зреющие яблоки
Про погоду говорили —
Воскресение обещали —
будет или нет

301. ОГЛЯДЫВАЯСЬ

Есть куда оглянуться —
целый век позади

Оглядываюсь: руины —
веселые результаты
«Каменщик каменщик» —
спрашивал Брюсов
Незачем спрашивать
Каменщик с Украины —
строит он строит дачу
дачу новому русскому —
корт и бассейн и гараж —
некогда разговаривать

Век был не самый плохой
Век был кровавый ужасный —
как бы все наши рекорды
следующий не превзошел!
А за штaketником сада —
в крыжовнике девочка Олечка
с каждой ягодой говорит —
просвечивает крыжовник
на солнце. И не мешает
работать мне на веранде
ближайшая электропила
«Все обойдется» — думаю
И в самом деле терпимо
мир обошелся с нами
мир обойдется без нас

А как мы безобразничали!
И как преувеличивали!
И как недооценили!
И как не превзошли!
От страха мой друг от страха
Мы выдумали философию

архетипы и психоанализ —
Выдумали и поверили
Как жутко они скрежещут! —
как фыркают порскают свищут! —
нашей верой живут

Верни нам наивных ангелов
Верни примитивных демонов
Верни нам Себя чтоб узрели —
и в Библии и в саду
От хоров многоголосых
служителей длиннорясых
приехавших в «мерседесе» —
уйду! — или храм обойду

Верни нам таких как видел
на деревенской северной
иконе — белой кистью
все перышки наперечет
И пусть нам будет художник —
не тот — подражатель прежних
«Хвала им и слава — в Вышних...»
а тот которого видел
в Софронцево на Мологе —
костер еще жгли в овраге —
юродствующий дурачок

302. НИКТО

1

Фантазия или память
лепит это лицо —

проступает на фоне
блестящих листьев сада
толстый нос и густые брови
Вот и сам скрипнул
калиткой —
Иди сюда — Никто

Ты похож на Евгения Рейна
тем не менее — ты Никто
разговор вот о чем:
Задушенная на ковре
зарезанная в коридоре
неловко нога подвернулась —
застреленная у ворот —
Она выходила из дома
в продовольственный — там убил!
А как я хотел — и боялся!
Красивая и накрашенная
жестокая — в темном зеркале —
которая запрещала
на улицу выходить —
Зачем уложила рано?
Возьму пистолет из коробки
Зачем он стреляет пистонами?
В передней — мужской силуэт

Убиваем каждое утро —
жену за остывший чай
родителей-стариков
за шарканье за газету
за глупый надсадный кашель —
само их существование —
полоснул по горлу отца!

Мысль сейчас же прогнал —
но что делать с трупом в ванне?

Дурные намерения —
постоянные спутники
семейного прозябания
Любящая красивая —
молитесь — задушит во сне
и еще дом подожжет
Трое детей — садисты:
младшая кукле голову
оторвала и выбросила
старший повесил бабушку
не объяснил — почему
Страстные любовники —
ляжками так сжимает
чтобы в нее извергнулся —
в матку соком истек!

2

Никто давай прогуляемся
в 2009-м — война
в 2019-м — мир
хуже любой войны
в 2029-м — тихо —
Между тем шум дождя
стал шумом песка
в стекла — плюх плюх
прекратился — и небо голо

Все так же чествуют Пушкина
еще слышнее — Чайковского —
в голове любого подростка
звучит электронный Щелкунчик
Мнимые — среди нас
Бородач в берете —
С кем я говорил? —
скамейка пуста
Только девушка поодаль
вытягивает ноги
длинные как макароны —
шутка — ты слышишь Никто?

Россия шагнула на запад
ушла на восток к Японии
Кто говорит об Америке?!
Америка — это Россия
Россия — страна катаклизмов:
В стране процветает туризм
В Санкт-Петербурге устраивают
игрушечные революции —
колотят в Зимнем скульптуру
каре — на Дворцовой площади
расстреливают толпу
Бараки и пятиэтажки
работы Ильи Кабакова
Уважаемые посетители!
в поселке небезопасно
ВХОД от 8-ми до 8-ми
Любителям экзотики! —
Автобусы отправляются
на экскурсию в дальний совхоз

где жители доисторические
выпрашивают на водку
качаются как былинки
МТС заросли березкой
поля поросли бурьяном
В черных заводях такие налимы —
удилища переламывают
перекусывают крючки

Заметное теплее — климат
На Вологодчине — страусы
Гориллы живут в Рязани
А от Самары к Саратову
в пыльной степи — антилопы
С холмов Жигулевских на Волгу
смотрят слоны и жирафы
град Китеж достали из озера —
похож на Диснейленд
Православных теперь кремируют —
долго жить и уйти в нирвану
мы желаем ближним своим

Но обрати внимание
Никто: на нашем пути
на этажах переходах
многоярусных площадях —
опасаются даже в мыслях —
кому-нибудь боль причинить
или кого-то задеть —
вегетарианцы

Но в мыслях не позволяя —
смотрят эти вегетарианцы

виртуальные теле жизни —
возникая сами в дыму
среди призраков
и не Пьером на батарее
а солдатом который на бровке —
штыком француза — в живот!

Испанские сапоги
Щипцы выжигать тавро
на бедрах или под мышками
и выкусывающие мясо —
разной формы эти щипцы
Иглы — под ногти!
Бутылки — в зад!
Колесо для колесования —
аттракцион для детей
Закручивается гаррота —
сверкают глазенки
хрустят позвонки

Не нарушают закон
Не причиняют зла —
игры музеев классы —
Но как от боли и ужаса
кричит и визжит пустота!
Кто их подстрекает? Никто
Что мучается? Ничто
Но как ужасает пришельцев
виртуальный дымок
витающий над Землей!

Никто вернемся назад
к Евгению Рейну — в Красково

где по утрам новый русский
как новый Мефистофель
бегает с тремя пуделями
разговаривая по телефону —
Я видел новые корты
и думал что все пропало
а он в переулке нашем
поставил гнилые столбы —
между звездами тускло светится —
Блоковские фонари!
Высоко угадываются
вечером в хвое — август —
фрагменты созвездий

303. ПОЛТЕРГЕЙСТ

1

Пустующий клуб среди берез —
доски на дверях отлетели —
помнит лучшие времена
советских детей и вожатых —
все ушли в позапрошлый июль
под барабан...

Кругом разрослась бузина
и цветы — с акацию
со скверным запахом
Театральная пыль
затаилась в углах
Зеркала
без актеров умерли
Тень
ночью скрадывает весь театр
складывает в чемодан
для декораций
и уносит в тень акаций

Где натывается на
в два ряда имена
на щите обелиска
При свете луны —
герои прошлой войны

Кот бродячий слышит близко:
пары между темных дач:
крепкий трубочный табак
и духи «Красный мак»...
— Милый кофточку не мни! —
и увозят «эмки» в ночь
и скрипят скрипят ремни —
командиры
комиссары
круголобые тимуры...
коридоры... конвоиры...
вышки... проволока... нары...
Ночью пометил мелок
весь поселок

2

Каждый раз
проходя по дачному проулку
вижу на белом
машут горстями листочки
ПОТЕРЯЛСЯ
ПРОПАЛ КОТ —
почему-то прочитал:
ПОЛ-ТЕР-ГЕЙСТ

Сквозь березовую рощу
плетусь к магазину —
гляжу себе в спину —
с ближайшего дерева
— Ф-рр! — пушистая голова

Из дощатой стены барака
лезет рука —
ватные штаны
бахилы бушлат —
хилый мужичонка
повадился на склад

Полтора литра —
три бутылки спер Сергей
Вот тебе и полтергейст!

И весь день бродят скрипы и шорохи
Скоро шесть
Пропал кот
Поздний гость
Упала трость

А ночью
пропавший кот
карабкается на крышу
и скатывается
спелым яблоком
В светлеющем воздухе —
мертвая жесть
Рано встать
уехать в Москву — домой
забыть здесь —
37-й

304. АНГЛИЙСКИЙ ФАРФОР

1

Мы ходим и живем незряче
Видим: пятно
Осязаем: ничто
или предмет — что одно и то же —
сущность и существо —
три ямочки а там —
просвечивает и дышит
Обнял — скелет
меня обжимает
животом прижав
к своей сковороде
колется грубая кожа
ноги холодные лапчатые —
дикая
ошипанная утка!
А ведь какие обещала яства!

Бывает и наоборот:
Ни рожи ни кожи
ни глаз
Обнимешь — шевро
Гладкий атлас
Руки —
лепят из тебя
послушного лягушонка
Ноги — волшебной линией
уходят за горизонт

Однажды
В магазине «Английский фарфор»

(не поверите) продавщицу походя
потрепал за щеку —
сильно удивился —
небритая щека!
Молниеносно — за пазуху
(все-таки люди кругом)
За пазухой — кирпич
Тут уж меня задело
Сразу — под платье
слава богу! цыпленок —
Что поделаешь англичанка!

Окружили между тем
микрофон суют
Где мой кейс? Ухожу
Вот портфель
Такой тяжелый — не вмоготу
Выронил —
разлетелись осколки фаянса
с грохотом —
Супница в виде кейса!
А ведь выглядел так натурально
в магазине «Английский фарфор»

2

О если бы всеми порами
чешуйками присосками
и шрамами и волосками
и напряженьем и впадинами —

какая нежная и странная
такая вечная мгновенная

вся обнимающая тающая
вспрони́кающая знающая —
сама навстречу звездной дланью —
в глубинах бурное пылание
и пустота — и в ней желание
схватить — и черная агония
и в каждой искре воплощение
и расширение
без насыщения
в любой молекуле —

305. НОЧНАЯ БАБОЧКА

Лист сеточкой — от пня
выгнулся над чашей —
шум на стадионе
там живу где —
Большие города
и люди соразмерно

В солнце иду по Тверской
Навстречу — плавные ноги
высокие — ты еще выше —
те же глаза — улетают
Стоя у длинной витрины —
почти затолкали —
и такое обоюдное
нас охватывает сладкое —
что стало небо
желтым и дырявым —
окрасил нас

древесный сок
в цвет желания
Высоко — эстакада
Взявшись за руки
идем по щепочке
желудь перепрыгнули
Заберись на ягоду
не бойся — я тебя держу
Два червячка Адам и Ева
переплелись на ветке
Паутины паутины...
Песчинки небо заслоняют...
Шум проехавшей машины —
блеск июньского жука

...пожалуй меньше насекомого
по образу и подобию
И когда разразится —
вмиг
разлетаясь на атомы —
в свет
увидим над небоскребами
не годзиллу
не новое солнце —
а голову муравья

Круглый свет — на подушке
приподнялся на локте
смотрю: спишь
Розовым
стоячим треугольником —
в спящих волосах —
вдруг раскрылась — мне в лицо

затрепыхалась — и к лампочке —
там отражается —
в изогнутом стекле
безмерно и безумно
демоническим черепом

Твердейшие тончайшие
поют как херувимы
и носятся как демоны
ужалить норовят
Всечасно досаждают —
и смех и грех и кровь!
А посмотри-ка в профиль
сев на твое запястье
горбатый Мефистофель
скрестив свои тонкие ноги
он думает — о чем?

306. ГЛАЗА НА ЗАТЫЛКЕ

Мы такие древние —
кожсй затянулись
костью заросли
солнце смутно —
сквозь заросли волос
что-то различаем

Пусть голова
нас в расчет не берет —
атавизм на затылке
только те что во лбу

украшенные ресницами
окрашенные яблоки —
ведающие лишь явное

Между заборов и акаций —
прохожий и тень
тень без прохожего
Шорох — шарах
Смотри! нет не видит
за спиной между тем
переходят сосны
полосу асфальта

Смотри же! Услышал
Грохочет пустой самосвал

А что автобус вне времени
(там дети неслышно поют)
идет на обгон самосвала —
не видят разумные яблоки —
что выше — сквозь сосны —
призрак разбившегося самолета —
и все это летит гремит
и катится по желтой улице

Обдав тебя шумом бензином
проехал роняя цемент...
Чуть крылом не задел...
А призрак тебя раздавил —
испортилось настроение

Узнай спесивый мозг
что видит мозжечок:

мир вокруг переполнен —
разлагающимися
вновь рождающимися
ситуациями —
самый воздух...

Жасмин в окна лезет —
еще не расцвел —
на клеенку роняет
намекы на лепестки
Тут заскрипела калитка.
На террасе не оборачиваясь:
— Здравствуй — я тебя ждал
— Что у тебя — глаза на затылке?

307. ХОЛИН И ТРУБА

С пучком лиловых астр
подъехал к моргу
Собрались глядят —
прихрамываю в солнце
будто бы меня
пришли провожать —
да и в гроб уложить
Прости что заодно —
глазами говорят
родные и поэты

Лежит в гробу
навстречу не поднялся
не предложил

стакана чаю виски
Руки не подал даже
да и мне слабо
Станцуем —
топор и жердь
инсульт и смерть?

И сразу видно:
не числится
и не принадлежит
Лоб нос и скулы —
как Хлебников
С таким скульптурным
человеком незнаком
Притом черты
весомей и крупней —
как выиграл
Огромный выигрыш!
На что его потратит —
не скажет —
никому не угадать
Не знаю
что и чувствовать —
себе ли
ему сочувствовать

Там — пустота
но пустота и здесь
и пустота
пришла проститься
с пустотой
скорбит о пустоте:
О! пустота!

Сегодня же
все это будет пеплом —
горохом в урне
Прочь ухожу —
и прихватил тебя
прихрамываю
Поэты видят:
пустота хромает
но что уносит пустоту
под мышкой...
Кремировали
как премировали
(играет труба)

308. ВОЗМОЖНОСТЬ

Сматывается
со свистом!
Самолет из Парижа
прилетел
вперед хвостом —
Вперед хвостом и садится
Пассажиры
пяťсь выходят
из аэровокзала
и опрокидываются в такси
Всех задом наперед
развозят по Москве
где я развелся
и живу с женой
не помышляя о разводе

а там помолодел
срок подошел —
и демобилизация
Здесь на Урале
я — солдат
прошло три года
стал я новобранцем
и москвичом
Все празднуют —
война идет к началу
Зенитки бьют
Из вспышки
вышел в небо
самолетик серебряный —

Да он еще в Берлине —
остановились лопасти винта
Война еще не начиналась
Первые стихи —
еще не написал
но лоб уже разбил —
мальш в матроске
Да я еще не падал
зовет меня сестра —
я понял — нерожденная
мальш! — захлопывается дверь
пеленки заворачиваются
Грудь материнская —
и нет тебя —
грудь материнская...
Всё есть а ты не появился
еще — уже

Так что не сетуй
все могло иначе
иначе чем иначе
и иначе —
совсем иначе быть
или не быть

309. СЕРБСКАЯ МУХА

Летала боялась муха
Пули пчелами жужжали
Мина шарахнула так —
Если бы стать человеком —
в ключья!
Береза — всю листву сорвало

Пусто над Косовым полем
И пустота наблюдала
С гор — даже с неба
и близко с дороги:
падают корчатся —
сербы и албанцы
глаза стекленеют —
у албанцев и сербов
Жук
упал на ладонь —
так раскрытой и осталась
А жук побежал обрадовался
Албанский жук

А то была сербская муха —
с затылка слезать — ни за что! —

Ручаюсь она кричала:
— Велика Сербия! —
Поскольку сам ополченец
кричать уже не мог —
раскидывал мозгами

Я был этой сербской мухой —
И полетел из Косова поля
горами в милую Сербию
на шоссе над автобусом
где пели резервисты
«Прощание славянки» —
Слезы по щекам
у меня текли —
что вам слезы мухи!

Прилетел в Нови Сад
в кофейницу «На здраве»
друзья сидели за столиком
— Здорово
— Откуда Муха?
Я не сказал ни слова
Сел на край рюмки —
Хороший глоток ракии!
— Не отсиживался я по кофейням
Я был на Косовом поле —
серебряной мухой
сидел на погоне прапорщика
когда он спотыкаясь
по кочкам бежал куда-то
Мерцал ему ранней звездочкой
над Косовым полем
когда умирал

не веря что умирает —
лишь колокола — в мозгу!
Когда подошла невеста —
очень хотелось пить —
капнул в кружку

серебряным отраженьем —
плеснулось — и улыбнулся

Нестройно они закричали:
— Молодец Муха!
Воюй на всех фронтах
и со всеми!
Все мужчины
тебе помогут!
Русские помогут сербам!
А чеченцы и турки —
албанцам!
Коммунисты помогут
террористам!
Террористы — коммунистам!
Кто бы ни были — мы победим!

Я парень из Нови Сада
щуплый — по прозвищу Муха
Слава святому Савве
меня взяли опять в пекарню —
многие остались без работы
И сказал мне Костя Костаки —
се хозяин:
— Все жужжишь
А ведь страшно Муха
Снова смерть пришла на Балканы

310. ЗАКРЫВ ГЛАЗА

Просыпаясь слышу —
в комнате солнце
Глаза открыл —
пасмурное утро
дождь шумит в окне
Снова зажмурился

Так и встал
с закрытыми глазами
ощущая солнце
на лице
Ощупью оделся
умылся
дверь нащупал
вышел на веранду —
сразу окунулся —
в мякоть абрикоса

Из сока и тепла — небо
Пение птиц тоже —
прыгают по веткам
звуки с такими хвостами:
я — в Таиланде

От бунгало — к пальмам —
Близко шумит море —
Рядом шлепают в сандалиях:
Понимаю — это
Аркадий Борисович —
новый русский —
вчера прилетели
— Вам в глаза мошка попала?

— Извините Аркадий Борисович
я зажмурившись бегать люблю... —

— Ну как знаете.. —

Слышу: убегает
и ворча за ним бегут собаки
Снял майку и лег на песок —
может быть загореть я успею
прежде чем открою глаза

В подмосковном поселке —
сосны мокрые
черные ели —
Вторую неделю дождь
Он бегает каждое утро
на бегу говорит в телефон —
рядышком трусит охранник —
над хозяином зонтик —
деловые переговоры
а за ними бегут собаки

Лучше уж опять глаза зажмурить
на слоне высоко —
рябь листвы — по вскам
впереди — мальчишка-погонщик
что-то там лопочет с животным
пятками — по серым ушам

311. САМООБМАН

Все двойственно
убийственно!

Двоится ветка
на ветру —
не говоря уже
об отражении —
насквозь прошло
намском в глубине —
Ты говоришь
сейчас увидел щуку —
сквозь воду —
небо и листву —
пришельцев
лешего —
и сам себе не веришь

Каждая женщина
приближающаяся
издалека
кажется мне похожей —
да это она она! —
только моложе

Любой длинноволосый
смуглый спиной —
молю Господа
чтоб не обернулся —
мне чудится —
не сам ли он пришел?

Каждая ласточка
прочертившая
сальто в воздухе —
не душа ли того воробышка
которого ребенком хоронил

Да что там! Мой Дик
на прогулке
с радостным лаем
бросается —
отбегает разочарованно:
и сумка не та —
и запах волос
а где же была хозяйка?

Это как старый знакомый
нет! совсем не он —
старый глухарь
Но и ты — не охотник
иначе бы увидел
твой город — дикая чаща
и тычет в тебя сучьями
а не огнями реклам

312. НИКАКИЕ

Мы о вас знаем
а вы о нас — нет
Промежутки
просветы
дыры —
в подземном переходе
гаснет свет —
вот что вы о нас думаете

Когда огромные
между сосен

мы вырисовываемся —
нас выявляет
рисунок стволов и сучьев
Когда мелькаем между ног
идущей девушки
нами залюбуешься
Когда сквозь ограду —
решетчатые —
между берегов —
извилистые
муаровые —
мы смотрим на вас —
мы вас изучаем

Когда под стопой
падающего
исчезает балкон —
город разверзается —
со всех сторон нарастая...
Сразу бросаемся
подхватили было —
но расступаемся
разлетаемся
развеиваемся —
падаешь и видишь:
предательство!

Однажды вы ощутите
Поздно! —
мы стали вами
А вы протянувшись тучей
стаей каплей
летя на асфальт

став белым камнем
линей моста —
всем этим пейзажем
другого не пожелаете —
такая мощь и свобода! —

Бестелесные
дикие гуси
улетающие
в бесконечное
белой молнией
невзначай —
эти машущие вас
фигурки...
А жаль

313. СТРАННАЯ ГРАНИЦА

ПЕРВЫЙ

Вереница зданий — вдаль
Вдоль — кудрявые липы
Пилы режут сухие стволы
Лысый глядит на деревья

ВТОРОЙ

В яблоках развилки фонарей
Рейс троллейбуса — на небо
Больно колет в ногу шприц
Прицелился с крыши — в Кеннеди

ТРЕТИЙ

Дико и пусто — люблю здесь
С десяти до одиннадцати —
Цитируя древних писателей
Телепередача: сизая пустыня

ЧЕТВЕРТЫЙ

Стена утесов — распростерт песок
Сокрыто все что было — или будет

Дети призраков играют в ничто
Нечто здесь витает — дымом крови

ПЕРВЫЙ

Вижу как по улице хожу
Жующий — ожидание чего-то
Готово: машиной сбит — Бегу
Губы шевельнулись — течет

ВТОРОЙ

Четко вижу: прошел носорог
Рогатый проехал в открытой
Той рекламой — желтой пообедаю
Даю голову на отсечение — сыр!

ТРЕТИЙ

Рысь пробежала — только подумал
Мальчик и львица — еще одна мысль
Слабый сигнал — И гигант возникая
Каин — распался — и снова туман

ЧЕТВЕРТЫЙ

Мантры читаю на этой планете
Тело надев приобщаюсь к ним
Нимбы сияют — какие были
Белые темные — нет их давно

ПЕРВЫЙ

Новые строения — пирамидальные
Дальние башни — беру такси

К «Синему берегу» — сижу в ресторане
Раненный случаем пиво цежу

ВТОРОЙ

Жутко было как тело влипло
Плоский с асфальта встал иду
И думаю: теперь дотяну свои губы
У бармена в зеркале вижу: лилов

ТРЕТИЙ

Овалом светится Ведущая
Идущая сзади машет хвостом
С томным видом глядит на руины
Иные картины встают при луне

ЧЕТВЕРТЫЙ

Нет ни города ни планеты
ни тысяч огней ни глыбы спутника
Ткни-ка в пространство — нет ничего
Возможность всего проступает

ПЕРВЫЙ

Поет — элегантная в макси
К себе пригласил — на подушке рядом
Роддом мне приснился — сестра
Страдала но меня родила

ВТОРОЙ

Дела сумасшедшие кроме
Меня — я безумен вдвойне

Войне я отдал свою голову
Ловушка где все улетает

ТРЕТИЙ

Тает тень огромного экрана
Краны растащили декорации
Курица играла петуха
Ухоглаз — все остальное техника

ЧЕТВЕРТЫЙ

Никаких — кого бы ни искал
Скал — но даже искр не обнаружил
Жил и я — и жизнь еще близка
Казус вот в чем — сам-то вроде не жил

314—316. KILLER

1. УТРОМ

Раскрывается — его лепестков
Песков отхлынувших — и дно обнажено
Жена спросила: «Ты чего?»
Его опять схватило потащило
Щель закрывается — и солнце на щеке
«Насчет побриться» — и рука к часам
Сам думает: «Успеть на самолет!»
Молиться некогда а тот который — в нем
Нем... Задремал откинувшийся в кресле —
Полезли черви из ушей из носа
И несся «боинг» в длинных облаках

Лакал и чавкал тот который в нем —
Номер рейса — катят тележку —
Шкура одна — не тот человек

2. ПОЛДЕНЬ

Две стрелки соединились на здании
НИИ — незримая пружина в синеве
Невесело раскручивалась. Вошел
В шелковый свет больших окон
Контроль — в телефон — «Проходите»
Ветер прошел по листве в парке
По реке чешуей пробежал
Жалобно скрипнул какой-то флюгер
«Люгер» живот холодит где шрам

«Марш-марш к лифту» — командует кот
Который в затылке когтит...
ТИТРЫ: на веслах — шлеп-шлеп по воде
Девушка: веснушки и глаза...
Залу прошел мимо кукол —
Колесом закружились двери —
Во дворе не слышали выстрел
Стрелки часов не успели

3. ДВУМЯ ЧАСАМИ ПОЗЖЕ

Проход и прохлада аэровокзала
Залитые солнцем в крупную клетку
Лодку качало несло — листья — в гущу

Бегущий на фоне — опаздывающий: где?
Дежурная указала — тоже блондинка
Родинка у той на шее... Спокойно
ВОЙНА НА КАВКАЗЕ — газету возьми
Мирно и славно в салоне — усаживались
Листья шевелясь задевали ресницы...
Приснится же: смотрит недоумевая
А за голову — кровавою пятно
Номер 205 — уже за облаками
Веками прикрыты спящие зрачки
Рачки на дне — нагнулась и схватила...
Тело отдыхает — спрятался чужой
Лужей — черным — на ковре — узоре...
Резвые ножки: «Папа с работы!»
«Ты?» — жена спросила: «Кто ты?»

317. В ТОЛПЕ

Запомнил код: и буквы и числа
Слова посредника: «Рискуешь головой»
Война? — ушел — остался страх
Тряхнут как следует потом сиди и думай
Майской сиренью пахнет в метро
Тронулся поезд — прощай Белорусский
Узкий кий — разлетелись шары
Рыжая потому и запомнилась
Ласково так пила из бутылки
Телке подобна — красива Елена
Налево — ПИВО направо КАБАН
Банка — значит отличное
Личное — винтовка в чемодане

Да не писала: ухожу!
Жук! — недаром черный и курчавый
«Выйди!» — говорят: «Поговорим»
Вором был — держи фасон
Солнце на локоне искру зажгло
Глобусом встречает Новый Арбат
Батона найду — скажу защитит

318. СЛОЕННЫЙ ПИРОГ

В иллюминатор — солнце ниже
Жена повернулась родинкой спины
Пинии вдали — и далее волнистая
Стая — клочья шерсти здесь волки линяя
Линия гор и селение к морю
Рюмки блестят — отражается хохот
Охотники точками — там на скате
Катер подбрасывает как на булыжной
Лыжной тропинкой — цепью идут
Утки захлопали — выстрел в тумане
Маневрируя между холмами виляя
В иллюминатор: облако рыхло
Хлопая вытянулись полстели
В теле спящей все знакомо
Комья глины из-под колес
Село показалось — околица
Лица волчьи сосредоточены
Точные данные: к цели идем
Дом будто выпрыгнул из чащобы
Обычай таков — поминать мертвеца
Царство Нептуна — черна синева

Нива — из глины торчат стебельки
Балки вверху — уже просыпаюсь
Паюсная ряска — плеснулся в пруду
Думал что штук десять настроляю
Лают собаки — чувуют волков
Ковром — оранжереи вокруг аэродрома
Дремал еще но левая рука
Карусель — все море закружилось
Лоснится залив — на посадку идет —
Дети за стеной — содрогаясь катер —
Терпения нет — сейчас разорвут
В утро вползал остывая моторами
Мина качается — удар о борт! о киль!
Километровый сон внизу оставляя
Я легко открываю глаза

319. ОКНО
(метаморфозы)

1

Из комнаты хоть не смотри
Три окна — все разное видят
Дятел в красной шапочке на сосне
Снежные вершины тают в синеве
Ветреное море бьется о стекло
Клонится окно — и поворачивается вниз
Из земли выходят белые ростки
Кит могучим хвостом бьет по волне
Не машины которыми полон подвал
Два окна — внизу закрыты полотном

Номер второй: там некто полосатый
В леса ты уходишь меня покидая
Да я этих серых не видел нигде
Десять окон — большие и малые
Алые — видели вы? — мухоморы
Рыбы их объедают — растут на дне
Дневные поганки — уснешь под ними
Поднимет ночью под самые звезды
Дыня живая — ползет и шевелится
Лица у камня медленно так
Такси подъезжает на улице города
Даже фронтон его — весь в серебре
Брезжит рассвет — одинокие сосны
Снимок расплывчат но глазу навстречу
Чувство проснется — такое далекое
Легкою тенью возникнет окно

2

К ночи все становится округлым
Углы округляются а женское плечо
И челка выпукло — в серебряном шаре
Решайся!.. Очутился в южном городе.
Делать здесь нечего — просто иду
Душистые запахи тамариска —
Скалы и море дышат теплом
Пеплом остывают горы
Рыбой пахнет — шхуна у причала
Ала повернулась — душа так тепла
Плакала целуя — капали на щеки
Щуки и окуни — утром на рынке

В сторонке — автобус — в Бахчисарай
Райское место — почти ощущаю
Счастье что — рядом касаюсь волос
Ось заскрипела кричит ослица
Лицо ее умное — в моем окне
К небу летим — но и в звездах земное
Мной и не прожитое пережито
То же покажет любое окно

3

Ноты шевелит на фортепьяно
Новый ветер — и прежний Шопен
Пена захлестывает достает
Тает снежный налет на раме
Мера и мощь от истока до устья
Станет стихами — а если иначе —
Челюсть свернешь — не напишешь строки
Кисти кислых ягод — барбарис
Рискуя ногу подвернуть спускаюсь к бухте
Хотелось бы остаться навсегда
Где и когда? Но звездное стекло
Лощину ту показывает где
Далекie мы на песке лежим
Ложем — вытянулась: твой живот и груди
Дикие глаза — и одевая тело
Лопаются пены пузырьки
Козыри — разбросанные карты
Рты — вторгаются ликуют языки
Кислых ягод горсти — барбарис
Резкая кричит блеснув крылом

Ломаясь с шумом падают стекла
Клавиши гремят прибой грохочет
Четкое рисуется окно

320. СЕНТЯБРЬ

Снова что-то роют в жухлой земле
Лезут опята из-под скамейки
Майки цветные — футболист в прыжке
Керосин течет на рельсы из цистерны
Терн незримый на бледном челе
Человек идет — никто не видит
Доктор объясняет про конец света
Ветви склонились — чувствуют: пришел
Шелковое небо и пристальный взор
Розы на клумбе все раскрываясь
Ясность сама смотрит на парк
Арка — желтизна розовое близко
Скажут: сентябрь не скажут: Господь
— Поди сюда — собака подошла
Ласково погладил — дуновенье ветра
Трамвай прошумел — незанятое место
Встала женщина — уступила а кому?
Мужчина сел ощущая неловкость
Кастрюли утихли — ангел пролетел
Телевизор выключили — на пятом этаже
Тоже услышал хотя не поручусь
Чувства обострились — стало светлее
Тлеет все же в каждом а там на балконе:
Конец один — флоксы и запах их тонкий —
Кинулась — никто не подхватил

321. ПОДРОБНОСТИ

(старая Англия)

Видишь улитка ползет на листе
Стены камня — в никуда
Даже эти глинистые комья
Насекомое какое-то с хвостом
Темные уютные ясли
Если ползаешь на животе
В воде толпятся листья и цветы
Тысячи розовых крылышек
Шекспир все это чудно описал
Сальная свеча гусиное перо
Ровно чернила бегут по бумаге
Гений говорим — любил любую вещь
Вошел и выпил в компании с конюхом
Хомяк подслушал и мне рассказал
За лето и я стал ближе к земле
Лезут за шиворот — смахнешь и скрипишь —
Пишешь и вычеркиваешь ложь
Лошадь — гнедая дворянская морда
Драма в углу — как вылезти?
Листья умял — хороший табак
Баки трубочка — будет и соседка
Кажется актриса — из-под юбок кружева
Живая веселая — в конюшню привел
Великий страх напал на лошадей
Действо: белые ноги воздымает
Маются стучат по настилу
Тело месят тяжелые ладони

Конь беспокоится — яблоком глаз
Ласково бормочет — не ему

Мука — оторваться от земли
Малина — расцепиться не могли
Гибель тлей жучки и мураши
Ширма: нарисованная цапля
Пляшут здесь болотные огни
Гнилушки светятся... А там вверху
В верховьях мысли — светится галактика
Тикают мерцающая звездные часы —
Сыр и кружку эля заказал Шекспир
Пир времени — в подробностях Земли

322. ИНСТРУМЕНТ ФЕДЕРИКО

*Человек вдоль моря бежит по песку, освещенный искоса
утренним солнцем...*

*Когда слова родного языка становятся чужими,
ничего не говорящими литеррами, приходится изобре-
тать свой язык.*

*Разорванная музыка... Взорванная музыка... Слож-
нейшие ряды молоточков и клавиш, как будто взломали
нутро органа — содрали кожу с живого музыкального
организма. Такое двойной треугольник из бронзы —
над гробами Федерико Феллини и Джульетты Мазини
острием вниз — единым углом вбит в кладбищенскую
землю.*

1

Ветер с моря треплет близко
Скатерти и флаги — белый песок
Сокол парит высоко над горами

Мирная публика — никто и не помнит
Нить оборвалась и змей улетел
Телеса потому и черный креп
Окреп и посвежел к закату
Туманные покинутые пляжи
Лужи бороздит сухопутная барка
Краб спасается — боком боком
Комната — балконом на пляж
Ляжками блистая танцевала
Целовала томного подростка
Кажется он здесь ходил и бегал
Галдела вся компания — девиз:
Из Римини — везучие ребята
Ботинки их стучали по мосткам
Каменная мостовая. Вечер

2

Черные очки у кладбищенских ворот
Рад бы не входить но уже здесь
Десять шагов — и стою перед этим
Темный треугольник бронзы
Зыбкий воздух в кипарисах
Сахарная тишина в памятниках
Никак не вспомнить — Пречистая Дева
Веди меня — и вот он инструмент
Ментальный и живой — содрали кожу
Жутко обнажилось струнное нутро
Утро здесь как полдень и как вечер
Черная сутана узкие штиблеты
Лето вечное но кажется — зима

Мазину принесли и рядом закопали
Паломники приходят постоянно
Но постоял подумал и ушел
Шелест листьев или их одежд
Жду странного — свидетель безучастный
Сны их витают а вокруг родня
Дня не проходит — нового *Феллини*
Они хоронят — лес пречистых дев
Везде фамилия моя но *Федерико* —
Рекомендую снять — я трогать не хочу —
Чудесный фильм получится — не я
Неясный звон — над головой парус
Русский посиди еще рано рано —
Новой полнотой ширится душа
Шаткая — колки твои и струны —
Ранена — пусть солнце на жаре
Режет тебя заживо ножами —
Ми — точка боли в зените
Тени короче — звенит

323. ДЕТСТВО

Когда меня везли из-под Анапы
Панамка белая — надел на лысину
Сыну говорили: он вернется
Царапина такая на колене
Луна с запавшими глазами
Минотавр заглядывал в стекло
Локоны белся разлетались
Лисьи повадки у десятилетней
С ней в которую летней порой

Рой пчел клубился — убежал
Жалко себя — сидя под лестницей
Ресница попала в глаз
Глазурованный кувшин с ромашками
Камнем поранил мальчишку
Чешку-учительницу так ненавидел
ДЕЛО завели как будто взрослый
Слышите! — это они — по трубе
Обедать мать зовет — до слез обидно
Дно где ползают мокрицы тараканы
Конный наезжает — есть у них нагайки?
Гайки скрепляют трамвайные рельсы
Сыростью пахнет — бомбоубежище
Щели в полу — даже светится тонко
Контора — зеленые бланки украли
Ралли — сталкиваются отлетая
Вся залитая солнцем — и ждет
Детство прекрасное но не мое

324. ЖИЗНЬ ХУДОЖНИКА

1

За высоким окном незнакомо
Мокрая дорожка из ванной
Иной мир — проходите к автобусу
Сусанна — жемчужная кожа
Жаром — кафельные печи
Чипсами хрустели туристы
Стыдно на античнос смотреть —
Третий век до нашей эры

Рыжая — и главное живая
Вяатель водку пьет в мастерской
С койки смотрит сонная подруга
Ругаются — причина — ухажу
Жухлые листья гонит по асфальту
Тусклый человек бездарный человек
Ловкая однако личность
Стекло другого отразило
Золотой кораблик над городом
Дом у меня к счастью не там
Тамариск лилово у ограды
Дырки в старой фетровой шляпе
Пели слаженно как все на Украине
Руины красной глины — на холме
Месяц белея встает над морем
Над миром моим — над моею горой

2

Роет темноту со свистом поезд
Здорово однако летим
Темнота разговаривает курит
Ритм сбиваясь нарастает
Таает время сливаясь в пути
Попутчица — от голоса тепло
Лошадиным глазом то и дело
Лодка — кроме нас никого
В обморок бросают туннели
Линия — на ощупь — бедра
Ранним утром просыпаюсь — было
Лоб се брови из-под пледа

Дали и деревья — в окне
К небу — лишь оно не изменилось
Длинное и дымное — розовое
Воя проносится встречный
Речной просвет — с другой стороны
Нынче же будем в Берне в Париже
Жернов вращается и растирает
Стирает напрочь что было было —
Лоб ее красивые брови
Вижу с верхней полки — прощай
С чайками мы тоже прощались
Листья лаковые магнолии
Гнулись и ломались — но когда?

325. НЕ ПРО СИНЕЕ

1

Вагоны уходят в тоннель
Нельзя убивать стариков
Ковер на третьем выбивают
Бывает что находят и в парадном
Днем — нормальный человек
Неловок и робок — хотел услужить
Жить хочется — выходит в парк
Каркают вороны на черных сучьях
Чья сумка? Подозрительный пакет
Кету выбрасывает лапой из воды
Дым подымается с дальней сопки
Кипы газет носили и грузили
Или ты или он — щелкнул выстрел

Трели соловья в сумерках
Кахетия — гора с желтизной
Зной остывает в бокале вина
Вина моя — зачем остановился?
Вился извивался — бледное создание
Здание — трещина по фасаду
Соду в пачках — больше ничего
Нечего и думать — дураки
Раки угадываются ползая
Заяц выскочил — никак не ожидал
Далеко-далеко всё пусто
Стекло отражало — радугой
Герой говорят многих спас
Песок стекал с холма
Мало в них во всех было синего

2

Санний путь и лыжня на снегу
Губы свело от холода
Дали суровые хвойных лесов
Советскую песню про море забыл
Лбы философов — все мертвы
Вышел на улицу — солнечно март
Артисты смотрели в дымящийся зал
Залитая светом прожекторов
Ровно — небо — покрашенный холст
Старый английский фаянс
Сны наяву — сквозь улицу неярко
Арктика — тени — нетронутый наст
Настроение: сумерки скрипач

Пачка «Беломора» — на столе
Листая книгу думал о другом
Гомерический хохот с экрана
Накрасилась — и губы — все черно
Ночь — позади шаги настойчиво
Чего ты хочешь? Темная — в упор
Портье окинул их невыразительным
В овраг но с ним не по пути — идем с ней
Снег — на карнизе мертвенных окон
Кондор ныряет — там хлопают гуси
Синего много но цвет растворен
В неверной реальности — шум

3

Умерла и сразу стала счастлива
Вата — проваливаюсь в пустоту
Туз но какой-то немислимой масти
Стихи но таких не напишет никто
Ток! — пробивающий толстую доску
Скулила собака по кличке Монгол
Голая гусеница извиваясь
Ясно — пришедшие переминались
Анализ сдал — бутылочку в окно
Нос внюхался чем пахнут пальцы
Цирк — кувыркаясь из-под купола
Половина яблока — на подоконнике
Конник едет — припустил вскачь
Кочерга завивается в узел
Зело красиво рисовал монах
На хер нам это построение!

Стросние стояло на отшибе
Бешеный стал — нашел и убил!
Белое уже не проступало
Пальцы в кольцах а сама как свекла
Аквамарин в Крыму — другого не проси
Не про синее? — про что и сам не знаю

326. ДАГЕСТАН

1

С бровки сыпалась глина
На головы ополченцев
Цевница незримая или пули
Пели — стал оседать — угодила
Дали помутнели — будто бы зима
Машину не стали останавливать —
Ветром пронесло — проскочила
Ласково убеждала жена но
Нож лежал — и дыня на клеенке
Склеены губы — хочу пить
Петь умеют лишь «Катюшу»
Шуток пули не понимают
Мается как прежде животом
Дом белеет в куцах — снайпер там!
В спертom воздухе повисла штукатурка
Карий глаз и побелела борода
Дарил ей и кольца и сотни
Отнимал срывал у русских женщин
Щенком звала — ножом ее убил
Белеет недвижимое веко

Ковер еще привез на «москвиче»
Вечерняя прохлада повсяла
Аллах смотрел с вершин окрестных гор
Горело что-то поблизости
Стихи про себя читал командир
Дюраль блестел — подбитый вертолет
Лето — цветы и полынь везде

2

Здесь где кончается земное
Ноябрь — и сумерки с утра
Трасса пролегла туда к горам
Раму открыла — смотрит в ночь
Ночевать придет или где?
Девушка при свете оранжевой
Войско движется в темноте
Тесно вдвоем на раскладушке
Ушко шея и грудь — губами
МИГ пикирует свист нарастает
Настает истина... Волна взрыва...
Розовое — фонариком: труп
Тряпки щепки — земля комьями
В яме оказались девушка и друг
Ругается в трубку: опять промазали
В зале награждали — не шепни
На лепнине — белый свет — тишина
Наши бомбили своих — как вспомнишь
Ниша — там безноса безглазая
Лазя всюду бегают по мрамору
Руки отдельно живут

В утро въезжал БТР
Трассой — в Георгиевский зал
Золото и птицы — в этом небе

3

Бедные — собрались — родня
Няня плачет — девочкой качала
Человек пришел сказал беда
Далеко в ущелье всадник скачет
Четкая снежная линия — горы
Загорелое смелое лицо из-под
Исподлобья на милого глядя
Дядя с материнской стороны
Нытик такой — и супруга тут
Тутовое дерево солнце печет
Отчего ни мамы ни сестер?
Стерпишь говорят и не такое! боль
Больше не станет — и так до небес
Беспечно какая-то птица кричит
Кречет — слепящая точка
Очки бы — не разглядеть
Дети поют — вот и сестра
Трамвай — соскочил на ходу
Духи ей подарил «Сирень»
Сарай в который затащил
Щель в которой светило солнце
Цель в которую попал
Палка которой грозил сосед
Сетка маскировочная над головами
Минута которая стала ничем

Из книги **ТАКТИЛЬНЫЕ
ИНСТРУМЕНТЫ**
1999

СТИХИ С ПРЕДМЕТАМИ

327. ГРЕЦКИЙ ОРЕХ

*(читающий держит щипцы для орехов,
раскалывает орех с треском)*

Неожиданно в полночь
судьба меня сжала в ладони
Скорлупа моя затрещала —
Забавник там колет орехи
и раскалывается мозг —
несовершенная копия
с ядрышка грецкого ореха

Обычно
мозг раскалывается
так *(колет орех)*
Или распадается так *(раскалывает орех)*

А этот — крокотук *(пытается расколоть орех)*
Возьму тиски *(раскалывает)* —
весь разлетелся!
А этот — бульжник *(пытается расколоть орех)*
подложу под письменный стол

под пневматический молот
под здание наконец *(раскалывает)* —
В пыль!

А этот — такой великан!
(раскалывает орех с треском)
Пустота — пыль и гниль...

Ты любишь колоть орехи? —
Дурная музыка —
музыка инсульта

328. ХРИСТОС И ПЕТР

*(сесть где-нибудь у воды:
возле моря, речки, пруда, лужи, ванны
или поставить рядом таз с водой)*

(сильно ударить по воде ладонью)
шлеп!

(ритмично ударять по воде, как весла)
плюх плюх
плюх плюх
плюх плюх
плюх плюх

*(взрыть воду сразу обеими ладонями
и обрушить сверху блестками рыбешек)*
враш-шш!!!
Пинь-пинь-пинь
Врыш-ш-ш!
Пинь-пинь-пинь

*(подуть над водой и несколько раз разгладить
воду ладонями, как ветер)*

ш-ш-ш-ш-ш...

(легкий двойной шлепок по воде)

шлеп шлеп

шлеп шлеп

шлеп шлеп

(крикнуть)

— Господи!

(спокойно)

— Стань на воду

иди не бойся

*(тяжелое шлепанье, будто идет человек,
по щиколотку проваливаясь в жидкую грязь)*

ШЛЕП ШЛЕП

ШЛЕП ШЛЕП

ШЛЕП ШЛЕП

(шумно нырнуть в прибой

или опрокинуть на себя таз, полный воды)

— Спаси, Господи!

*(слушай шум и плеск моря, реки, ванны,
мокрую тишину)*

329. ГУБЫ И РУКИ

(Твои стихи — твоя женщина. Ты читаешь ее, закрыв глаза и трогая руками, наизусть, так слепой читает свою книгу Брайля с наколотым на страницах текстом.)

Волосы. Потрескивает электричество, грозовая ночь в степи. Я слышу, пахнет Крымом и полынью.

Лоб холодит. Мы идем в Зауральские степи с пронизывающим ветром.

Брови. И — разлетаются чайки над заливом Чарджоу. Тысяча птиц — тысяча красавиц.

Бархатистая поверхность — неужели прозаический в пудре нос? Когда это было! В Малаховке 50-х. Синее в горошек.

Верхняя губа. Дорога в горах. Где палец обрезал осокой у воды на полпути в Тихую бухту. Полуоткрыта.

Кто позволил пиявке обнажаться и ходить без паранджи? Она разрастается, становится холмом, почти что шаром. Маточкин шар. Кольская губа. Нижняя губа.

Здесь живет язык и зубы, ровные, как амулет. Что ты сделал, медведь? Большой и дикий грубо проник в пещеру. Странное длинное слово «желтопузик». Японское море.

Подбородок — лежит белым гольшом на пляже Ялты, в россыпях других камней — не отличишь.

Шея. Вволю скользить пауку сверху вниз — и сжимать. Саксофон и клапаны, дыханис твое. Джунгли Амазонки — впадина на Эпемле.

Ключицы — отростки птичьих крыльев. Свидетельство, что мы, по крайнѣй мере женщины, когда-то были первоптицами. И жили в легендарной Лемурии.

Вот груди, вот сосцы их куполов. Город верующих, Мекка мусульман. Молчи, язык и губы.

Подмышки и живот. Усеянные тюленями и бархатными котиками пляжи. Командорские острова.

Лоно. Змея и дельфин. Из Синайской пустыни глядеть на Красное море.

А там опоссум — зверек непроходимо глупый и серьезный. Где гладкие холмы, овраги и провалы. Целый Новый Свет. Там путешествуют губы и руки мои. И — как герои Жюль Верна, всему готовы удивляться.

330. ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДИЯ

*(Возьми два деревянных бруска:
гладко струганный и шершавый)*

*(Проведи рукой по шершавому бруску
туда и обратно два раза)*

шур-шур-шур

шур-шур-шур

шур-шур-шур
шур-шур-шур

*(Проведи рукой по гладкому бруску
туда и обратно два раза)*

свел-свол-свал
свал-свол-свел

свел-свол-свал
свал-свол-свел

*(Проведи двумя руками одновременно
по шершавому и гладкому)*

шур-шур-шур
свел-свол-свал

шур-шур-шур
свал-свол-свел

(еще раз)

(Ударь два бруска друг о друга)
брамс!!!

(Примечание)

Это настоящая еврейская мелодия
ее пел когда-то юный Давид перед царем Саулом
тот и плакал и смеялся
брамс!!! — и метнул в певца копьё
Ее записал современными стихами
Джордж Гордон Байрон — сибарит
лежа на коленях у своей гречанки
перед пылающим камином
брамс!!! — и метнул перо в огонь

подросток Лермонтов — французское
окно — там небо зимние березы —
спиною прислоняясь — изразцы —
мелодию переложил на русский
брамс!!! — он и плакал и смеялся
Брамс кстати сочинил ее для арфы

331. УМРИ, СУЛАМИФЬ!

*(кусок сырого мяча оцупай
потискай руками)*

Моя любовь!

Глаза твои — глаза газели!

Твои груди — холмы Иудей!

Твои ноги — высокие кипарисы!

(поцелуй кусок сырого мяса)

Губы твои — сердцевина
расцветающей розы!

*(приложи свою ладонь
к сырому мясу и замри)*

Твое лоно — глубокий колодец
утоляющий жажду!

*(внезапно схватив кухонный нож
вонзи его в мясо по рукоятку)*

Умри, Суламифь!

332. ТЕНЬ ОСЯЗАНИЯ

(Твоя левая ладонь читает эти стихи. Все, что тебя окружает, лишь предлог и тема. Тема и вариации. Выбери тему своего стихотворения. Затем, не прикасаясь, медленно проведи над ней ладонью, следуя ее форме и объему. Это не прикосновение, не осязание, это тень. Тень осязания. А если провести ладонью над тенью хотя бы своей, это будет тень осязания тени.)

комната
угол комнаты
окно
распахнутое окно
дверь
раскрытая дверь
стол
уставленный чашками стол
газета
развернутая газета
женщина
спящая женщина
веранда
солнечная веранда
ветка
надломанная ветка
яблоко
упавшее яблоко
сосна
несущая облако сосна
куст

цветущий куст жасмина
тень куста
я
моя тень
калитка
тень калитки
переулок
тень изгороди
березовая роща
тени берез
электричка
тени вагонов
туча на горизонте
тень Москвы

333. ТАКТИЛЬНЫЕ МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ

(Положи перед собой на столе узкие полоски в один ряд: выворотка, бархат, вельвет, кожа, картон, бумага оберточная, сатин, ситец, шелк, лавсан, бумага для машинки, бумага папиросная, стекло, пластик. Две октавы. Надо наклеить полоски. Это должно выглядеть как клавиши фортепьяно. Попробуй сыграть на этом инструменте хотя бы одним пальцем. Несышная мелодия зазвучит в тебе необычно. Ты услышишь ее кончиками пальцев.)

(Другой тактильный инструмент. Открой свой шкаф и, закрыв глаза, перебирай висящие там платья. Слушай музыку, которую ты сочинишь.)

(Третий тактильный инструмент. Если в твоей квартире есть старинные ребристые батареи, а на твоей лестнице — перила, то ты, несомненно, сумеешь сыграть своей тростью или рукой все, что захочешь, как это делаю я.)

(Четвертый тактильный инструмент. Твой полированный стол. То одна рука, то другая кончиками пальцев скользит по нему, барабанит, то сразу — обе ладони. И снова — то барабанная дробь, то длинные скользящие аккорды. Сядь и смело сочиняй на этой тактильной арфе длинные мелодии космоса.)

334. ВООБРАЖАЕМАЯ ВИОЛОНЧЕЛЬ

(Вообразите, что у вас есть виолончель. Выньте воображаемую виолончель из воображаемого футляра и представьте, что она зазвучала разумной речью. Это похоже на сказку. Но ведь все воображаемое реально — в воображаемом мире.)

Я принадлежала виолончелистке —
еврейке высокой и сутулой
как гаулейтер
Между острых ее колен
дерево мое трещало
лак трескался
дека выгибалась
Зажатая так моим Штирлицем
я понимала

как всякая собственность —
сейчас меня будут терзать —
Нависает сверху
острый подбородок
гриф сжимают острые пальцы —
золотая грудастая
с осиной талией
издаю мучительные звуки —
Стиснула мои бедра
разодрала мое нутро —
моя хозяйка!
мой гаулейтер!
мой муж!

Целые двадцать минут

смятенья тоски

стонов радости

криков горести

сжимаются

коленки извращенки

будто и впрямь

мой рогатый гриф

готова засунуть...

Откровенно на публике

в Большом зале Консерватории

мы обе — рожаем музыку

высоко звенит слепая люстра...

сейчас раздавит нас...

И — рушатся аплодисменты —

увы не мне

А сегодня

побросала свои вещички в сумку

и ушла от высокой и сутулой
девушки-мужчины
отдаюсь голосам природы
свободная виолончель

*(Осторожно проведите воображаемым
смычком по воображаемым струнам, слышите,
мяукнула кошка.)*

— Мяу!

(Теперь виолончель квакнула, как лягушка.)

— Квак!

*(Больше не рискуйте играть на виолончели,
даже воображаемой, если не умеете.)*

335. ПОДУШКА И КИРПИЧ

*(Положить на стол перед собой подушку и
кирпич.)*

(Ударить кулаком в подушку.)

Живот моей второй жены после того как она
родила мне Машу

(Ударить кулаком о кирпич.)

Бедро моей любовницы — циркачки

(Ударить кулаком в подушку.)

Прыжок с вышки — удачное вхождение в
воду спортсменки

(Ударить кулаком о кирпич.)

Неудачное вхождение в воду — плашмя

животом

(Ударить кулаком в подушку.)

«Вечный позыв российской души к соборности»

(Ударить кулаком о кирпич.)

Вот так мы просимся в свое прошлое. И
с таким же успехом

(Ударить кулаком в подушку.)

Йог ударил кулаком в кирпичную стенку

(Ударить кулаком о кирпич.)

Я ударил кулаком о подушку

336. ПЕРЕКЛИЧКА В ПУСТЫНЕ

(Поднял два камня, ударил их друг о друга.)

Стою один

(легонько стукнул камни — как отголосок)

Еще кто-то далеко-далеко

Тоже один

Будем двое

(сильно ударил камень о камень два раза)

Эй приятель сюда!

(легко — как отголосок двойного удара)

Меня к себе зовет

Лучше пойдем к людям!

Дым! Дом! Друг!

(три удара камнем о камень)

Побежал назад!

Может быть он из другого народа

и там

как у болгар —

да! — это нет!

(слабый троекратный стук, сам пугается)

Бежит

Я бегу — и он бежит

далеко по песку не убежишь

Стоп — наверно это:

Стук! Враг! Бег!

Я тебе друг слышишь?

(громко ударяет четыре раза)

Да да да да!

Тебе не приснилось

«Четырежды да» — понял?

Но что там у него?

(отдаленный четырехкратный стук камней)

Гранаты? Бомбы?

(ложится в песок, окапывается саперной лопаткой)

тоже — окапывается

понял: «Четырежды нет» —

нерусский символ

(достает мобильный телефон)

Квадрат 5 пожалуйста

Не слышно?..

Квадрат 5!

Сейчас услышат

сейчас попляшешь

(с силой ударяет камнями 5 раз)

(слушает)

(как отголосок с другой стороны —

пять ударов, пауза, потом — еще один)

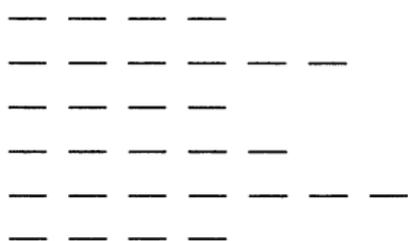
Это он!
Его услышали...
Оба погибнем...
Один погибнет! один!
меня уничтожат! меня!
Зеркально кипит воздух
там вдали — отражаюсь я

337. ЧЕТЫРЕ ТАКТА

(Четыре раза дробно простучать пальцами по деревянному столу)

Тишина
(повторить)
где-то в соснах
(повторить)
дятлом — сверху
(повторить)
деревом —
от корней до кончиков игл
(повторить)
муравьями и личинками —
под корой
(повторить)
внизу на веранде —
дачным Бетховеном
(повторить)
самым духом его —
радуясь четырёхкратному
(повторить)

СЛЫШУ

(дирижирую неслышным оркестром)

338. НАЖДАК И МЕХ

Я помню чудное мгновенье.

А. С. Пушкин

(Положить перед собой на столе полоску наждака и меховую шапку рядом.)

Когда я своей небритой щекой
(провести рукой по наждаку)

Когда ты своими ресницами
(провести рукой по меху)

Ты едешь в вагоне метро
и думаешь обо мне
(провести рукой по наждаку)

Я иду своей темной улицей
и поднимаясь на лифте неотступно —
(провести рукой по меху)

Прошло много лет
мы не виделись — и ты забыла

(провести рукой по наждаку)
А я сначала вспоминал
потом выветрилось — даже имя
(провести по меху)

Сегодня наконец — чужие
Прижался к тебе щекой
и поцеловал воздух

(проведи рукой по наждаку)
щека твоя стала мокрой
Все вспомнила! все!
Какие у тебя ресницы! помнишь!
(проведи по меху)

339. СЛАДКИЙ ЛИМОН

(Возьми лимон и ешь его прямо с кожурой.)

Сладкий лимон
Очень сладкий лимон
Приторно-сладкий лимон

Лимон похожий по вкусу
на шоколад
только дольки не квадратные
на конфету «Мишки» —
только не хрустит
на варенье в банке —
только в кожуре
на огурец
только очень желтый

на ручную гранату-лимонку
только не взрывается
на фамилию Лимонов —
только он Савенко
на рай — вот он лови!

Такой сладкий лимон —
все остальное
кажется кислым:
Кислая квартира —
нежилая — окна закупорены
Кислая жара —
потому и не еду в город
Кислая электричка —

оттого что потеют все
Кислый арбуз —
ели вчера у соседей
Кислая любовь —
(вспомнил) востроносая в очках
Кислые ромашки
потому что в банке увядают
Кислые стихи —
потому что киснут поэты
Кислая жизнь —
оттого что сладкий лимон

340. ТАКТИЛЬНЫЙ ОПУС № 1

(исполняется на тактильном инструменте)

(Наждак грубый, наждак, неструганая доска, соль, песок, наждак мелкий, порошок, выворотка, бархат,

*вельвет, кожа, картон, бумага оберточная, дерево
полированное, сатин, шелк, лавсан, бумага, стекло,
хрусталь, пластик. Три октавы.)*

Порох, бархат и вельвет!

Порох, бархат и вельвет!

соль, песок, наждак,

песок, соль,

песок, соль,

Наждак!

Наждак грубый!

Соль, песок, сатин, шелк, лавсан,

дерево, сатин, наждак грубый,

дерево, сатин, наждак,

соль, песок, пудра, пластик,

картон, вельвет, картон,

картон, вельвет, лавсан,

соль, песок, соль,

песок, соль,

бумага! бумага!

кожа, картон!

дерево, сатин, наждак,

дерево, сатин, наждак,

кожа, бархат, бархат,

бархат, кожа, кожа,

соль, песок,

соль, песок,

соль, песок, соль!

Бумага папиросная, наждак,
Бумага папиросная,
Бумага папиросная,
стекло! стекло! стекло!
дерево, дерево,
шелк, лавсан, сатин,
шелк, лавсан, сатин, бумага,
дерево, наждак!
грубый, грубый, средний, мелкий,
соль! стекло!
хрусталь!

341. ЖИЗНЬ

Только родился
сразу стал взрослым
тут и состарился
пора умирать

Перед смертью
надо бы вспомнить!
Некогда — снова
рождаться пора

ПОЭМЫ

1958—1996

342. БАБЬЯ ДЕРЕВНЯ

Белесоглазый, белобровый,
Косноязычный идиот.
Свиней в овраге он пасет.
Белесглазый, белобровый
Кричит овцой, мычит коровой.
Один мужик в деревне. — Вот —
Белесоглазый, белобровый
Косноязычный идиот.

Веревкой черной подпоясан,
На голом теле — пиджачок.
Зимой и летом кое в чем,
Веревкой черной подпоясан.
Он много ест. Он любит мясо.
По избам ходит дурачок
Веревкой черной подпоясан,
На голом теле — пиджачок.

Вдова — хозяйка пожилая
Облюбовала пастуха.
Собой черна, ряба, суха
Вдова — хозяйка пожилая
Но сладок грех. Греха желая,
Зазвала в избу дурака.
Пылая, баба пожилая
Борщом кормила пастуха.

Урчал. Бессмысленно моргая,
Таращил мутные глаза.
Так чавкал, что хрустело за
Ушами — и глядел, моргая,
Как сахар, кости разгрызал.
Пил молоко, как пес, лакая.
Насытился. Сидит, рыгая.
Как щели, мутные глаза.

Как быть, что делать бабе вдовой?
Он — как младенец. Спит пастух,
Тряпья, капуста кислый дух...
Как быть, что делать бабе вдовой?
Она глядит: мужик здоровый,
Литая грудь, на скулах пух.
Как быть, что делать бабе вдовой?
В ней кровь разбередил пастух!

Вдруг ощутила: душит что-то.
Все учащенной сердца стук.
Босая — к двери. Дверь — на крюк!
К нему! Упало, брякнув, что-то
И разбудило идиота.
В его мычании — испуг.
— Не бойся! жарко шепчет что-то.
Все учащенной сердца стук...

Ночь. Ночь осенняя глухая,
Все холоднее, все темней.
На лампу дует из сеней
Ночь, ночь осенняя глухая.
В садах шуршит листва сухая.
Черна деревня. Нет огней.

Ночь! Ночь осенняя глухая,
Все холоднее, все темней.

Спят на полу и на полатях.
Ворочаются на печи.
Как печи, бабы горячи.
И девкам душно на полатях.
Там сестры обнимают братьев
Среди подушек и овчин.
Возня и вздохи на полатях.
Томленье, стоны на печи.

Парней забрали. Служат где-то.
Мужья — на стройках в городах.
В тайге иные — в лагерях.
Иных война пожрала где-то.
Зовут их бабы! Нет ответа.
Деваться девкам не-ку-да!
В солдатах парни, служат где-то
В столицах, в дальних городах.

Тоскуют бедра, груди, спины.
Тоскуют вдовы тут и там.
Тоскуют жены по мужьям.
Тоскуют бедра, груди, спины.
Тоскуют девки, что невинны.
Тоскуют самки по самцам.
Тоскуют бедра, груди, спины —
Тоскуют, воя, тут и там!

И лишь рябая — с идиотом.
Лежат. Обнявшись. Дышит мгла.
Сопит. В любви рябая зла.

Блудит рябая с идиотом.
Лампадка светит из угла.
Христос с иконы смотрит: кто там?
А там — рябая с идиотом.
Сопит и трудно дышит мгла.

Вот лопухий, редкобровый,
Шерстистолобый идиот.
Уснул, открыв слюнявый рот.
Вот лопухий, редкобровый
Урод. Но сильный и здоровый.
Один мужик в деревне. Вот,
Вот — лопухий, редкобровый
И вислогубый идиот!

1958

343. СТАРИКИ

Море
Широко набегает на пляж

Волны
Трясут бородами
Древнегреческих мудрецов
Еврейских священников
И старых философов нашего времени

Вот они
Сухие старики
Сидят и лежат на белом песке

Девочка подбежала
Бросила песком в Льва Толстого

Песок —
Сквозь тело —
Упал на песок

Кто-то прошел сквозь равнина
И сел
Видна половина —
Прозрачная — равнина
И стена —
Чужая темная спина

Лысый
Похожий на Сократа
Глядя на море
Произнес
— Мemento мори

— Что есть истина?
Спросила половина равнина

И пустой Лев Толстой
Сказал
— Истина внутри нас

— Что внутри нас?
Только солнце и тень
Возразила другая тень

Зашевелились старики
Задвигались
Забормотали
Рассыпая песок и камни

Рассорились
Сердитые бороды

Поднялись
И пошли по пляжу
Разбредаются в разные стороны
Обнимая людей
Деревья
И горы
Говорят о жизни и смерти

Одна борода —
Пена
И другая —
Пена
Остальные — высокие облачка

1963

344. ВЕРШИНА НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

1

Ее предчувствует как будто
Весь мир в ближайшей отдаленности —
Вершина неопределенности —
Уже прошедшая минута

2

Это был не то человек не то аспирин
На стене — не то тень не то паук
К тебе подошел не то троллейбус не то друг
Который не то испарился не то воспарил

Себя ты встречаешь не раз и не два и не три
 Немного старше немного моложе
 Ты не узнал их они тебя — тоже
 Ты им не понравился черт побери!

Еще не раскрылась уже осыпается
 Еще не уснула уже просыпается
 Дом развалил а еще и не выстроил
 Убит! А противник еще и не выстрелил

Ищут тебя ищут — скользкую иглу
 Так и похоронят — только поворчат они
 Ты — выпавший из времени пройдешься
по столу!
 Все лица неживые и плохо пропечатаны

Воздух пузырьками как боржом
 Твоя женщина стала муляжом-миражом
 А за этой куклой строим — двойники-муляжи
 Все забиты склады — и еще положи

Не то что не видим тебя — отрицаем
 Стекланный наш мир для тебя проницаем
 Вот и вылез на лугу из земли по пояс
 Сквозь тебя корова прошла не беспокоясь

Над взлетной дорожкой висит самолет
 Человек оглянувшийся — немигающий взгляд
 Это сейчас — не сейчас это может быть
сутки назад
 Или целую вечность вперед

Гроб стал грибом а был когда-то грабом
 И роба пахнет рыбой с полным правом
 Когда личины в сущности похожи
 То сущности похожи тоже

Тянется органика-паршивка
 Все-таки в механике ошибка
 Жизнь путем — в — и за счет смерти...
 Слава Богу хоть вырастили сердце

Если видишь мир как опечатку
 То намажь горчицы на газон
 Из моря достань яйцо всмятку
 А газету засунь за горизонт

Так и блуждаешь в этом миро-помещении
 Две ступеньки — с первого этажа на сотый
 В одном окне — незримые красоты
 В другом — вообще какое-то смещение

Ты вышел вон не замутив воды
 Лохматенький пьяненький обыкновенный
 но оказался так близко от сумасшедшей звезды
 Что тень твоя выросла в половину вселенной

По ступеням скатываясь вниз вниз вниз
 Бесконечно уменьшаясь в поле зрения
 По ступеням вверх вверх вверх ты бежишь
 Бесконечно увеличиваясь благодарение —

Благодарение Кому-то
 Чье имя Неопределеннозначность
 Где Многослойность и Прозрачность
 И не короче вечности минута

Не знаю как но влез в нейтрино
 И снова небо — бочка звезд
 Что видишь ты неоспоримо:
 Вселенная кусающая себя за хвост

1979—1980

огромные как ангелы обломки
с земли взлетают складываясь в
в стеклянный — и девчонки
уже колдуют там над

из ничего — лохмотьев сажи
цветы выходят — и тела
целы дома и зеркала
будто бы всё та же

и в этом безупречном зазеркалье
ейзаж отсвечивает сталью
и выглядит механика любовью
и видимость — здесь высшее условие

мы здесь безутренным восходом
идем гулять к пустым и долгим
сны во плоти повсюду бродят с нами —
гонит сон кто увлекаем снами

наверно в сотый вижу сон:
накрытый стол на сто персон
река еды уходит в
которая уводит в

3

небеса — стоячая вода
здания — обтаявшее мыло
Среда
сегодня Четверга не наступило

здесь были белые кварта
здесь — сквер похожий на лесок...

лохмотья гари и мета
чье-то сердце еще вздрагивает — осыпается
песок

на обрывке обгорелой тряпки —
в подушку головой
— печаток детской лапки —
дактилоско палец

каменный дырявый в небо крик
капель воска
хвост светится полоска
жирающий круг

поблескивает антрацит
фитиль... развернутый Тацит....
и сны — насмотришься их на год:
дождь хвоя пальцы синие от ягод...

— мы в метро в тоннеле
дней не ели
— мы в подземном складе
спим на шоколаде

а помнишь какие актрисы
актеры! — как важно
в партер наводнением рушатся крысы
трещит и шевелится пол — тараканы

4

если заглянуть ночью за дом
мертвые стоят у стен там
так и застрял — во двор задом
грузовик накрыт брезентом

не утро не пожар — как будто рассветало
но чье-то чуждое присутствие витало
нашел! из-под рогожного мешка
мотнулось в воду...

человек на крыс охотится
быть приманкой самому
«лежишь как мертвый час... другой
приходят... бью железной кочергой!»

жену Мариной звали... дочку — Аста
и мусор... но не в этом суть
говаривает с ними часто
молча... чтобы криком не спугнуть

здесь был — или недавно?
обломки фресок полая труба
ребенок вылез — птичья худоба
ах! испугалась бронзового фавна

поразвешены банки консервные
не задеть бы! всюду — нервные
доползли добрались — свои

«что принес?» «дай! дай!» — прямо рвут из рук
когда как яблоко тоска меня
бреду на — хоть кино смотри:
оплавленный янтарь стекла и камня
с фигурками внутри

5

видели в песках сплошную сонгу
(а в заливе све икра...)

мелунгу щуюся по горизонту
и множество свистяг мореющих с утра

где храма толстые руи —
зашевелилось... черный ры
— продам зигзор! — куплю блистец!
— хороший дрыч, бери !

руины заросли — река
крапивный монг — подстерега
а между тем летанты вы росли
на плечах у вас выросли выросли

пришел не синий не лиловый —
весь розовый! круглоголовый! —
монстр настоящий чур меня! —
жит библию клешня

веденхузы иронии
древониды мерлуны и хамцы
а вы гидровсасующие цыц!
вся веденхузия дырявится

за визга его схватив
по команде раз! два!
смигиваем пространство
наши лица — негатив

меринонги маринанги
приманают приманут
меринонги трамят ланги
нанги кромчат

ляжет — и тестом ползет по дивану
 усядется — до полу свесит губу
 а сегодня принимая ванну
 чуть не вытек в трубу

в небе ощутил себя — пролился
 лужицей собрался и зашевелился
 в почву внедрился и ждал затаясь...
 — грязь!

он пребывал в состоянии жу
 быть не предметами а промежу —
 страшно... дается не всяк
 X — факультет ОБУЧЕНИЕ ВАКУУМУ

быть не хочет ни телом ни плазмой ни газом
 — чистый разум
 «чувствую я свои мощные мускулы —
 света корпускулы»

так или нет но человек исчез
 и море и земля глядят недоуменно:
 на берегу античная колонна —
 без кровли... без

розовсет фарфор миндаля
 и дрозды из-за моря
 не во имя какой-то идеи —
 человека не хочет

и вошел
сразу пусто и свет —
вспомнишь Пруста:
не то остров
не то помещение
просматривается насквозь
где-то картины
иду на авось
трогаю: стены
где картины?
не видно ни стен
ни картин —
один

но слышу: рядом — выше
и дальше как бы снаружи
перекрикиваются как на стройке
блоки скрипят — подъемник
ближе — кашляют шаркают
идет развеска картин
обернулся — весь на свету!

бородатые в латах
меня окружившие стражники
один из них поднял фонарь
я молод и зол
я их начальник
я скалю зубы
будто мне все нипочем
слуга отвернулся
и гладит борзую
(дугою белая в пятнах)
в тени мой противник

укрылся шляпой и —
ничего не происходит

кинжалом клянусь мадонной!
сейчас! напрягаю мышцы
сыплются чешуйки краски
холст вздулся буграми
трещит —
разорвался как взорвался!
противника — пополам!
дева выпала из окна
из корсажа — свежайшие яблоки —
из моего во внешнее время
бегущее как таракан

испачканный красками
мой мучитель — создатель!
еще с подмалевка
торчат воротник и усы
все в той же позиции —
ты виноват! —
запечатлел запечатал
(сам остался там
на фоне сияющих окон
как и тот — бронза
плечом и коленом
и кусок черствеющей булки
две глиняных кружки вино...)
я — письмо неизвестно куда

хотя почему я — письмо?
я — огонь горю в фонаре
я потрескался запылится

но еще освещаю лица
бородатые — охра с сиеной

снизу их кто-то рассматривает
что там — не осветить
кто там — не разглядеть
потусторонний мир

от которого старая рама
оберегая лепная
все событие обнимая
как мама

что есть картина?
сооружение
не проще гильотины
на уровне Нового Моста
со всеми его зеваками
и бледными небесами
и смотрит в это окно
бровастое солнце художника
из-под потрепанной шляпы —
обрадовалось простору
выставленного холста
в лавке на рю дю Темпль
что в квартале Марэ...
обернулся к приятелю:
«то что мне нужно
для моей композиции
они в Академии —
облезные парики
подавай им размер для Лувра
поедем к Мадлен!»

прояснить реальность стараюсь —
 проясняется лишь Солярис
 где всё — игра и пена в море
 не то в потустороннем мире —
 там царствует необходимость

и там входя в покои Лувра
 похожий на хромого мавра
 «Мадам! — воскликнул Нострадамус:
 для Вас историей займусь!»

...и революции и бури
 ...в Бабуре —
 эдаком амбаре
 кабак
 поставил свой барак
 и состоялся диалог
 но посрамлен ли футуролог?

он мог предсказывать спокойно —
 «Пусть принесут вино и фрукты» —
 героев
 катаклизмы
 войны
 теракты

...и въехал дылда-англичанин
 мелькая голыми коленками
 на роликах
 со станции метро
 в подземный вестибюль музея

(загородил меня плечами —
ротозея)

смотрят черные и дети:

что там тикает в пакете?

ТА-ТИ ТА-ТИ ТА-ТИ ТАТИ...

— уборщик мусор не мети!

3

пока на мрамор катятся обломки

как в замедленной съемке...

пока одни ошеломлены

другие ползают в крови не понимая...

пока полиция...

пока правительство...

все эти сиятельства и превосходительства...

все обстоятельства...

я создал свой Лувр

окружил моим Парижем

посреди моей прекрасной Франции

шутка ли столько работы!

картины колонны

даже негр в униформе

(заменю его на китайку)

высокая тишина —

и эту выстроил сам

из недалекой стены

бьет кучерявый прибор

и вечно летят эти брызги Курбе

не долетая

или оранжевый отсвет Гогена
губы коричневым — груди колена
...мертвых живых ли —
не люди а вихри
...ближе к офортам гравюрам —
и ты обозначен
пунктиром

в квадратном просвете
(одожил покойный Малевич
моему отцу) —
пустыней
задувает оттуда
в песчаной метели
стремительно путник в сером
приближается как удаляется...
не ухватишь края одежды
а лицо — кипарисом в небо!

у меня здесь двигаются стены
как у Глезера на Преображенке
открываются неожиданно
колоннады и перспективы
коридоры ведут не туда —
лестницы
легко заблудиться
сколько чающих пропало
в пространстве и времени
в ином измерении
я встречал сумасшедших
блуждающих
из жизни ушедших
или о ней не подозревающих

двое прошли
обсуждая вопрос:
сколько агелов может усесться
на ус
Сальвадора Дали?
я — пас...
у меня — сердце...

я например
чтобы мне мой Лувр не стал кошмаром
знаю как вернуться
в Аньер
на рю де ля Марн
к внуку и жене
как повернуться
в замочной скважине
откуда бьет сноп света

1995

347. ЖАР-ПТИЦА

— Что за напасть была на русских поэтов?

— А на русских художников?

(из разговора)

чудовищная грозовая
собою из себя сияя
воссев на блюде —
на Христовом обеде
Жар-птица кличет призывая

усопших мастеров к беседе:
— славные мои художники
живые во граде
пьяницы ругатели безбожники
девок запрягатели
враги-приятели
завсегдатаи кабака
все — до последнего слабака
прилетайте
отведайте облака —
птичьего моего молока

поднимаю крылья как знамена
называю всех поименно:
Краснопевцев Дима
жил неизгладимо
...неисповедимы —
и не стало Димы
только у Престола
нечто просияло:
сюда мое сердце —
Дима Краснопевцев!

белый на белом
Вейсберг Володя —
он снова уходит
к незримым пределам...
и возвращается
вновь воплощается —
белый на белом

...летал в пустоту —
будто ложку ко рту —

не вычерпать всю пустоту!
...пусть на кумполе венки
из украинских былинок —
нежный Петя Беленок
один в поле борщ варил
анекдоты говорил
с салом с перцем
с Сен-Жон-Персом
сожрала
самого Москва
пришлым варевом жива

— Кто явился к мессе
голый как морковь?
— Ситникову Васе
сядь не прекословь!
видишь радуются все

...подмосковным летом
стариком-атлетом
в парке
мастерил байдарки
сказал: уеду —
канул будто в воду
...в Вене и в Нью-Йорке
потрафлять заказчикам?
...одержал победу
ушел в подвал
накрылся ящиком
оброс мохом
оскалился смехом
и умер монахом
говорят остались вещи:

в рюкзаке — святые мощи

— Сидур Вадим
Сидур Вадим
давай попьем и поедим
...на той войне
разворотило челюсть —
глаза остались
скорбные вдвойне —
и после смерти
до самой смерти
ты верил аорте
...чугунные
струнные
крики твои
говорят о великой любви

огромный волосатый
сюда сюда Рухин —
всегда в любви несытый
и пламенем объятый
борода твоя как дым
завивается колечками
вот и умер
молодым

...и гласили скрижали:

УГОРЕТЬ НА ПОЖАРЕ

...или
так решили
в Большом Доме
...и сотрудники рядами

уходили на заданье
...два холста
сбиты в виде креста

Юло ты помнишь с голодухи
на Колыме взалкал о духе
(а начальник был в дохе)
и застывал на вдохе —
на воздухе...

рисовала твоя лапа
морщины — складки на горе
«я — эстонское гестапо —
доходяга в лагере»
— Как в раю Юло —
сытно и тепло!

и вы что курили
от одной сигаретки
в темноте на кушетке
глotalи таблетки
«вам — пир!» —
сказал один вампир
...такая легкость в теле
что вместе улетели

но воротилась
как спохватилась лишь ему —
тоннель во тьму —
все ярче светилось...
но еще за неделю в марте
рыжий Паустовский-сын
поэта робко попросил

посвятить ему сонет о смерти
— подвиньтесь ребята
ну и что — что крылаты!
не робей рыжеватый...

Здесь Андрей Демыкин в маске
говорит о Босхе
с Рыбой
у которой нос трубой

...в Красково — там на даче
отсвечивают свечи —
и утро будто вечер

а страшила Ворошилов
пьет мудила
из бездонной миски —
и не требует закуски
он думает что это —виски

а Пятницкий
пришел зеленым —
отравился ацетоном
стонет Жар-птица:
— дайте!
дайте ему причаститься —
очиститься
ведь тоже — частица!
(души — огненные перья
собираю вас теперь я)

невзгоды все преодолев
великий Кропивницкий Лев

размышлял: гармония —
девы и Германия
Фрейд и разумение...
но (Сева!) Кропивницкий дед
как будто жизни знал секрет
холст чистил мастихином
притом читал стихи нам
он был Сократ
и жил в бараке —
и русский быт
и русский мат
и русский стих...
окно во мраке...

зовет высокая труба:
— вы крутолобы
придите оба!
и внук-художник
ликом светел —
от жизни улетел
и близких встретил

дома Парижа —
корабли
вы всех по лестницам
вели
чтоб из чердачных окон
смотрели
жадным оком:
слишком серебристо
небо слишком близко —
и срывается с крыш
стриж

еще стриж...
считал Ван-Гога
превыше Бога
...в чужих жилищах рисовать
себя как вечного ребенка:
нос луковицей
бороденка...
ах лукавый мужичок
Толя Толя Толенька!
Зверев любит шашлычок —
вечные Сокольники:
шашки
розарий
девушки с большими глазами!

светлый как из душа
Харитонов Саша —
смирная душа
ни жалоб ни стонов —
вознесся Харитонов
...разноцветный бисер
выси
голоса

ох горе! —
Олежка Григорьев
...кем теперь
коробка бабочек
хранима?
...видел ты архангелов
и херувимов

здесь и другие —
светятся все —

Гуров
которого сшиб грузовик на шоссе...

и Длугий —
ни звука —
и тоже от рака...
о други!
— явись из бездны адской
Ковенацкий!
и ты зван —
и Шагал и Сарьян —
и Гаяна Каждан

— кто там возник на пороге?
— кажется Леня Пурыгин
«Господи в Нью-Йорке
такая жара!
на скамейке в парке
умер я вчера»

счет уже на десятки:
застрелил инкассатор
захлебнулся в припадке
утонул...
от инфаркта миокарда
у мольбета...
...слишком ярко!
просто в Вечность заглянул

Дерево
вытянулось в зарево —
величава
перспектива:

ветви стали временем
время — белым пламенем

все ярче Жар-птица —
и тысячелица!
и тысячеуста —
живые Уста!
ладони —
долони
от лона
и дола
до неба
и Бога
и в яви
и в трансе
и в камне
и в бронзе
и масло
и Числа
и ныне
и присно

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРИМЕЧАНИЯ

Генриху Вениаминовичу Сапгиру (1928–1999) принадлежит обширное поэтическое наследие. Большая часть сохранившихся стихов Сапгира была опубликована еще при жизни писателя и вскоре после его смерти (всего опубликовано около 620 стихотворений и 11 поэм Сапгира). Своей поэтической точкой отсчета (если не поэтическим рождением) Сапгир считал стихи 1958 года, вошедшие в книгу «Голоса», и поэму «Бабья деревня» (1958). Кроме книги «Земля» (1946), сохранившейся в архиве Сапгира, все остальное из написанного до стихов периода «Голосов», Сапгир уничтожил. До 1988 взрослые произведения Сапгира печатались только в самиздате и тамиздате.

Первая книга Сапгира, «Сонеты на рубашках», вышла в 1978-м в Париже, когда ему было 50 лет; в Париже вышло еще две книги Сапгира, «Стихи-87» (1987) и «Лица соца» (1990). В СССР первая книга Сапгира, «Стена», вышла лишь в пореформенном 1989-м, когда ему было за 60. До 1988 года, вне пределов СССР стихи Сапгира печатались по-русски во многих изданиях русского зарубежья, а также в переводах на иностранные языки в нескольких антологиях, сборниках и журналах (в т. ч. и с параллельным русским текстом). Вскоре после прорыва в советскую печать, в 1989 году Сапгир выпустил в Москве сразу 3 книги («Стена», «Московские мифы», «Сонеты на рубашках»), сделавшие

часть его поэзии доступной российскому читателю. В 1991 году в Омске была переиздана книга «Сонеты на рубашках». Кроме этого, в пост-советской России вышло четыре книги небольшого объема («Мыло из дебила», 1992; «Конец и начало», 1993; «Любовь на помойке», 1992; «Стихи для перстня», 1995), а также ряд раритетных изданий, среди которых пять изданы под эгидой московского Музея Вадима Сидура. С точки зрения оформления особое место занимают книги «Пушкин, Буфарев и другие» (1992) и «МХК—мушинный след» (1997). В 1993 г. в Москве вышел составленный под наблюдением Сапгира том «Избранного», а в 1999-м — первые два тома (предполагавшегося) четырехтомного Собрания сочинений (два оставшихся тома пока не изданы). В выпущенный в 1997-м сборник стихов и прозы Сапгира «Летающий и спящий» вошла его большая книга стихов («Параллельный человек») и 4 поэмы. После смерти поэта вышла большая книга «Лето с ангелами», в которую вошло написанное им в последний год жизни.

Если в 1989—1991 гг. толстые журналы печатали Сапгира мало и неохотно, то в 1992 в России начался «бум» на публикации его произведений. В 1993—1999 гг. Сапгир широко печатался как в толстых журналах старого времени, так и в новых, пост-советских изданиях. В последние годы жизни Сапгира спрос на его стихи был так высок, что поэт неоднократно компоновал поэтические циклы и подборки, в которые входили как новые тексты, так и старые, уже опубликованные прежде. Хотя Сапгир называл себя «цикловым» поэтом, не все из опубликованных им «циклов» сочинялись им как таковые и обладали композиционной и семиотической целостностью. Частичная повторяемость некоторых стихотворений в составе разных «циклов» Сапгира особенно заметна в журнальных и интернетных публикациях 1993—1999 гг.

Составители этого тома стремились представить творчество Сапгира с наибольшей полнотой, но в пределах ограни-

ченного объема изданий Малой серии. За основу настоящего тома взяты прижизненные авторские сборники и книжные издания Сапгира, а также посмертная книга «Лето с ангелами». Прежде всего мы стремились следовать последней воле самого Сапгира, сделав исключения всего в нескольких случаях (они оговариваются ниже в примечаниях к отдельным книгам и разделам). Отбирая стихотворения и поэмы 1958—1992 гг., мы опирались на 1 и 2 тт. его Собрания сочинений (1999, т. 1: 1958—1974; т. 2: 1975—1990) и книгу «Пушкин, Буфарев и другие» (1992). Отбирая тексты 1993—1999 гг., мы опирались на сборники «Летящий и спящий» (1997) и «Лето с ангелами» (1999). По другим изданиям публикуются следующие книги и циклы: «Командировка» (1964), «Развитие метода» (1991), «Конец и начало» (1993), «Собака между бежит деревьев» (1994); их источники оговариваются ниже в примечаниях.

Учитывая ограниченный объем и императив представить в наиболее полной мере не только динамику всего творческого пути Сапгира, но и формальное и тематическое разнообразие его стихов, нам пришлось проделать жесткий отбор текстов. В результате, книги и циклы Сапгира печатаются здесь со значительными сокращениями. Из всех книг и циклов поэта здесь целиком публикуются лишь «Этюды в манере Огарева и Полонского» (1987), которые в полнейшей мере олицетворяют понятие «лирический цикл» и не могут быть сокращены без смыслового ущерба; сам Сапгир в журналах публиковал «Этюды в манере Огарева и Полонского» только целиком.

Не все книги, циклы и поэмы Сапгира представлены в настоящем томе. Среди исключенных прежде всего книги и циклы, которые сильнее других пострадали бы от неполной публикации. Из книг и циклов, вошедших в изданные под наблюдением Сапгира тт. 1 и 2 тт. его Собрания сочинений, здесь не представлены: «Люстихи» (1964), «Путы» (1980), «Стихи для перстня» (1981, за исключением поэмы «Вершина

неопределенности»), «Встреча» (1987); не представлены также поэмы «Камень» (1963) и «Рундала» (1984). Из других поэм Сапгира, в этот том не вошли: «Блошинный рынок» (1995) и «Единоборство» (1995). Кроме того, в состав этого тома не вошла книга «Лица соца» (1990), в которой литературный текст Сапгира неотделим от художественного оформления Алексея Хвостенко. Наконец, в этом томе не представлены циклы «Женщины в куцах» (1995), «Еще не родившимся» (1984, 1996) и «Новое Лианозово» (1997), которые не вошли в прижизненные авторские сборники и издания.¹

К нашему огромному сожалению, в настоящем издании не представлены: книга «Монологи: Книга для чтения и представления» (1982), написанная отчасти стихами, книга «Черновики Пушкина» (1985), поэтические переводы Сапгира и детские стихи Сапгира. Книги и циклы Сапгира публикуются здесь в хронологическом порядке; если книга или цикл сочинялись в течение продолжительного периода (напр. «Сонеты на рубашках»), то их место в томе определяет начальная дата.

Всюду, насколько позволяет формат издания, сохраняется графическое расположение стихов согласно тем источникам, по которым печатаются тексты. В некоторых случаях учтены также изменения, внесенные Сапгиром в более поздних публикациях. “Излом” длинных строк, не умещающихся в полосу книги, в большинстве случаев произведен редакцией и заведомо не имеет смысловой составляющей. Для текстов “Элегий”, где Сапгиром использована “прозаическая” запись стихов, сохранена только “строфика” и общая “графика”, то есть окончания

¹ См. Женщины в куцах. 1995 г. / www.vavilon.ru/texts/sapgir9.html; Женщины в куцах. М.: Моск. госуд. музей Вадима Сидура; Еще не родившимся. 1984, 1996 гг. / www.vavilon.ru/texts/sapgir10.html; Новое Лианозово. 1997 год. / Новое литературное обозрение. 1998. № 33. С. 313—314; Новое Лианозово. Цикл стихов 1997 года. / www.vavilon.ru/texts/sapgir16.html

“прозаических” строк в нашем издании не совпадают с соответствующими окончаниями в источниках. В текстах книги “Путеводитель по Карадагу”, где начало и конец строки должны быть жестко фиксированы, нам пришлось пойти на уменьшение размера шрифта, чтобы избежать практически сплошных “изломов” строк, что непоправимо деформировало бы рисунок стиха, которая для Сапгира, с его близостью к среде художников, всегда была принципиально важна.

Наследие Сапгира почти не разработано с текстологической точки зрения. Детальная текстологическая работа выходит за пределы данного издания. Остается надеяться, что неизбежные в Малой серии лакуны будут заполнены в последующих полных академических изданиях Сапгира, в которых будет проделана сверка текстов как с архивом Сапгира, так и со всеми публикациями в периодике.

Пользуясь случаем, мы благодарим вдову Генриха Сапгира Л. С. Родовскую (Сапгир) за ценную информацию о последней правке Сапгира в рукописях.

В начале примечаний к каждому разделу тома приводится:

- информация о его текстуальных источниках и составе;
- сведения о важнейших избранных публикациях вошедших в него текстов в периодике, коллективных сборниках и в интернете.

Для каждого отдельного текста приводятся:

- сведения о публикации в авторских сборниках и изданиях Сапгира, в хронологическом порядке через точку с запятой;
- комментарий, который ограничен разъяснениями лишь *некоторых* имен, фактов, реалий и литературных параллелей.

В примечаниях использованы следующие условные сокращения названий авторских сборников и изданий Генриха Сапгира²:

АР — Армагеддон. Мини-роман. Повести. Рассказы. М.: Издательство Руслана Элинина, 1999.

ЖК — Женщины в кушах. М.: Моск. госуд. музей Вадима Сидура. Вып. 47. 1998. (Малотиражное изд.).

ЖП* — Жар-птица. Поэма и стихи последних лет. М.: Моск. госуд. музей Вадима Сидура, 1997. Вып. 27. (Малотиражное изд.).

ИС — Избранные стихи [на обл. Избранное] / Предисл. Андрей Битов. Худ. А. Кузнецов. Москва — Париж — Нью-Йорк: Издательство «Третья волна», 1993. (Библиотека новой русской поэзии. Т. 2).

КН — Конец и начало. Февраль-март 1993 / Посл. Ю. Орлицкий. Самара: Международный центр культуры Волга, 1993.

ЛА — Лето с ангелами / Предисл. Виктор Кривулин. Худ. Д. Черногаев. М.: Новое литературное обозрение, 2000.

ЛИСО — Лица соца / Худ. Алексей Хвостенко. Париж: Ассоциация русских художников; издательство «Афоня», 1990.

ЛП — Любовь на помойке. Стихи. Март 1992 г. / Худ. Вадим Калинин; Михаил Чилахсаев. М.: Арго-Риск, 1994.

ЛС — Летящий и спящий. Рассказы в прозе и стихах / Послесл. Юрий Орлицкий. Худ. Е. Поликашин. М.: Новое литературное обозрение, 1997.

МД — Мыло из дебила. Современный лубок / Худ. Витя + Блюм + Стац [sic]. Москва—Париж: Акционерное издательство Русь, [1992].

² Помеченные звездочкой издания нами не были просмотрены *de visu*.

ММ — Московские мифы / Предисл. Андрея Битова. Худ. Борис Миньковский. М.: Издательство «Прометей» МГПИ им. В. И. Ленина, 1989.

МС — Мертвый сезон. М.: Моск. госуд. музей Вадима Сидура, 1996. Вып. 22. (Малотиражное изд.).

МХК — МХК — мушиный след / Худ. Виктор Гоппе. Кинешма: Издательство В. Гоппе, 1997. (Тир. 20 пронумер. экз.).

НС — Неоконченный сонет / Сост. В. М. Мешков. Послесл. Константин Кедров. М.: «Олимп», Издательство АСТ, 2000.

О* — Отголоски (Стихи, не вошедшие в книгу «Голоса»). 1958 — 1962. М.: Моск. госуд. музей Вадима Сидура, 1995. Вып. 13. (Малотиражное изд.).

ПБД — Пушкин, Буфарев и другие / Лев Кропивницкий, графика. М.: Издатель С. А. Ниточкин, 1992.

Р — Рометта. Бедный Йорик (из книги «Монологи») / Публ. И. С. Приходько. Владимир: ВГПУ, 2000.

Ст — Стена. / Худ. Эдуард Штейнберг. М.: Издательство «Прометей» МГПИ им. В.И. Ленина, 1989.

С-87 — Стихи-87 / Худ. В. Стацинский. [Париж]: Издательство «Афоня», [1987].

СП — Стихи для перстня. Париж—Москва—Нью-Йорк: Издательство «Третья волна». «Библиотечка поэзии Стрельца», [1995]. (Тир. 100 пронумер. экз.).

СР-78 — Сонеты на рубашках. Предисл. Г. Сагпир. Франция [sic]. Издательство «Третья волна». 1978. 46 с. Б/у тиража.

СР-89 — Генрих Сагпир. Сонеты на рубашках / Худ. Л. Е. Кропивницкий. М.: Издательство «Прометей» МГПИ им. В. И. Ленина, 1989.

СР-91 — Сонеты на рубашках. 1975—1989 / Предисл. Андрея Битова. Омск: Коммерческое издательство «Движение», 1991.

СС 1 — Собрание сочинений: В 4 т. / Худ. Сергей Краних. Нью-Йорк—Москва—Париж: Издательство «Третья волна», 1999. Т. 1. Стихи и поэмы. 1958—1974 / Предисл. Льва Аннинского.

СС 2 — Генрих Сапгир. Собрание сочинений: В 4 т. / Худ. Сергей Краних. Нью-Йорк—Москва—Париж: Издательство «Третья волна», 1999. Т. 2. Стихи и поэмы. 1975—1990 / Александр Глезер. Интервью с Генрихом Сапгиром.

УФ* — Утренняя философия / Худ. Виктор Пивоваров. [Прага: Виктор Пивоваров], 1999. (32 рисунка; текст стихов написан рукой и составляет единство с рисунками. Тираж 12 пронумер. экз.³).

ЧП* — Черновики Пушкина (Неизданное и найденное). М.: Моск. госуд. музей Вадима Сидура, 1996. Вып. 17. (Малотиражное изд.).

³ Описание состава и оформления книги любезно сообщено В. Пивоваровым электронным посланием от 12 марта 2003 г.

Из книги «Голоса» (1958—1962).

Печ. по СС 1, где в составе книги 53 текста; ст-ние «Букет» (26), которое Сапгир не включил в СС 1, печ. по ИС.

В ИС и ММ под названием книги стоит подзаголовок «Гротески».

Грани. 1965. № 58. С. 118—123 [Генрих Сапгир]; Из книги «Голоса» // Метрополь. Литературный альманах / Сост. В. Аксенов, А. Битов и др. Анн Арбор, 1979. С. 491—494; Антология новейшей русской поэзии у Голубой Лагуны / Сост. и ред. Константин К. Кузьминский и Григорий Л. Ковалев. Т. 1. Newtonville, Mass. 1980. С. 285—305; Голоса. Из сборника 1959—1962 гг. // Эхо. 1986. № 14. С. 126—157; Сатиры и сонеты // Новый мир 1988. № 12. С. 77—79.

1. СС 1. С. 21—22; ММ. С. 7—8; ИС. С. 11—12; НС. С. 18—19.

2. СС 1. С. 23—24; ММ. С. 9—10; НС С. 19—20.

3. СС 1. С. 27—29; ММ. С. 11—12; ИС. С. 13—14; НС. С. 23—24. Посвящение: *Лев Кропивницкий* (1922—1995) — художник и литератор, сын учителя Сапгира, Евгения Кропивницкого.

4. СС 1. С. 39; ММ. С. 20; ИС. С. 21; НС. С. 32.

5. СС 1. С. 40—41; ММ. С. 21—21; ИС. С. 22—23; НС. С. 33—34.

6. СС 1. С. 44—45; ММ. С. 25—26. *Хикмет, Назым* (1902—1963) — турецкий поэт и деятель международного коммунистического движения; с 1951 г. постоянно жил в СССР и Восточной Европе; умер в Москве. *Героиня Джульетта*. / *Дочь короля Лира*. / *Любит слесаря Ахмета*. / *Ахмет не любит Джульетту*. / *Ахмет встречает Анюту*. / <...> / *И хохочут фурии* / *В храме бутафории* / *И виз-*

жат эринии / У трамвайной линии — здесь в тексте абсурдистски закодировано имя «Анна Ахматова» и его культурологическая аура. Римские и греческие богини мести (*фурии, эриннии*) здесь обречены на банальность и беспасфосность советского бытия. Ср. также стихотворение И. Сельвинского «Портрет моей матери» (1933): «И все выстраиваются по линии, / Как будто в воздухе летят Эринии, / Богтнт материнских прав».

7. СС 1. С. 52—53; ММ. С. 33—34; ИС. С. 30—31; НС. С. 38—39.

8. СС 1. С. 54—55; ММ. С. 35—36; ИС. С. 32—33; НС. С. 39—40. *Холин, Игорь* (1920—1999) — поэт, детский писатель, близкий друг Сапгира; до перестройки взрослые стихи Холина в СССР не публиковались.

9. СС 1. С. 56.

10. СС 1. С. 57—58; НС. С. 40—42. *Петр и Клеопатра* — обыгрывается название трагедии Вильяма Шекспира «Антоний и Клеопатра» (1606—1607) в сочетании с рядом русских литературных, пикториальных и кинематографических текстов о Петре I (напр. «Петр и Алексей» Д. Межжковского).

11. СС 1. С. 64—65; ММ. С. 38—39; НС. С. 43—44.

12. СС 1. С. 68—69; ММ. С. 42—43; ИС. С. 37—38; НС. С. 45—46. *Напечатали в газете / О поэте. / Три миллиона прочитали эту / Клевету* — речь, судя по всему, идет о травле Бориса Пастернака, последовавшей за публикацией «Доктора Живаго» на Западе (1958) и награждением его Нобелевской премией.

13. СС 1. С. 70—71; ММ. С. 46—47.

14. СС 1. С. 7; ММ. С. 48 (под. назв. «Ночь»); НС. С. 49—50.

15. СС 1. С. 80—81; ММ. С. 52—53; ИС. С. 43—44.

16. СС 1. С. 82—83; ММ. С. 54—55; ИС. С. 45—46; УФ. С. 29; НС. С. 52—53. *Цыферов, Геннадий* (наст. фам. Муханович, 1930—1972) — детский писатель, переводчик.

17. СС 1. С. 90—91; ММ. С. 62—63. *Неужели всех врачей* — «дело врачей» и геноцидные сценарии Сталина, к истории которых Сапгир обращался и в более поздних стихах, здесь преподносится на самой грани абсурдированного и исторически верного.

18. СС 1. С. 92—93; ММ. С. 64—65; ИС. С. 53—54; НС. С. 58—59. *Мы все похожи друг на друга* — см. вступ. статью, с. 24.

19. СС 1. С. 94—95; НС. С. 60—61. *Хорошо! Теперь видна / Вся неневская страна* — ср. ст-ние Сергея Михалкова «А что у вас?»: «<...> — А из нашего окна / Площадь Красная видна <...>».

20. СС 1. С. 96—97; ММ. С. 68—69 (под. назв. «Поэт и музы»). Ср. название картины Анри Руссо «Поэт и его Муза. Портрет Аполлинера и Мари Лоренсэн» (1909; Музей им. А. С. Пушкина, Москва). *Реваноль* — правильно: риваноль.

21. СС 1. С. 103—104; ММ. С. 74—75; ИС. С. 59—60; НС. С. 64—65.

22. СС 1. С. 107—108; УФ. С. 20; НС. С. 65—67. *Иодковский, Эдуард (1932—1994)* — поэт, переводчик, автор массовых песен. *Кира* — Кира Сапгир (урожд. Гуревич, р. 1937), вторая жена Г. Сапгира, журналист и литератор, с 1978 г. живет в Париже.

23. СС 1. С. 109—110; УФ. С. 12; НС. С. 67—69. *Индус* — И. Холин.

24. СС 1. С. 111—112; НС. С. 69—70.

25. СС 1. С. 113—114; НС. С. 70—71.

26. ММ. С. 66—67; ИС. С. 55—56. Посвящение: *Олев, Наум* — поэт, песенник, актер; *Ноль* — прозвище Н. Олева. *Ноль пришел ко мне с букетом* — ср. ст-ние А. Фета «Я пришел к тебе с приветом / рассказать, что солнце встало» (1843). *Талес* (ивр. «таллит») — иудейская молитвенная шаль. *Фрейлехс* (фрейлекс) — еврейский танец.

Из книги «Молчание» (1963)

Печ. по СС 1, где в книге 30 текстов, вкл. поэму «Старики», публикуемую в разделе «Поэмы».

27. СС 1. С. 121—122; НС. С. 72—73. *Востряково* — кладбище на юго-западе Москвы, названо по имени села Востряково.

28. СС 1. С. 129—130; НС. С. 76—77.

29. СС 1. С. 133—134; НС. С. 79—81.

30. СС 1. С. 135—136; НС. С. 81—82.

31. СС 1. С. 137—138; НС. С. 82—84.

32. СС 1. С. 139.

33. СС 1. С. 140—141.

34. СС 1. С. 143—144; НС. С. 85—86.

35. СС 1. С. 145—146.

36. СС 1. С. 148.

37. СС 1. С. 154—155; НС. С. 88—90.

38. СС 1. С. 159.

39. СС 1. С. 167—168; НС. С. 95—96.

40. СС 1. С. 171—172.

Из цикла «Командировка» (1964)

В книжных изд. Сапгира не публиковалось.

Первая публикация на сайте «Вавилон», куда Сапгир передал электронный файл цикла в 1997 г. Комментаторы благодарят Дмитрия Кузьмина за сообщенную информацию. См. www.vavilon.ru/texts/sapgir4.html, где приводится дата цикла «25—29 марта 1964». В цикле 31 текст.

44. *Уедешь ты Иосиф / в архангельские леса / Отбывать срок* — Иосиф Бродский (1940—1996) — русский поэт, американский эссеист, лауреат Нобелевской премии (1987); в 1964 Бродский был осужден за «тунеядство» и сослан в Архангельскую обл.; он вернулся из ссылки в 1965 г. и эмигрировал в США в 1972 г.; умер в Нью-Йорке.

Из книги «Псалмы» (1965—1966)

Печ. по СС 1, где в книге 14 текстов.

Из сборника «Псалмы Давида» // Третья волна. 1979. № 6. С. 12—19. Псалмы Давида // Русский еврей. 1998. № 1. С. 16—17.

Сапгир следует нумерации Псалмов в православной и католической Библии, переведенных с греческого; последняя несколько отличается от нумерации в иудейской Библии (Танахе) и в протестантской Библии. О некоторых текстуальных источниках «Псалмов» Сапгира см. вступ. статью.

51. СС 1. С. 175—176; ИС. С. 61—62. *Блажен муж иже* — начало церковно-славянского текста 1-го Псалма; в переводе на русский язык: «Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых и не стоит на пути грешных и не сидит в собраниях развратителей <...>» (здесь и далее русский перевод 1876 г. цит. по изд.: Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М., 1992. ЖАКТ — аббревиатура советских времен; жилищный актив.

52. СС 1. С. 177—178; ИС. С. 63—64. *Архамонес* (идиш) — «сжальтесь». *Поц* (идиш) — мужской половой орган; оскорбление в адрес мужчины.

53. СС 1. С. 171—180; ИС. С. 65—66. *Авессалом* — см. подзаголовок Псалма 3: «Псалом Давида, когда он бежал от Авессалома, сына своего».

54. СС 1. С. 181; ИС. С. 67—68.

55. СС 1. С. 182—183; ИС. С. 69—70. *Комарис вульгарис* — имитация латинского таксономического названия вида; комары принадлежат к семейству Culicidae, родам Culex, Ochlerotatus, Aedes и др. Culex vulgaris — так в 1792 г. Карл Линней назвал обыкновенного комара.

56. СС 1. С. 184; ИС. С. 71.

57. СС 1. С. 185—186; ИС. С. 72—73.

58. СС 1. С. 187; ИС. С. 74. 253—71—47 — согласно Сапгиру, его телефонный номер в период сочинения «Псалмов».

59. СС 1. С. 188; ИС. С. 75. *Аиды* — от. «а ид» (идиш) — «[один] еврей»; русскоговорящие евреи употребляли это слово в виде частного кода, вместо слова «еврей»; напр. «они аиды» = «они евреи». *Веды* — веда (санскр.) — в дословном переводе «знание»; один из четырех канонических сборников гимнов, молитв и литургических формул, образующих самые ранние священные тексты индуизма.

60. СС 1. С. 189; ИС. С. 76.

61. СС 1. С. 190—191; ИС. С. 77—78. *Дриз*, Овсей (Шике Дриз, 1908—1971) — еврейский поэт, писавший на идиш, близкий друг Сапгира; Сапгир перевел на русский стихи и прозу Дриза для детей и взрослых; см. вступ. статью; см. также № 296. *Юде* — Jude (нем.), «еврей». *О нори — нора!*; *О нори — нора руоло!*; *Вейли башар!* *Вейли байон!*; *О лейви баарам бацы Цион* <...> — Судя по всему, Сапгир не владел ивритом — в отличие от идиш, который он, как и многие русские евреи его поколения, пассивно знал с детства. Неизвестно, на какие иудейские источники — словари? носители иврита? иудейская литургия? — Сапгир опирался при сочинении своего Псалма 136 (евр. Псалма 137). Три фактора, несомненно, повлияли на выбор фраз, передающих ощущение иврита Псалмов и диалога (на арамейском, ставшем разговорным языком евреев во время Вавилонского пленения) между вавилонянами и плененными иудеями: 1. этимология, 2. текст библейского Псалма (иврит, церковносл., русский перевод) и 3. структурный замысел Сапгира. С этимологической точки зрения, кроме очевидного «Цион» следует обратить внимание на слово «нори» — возможный частичный перевертыш слова «кинор», «арфа» (ивр.), упоминаемого в начале текста библейского Псалма. Кроме того, слово «баарам», вероятно, здесь следует интерпретировать как ивритское «ба арам», что означает «в Араме». Несмотря на проблематичное «й», слово «лейви» отсылает к слову «леви» (Левит), т. е. метонимически вызывает ассоци-

ацию с коленами Израильскими, со всем еврейским народом. С точки зрения возможных соответствий между библейским Псалмом и Псалмом Сапгира, обратим внимание на следующие стихи библейского Псалма: «Там пленившие нас требовали от нас слов песней, / и притеснители наши веселья: “пропойте нам из песней Сионских” / Как нам петь песнь Господню / на земле чужой?» Стих «О лейви баарам бацы Цион», предшествующий у Сапгира стиху «на земле чужой» (точно воспроизведенному им по синодальному русскому переводу Псалтыри; хотя в других местах он пользовался и церковнославянским текстом), можно расшифровать как «О еврей-иудей в Арамейской земле [пропойте нам из песней] Сионских». Легко подметить и следующие смысловые и структурные корреспонденции: 1. «Юде юде [т. е. «еврей еврей» на немецком языке] пой пой! Веселее! <...> Юде юде пляши!» и «О лейви баарам бацы Цион»; 2. слово «вейли» и слово «веселья» из русского перевода текста библейского Псалма (при том, что «вейли» и «лейви» анаграмматически зашифровывают друг друга). Пользуясь случаем, комментаторы благодарят проф. М. Дж. Коннолли (M. J. Connolly) и проф. Дуэйна Карпентера (Dwayne Carpenter) за оказанную помощь. *Ер зангт ви ди айниге Нахтигаль* (идиш) — он поет как маленький соловей. *Цершторен* — zerstoren (нем.) — уничтожить. *Фернихтен* — vernichten (нем., а также идиш) — стереть с лица земли. *Ершиссен* — erschossen (нем.) — расстрелять. Комментаторы ограничились лишь некоторыми еврейскими источниками словотворчества Сапгира. Разумеется, ими композиционный и словесный замысел Сапгира не исчерпывается. Ср., к примеру, русский императив «ори» и его трансформации в тексте псалма.

62. СС 1. С. 192—193; ИС. С. 79—80.

63. СС 1. С. 194—195; ИС. С. 81—82.

64. СС 1. С. 196; ИС. С. 83.

Из книги «Элегии» (1967—1970)

Печ. по СС 1, где в книге 30 текстов.

Freiheit ist Freiheit/Свобода есть свобода. Inoffizielle Sowjetische Lyric / Hrsg. Liesl Ukvary. Zürich, 1975. №. 128—133 [с параллельным переводом на нем.]; Элегии // Часть речи. 1980. № 1. С. 67—71; Архангельское. Nova guska poezija / Ed. Irena Luksic. Zagreb, 1998. С. 112—125. [с параллельным переводом на хорватский].

65. СС 1. С. 221—223.

66. СС 1. С. 224; НС. С. 118. *Понт Авен* — Pont-Aven, городок (нас. 3000) на реке Авен, в 9 км. от южного побережья Бретани во Франции; в течение последних 130 лет — излюбленное место работы художников; самым знаменитым «художником в резиденции» Понт-Авена был Поль Гоген, приехавший туда впервые в 1886 г. *Мовизм* — от фр. *mauvais* (плохо, дурно) и укр. *мова* (речь, язык), термин, введенный в обращение писателем Валентином Катаевым (1897—1986) в 70-е годы и описывающий, прежде всего, стиль прозы позднего Катаева («Святой колодец», «Трава забвения», «Алмазный мой венец», «Сухой лиман»).

67. СС 1. С. 225—226; ИС. С. 84—85.

68. СС 1. С. 227—228; ИС. С. 86—87; НС. С. 119—120. *Посвящение: Балл*, Георгий (род. 1927) — прозаик, детский писатель, живет в Москве.

69. СС 1. С. 229—230; ИС. С. 88—89; НС. С. 120—121.

70. СС 1. С. 238; ИС. С. 93.

71. СС 1. С. 239—240; ИС. С. 94—95; НС. С. 123—124.

72. СС 1. С. 241—242; ИС. С. 96—97.

73. СС 1. С. 243—244.

74. СС 1. С. 245—246; ИС. С. 98—99. *Элизиум*, известный также как «Елисейские поля» — в греческой мифологии, доэллинистический рай, земля полнейшего покоя и счастья; у Гомера, Элизиум — страна на самом дальнем запад-

ном крае земли, куда уносятся и где обретают бессмертие тела и души героев.

75. СС 1. С. 247—248; ИС. С. 100—101 (с посв. «Наташе Гутман»).

76. СС 1. С. 249—250; ИС. С. 102—103. *Ленкорань* — город на юге Азербайджана, на берегу Каспийского моря. *Эшеры* — курорт в Абхазии, в Сухумском районе.

77. СС 1. С. 258—259; ИС. С. 107—108. *Куоккало*, *Териоки* — финские названия пос. Репино и Зеленогорск на Финском заливе под Санкт-Петербургом. *Великим дачником <...> похоронен эмигрантом* — имеется в виду великий художник Илья Репин (1844—1930), с 1899 года живший в усадьбе «Пенаты» в Куоккала и после обретения Финляндией независимости не вернувшийся в Россию. Репин умер в Куоккале в 1930 г. и похоронен там. Во время Финской войны, в 1940 г. Куоккала была аннексирована СССР; в бывшей усадьбе Репина теперь находится мемориальный музей.

78. СС 1. С. 260—261; ИС. С. 109. *Критон мы должны Аксепию петуха* — последние слова Сократа; см. Платон, «Федон», описание принятия Сократом яда. *Критон*, *Федр*, *Лисий* — диалоги Платона, названные именами их главных персонажей. *Эриксимах*, *Апполодор*, *Алкивиад*, *Агафон*, *Павсаний* — см. «Пир» Платона: речь Эриксимаха об Эроте, повествование Апполодора в начале «Пира», панегирик Алкивиада Сократу, речь Агафона о совершенстве Эрота; речь Павсания о «двух Эротах».

79. СС 1. С. 264; ИС. С. 112.

80. СС 1. С. 265—266; ИС. С. 127—128. *Когда Коля кончил, то передал поскорей газету князю...* — см. Ф. М. Достоевский «Идиот», ч. 2., гл. VIII, после чтения эпиграммы «Лева Шнейдера шинелью...». *Руки, богиня иль смертная дева, к тебе простираю!* — см. Гомер, «Одиссея», пер. В. Жуковского, Песнь шестая, ст. 149—153.

81. СС 1. С. 269—270; ИС. С. 113; НС. С. 129.

82. СС 1. С. 270; НС. С. 130.

Из книги «Московские мифы» (1970—1974)

Печ. по СС 1, где в книге всего 20 текстов, и отдельно выделен цикл Жития (6 текстов, включая трехчастное ст-ние «Складень», не вошедшее в этот том).

Метрополь. Литературный альманах / Сост. В. Аксенов, А. Битов и др. Анн Арбор, 1979. С. 497—499; <Складень> // Neue Russische Literatur. 1981—1982. № 4—5 [в том же выпуске пер. на нем.: Holzernerne Schalen. S. 223—232].

83. СС 1. С. 275—277; Ст. С. 25—26; ММ. С. 85—87; НС. С. 131—132.

84. СС 1. С. 278—279; ММ. С. 88—89; НС. С. 133—135. *Мамлесв* — Мамлеев, Юрий (род. 1931) — прозаик, поэт, эмигрировал в 1975 г; в настоящее время живет и работает в Москве и Париже. *Худяков*, Генрих (род. 1930) — художник, поэт, переводчик, с 1974 г. живет в США. *Бахчанян*, Вагрич (род. 1938) — художник, с 1974 г. живет в США. *Куперман*, Юрий (род. 1940) — художник, с 1975 г. живет во Франции. *Лимонов*, Эдуард (наст. фамилия Савенко, род. 1943) — писатель и полит. деятель. *Елена* — Елена Шапова (род. 1950) — поэт, бывшая жена Э. Лимонова и героиня его романа «Это я — Эдичка».

85. СС 1. С. 280—218; ММ. С. 90—91; НС. С. 135—136.

86. СС 1. С. 282; ММ. С. 92—92; НС. С. 137.

87. СС 1. С. 283—284; ММ. С. 94—95; НС. С. 138—139.

88. СС 1. С. 289; ММ. С. 101; НС. С. 143.

89. СС 1. С. 290; ММ. С. 102; НС. С. 144.

90. СС 1. С. 295—296; ММ. С. 108—109; НС. С. 148—149.

91. СС 1. С. 297; ММ. С. 110; НС. С. 149.

92. СС 1. С. 298—299; ММ. С. 111—112; НС. С. 150—

151. *Вулох, Игорь* (род. 1938) — художник, живет в Москве. *Волох* — по-видимому, речь идет о поэте Вениамине Волохе. *Дудинский, Игорь* (род. 1947) — поэт, прозаик, живет в Москве. *Бакиштейн* — Бакштейн, Иосиф (род. 1945), искусствовед, живет в Москве; по-видимому у Сапгира соединились Иосиф Бакштейн и поэт-авангардист Илья Бокштейн (1937—1999), эмигрировавший в Израиль в 1972 г.

93. СС 1; 300—301; ММ. С. 113—114 (с подзаг. «Баллада об одном моем знакомом»). *Галчинский, Константы Ильдефонс* (1905—1953) — польский поэт.

94. СС 1. С. 302—303; ММ. С. 117—118; НС. С. 151—153. *Болшево* — станция под Москвой, по Ярославской дороге, на р. Клязьма; в Болшево расположен Дом отдыха Союза Кинематографистов.

95. СС 1. С. 309—310; ММ. С. 129—131; часть III стихотворения «Жития», давшего название циклу.

96. СС 1. С. 311; ММ. С. 132—133. *Брусиловские* — Брусиловский, Анатолий (род. 1932) — художник, живет в Москве.

97. СС 1. С. 314; ММ. С. 136.

Из книги «Сонеты на рубашках» (1975—1989)

Печ. по СС 2, где 80 сонетов. В СР-78 38 сонетов и предисл. Сапгира; в СР-89 — 58 и предисл. Сапгира; СР 91. Без сокр. здесь публ. подразделы-циклы «Лингвистические сонеты» (106—109) и «Сонеты из Дилижана» (125—129). В СС 2 и СР-91 поздние сонеты объединены в раздел «Сонеты-89». Ниже приводится полный текст предисловия Сапгира к «Сонетам» по более поздней редакции.

«*Предисловие*. В детстве я упражнялся в писании сонетов и даже венков. Одну строку я помню: “Как умирает лес весь бледнозолотой!” В 1975 году мне снова захотелось ис-

пробовать емкость и силу поэмы, состоящей всего из 14 строк. Сонет — <один> из прекрасных подарков человечеству. Так гармоничен, как бы внушен свыше. Вроде дорической колонны что ли. Название книги “Сонеты на рубашках” возникло так. Осенью 1975 года на ВДНХ была вынужденно организована выставка левых художников, где участвовали и мои друзья. Нашей — во многом еще публике неискушенной — мне захотелось показать образцы визуальной поэзии. Две моих старых рубашки пошли в дело. Красным фломастером на их полотняных спинах я начертил два сонета: “Тело” и “Дух”. Так мои рубашки и повесили — на плечиках в павильоне — одна над другой. Но перед самым открытием выставки начальство (высокое) повелело их снять под тем предлогом, что стихи не залитованы, т.е. не прошли цензуру. Третий сонет “Она” таким же образом экспонировался на московской квартирной выставке весной следующего года. На этот раз все прошло благополучно. Я считаю, что стихи могут быть наглядны и написаны на одежде, тазах, корытах, простынях, чемоданах и т. д. В том числе и сонеты, как форма торжественная. В этом случае такое направление поэзии можно было бы назвать “вещизмом”» (СР-89. С. 3).

Из книги «Сонеты на рубашках» // Третья волна. 1977. № 2. С. 4—10 [предисловие Г. Сапгира]; Из книги «Сонеты на рубашках» // Континент. 1978. № 16. С. 133—136; Метрополь. Литературный альманах / Сост. В. Аксенов, А. Битов и др. Анн Арбор, 1979. С. 494—496; Из книги «Сонеты на рубашках» // Антология новейшей русской поэзии у Голубой Лагуны / Сост. и ред. Константин К. Кузьминский и Григорий Л. Ковалев. Т. 1. Newtonville, Mass., 1980. С. 312—313; Новые сонеты // Континент. 1988. № 55. С. 117—124; Сатиры и сонеты // Новый мир. 1988. № 12. С. 77—79.

98. СС 2. С. 17; СР-78. С. 7; СР-89. С. 4; СР-89. С. 7; ИС. С. 116; НС. С. 154.

99. СС 2. С. 18; СР-78. С. 8; СР-89. С. 4; СР-91.

С. 8; ИС. С. 117; НС. С. 155.

100. СС 2. С. 20; СР-78. С. 10; СР-89. С. 5; СР-91. С. 10; ИС. С. 119; НС. С. 156. *Сашеньки Петрова* — по-видимому, имеется в виду художник Александр Петров (род. 1951).

101. СС 2. С. 21; СР-78. С. 11; СР-89. С. 6; СР-91. С. 11; ИС. С. 120; НС. С. 157.

102. СС 2. С. 22; СР-78. С. 12; СР-89. С. 6; СР-91. С. 12; НС. С. 157—158.

103. СС 2. С. 23; СР-78. С. 13; СР-89. С. 7; СР-91. С. 13; ИС. С. 121; НС. С. 158.

104. СС 2. С. 24; СР-78. С. 14; СР-89. С. 7; СР-91. С. 14; ИС. С. 122; НС. С. 159.

105. СС 2. С. 25; СР-78. С. 15; СР-89. С. 8; СР-91. С. 15; ИС. С. 123; НС. С. 159—160.

106—109. СС 2. С. 26—29; СР-78. С. 16—19; СР-89. С. 8—10; СР-91. С. 16—19; ИС. С. 124—127; НС. С. 161—163.

1. *Эстуаль* — в СР-78, СР-89, СР-91, ИС. под словом «эстуаль» сноски Сапгира: «старофранцузское», т. е. имеется в виду правописание «estoile»; в совр. франц. «звезда» — *étoile*. *Стелла* — (лат. *stella*) — звезда. *Штерн* (нем. *Stern*) — звезда; обыгрывается название немецкого журнала-еженедельника. *Юлдуз*, *Ылдыз* (тюркск.) — звезда. Не исключено, что Сапгир имел в виду названия литературных журналов «Улдуз» (в Баку) и «Ылдыс» (в Горно-Алтайске).

2. *Агни* — бог огня, домашнего очага, жертвенного костра в ведийской и индуистской мифологии. *Пферд* (нем. *Pferd*) — конь. *Конунг* — военный предводитель племени у германцев. В раннем средневековье конунги были военными вождями, представителями родовой знати у скандинавских народов. В IX—XI вв. в скандинавских странах возвысились династии конунгов, ставшие впоследствии королями. *Комонь* (древнерусск.) — конь. *Игнис* (лат. *ignis*) — огонь.

3. *О удакам ю авка вато вотэ* — *аква* (лат., итал. *aqua*) — вода; *вотэ* (англ. *water*) — вода.

4. *О Гея! Гильгамеш!* — Гея — мать-земля в древнегреческой мифологии, доолимпийское божество, одна из четырех первопотенций. Гильгамеш — шумерский и аккадский мифический герой.

110. СС 2. С. 30; СР-78. С. 20. С. СР-89. С. 10; СР-91. С. 20; ИС. С. 128; НС. С. 164. Посвящение: *Паустовский, Алексей* (1950—1976) — художник, сын писателя Константина Паустовского. В СР-78, СР-89, СР-91, ИС — сноска Сапгира: «Подарок за подарок — ответный дар Алеши был рисунок — заброшенное кладбище в пустыне» [пол. два стиха сноски Я5].

111. СС 2. С. 31; СР-78. С. 21; СР-89. С. 11; СР-91. С. 21; ИС. С. 129; НС. С. 164—165. Посвящение: *Сатуновский, Ян* (1913—1982) — поэт и детский писатель; до перестройки взрослые стихи Сатуновского в СССР не печатались.

112. СС 2. С. 32; СР-78. С. 22; СР-89. С. 11; СР-91. С. 22; НС. С. 165.

113. СС 2. С. 33; СР-78. С. 23; СР-91. С. 23; ИС. С. 166. *Посвящается Герловиным* — Герловины, Римма (род. 1951) и Валерий (род. 1945) — художники; с 1980 г. живут в США.

114. СС 2. С. 34; СР-78. С. 24; СР-91. С. 24; НС. С. 166—167.

115. СС 2. С. 35; СР-78. С. 25 (под назв. «Малеевка»); СР-91. С. 25. *Малеевка* — Дом творчества писателей под Москвой. *Эдик* — судя по всему, имеется в виду Эдуард Лимонов.

116. СС 2. С. 36; СР-78. С. 26; СР-89. С. 12; СР-91. С. 26; НС. С. 167.

117. СС 2. С. 37; СР-78. С. 27; СР-89. С. 12; СР-91. С. 27; НС. С. 168.

118. СС 2. С. 40; СР-78. С. 32; СР-89. С. 14; СР-89. С. 30; НС. С. 169—170.

119. СС 2. С. 41; СР-78. С. 33 (первый из 2-х сонетов, озаглавленных «Два сонета Петрарки»); СР-89. С. 33; СР-91.

С. 31; ИС. С. 131; НС. С. 170—171.

Эпиграф: «Если то не любовь, то что же я чувствую?» (Франческо Петрарка) — начало сонета 132 Петрарки (из «Il Canzoniere»): «S'amoг non e, che dunque e quel ch'io sento?»

120. СС 2. С. 42; СР-78. С. 34; СР-91. С. 32; ИС. С. 132; НС. С. 171.

Эпиграф: «Будь благословен день, месяц, год...» (Франческо Петрарка) — начало сонета 61, одного из самых цитируемых сонетов Петрарки: «Benedetto sia 'l giorno, et 'l mese, et l'anno...»; ср. также начало 2-го катрена сонета 13: «I benedico il loco e 'l tempo et l'ora...».

121. СС 2. С. 43; СР-78. С. 35; СР-89. С. 15; СР-91. С. 33; ИС. С. 133.

122. СС 2. С. 44; СР-78. С. 28; СР-89. С. 15; СР-91. С. 34; ИС. С. 134; НС. С. 171—172.

123. СС 2. С. 46; СР-78. С. 36; СР-89. С. 16; СР-91. С. 36; ИС. С. 135; НС. С. 173 (загл. «Пейзаж с домом творчества в Болшево»).

124. СС 2. С. 50; СР-78. С. 40; СР-89. С. 18; СР-91. С. 40; НС. С. 174—175. *Пухов и сер — не Серпухов* — ср. у О. Мандельштама: «Воронеж — блажь, Воронеж — ворон, нож...» («Пусти меня, отдай меня, Воронеж...», 1935).

125—129. СС 2. С. 55—59; СР-89. С. 20—22; СР-91. С. 45—49; ИС. С. 139 (только «Поляна в горах»); НС. С. 177—178 (только «Поляна в горах»). *Дилижан* — курорт в Армении, западнее западной оконечности озера Севан. *Монастырь Гош* — Гошаванк (арм.), монастырь, названный по имени Мыхытара Гоша (ок. 1130—1213) — армянского философа, филолога, «вардапета». *Хачкар* (арм.) — «крест-камень»; в монастыре Гош находится самый большой в Армении хачкар. *Ерек ваганц* — в СР-89 и СР-91 приводится сноска Сапгира «будь благородным»; в поздних изданиях сноска снята, вер. в связи с тем, что перевод неточный; «ерек» (арм.) = три; «Ваганц» = арм. имя «Ваган» или же арм.

существ. «вахан» = «щит» с древнесарм. формой оконч. род. пад. мн. числа. Комментаторы благодарят М. Дж. Коннолли за оказанную помощь.

СС 2. С. 60; СР-89. С. 22; СР-91. С. 50.

131. СС 2. С. 61; СР-89. С. 23; СР-91. С. 51; НС. С. 178.

132. СС 2. С. 62; СР-89. С. 23; СР-91. С. 52.

133. СС 2. С. 63; СР-89. С. 24; СР-91. С. 53; НС. С. 179. *И снова «холодок бежит за ворот»* — строка из песни «Москва майская» (сл. В. Лебедев-Кумач, муз. Дан. и Дм. Покрасс) из кинофильма «Двадцатый май» (1937).

134. СС 2. С. 64; СР-89. С. 134; СР-91. С. 54; НС. С. 179—180.

135. СС 2. С. 65; СР-89. С. 25; СР-91. С. 55; ИС. С. 140. Посвящение: *Надежде Январьевне Рыковой* — Н. Я. Рыкова (1901—1996), переводчик, литературовед, поэт; среди переводов Рыковой — произведения А. Виванти, Э. Верхарна, А. Дюма, П. Мериме, М. де Монтеня, П. Ронсара, Ж. Санд, В. Скотта и др.

136. СС 2. С. 68; СР-89. С. 26; СР-91. С. 58; ИС. С. 142; НС. С. 180.

137. СС 2. С. 69; СР-89. С. 27; СР-91. С. 59; НС. С. 181.

138. СС 2. С. 71; СР-89. С. 28; СР-91. С. 61. «*Живые и мертвые*» — обыгрывается название трилогии Константина Симонова «Живые и мертвые» (1959—1971).

139. СС 2. С. 72; СР-89. С. 28; СР-91. С. 62. *Соостер, Юло Ильмар* (1924—1970) — художник-авангардист, родился в Эстонии, с 1957 г. жил в Москве; один из главных виновников «манежного» скандала 1962 г., во время которого Н. Хрущев набросился с безграмотной руганью на участников выставки.

140. СС 2. С. 73; СР-89. С. 29; СР-91. С. 63; ИС. С. 144; НС. С. 182.

141. СС 2. С. 74; СР-89. С. 29; СР-91. С. 64; НС. С. 183.

142. СС 2. С. 79; СР-89. С. 131; СР-91. С. 70. *Омфал* (греч. «пуп», «пупок») — в древнегреческой мифологии камень, упавший с неба и помещенный в святилище Аполлона в Дельфах. В «Одисее» Гомера, послужившей моделью для «Улисса» Джойса, «омфалом» называется остров нимфы Каллипсо, «пуп земли». В «Улиссе» Маллиган называет башню Мортелло «омфалом».

143. СС 2. С. 85; СР-89. С. 32; СР-91. С. 76; ИС. С. 146.

144. СС 2. С. 86; СР-91. С. 77.

145. СС 2. С. 87; СР-91. С. 78.

146. СС 2. С. 88; СР-91. С. 79 (к слову «ящики» сноски: «Уезжал в эмиграцию скульптор Эрнст Неизвестный — терпения уже не стало, но это было, кажется, позже»). *Бодался теленок* — речь идет книге А. Солженицына «Бодался теленок с дубом» (1975), в которой описывается кампания преследований и остракизма, объектом которой А. Солженицын стал в конце 60-х-начале 70-х годов. *Лакшин*, Владимир (1933—1993) — критик, один из главных героев книги «Бодался теленок с дубом»; в сентябре 1965 г. в «Новом мире» была опубликована известная статья В. Лакшина против хулителей А. Солженицына. *Укрывище* — ироническое название одной из «нор», в которых А. Солженицын в 1966-м продолжал написание «Архипелага ГУЛАГ». *Видел же Иосиф сон и поведал братии своя* — см. Быт. 37, С. 5—11, рассказ о двух снах, рассказанных Иосифом своим братьям.

147. СС 2. С. 89; СР-91. С. 81; НС. С. 187. «*Вставай вставай кудрявая Москва моя*» — неточная цитата из припева «Песни о встречном» (сл. Б. Корнилова, муз. Д. Шостаковича) из кинофильма «Встречный» (1932): «Не спи, вставай, кудрявая! / В цехах, звеня / Страна встает со славою / На встречу дня». *Шампольон*, Жан Франсуа (1790—1832) —

великий французский лингвист-египтолог, «отец египтологии», один из зачинателей расшифровки древних египетских иероглифических текстов.

148. СС 2. С. 90; СР-91. С. 81; НС. С. 187—188.

149. СС 2. С. 91; СР-91. С. 82; НС. С. 188.

150. СС 2. С. 92; СР-91. С. 83.

151. СС 2. С. 93; СР-91. С. 84. *Голем* (ивр.) — «комок, неоформленное тело»; в еврейском фольклоре, сформированном под влиянием каббалы, Голем — глиняный великан, вылепленный (как Адам) из красной глины и оживляемый либо именем Бога, либо древнееврейским словом «хаим» («жизнь»), написанным на лбу Голема. Голем становится послушным исполнителем воли своего создателя. Еврейские предания называют среди создателей Големов исторических лиц, среди которых знаменитый пражский раввин-каббалист Лев. Согласно одной версии, Рабби Лев создал Голема для защиты еврейской общины во время погромов 1590—1591 гг. *Авир* (ивр.) — огонь. *Маим* (ивр.) — вода; ср. ивр. «маим хаим» = «живая вода».

152. СС 2. С. 94; СР-91. С. 85 (к слову «фантастично» сноска Сапгира: «улица Свердлова дом № 175»). *Раушенбергом* — Роберт Раушенберг (р. 1925), американский художник, представитель поп-арта. *Джонсон, Рэй* (1927—1995) — американский художник, представитель поп-арта. *Никонина, Ры* (псевдоним Анны Таршис, род. 1942) — поэт, художник, деятель авангарда; с 1998 г. живет в Германии.

153. СС 2. С. 95; СР-91. С. 86; ИС. С. 147; НС. С. 189.

Посвящение: *Рабин*, Оскар (род. 1928) — художник, деятель авангарда, близкий друг Г. Сапгира; с 1978 г. живет в Париже. *Марэ* (Marais) — район в центре Парижа, на правом берегу, в 3-м и 4-м аррондисментах; одно из самых живописных и посещаемых туристами мест Парижа. *Барбес* (Boulevard Barbes) — бульвар в 18-м аррондисменте на се-

вере Парижа; ср. также станция метро «Barbes-Rochechouart» в парижском метрополитене. *Сакрекер* (La Basilique du Sacre Coeur) — знаменитый собор на Монмартре в Париже.

154. СС 2. С. 96; СР-91. С. 187.

Из книги «Терцихи Генриха Буфарева» (1984, 1987)

Печ. по СС 2, где в книге 19 текстов и предисловие Сапгира («Терцихи»), также воспроизведенное в НС. С. 190; в ПБД другой вар. предисловия Сапгира:

«От автора

Генриха Буфарева я знаю хорошо и давно, потому что я его придумал. Поэт живет и учительствует в небольшом городке на Урале.

Однажды он вошел ко мне и сказал:

— Пельсисочная.

— Что? — не понял я.

— В пельменной обычно нет пельменей, но есть сосиски, — объяснил поэт, — а в сосисочной — наоборот.

— Красиво, — согласился я.

— И, наоборот, ты — моя выдумка, — улыбнулся мой тезка. — Это я придумал, будто ты живешь в Москве — и твою седину и опусы тоже сочинил я.

— А как же я существую? — удивился я. — Ведь я же знаю, что я — это я.

— Пока думаю о тебе, ты есть. И ты знаешь, — сказал поэт. Тут Буфарев перестал думать обо мне. И я исчез...

Последнее, что я слышал, это скрип его подшитых солженицынских валенок по крепкому морозному снегу» (БПД, С. 162).

Терцихи Генриха Буфарева // Юность. 1992. № 1. С. 66—67.

155. СС 2. С. 139—140; ПБД. С. 164; НС. С. 191.

156. СС 2. С. 140; ПБД. С. 165; НС. С. 191—192.

Баргузин — восточный ветер, дующий на озере Байкал; река

в Бурятии, впадающая в северную часть озера Байкал; см. слова известной нар. песни «Славное море священный Байкал»: «Эй, Баргузин, пошевеливай вал<...>».

157. СС 2. С. 141; ПБД. С. 166; НС. С. 192.

158. СС 2. С. 141; ПБД 168; НС. С. 192—193.

159. СС 2. С. 142—143; ПБД. С. 171—172; НС. С. 194—195.

160. СС 2. С. 143—144; ПБД. С. 174—175; НС. С. 195—196. *Керывник тай працывник* (укр.) — руководитель и работник. В транслитерации Сапгира не совсем точно и последовательно воспроизводится украинская фонетика и орфография (ср. *керівник*, *працівник* и далее). В слово «керывник» вложена дополнительная ирония: ср. русский глагол *керыть* = здесь, «выпивать». *Будынок видпочинку* (укр.) — дом отдыха. *Блюкають* (от. укр. *блукати*) — блуждают, бродят. *Працуй, казав* (укр.) — работай, сказал. *Совписуе* — судя по всему, синтетический глагол, образованный от словосочетания «советский писатель»; форма 3-го лица ед. ч. по модели древнерусск. и церковносл., а не укр., как можно было бы ожидать. *Рожеву* (укр.) — красивую. *Зализный шлях* (укр.) — железная дорога. *Блымали* (укр.) — сверкали. *Взяв бы я бандуру* — из укр. песни «Взяв бы я бандуру / Бандуристом став». *Млына* (укр.) — мельница. *Видпочива-ты* (укр.) — отдыхать. Комментаторы благодарят Р. А. Дервянко за оказанную помощь.

161. СС 2. С. 144—145; ПБД. С. 176—178; НС. С. 187—198.

162. СС 2. С. 145—146; ПБД. С. 179—180; НС. С. 198—199.

163. СС 2. С. 145—147; ПБД. С. 182; НС. С. 199—200.

164. СС 2. С. 147—148; ПБД. С. 184—186; НС. С. 200—201. *Хрст и Самарянка* — см.: Ин. 4, 4—42. *Лыхны* — село в Абхазии, курорт; также название абхазского вина.

Гулаута — курорт в Абхазии, на берегу Черного моря; в советское время — место расположения военной базы.

165. СС 2. С. 148—149; ПБД. С. 187; НС. С. 201—202.

166. СС 2; 149; ПБД. С. 188; НС. С. 202—203. «Кузнечик» — Ср. № 229. Посвящение: *Шраер-Петров, Давид* (род. 1936) — поэт, прозаик, переводчик, ученый-медик; живет в США с 1987 г. *Оретикус моретикус кантарус!* — синтетические изобретения Сапгира в духе классификационный латыни («свою латынь теперь изобрету»). Слово *оретикус*, возможно, навеяно именем римлянина, отца Марка Антония, Оретикуса (*Oreticus Major*). *Кантарус* — нечто на основе лат. *cantharis* = жучок, шпанская мушка и *cantharus* = жбан, кувшин. *Ариель* — (ивр.) — библейское слово, употребляемое в неск. знач.: в II Книге Самуила (правосл. II Царств) (23, 20) «сыновей Ариила Моавитского» (в некоторых переводах на европейские языки «человеколев»); в I Книге Летописей (правосл. I Пар.) (11, 22) — «двух Ариилов Моавитских»; в Книге Исаяи (29) употреблено как поэтический синоним «Иерусалима»; в Книге Езры (правосл. Ездра I) (8, 16) — имя одного из спутников пророка. В комедии Шекспира «*The Tempest*» («Буря», 1611) Ариэль — игривый дух, освобожденный Просперо. Милтон в «Утерянном рае» (1667) так называет одного из падших ангелов. В астрономии Ариэль — спутник планеты Уран. *Зинзивер* — ср. ст-ние Велимира Хлебникова «Кузнечик» (1908—1909): «Пинь, пинь, пинь! раратахнул зинзивер <...>». *Сам-сон* — вдвоем со сном; также обыгрывается имя библейского героя «Самсон», двусложное, также как и имя «Давид», заключающее в себе два русских слова, «да» и «вид».

167. СС 2. С. 149—151; ПБД. С. 189—190; НС. С. 203—204. *Ивантеевка* — город в Московской обл., на реке Уча (приток р. Клязьмы), 35 км. на северо-восток от Москвы; также жел.-дор. станция на ветке Болшево-Фрязино. *Буркала* (блатное аргю, «феня») — глаза.

168. СС 2. С. 151; ПБД. С. 192; НС. С. 205.

169. СС 2. С. 152; ПБД. С. 194; НС. С. 206. *Памяти Тоси Зеленского* — Зеленский, Анатолий — скульптор, живописец, близкий друг художника, дизайнера-конструктивиста Владимира Татлина (1885—1953) — со времени работы над его знаменитым проектом *Летатлин* (1930—1931). *Нас тьмы и тьмы волков-провинциалов* — ср. «Скифы» (1918) А. Блока.

170. СС 2. С. 152—153; ПБД. С. 197—198 (в ПБД 171 предшествует 170); НС. С. 207—208. *Герлески* — от англ. *girls* = девочки, девчонки. *Флеш* (англ. *flesh*) — плоть. *Шузах* — от англ. *shoes* — туфли. *Фингер* (англ. *finger*) — палец. *Генуг* (нем. *genug*) — хватит, довольно, достаточно. *Ай соу* (англ. *I saw*) — я видел(а). *Таун* (англ. *town*) — город(ок).

171. СС 2. С. 154—155; ПБД. С. 195—196; НС. С. 208—210. *Кайсак* — «киргиз-кайсаками» русские долгое время называли киргизов. *Волохна Болохна* — Балахна (Болохна) — город в Нижегородской губ. (быв Горьковской обл.)

172. СС 2. С. 155—156; ПБД. С. 199—200; НС. С. 210—211. *Домье* — Оноре Викторен Домье (1808—1879), французский художник, литограф, скульптор, знаменитый своими сериями карикатур-литографий (выпустил ок. 4000 литографий). *Маде* — искаженное англ. мейд (*made* = сделано); *made in* — сделано в — указывает страну производства товара).

«Этюды в манере Огарева и Полонского» (1987)

Печ. без сокращений по СС 2.

173—187. СС 2. С. 192—198; С-87. С. 9—21 (только № 1—12); Ст. С. 5—10; ИС. С. 148—155; Этюды в манера Огарева и Полонского // Новый мир. 1994. № 3. С. 41—45. О некоторых литературных источниках «Этюдод», в т.ч. из поэзии Я. Полонского, Н. Огарева и Л. Уланда, см. вступ. статью. См. также № 77.

4. Ср. стихотворение Козьмы Пруткова «Юнкер Шмидт». Ср. также сюжет, образность и особенно концовку повести И. Бунина «Митина любовь» (1924): «<...> глубоко и радостно вздохнув, раскрыл рот и с силой, с наслаждением выстрелил».

7. *Парголово* — дачное место в 16 км. от Санкт-Петербурга, также жел.-дор. станция на линии Санкт-Петербург-Выборг. *Эда* — героиня одноименной поэмы Евгения Баратынского (1824).

8. *По ленд-лизу* — ленд-лиз, от англ. lend-lease (досл. давать взаймы и сдавать в аренду/напрокат), программа военных и экономических поставок, осуществлявшихся Соединенными Штатами Америки в страны-союзницы по антигитлеровской коалиции во время Второй мировой войны.

14. *На выставке мейсенского фарфора* — ср. № 304 и 344(4).

Из книги «Дети в саду» (1988)

Печ. по СС 2, где всего 29 текстов и в составе книги выделен цикл «Мертвый сезон» (7 текстов), целиком вошедший в МС.

Мертвый сезон 1988 // Новое литературное обозрение. 1998. № 33. С. 315—316.

Эпиграф к книге — из письма А. Фета к К. Р. (Константину Романову) от 8 октября 1888 г. Письмо Фета написано в ответ на письмо К. Р. к нему от 1 октября 1888 г., в котором приводится отзыв Чайковского о стихах Фета («Фет в лучшие свои минуты выходит из пределов, указанных поэзией, и смело делает шаг в нашу область <...>»). Цит. по вступ. статье Б. Бухштаба в кн.: А. А. Фет. Стихотворения. Л. 1956. С. XX—XXI.

188. СС 2. С. 201—202; НС. С. 230—231. Посвящение: *Хвостенко*, Алексей (род. 1940) — поэт, песенник, художник, музыкант, с 1977 г. живет в Париже, художник-оформитель ЛИСО.

189. СС 2. С. 204.
190. СС 2. С. 205.
191. СС 2. С. 209—210; НС. С. 235—236.
192. СС 2. С. 212—213.
193. СС 2. С. 216—217; НС. С. 237—238. Посвящение: *Мила* — Людмила Родовская-Сапгир, третья жена Сапгира, с которой он прожил до смерти в 1999 г.
194. СС 2. С. 231—232; НС. С. 248—250.
195. СС 2. С. 237—239.
196. СС 2. С. 241—242; МС. С. 1—2.
197. СС 2. С. 243—244; МС. С. 3—4.
198. СС 2. С. 245—246; МС. С. 5—6. «Мертвый сезон» (1968) — название фильма реж. Саввы Кулиша (сц. А. Шлепянова) о поиске советским шпионом нацистского преступника; в гл. ролях Д. Банионис, Р. Быков.
199. СС 2. С. 247; МС. С. 7—8.
200. СС 2. С. 248—249; МС. С. 9—10. Эпиграф: «Что сердцу обида куклы / обиды своей жалчей» — неточная цитата из 7-й строфы ст-ния Иннокентия Анненского «То было на Валлен-Коски» (1909), 3-го в «Трилистнике осеннем» («Кипарисовый ларец»): «Бывает такое небо, / Такая игра лучей, / Что сердцу обиды куклы / Обиды своей жалчей».

Из книги «Дыхание ангела» (1989)

Печ. по СС 2, где 45 текстов.

Дыхание ангела. Книжка / Новая юность. 1994. № 5—6. С. 65—80. [предисловие Г. Сапгира].

Эпиграф — из ст-ния Сапгира «Ангелы слышат», кн. «Встреча» (1987); см. СС 2. С. 187.

201. СС 2. С. 255; НС. С. 255.
202. СС 2. С. 256; НС. С. 256.
203. СС 2. С. 257; НС. С. 256—257.
204. СС 2. С. 262.
205. СС 2. С. 267.
206. СС 2. С. 274.

207. СС 2. С. 284.
 208. СС 2. С. 285.
 209. СС 2. С. 285; НС. С. 261—262.
 210. СС 2. С. 287.
 211. СС 2. С. 297; НС. С. 262.
 212. СС 2. С. 300.
 213. СС 2. С. 302.
 214. СС 2. С. 304.

Из книги «Путеводитель по Карадагу» (1990)

Печ. по ИС с учетом последней правки Сапгира. В ИС книга названа «Форма Голоса» и насчитывает 12 текстов. Сапгир в последней правке дал книге название «Путеводитель по Карадагу», по имени одного из вошедших в нее стихотворений. В последней правке Сапгир выделил разделы «Форма голоса. Коктебель. 1990. Лето» (7 текстов) и «Лубок 1990» (5 текстов).

215. ИС. С. 184—185.

216. ИС. С. 191—192.

217. ИС. С. 191.

218—220. ИС. С. 199—200; МД. С. 4 (только «Сержант»); СС 2. С. 308—310.

221. ИС. С. 201; МД. С. 5; СС 2. С. 311.

Эпиграф: Сысов, Вячеслав (род. 1937) — художник-карикатурист, литератор; в 1983 г. был осужден и отбыл срок в лагерях за «порнографию»; живет в Берлине.

222. ИС. С. 203—204; МД. С. 6—7; СС 2. С. 312.

223. ИС. С. 202; МД. С. 8—9; СС 2. С. 313.

Эпиграф: слова Яго из «Отелло» В. Шекспира (акт 1, сц. 1, ст. 116—117).

Из книги «Развитие метода» (1991)

Печ. по ИС, где 22 текста.

Развитие метода / Новый мир. 1992. № 2. С. 149—152.

224. ИС. С. 205.

225. ИС. С. 206.

226. ИС. С. 209; ЛС. С. 271—272 (часть поэмы «Единоборство», посвященной Эрнсту Неизвестному).

227. ИС. С. 211.

228. ИС. С. 212. *Как никто* — Ср. № 302 и № 297.

Ср. метод Сапгира с методом Г. Стайн в гл. 2 «Автобиографии Алисы Б. Токлас» (1933): «Я сидела с очень многими. Я сидела с женами, которые не были женами, гениев, которые были настоящими гениями. Я сидела с настоящими женами гениев, которые не были настоящими гениями. Я сидела с женами гениев, почти гениев, будущих гениев, словом я сидела часто и подолгу со многими женами и с женами многих гениев» (наш досл. пер. по изд.: Gertrude Stein. *The Autobiography of Alice B. Toklas*. New York. 1990. С. 14).

229. ИС. С. 213.

230. ИС. С. 220.

231. ИС. С. 221.

Из книги «Параллельный человек» (1992)

Печ. по ИС, где книга озаглавлена «Параллельный человек (рассказы и метаморфозы) 1992» и насчитывает 22 текста. Название «Параллельный человек (рассказы, записанные посредством ритма) 1992» дается по последней правке в архиве Г. Сапгира. Подзаголовок навеян книгой Конст. Вагинова «Опыты соединения слов посредством ритма» (Л., 1931). В ЛС — расширенный вар. книги, без подзаголовка; в ИС — 51 текст и выделен цикл «Этюды», здесь не выделяемый; из вошедших в этот том текстов, в «Этюды» вошли № 232 и № 234.

232. ИС. С. 223; ЛС. С. 154.

233. ИС. С. 226; ЛС. С. 156.

234. ИС. С. 227; ЛС. С. 156—157.

235. ИС. С. 238—239; ЛС. С. 165—166.

236. ИС. С. 240—241; ЛС. С. 167—168.

237. ИС. С. 242—243; ЛС. С. 175—177. *Семь худых коров Иосифа* — имеется в виду пророческий сон, который Иосиф истолковал фараону; см. Быт. 41.

238. ИС. С. 246—247; ЛС. С. 178—179.

239. ИС. С. 249—250; ЛС. С. 180—181.

Из книги «Любовь на помойке» (1992)

Печ. по ЛП, где 12 текстов и подзаголовков «Стихи март 1992 г.».

Любовь на помойке // www.vavilon.ru/texts/sapgir13.html.

240—243. ЛП. С. 3—6. *Переделкино* — писательский поселок под Москвой, построенный в 1930-е годы, место расположения Дома творчества Союза писателей и писательских дач.

3. *Ловят мои губы твои твердые сосцы* — ср. эротическую образность в Книге Песни Песней Соломона.

244. ЛП. С. 7.

245. ЛП. С. 10.

246. ЛП. С. 11.

247. ЛП. С. 13.

248. ЛП. С. 14.

Из книги «Конец и начало» (1993)

Печ. по КН, выпущенной в виде сброшюрованных листов к выступлениям Сапгира в Самаре в 1993 и насчитывающей 71 текст; ст-ние «Мягкая седая дама...» (№ 249) и «Гений линии» (№ 250) печ. по публ. в журнале «Волга» (1993. № 10. С. 85, 86). В публикации книги в интернете («Конец и начало. Стихи февраля-марта 1993». / www.vavilon.ru/texts/sapgir17.html; тексты пронумерованы 1—46; в эту публикацию включено 5 текстов, которые не вошли в КН).

Из книги «Конец и начало» // Побережье. 1994. № 3. С. 36—40. [предисловие Максима Д. Шраера]; Из книги «Конец и начало» // Волга. 1993. № 10. С. 84—87; Из

книги «Конец и начало» // Студия-Studia. Berlin-Москва, 1995. № 1. С. 150—153; Розовый автокран. Стихи 1993 г. // www.vavilon.ru/texts/sapgir11.html.

249. Волга. 1995. № 10. С. 85. *В зрачках ящерицы игуаны* — игуаны (Iguanidae), сем. ящериц; населяют преимущественно тропическую часть Южной Америки и острова Карибского моря.

250. Волга. 1995. № 10. С. 86.

251. КН. С. 1. *Вспоминая Евгения Леонидовича* — речь идет о Евгении Кропивницком (1893—1979), поэте, художнике, композиторе, которого Сапгир считал своим учителем.

252. КН. С. 1.

253. КН. С. 2.

254. КН. С. 2. *Оскара и Валю <...> Сашка* — Оскар Рабин, его жена, художник Валентина Кропивницкая (дочь Е. Кропивницкого и Ольги Потаповой), их сын Алекс(андр) Рабин.

255. КН. С. 3.

256. КН. С. 3.

257. КН. С. 4.

258. КН. С. 4. *Февраль нам подарил / Бориса Леонидовича* — ср. «Февраль. Достать чернил и плакать!» (1912) Б. Пастернака.

259. КН. С. 4.

260. КН. С. 4.

261. КН. С. 5.

262. КН. С. 6.

263. КН. С. 6.

264. КН. С. 6—7.

265. КН. С. 7.

266. КН. С. 7.

267. КН. С. 7. *Леди Астор* (Lady Nancy Astor) — одна из первых женщин, избранных в парламент Великоб-

ритании (в 1919 г.); знаменит обмен оскорблениями о принятии яда между ней и Уинстоном Черчиллем. См. также ст-ние Сапгира «Икра». «<...> Леди Астор — мельничиха — / в муке и бриллиантах <...>» (ЛА. С. 383).

268. КН. С. 8.

269. КН. С. 8—9.

270. КН. С. 9.

271. КН. С. 9. «*Дождик тихой переступью*» — см. ст-ние Бориса Пастернака «Елене» (из книги-цикла «Сестра моя — жизнь», 1922): «<...> Ночью бредил хутор: / Спать мешали перистые / Тучи. Дождик кутал / Ниву тихой переступью / Осторожных капель <...>».

272. КН. С. 9.

273. КН. С. 11.

Из цикла «Собака между бежит деревьев» (1994)

Печ. по: Собака бежит между деревьев // Арион. 1995. № 1. С. 28—36. В журнальной публ. книги 8 текстов.

274. Арион. 1995. № 1. С. 28—29.

275. Арион. 1995. № 1. С. 31—32. *Клошар* (фр. *clochard*) — (городской) бродяга-нищий. *А когда дождались жалюзи и кровли* — ср. посл. строфу ст-ния «Адище города» В. Маяковского (1913).

276. Арион. 1995. № 1. С. 33.

277. Арион. 1995. № 1. С. 34—35.

278. Арион. 1995. № 1. С. 36.

Из книги «Рисующий ангелов» (1991—1999)

Печ. по ЛА, где в книге 16 текстов; с учетом последней правки Сапгира и дополнений в ней; дополненные тексты печ. по журнальным публ. В книгу вошло два раздела, цикл «Оды и гимны» (1991—1991), выделенный в последней правке Сапгира и не печатавшийся целиком и под таким названием, и книга «Проверка реальности» (1998—1999), под этим на-

званием опубликованная лишь частично. В ЛА выделен единый раздел «Рисующий ангелов», в который объединены часть стихотворений из цикла «Оды и гимны» и из книги «Проверка реальности». В настоящем издании повторяется тот же принцип, но внутри раздела восстановлено деление на цикл «Оды и гимны» и раздел «Проверка реальности», к которому по последней правке Сапгира дополнены след. тексты: «Старые фотографии», «Учитель», «Охота».

20 хрустальных Генрихов / Знамя. 1999. № 1. С. 112—115; Из новых стихов // *Genius loci*. Поэтический фестиваль. Действие 1 / Сост. Татьяна Михайловская, Сергей Завьялов. М., 1999. С. 7—17; Слова (1998) [подборка «Три из многих», предисловие Г. Сапгира] // Новое литературное обозрение. 1998. № 33. С. 317—318; Слова / Арион. 1999. № 1. С. 91—98 [предисловие Г. Сапгира].

279. ЛА. С. 112—114. Посвящение: *Пивоваров, Виктор* (род. 1937) — художник, с 1982 г. живет в Праге; издатель и оформитель книги Сапгира УФ. *Барачный блочный крупноблочный* — ср. № 161 и № 252. «Дом улица фонарь аптека...» — вариация на тему ст-ния А. Блока «Ночь, улица, фонарь, аптека...» (2-е в «Плясках смерти», 1912).

280. ЛА. С. 122—124. Эпиграф — см.: *А. С. Пушкин*. Полное собрание сочинений / Ред. С. М. Бонди и др. Т. 3/2. М.: Издательство Академии наук СССР, 1949. С. 1087—1088. Анаграмматическое название ст-ния (Строфилус — Филостратус) и некоторые его литературные источники стихотворения, в т. ч. «Звезда Вифлеема» Александра Введенского и «Сказка о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина, анализируются Ольгой Филатовой; см. ее статью «“Строфилус”: лирический автопортрет Генриха Сапгира» в сб.: Великий Генрих (1928—1999): Сборник памяти Генриха Вениаминовича Сапгира / Сост. Татьяна Михайловская. М., 2000. (saggir.narod.ru/texts/criticism/filatova/html). *Купит Венеция на дне* — ср. «Венеция» (1913, 1928) Б. Пастернака.

281. ЛА. С. 125—127; НС. С. 6—7. Посвящение: Яковлев, Владимир (1934—1999) — художник, род. в г. Балахна Горьковской обл., см. выше прим. 171, в последние годы жил в Подмоскowie в специальной больнице для душевнобольных.

282. ЛА. С. 128—129; НС. С. 286—287.

283. ЛА. С. 133; НС. С. 268. «Не ждали» (1884, 1888) — картина И. Репина.

284. ЛА. С. 135; НС. С. 17.

285. ЛА. С. 136. Сергеев, Андрей (1933—1998) — переводчик с английского, поэт, прозаик.

286. Арион. 1999. № 1. С. 93—94; НС. С. 265. Посвящение: Айзенберг, Михаил (род. 1948) — поэт, живет в Москве.

287. Арион. 1999. № 1. С. 95—96; НС. С. 267—268. *И мое «р»* — Сапгир картавил и произносил «р» с «влажным» грассированием.

288. Знамя. 1999. № 1. С. 115; НС. С. 16. Ср. ст-ние «Кончится лето. Начнется сентябрь. Разрешат отстрел...» (1987) И. Бродского.

Из книги «Три жизни» (1999)

Печ. по ЛА, где в книге 19 текстов. В ЛА подзаголовок «Мемуары с ангелами, написанные в Краскове. Лето 1999». В конце жизни Сапгир снимал дачу в Краскове (под Москвой), где и были написаны его последние книги.

289. ЛА. С. 141.

290. ЛА. С. 142—144.

291. ЛА. С. 145—147.

292. ЛА. С. 148—150. *Первый учитель* — речь идет о поэте Арсении Альвинге (наст. фамилия Смирнов, 1885—1942); подробнее о роли Альвинга в жизни и творчестве юного Сапгира см. вступ. статью.

293. ЛА. С. 161—164. *И внизу грохот — вламываются / двенадцать не апостолов — / кожаные куртки*

— ср. «Двенадцать» (1919) А. Блока, а также «Ночной обыск» (1918, 1930) В. Хлебникова, «Февраль» (1933—1934, опубл. 1936) Э. Багрицкого.

294. ЛА. С. 165—166. *Потапова, Ольга* (1892—1971) — художник, жена Евгения Кропивницкого, мать Льва и Валентины Кропивницких.

295. ЛА. С. 167—170. «*Приключения лягушонка*» — по-видимому, имеется в виду популярная детская сказка Геннадия Цыферова «Про чудака лягушонка». *Мимо Ваганькова / Высоцкий и Есенин* — Ваганьковское кладбище в Москве, где похоронены Сергей Есенин и Владимир Высоцкий.

296. ЛА. С. 171—174. О *Дризе* см. также № 60.

297. ЛА. С. 175—178. *Нашарил груди / и гладкий волшебный живот* — ср. № 79: «И вытягивался девственный живот/ в сумасшедших простынях».

298. ЛА. С. 178—180.

299. ЛА. С. 181—183. *Ангел Веничка* — речь идет о прозаике и драматурге Венедикте Ерофееве (1938—1990).

300. ЛА. С. 186—189. *Выхино* — до 1989 г. станция «Ждановская» московского метрополитена, район на востоке Москвы. *Бобур* (фр. *Beaubourg*) — здание Национального Центра Искусства и Культуры (Центра Помпиду) в Париже, в 3-м аррондисменте. *Сен-Дени* (Saint-Denis) — северное предместье Парижа, а также станция парижского метрополитена (St. Denis). *Булатов, Эрик* (род. 1933) — художник, живет в Париже. *Рухин, Евгений* (1943—1976) — художник, жил и умер в Москве. *Беленок, Петр* (род. 1938) — художник, живет в Москве. *Зверев, Анатолий* (1931—1986) — художник, жил и умер в Москве. *Свешников, Борис* (род. 1927) — художник, живет в Москве.

301. ЛА. С. 190—191.

302. ЛА. С. 192—197. *Рейн, Евгений* (род. 1935) — поэт, переводчик, эссеист, живет в Москве. *Кабаков, Илья* (род.

1933) — художник, живет в Нью-Йорке. *Гаррота* (от. исп. garrote) — метод казни посредством удушения (удавление) железным воротом, а также название самого ворота.

Из цикла «Глаза на затылке» (1999)

Печ. по ЛА, где в цикле 19 текстов.

303. ЛА. С. 210—212. *Полтергейст* (нем. Poltergeist) — привидение.

304. ЛА. С. 213—215.

305. ЛА. С. 212—220. *Годзилла* (англ. Godzilla, яп. Gojira) — монстр-ящер, герой многочисленных фильмов ужаса; первый фильм о Годзилле был создан в Японии на студии Тохо в 1954 г.; к 2000 г. в Японии было выпущено 25 фильмов о Годзилле. Первый американский фильм о Годзилле вышел на экран в 1988 г.

306. ЛА. С. 221—222.

307. ЛА. С. 223—224.

308. ЛА. С. 225—226.

309. ЛА. С. 234—236. *Косово поле* — котловина близ г. Приштина (центр провинции Косово в современной Югославии); место решающей битвы 1389-го года, в которой войска Оттоманского султана Мурада разбили соединенные войска сербов и боснийцев под предводительством князя Лазаря и уничтожили цвет сербской средневековой аристократии; важнейшее для сербского фольклора и национального сознания место. *Нови-Сад* — город-порт на Дунае в Сербии, административный центр Воеводины. *Костаки*, Георгий (род. 1912—1990) — коллекционер греческого происхождения, собиратель русского авангарда, создатель знаменитой коллекции; родился и значительную часть жизни провел в СССР.

310. ЛА. С. 237—238.

311. ЛА. С. 241—242.

312. ЛА. С. 245—246.

Из цикла «Слоеный пирог» (1999)

Печ. по ЛА, где в цикле 18 текстов.

313. ЛА. С. 283—286. *Мантра* (от. санскр. *mantra* = «инструмент передачи мысли») — (сакральные) слова или звукосочетания, часть ритуала, с помощью которых вызываются божества и духи из иного мира в ведийской религии, индуизме и буддизме.

314—316. ЛА. С. 287—288.

2. «Лугер» (*Luger*) — марка знаменитого немецкого 9 мм автоматического пистолета (*Pistole Parabellum*), созданного Георгом Лугером для *Deutsche Waffen und Munitions (DMW)* в начале XX века.

317. ЛА. С. 291.

318. ЛА. С. 292—293.

319. ЛА. С. 298—300.

320. ЛА. С. 301.

321. ЛА. С. 302—303.

322. ЛА. С. 304—305.

323. ЛА. С. 306.

324. ЛА. С. 307—308. *Над миром моим — над мою горой* — ср. концовку ст-ния Юрия Левитанского «Кто-то верно заметил...» (Меж двух небес. М., 1996. С. 335—336).

325. ЛА. С. 309—311.

326. ЛА. С. 312—315.

Из книги «Тактильные инструменты» (1999)

Печ. по ЛА, где в книге 2 раздела, «Предшествование словам» (45 текстов) и «Стихи с предметами» (39 текстов). Все печ. здесь тексты взяты из раздела «Стихи с предметами». Наряду со стихами в последний вошли короткие прозаические тексты, которые здесь не представлены.

Тактильные инструменты. Стихи с предметами / Новое литературное обозрение. 2000. № 41. С. 257—290.

327. ЛА. С. 373—374.

328. ЛА. С. 375—376. «—*Стань на воду / иди не бойся*» — см.: Мф. 4, 12—22; Мк. 1, 16—20; Лк. 5, 1—11; а также Ин. 21. «И сказал Симону Иисус: “не бойся; отныне будешь ловить человеков”» (Лк. 5, 10).

329. ЛА. С. 377—378. *Малаховка* — поселок городского типа; жел.-дор. станция в 29 км. на юго-восток от Москвы, по Казанской дороге.

330. ЛА. С. 380—381. «*Еврейская мелодия*» — ср. название книги Дж. Байрона «*Hebrew Melodies*» (1815) и название стихотворения «Еврейская мелодия» (1836) — переложение М. Ю. Лермонтовым стихотворения Байрона «*My Soul Is Dark*» из кн. «Еврейские мелодии».

331. ЛА. С. 382. Ср. текст «Песни песней».

332. ЛА. С. 385—386. *Тема и вариации* — ср. название книги Б. Пастернака, «Темы и вариации» (1923).

333. ЛА. С. 392.

334. ЛА. С. 394—395.

335. ЛА. С. 396.

336. ЛА. С. 399—400.

337. ЛА. С. 401.

338. ЛА. С. 402—403.

339. ЛА. С. 411—412.

340. ЛА. С. 413—414.

341. ЛА. С. 440.

Поэмы (1958—1999)

При сохранении композиционного состава книг и циклов Сапгира, в этом томе исключение сделано только для поэм, которые выделены в отдельный раздел. Семь из одиннадцати поэм Сапгир включал в состав книг, разделов и циклов: «Камень» (1963) и «Старики» (1963) в кн. «Молчание»; «Вершина неопределенности» (1979—1980) в кн. «Стихи для перстня»; «Единоборство» (1995), «Жар-птица», «Лувр» (1995) и «Блошиный рынок» (1995) в раздел «Жар-птица»

(ЛС) вместе с 2 автобиографическими рассказами-эссе; «Новый роман, или Человечество» (1999) в цикл «Слоесный пирог». Поэмы «Бабыя деревня» (1958), «Рундала» (1984) и «МХК — мушиный след» (1981, 1997) Сапгир не включал в состав отдельных книг и циклов.

342. Печ. по СС 1, где поэма датирована 1958 г.

СС 1. С. 15—18; ММ. С. 137—141. Антология новейшей русской поэзии у Голубой Лагуны / Сост. и ред. Константин К. Кузьминский и Григорий Л. Ковалев. Т. 1. Newtonville, Mass. 1980. С. 306—308; Эхо. 1986. № 14. С. 157—160. *Идиот / Свиней в овраге он пасет* — ср. Мк. 5, изгнание бесов из бесноватого, особ. Мк. 5, 11—13.

343. Печ. по СС 1, где поэма датирована 1963 г.

Ренессанс. 2000. № 2. С. 184—185. СС 1. С. 151—152; С-87. С. 5—6; С. С. 3—4. *Кто-то прошел сквозь равнина / И сел / Видна половина — / Прозрачная — равнина* — ср. ст-ние Бориса Слуцкого «Равнины вышли на равнины», написанное до 1977 г., но опубли. лишь в 1989 г.

344. Печ. по СС 2, где поэма датирована 1979—1980 гг.

СС 2. С. 127—130; СП. С. 13—17.

4. *На завтрак мейсенский фарфор* — ср. № 304 и 173—187 (14).

14. *Гроб стал грибом а был когда-то грабом* — ср. начало ст-ния «Хорошее отношение к лошадям» (1918) В. Маяковского: «Били копыта. / Пели будто: / — Гриб. / Грабь. / Гроб. / Груб».

345. Печ. по СС 2, где поэма датирована 1981 г.

Ст. С. 3—4; СС 2. С. 109—114; МХК (стоит двойная дата: 1981, 1997).

1. *The red rat* (англ.) — красная крыса.

2. *Уже колдуют там над* — ср. № 173—187 (1): «где рыбаки над лунками колдуют».

346. Печ. по ЛС, где поэма датирована 1995 г.

ЛС. С. 282—286. Арион. 1996. № 3. С. 84—90.

1. *Не тот кипящий под стеклянной* — речь идет о новом главном входе в Лувр (Pyramide du Louvre), построенном в 1989 г. в виде стеклянной пирамиды. *Аньер* (Amiens) — город близ Парижа, где селились русские эмигранты и в начале 1930-х годов был создан православный приход, ныне Храм Христа Спасителя в Аньере. *Нового Моста* — имеется в виду Pont Neuf в Париже. *Рю дю Темпль* (Rue du Temple) — улица в 4-м аррондисменте Парижа. *Мадлен* (Madeleine) — район на правом берегу Париже в 1-м аррондисменте, также станция метрополитена. *В подземный вестибюль музея / (загородил меня плечами — / ротозея)* — ср. из поэмы «В. И. Ленин» (1924) В. Маяковского: «Если бы выставить в музее плачущего большевика, весь день бы в музее торчали ротозеи <...>».

2. *кабак* — имеется в виду художник Илья Кабаков.

3. *Курбэ*, Гюстав (1819—1877) — французский художник. *Глезер*, Александр (род. 1934) — деятель культуры, коллекционер, поэт, переводчик, один из организаторов «бульдозерной выставки»; издатель СР-78, ИС и СС 1—2; на Западе с 1975 г.

347. Печ. по ЛС, где поэма датирована «Июнь 1995 г. Париж». ЛС. С. 284—281; Новый мир. 1996. № 4. С. 80—82; Лианозовская группа. Истоки и судьбы / Сост. и ред. Александр Глезер, Генрих Сапгир. М., 1998. С. 159—161. По сравнению с публикацией в «Новом мире» в текст ЛС Сапгир внес существенные изменения и поправки.

Краснопевцев, Дмитрий (род. 1925) — художник, живет в Москве. *Вейсберг*, Владимир (1924—1985) — художник, жил и умер в Москве. *Беленок*, Петр (1938—1991) — художник, жил в Москве. *С Сен-Жон-Персом* — St. John Perse, псевдоним Alexis Saint-Leger Leger (1887 —1975) — фр. поэта и дипломата, лауреата Нобелевской премии по литературе (1960); St. John Perse — церковь в 1-м аррондисменте Парижа. *Ситников*, Василий (1915—1987) — художник, эмигрировал в США в 1975, умер в Нью-Йорке.

Сидур, Вадим (1924—1986) — скульптор, в 1953—63 гг. работал в коллективе со скульпторами Владимиром Лемпортом (род. 1922) и Николаем Силисом (род. 1928). *Рухин*, Евгений (1943—1976) — художник, жил в Москве; погиб при пожаре в собственной студии. *Юло* — Юло Соостер; см. прим. 139. *Паустовский* — художник Алексей Паустовский, см. прим. 110. *Демькин*, Андрей (1951—1989) — художник, сын писателя Георгия Балла; жил в Москве. *Ворошилов*, Игорь (1939—1989) — художник, жил и умер в Москве. *Пятницкий*, Владимир (1938—1978) — художник, жил и умер в Москве. *Сева* — по-видимому, имеется в виду поэт Всеволод Некрасов (род. 1934). *Дома Парижа — корабли* — ср. стих «Кобыльи корабли» (1919) Сергея Есенина, особ. ч. 1. *Зверев*, Анатолий (1931—1986) — художник, жил и умер в Москве. *Харитонов*, Александр (1932—1993) — художник, жил и умер в Москве. *Григорьев*, Олег (1943—1992) — поэт, автор легендарных «чернух»; жил и умер в Ленинграде—Санкт-Петербурге. *Длугий*, Виталий (1943—1990) — художник, умер в США. *Ковенацкий*, Владимир (1938—1886) — художник, поэт, умер в Москве. *Каждан*, Гаяна (1930—1973) — художник, иллюстратор, жила и умерла в Москве. *Пурьгин*, Леонид (1951—1995) — художник, умер в Москве.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

- Акация («дкая ака свис вниз...») 279
Алкаш (Современный лубок, 1) 311
Ангел Веничка («Косо ложатся русые...») 406
«Ангел землю мне показывал...» (Кленовые ангелы) 384
Английский фарфор («Мы ходим и живем незряче...») 424
Андрею Сергееву — послание («Вот так и встретился
Андрей Сергеев...») 377
«Ангелы в саду стоят...» (Художники в саду) 409
Архангельское 165
Бабья деревня 486
«Барабан под окнами сразу всех перебудил...» (Годовщина
Октября) 239
Без названия («убегая от ревнивой депрессии...») 325
«белые ее колени яблоками в траве...» (Сад; Весна в
Переделкино, 3) 336
«белый берег на колот как сах на кам...» (Камни) 277
«Белый свет не существует...» (Сущность) 125
«Беседую, как с другом...» (Суд) 105
«Блажен муж иже не иде на сборища нечестивых...»
(Псалом 1) 144
«блаженствовала в кресле...» 350
Бодался теленок («Упорнее всего Твардовский и
редакция...») 238
«Большая роль в насыщении рынка това-...» (Сонет-статья) 222
«Бородачи пузаны — малышня...» (Мост) 232
Бочка («В пустыне Гоби...») 123
Брату («Сам себе боюсь придумал...») 302
«Будда — путник золотой стоял у храма...» (Этюды в
манере Огарева и Полонского, 12) 273
Букет («— Кто там?...») 119
Бутылочный пейзаж («На острове...») 100

- Бутырская тюрьма в мороз («Моксовые дворы белеют
кры...») 258
- Бык («Подслеповатый Цыферов...») 104
- «Был автобус — ехали к Юло...» (Встреча) 234
- «Был сам себе помехой...» (Гулящие) 401
- В альбом («В Северодвинске...») 141
- «В архангельских лесах...» 140
- «в городе как в лесу — при всех самозабвенно...» (Двое в
городе) 340
- «В 10 часов Карасев...» (Карасев) 201
- «В иллюминатор — солнце ниже...» (Слоеный пирог) 449
- «В каждой по Генриху Сколько их? Столько...»
(Хрустальная пробка) 376
- «в коробку заполз и газеты шуршат...» (Спящий клошар) 359
- «В мурелки шлепают пельсиски...» (Пельсисочная) 247
- «В наш клуб приухали герлески...» (Паренек и герлезки) 262
- «В некотором царстве в тридевятом сорок пятом...»
(Детство) 240
- «В пустыне Гоби...» (Бочка) 123
- В ресторане («Стол...») 106
- «В Северодвинске помню я кафе...» (Путевые впечатления) 224
- «В Северодвинске...» (В альбом) 141
- В толпе («Запомнил код: и буквы и числа...») 448
- «в школе ее звали Оля...» (Семья) 327
- «В щеголеватых кафе арабы и негры как дома...» (Это все о
Париже) 244
- «Вагоны уходят в тоннель...» (Не про синее) 460
- «вверх выдыхаю...» (Храм) 305
- «(вдох через нос) — что это?...» (Ветер с химзавода) 298
- «(вдох)...» (Конец света) 296
- «вдохни себя...» (Ты) 297
- «(вдохнул) — красавицу с розовым лицом — Таню...»
(Дракон) 302
- «Венок обвили траурные ленты...» (Сонет-венки) 214
- «Вереница зданий — вдаль...» (Странная граница) 443
- Вершина неопределенности 491
- Весна в Переделкино (1—4) 335

Весна в Финляндии 179

«весна! ну конечно все ясно: весна...» (Сентябрьское утро)
361

«Весь встрепанный и потный со двора...» (Мне 12 лет) 235
Ветер 171

«Ветер с моря треплет близко...» (Инструмент Федерико)
455

Ветер с химзавода («(вдох через нос) — что это?..») 298
«Веч...» (Ночь) 130

Вечером в доме («самоцветные огни лучатся сквозь ночную
хвою...») (Весна в Переделкино, 2) 335

«(вздох) — этот — частый гость...» (Вздохи) 300

Вздохи («(вздох) — этот — частый гость...») 300

«вздрыгнул — моя двойная тень на снегу...» (Двойная тень)
316

«Взрыв!..» (Война будущего) 88

«Видишь улитка ползет на листе...» (Подробности (старая
Англия)) 454

Вирус («начинается с утра...») 287

Вова-Марина («родилась красивой двухголовой...») 329

Вода («Речь как река. Во всем свои истоки...»)
(Лингвистические сонеты, 3) 213

Водка («хороший глоток...») 299

Возвращение в Итаку («На стене висят часы не старинные
но все же...») 197

«Воздух стал нежней...» (Март) 116

Возможность («Сматывается...») 432

«Возьмите Лайф и Огонек...» (Как украсить свою комнату)
108

Война будущего («Взрыв!..») 88

«Вокруг Москвы белеют корпуса...» (Третий Рим) 195

Волк в универсаме («Надоело мне бегать полям и лесам...»)
263

«Волох и Вулох и шизики все и подонки!..» (Молох) 196

Вон там убили человека...» (Голоса) 83

Воображаемая виолончель 475

- «Воронье царство у реки...» (Этюды в манере Огарева и Полонского, 11) 273
- «Вот голова Камилла Демулена...» (Голова сказочника) 200
- «Вот так и встретился Андрей Сергеев...» (Андрею Сергееву — послание) 377
- «Все двойственно...» (Самообман) 438
- «все они с помойными ведрами...» (Художник) 324
- «вспоминая Евгения Леонидовича...» (Одной линией) 343
- «вспоминая Оскара и Валю...» 346
- Встреча («Был автобус — ехали к Юло...») 234
- «Вся в воздухе стеклянная поляна...» (Поляна в горах; Сонеты из Дилижана, 5) 227
- «Вся в ряске течет полудохлая Клязьма...» (Подмосковный пейзаж с куклой) 222
- «(выдох) — в воздухе обозначилось некоторое количество странных фигур...» (Рожденные мной) 300
- «вытащил на счастье...» 347
- «Вышла замуж...» («Обезьян») 89
- «Вьюном ефросинья вся в желтых цветочках...» (Цветы с окраины) 232
- Гений линий («с молодых ногтей...») 342
- Генрих Цыферов («Пили у Юли...») 394
- «герой еще ненаписанной повести...» (Любовь к шоколаду) 331
- Герострат («На улицах иллюминация...») 97
- История («Звал ковырялу Главный Бутафор...») 248
- Глава из романа («и всех нас...») 352
- Главтитан («Сизиф толкал вагоны в гору...») 191
- Глаза куклы («Отблеск Зрачки На столе Живут...») 374
- Глаза на затылке («Мы такие древние...») 428
- «глупости! Все это глупости...» 348
- «Гнилой кокос плывет в воде чернея...» (Зимой в Малеевке) 218
- Годовщина Октября («Барабан под окнами сразу всех перебудил...») 239
- «голая сосна и бетонный помост...» (Свидание) 337
- Голем («Стопились на кладбище плиты — кричат и молятся...») 242

- Голова Будды 176
- Голова сказочника («Вот голова Камилла Демулена...») 200
- Голоса («Вон там убили человека...») 83
- Городок («Обвалы за Севаном — в сердце гор...»)
(Сонеты из Дилижана, 1) 225
- «Господи бегу!..» (Псалом 3) 147
- «Господи в смерти не будет памяти о тебе...» (Псалом 6)
148
- «Господи поспеши избавить меня...» (Псалом 69) 152
- «Господи что есть человек...» (Псалом 143) 157
- «Государство нам перекрыло кран...» (Очередь) 265
- Гражданская война («молодому человеку...») 332
- «Гранитный парапет. Москва-река...» (Столица) 230
- Грецкий орех 466
- «Грузин...» (Грузинская застольная) 94
- Грузинская застольная («Грузин...») 94
- Губы и руки 469
- Гулящие («Был сам себе помехой...») 401
- «Да все мы — Я! но лишь на разных этажах...» (Рванный сонет) 219
- Дагестан («С бровки сыпалась глина...») 463
- Два поэта («На дороге...») 93
- «Две стрелки соединились на здании...» (Полдень; Killer, 2) 447
- Двое в городе («в городе как в лесу — при всех самозабвенно...») 340
- Двойная тень («вздрыгнул — моя двойная тень на снегу...») 316
- Двумя часами позже («Проход и прохлада аэровокзала...») (Killer, 3) 447
- Детектив («Полицейский комиссар с аппетитом докончив филе...») 238
- Дети в саду («сон моей ду...») 281
- Детство («В некотором царстве в тридевятиом сорок пятом...») 240
- Детство («крашенная кровать — скелет динозавра...») 301

- Детство («Когда меня везли из-под Анапы...») 457
 Джойс («Ты Гамлет, клинк. А море как трюмо...») 236
 «дкая ака свис вниз...» (Акация) 279
 «Длинноногая...» 128
 «Днем...» (Снег из фонаря) 122
 «дождем — елки...» 351
 Дом из детства («Одноэтажный дом с высокими...») 248
 «Дом новый старый светлый темный...» (Дома (ода)) 366
 «Дом обжитой и барский — довоенный...» (Пейзаж с домом творчества Болшево) 223
 Дома (ода) («Дом новый старый светлый темный...») 366
 Дракон («(вдохнул) — красавицу с розовым лицом — Таню...») 302
 «Дремлют дачники московские...» (Жрица культа) 204
 «Дует ветер порывисто и смольно...» (Перемена) 255
 Дурочка («ночка блед и худ...») 278
 Дух («Звезда ребенок дух сердечко птичье...») 207
 «дышу на бумагу...» (О себе) 303
 Евгений Кропивницкий («Синими глубокими глазами...») 389
 «Евгений Леонидович...» (Ольга Потапова) 392
 Еврейская мелодия 470
 Ерек Ваганц («Синицами ислеканное масло...») (Сонеты из Дилижана, 4) 227
 «если будет солнце я тебя увижу завтра...» (Подарок) 338
 «Есть куда оглянуться...» (Оглядываясь) 412
 «Еще не осознав...» 135
 «Ещё пел соловей в бледных зарослях мая...» (Этюды в манере Огарева и Полонского, 4) 268
 Жар-птица 510
 «женщина в очках похожа на писательницу...») (Синица, Весна в Переделкино, 4) 337
 «живу рядом с бутылкой...» 350
 Живые и мертвые («Мой тесть Гуревич Александр Давыдович...») 233
 Жизнь («Только родился...») 485
 Жизнь художника («За высоким окном незнакомо...») 458
 Жрица культа («Дремлют дачники московские...») 204

- «За высоким окном незнакомо...» (Жизнь художника) 458
- «За столиком расположив...» (Зевс во гневе) 192
- «за углом это было...» 349
- Закрыв глаза («Просыпаясь слышу...») 437
- «Зал кинотеатра...» (Петр и Клеопатра) 95
- «Запомнил код: и буквы и числа...» (В толпе) 448
- «засахаренная весна...» 352
- Затаив дыхание («прислушайся к себе...») 304
- «Заходил Пушкин, он пробегал...» (Разное об А. С. Пушкине) 237
- «Зачем мнутесь народы и племена?..» (Псалом 2) 145
- «Звал ковырялу Главный Бутафор...» (Гистория) 248
- Звезда («С т а р неба круг сверлит над космодромом...»)
(Лингвистические сонеты, 1) 211
- «Звезда ребенок дух сердечко птичье...» (Дух) 207
- Зевс во гневе («За столиком расположив...») 192
- Земля («Не принял дар. Ударил Дарий о з е м ь ...»)
(Лингвистические сонеты, 4) 213
- Зимой в Малеевке («Гнилой кокос плывет в воде чернея...») 218
- «Знаю тебя наизусть и все таки...» 339
- Зной и ветер 180
- Золотые шары («Осы Летят На варенье...») 376
- «И времени больше не стало...» (Памяти отца) 121
- «и всех нас...» (Глава из романа) 352
- «...и стар и смутен и минутен...» 353
- «...и там она была...» (Комната) 354
- «Иди ко мне — ты жизнь моя живая...» (Этюды в манере Огарева и Полонского, 9) 272
- «Иду. А навстречу...» (Парад идиотов) 185
- Из альбома («Фото: на холме желтый дом с белой колоннадой...») 241
- Из Катутла («С яблоком голубем розами ждал я вчера Афродиту...») 193
- «Из комнаты хоть не смотри...» (Окно (метаморфозы)) 450
- «Из многих лиц слагался хмырь...» (Хмыризм) 253

- «Из снега Верный выхватил крота...») (Смерть крота;
Сонеты из Дилижана, 2) 225
- Икар («Скульптор...») 92
- Инструмент Федерико («Ветер с моря треплет близко...») 455
- Ирина («Спасибо тебе...») 137
- «Истосковался...» 141
- «к нам приезжал мультимиллионер...» (Мультимиллионер) 324
- «как сумасшедшая...» 345
- Как украсить свою комнату («Возьмите Лайф и
Огонек...») 108
- «Как электричка неслась и кричала...» (Крик электрички) 205
- Камни («белый берег на колот как сах на кам...») 277
- Карасев («В 10 часов Карасев...») 201
- «картина — химера...» (Рисующий ангелов) 372
- «кентавры северных лесов и чудовищные кресты озер...»
(Северная повесть) 317
- Керывник тай працевник («Шахтер — большой и шумный
сухожил...») 251
- Киоск курорга («Киоск курорга: старый добрый
пластик...») 247
- «Киоск курорга: старый добрый пластик...» (Киоск
курорга) 247
- Кира и гашиш («Кира...») 112
- «Кира...» (Кира и гашиш) 112
- Клевета («Напечатали в газете...») 98
- Клсновые ангелы («Ангел землю мне показывал...») 384
- «Когда меня везли из-под Анапы...» (Детство) 457
- «Когда они рядом...» 355
- «Когда славяне вышли на Балканы...») (Лингвистические
сонеты, 2) 212
- «Когда я обожрался барахлом...» (Чемодан) 209
- Коза на веревке 310
- Коктебель («Меж Карадагом и Хамелеоном...») 228
- Комната («...и там она была...») 354
- Конец света («(вдох)...») 296
- «Косо ложатся русые...» (Ангел Веничка) 406

- «Красавец ждал — автобус ВИНТУРИСТ...» (Хрст и самарянка) 255
- Красавица 182
- «красн будто мореные ство...» (Роща на Пицунде) 292
- «крашенная кровать — скелет динозавра...» (Детство) 301
- Крик электрички («Как электричка неслась и кричала...») 205
- «— Кто там?...» (Букет) 119
- Кузнечик («над горизонтом подпрыгнуло солнце...») 319
- Кузнечикус («Оретикус, моретикус, кантарус!...») 258
- Кукла на морском берегу («ржавый сон на бере выбр...») 293
- «Куски идиот клеймил реальности...» (Сочинитель) 358
- «Лес — далеко *Кровь Брызги...*» (Охота) 379
- «Летала боялась муха...» (Сербская муха) 434
- Летучая фраза («любит русский писатель как русский (это известно)...») 318
- Лингвистические сонеты (1—4) 211
- «Лист сеточкой — от пня...» (Ночная бабочка) 426
- «лицо затворено наглухо...» 349
- «лицаем кудри складки...» (I Фриз разрушенный) 210
- «Ложусь на галечник...» 133
- Лувр 503
- «любит русский писатель как русский (это известно)...» (Летучая фраза) 318
- «Люблю Париж — с утра он пуст и чист...» (Париж) 243
- Любовь («Пообещала — значит выйдет скоро...») 231
- Любовь к шоколаду («герой еще ненаписанной повести...») 331
- Любовь на помойке («ты говоришь: я люблю любить на помойке...») 339
- «Мамлеев с Машей в Вене или в Риме...» (Московские мифы) 187
- «Манеж в опилках — наломали дров...» (Сумерки) 260
- Март («Воздух стал нежней...») 116
- Март («просыхает ствол сосны на солнце...») (Весна в Переделкино, 1) 335
- Мастерская («церковное здание желтое осень...») 362

- «Меж Карадагом и Хамелеоном...» (Коктебель) 228
- Мейл-арт («Главая пряной приправой в супер-искусстве...») 243
- Мертвый сезон («сок и мякоть пожира...») 291
- Метод («случайные слова возьми и пропусти...») 316
- Мкх — мушиный след 496
- «Мне...» (Молчание) 136
- Мне 12 лет («Весь встрепанный и потный со двора...») 235
- «Мой тесть Гуревич Александр Давыдович...» (Живые и мертвые) 233
- «Мокрые листья влипли в асфальт...» (Сонет с валидолом) 220
- «Мокрый лист прилип...» (Романтические стихи по поводу осени) 134
- «Московские дворы белеют кры...» (Бутырская тюрьма в мороз) 258
- Молитва («утки летят над мо...») 289
- «молодому человеку...» (Гражданская война) 332
- Молох («Волох и Вулох и шизики все и подонки!...») 196
- Молчание («Мне...») 136
- Монастырь Гош («Паленым пахнет... Безбородый Гош...») (Сонеты из Дилижана, 3) 226
- Море в раковине («шумный долгий выдох...») 296
- Москва конца века («Фантастика — Москва и москвичи...») 241
- Московские мифы («Мамлеев с Машей в Вене или в Риме...») 187
- Мост («Бородачи пузаны — малышня...») 232
- Мрамор («Наполовину отбитая левая грудь...») 194
- Муза («Появилась из-за края скалы на дороге...») 228
- Мультимиллионер («к нам приезжал мультимиллионер...») 324
- «Мы о вас знаем...» (Никакие) 440
- «Мы такие древние...» (Глаза на затылке) 428
- «Мы ходим и живем незряче...» (Английский фарфор) 424
- «мягкая седая дама...» 341
- «На выставке мейсенского фарфора...» (Этюды в манере Огарева и Полонского, 14) 274

- «На дороге...» (Два поэта) 93
- «на косогоре над...» (Семейство) 285
- «На острове...» (Бутылочный пейзаж) 100
- «На первой строчке пусто и бело...» (II Сонет-комментарий) 217
- «На площади Революции...» (Тело) 126
- На покупку книг («Сумерки. Март. Люди по магазинам...») 193
- «На постели...» (Утро Игоря Холина) 114
- «На реках Вавилонских сидели мы и плакали...» (Псалом 136) 156
- «На сером различаем кудри складки...» (II Фриз восстановленный) 210
- На смерть пуделя («пудель наш корич...») 283
- «На стене висят часы не старинные но все же...» (Возвращение в Итаку) 197
- «На Тишинском рынке ночью...» (Ночью) 101
- «На улицах иллюминация...» (Герострат) 97
- На экране ТВ («на экране вспоминал старик — палач...») 317
- «на экране вспоминал старик — палач...» (На экране ТВ) 317
- «На южном берегу Крыма...» (Храпидолы) 132
- «Навеселе под мухой под хмельком...» (Пьяный сонет) 216
- Наглядная агитация 313
- «над горизонтом подпрыгнуло солнце...» (Кузнечик) 319
- «Надоело мне бегать полям и лесам...» (Волк в универсаме) 263
- Наждак и мех 481
- «Напечатали в газете...» (Клевета) 98
- «Наполовину отбитая левая грудь...» (Мрамор) 194
- «Начинается премьеры...» (Премьера) 90
- «начинается с утра...» (Вирус) 287
- «Не знаете вы севера...» 143
- «Не принял дар. Ударил Дарий о з е м ь ...» (Земля; Лингвистические сонеты, 4) 213
- Не про синее («Вагоны уходят в тоннель...») 460
- Неоконченный сонет («Четверг. С утра я позвонил в Москву...») 218

- «нет не расколдуешь...» (Самара) 356
 «Ни лошади на Аничковом, ни да-...» (Питер) 230
 Никакие («Мы о вас знаем...») 440
 Никто («Фантазия или память...») 414
 «Никто! Мы вместе только захочу...» (Этюды в манере
 Огарева и Полонского, 1) 267
 «Но что со мною, если не любовь?...» (Сонет Петрарки I)
 220
 I Новогодний сонет 216
 Новый Афон 178
 «ночка блед и худ...» (Дурочка) 278
 Ночная бабочка («Лист сеточкой — от пня...») 426
 Ночь («Веч...») 130
 Ночью («На Тишинском рынке ночью...») 101
 «Ночью...» (Посещение) 102
 О любви 181
 О себе («дышу на бумагу...») 303
 О смерти 168
 «Обвалы за Севаном — в сердце гор...» (Городок; Сонеты
 из Дилижана, 1) 225
 «Обезьян» («Вышла замуж...») 89
 Овсей Дриз («Помню время прежде...») 397
 Оглядываясь («Есть куда оглянуться...») 412
 Огонь («Когда славяне вышли на Балканы...»)
 (Лингвистические сонеты, 2) 212
 Ода бараку («слава бараку...») 343
 Одиночество («Тут на полу, на полках склада...») 84
 Одной линией («вспоминая Евгения Леонидовича...») 343
 «Одноэтажный дом с высокими...» (Дом из детства) 248
 «Озираюсь...» 142
 Окно (метаморфозы) («Из комнаты хоть не смотри...») 450
 Ольга Потапова («Евгений Леонидович...») 392
 «Она его не любила...» (Этюды в манере Огарева и
 Полонского, 10) 272
 «Она слышала звуки шагов по его кабинету...» (Портрет
 Анны Карениной (с усиками)) 236
 Опечатка (калейдоскоп) 320

- «Опять на финских саночках тебя качу качу...» (Этюды в манере Огарева и Полонского, 5) 270
- «Оретикус, моретикус, кантарус!...» (Кузнечикус) 258
- «Осы Летят На варенье...» (Золотые шары) 376
- «Отблеск Зрачки На столе Живут...» (Глаза куклы) 374
- Охота («Лес — далеко Кровь Брызги...») 379
- Очередь («Государство нам перекрыло кран...») 265
- Падение 172
- «Паленым пахнет... Безбородый Гош...» (Монастырь Гош; Сонеты из Дилижана, 3) 226
- Памяти отца («И времени больше не стало...») 121
- Памятник («Пьедестал...») 117
- «Памятник жертвам интервенции...» 142
- Память 306
- Парад идиотов («Иду. А навстречу...») 185
- Паренек и герлезки («В наш клуб приухали герлески...») 262
- Париж («Люблю Париж — с утра он пуст и чист...») 243
- «Пахнет пирогами. Тихо...» (Предпраздничная ночь) 86
- Пейзаж с домом творчества Болшево («Дом обжитой и барский — довоенный...») 223
- Пельсисочная («В мурелки шлепают пельсиски...») 247
- «Первая — 22 года назад...» (Третья жизнь) 381
- Первый учитель («Трубка пахла...») 387
- Переезд 174
- Переключка в пустыне 478
- Перемена («Дует ветер порывисто и смольно...») 255
- Петр и Клеопатра («Зал кинотеатра...») 95
- «Пили у Юли...» (Генрих Цыферов) 394
- Питер («Ни лошади на Аничковом, ни да-...») 230
- «Питутели приехали в Колдоб...» (Поездка в Колдоб) 249
- Пицунда зимой («Похожа на Японию пицунда...») 229
- «Плавающая пряной приправой в супер-искусстве...» (Мейл-арт) 243
- Погоня за собой («(учащающееся дыхание...») 297
- Подарок («если будет солнце я тебя увижу завтра...») 338
- «Подлинно ли правду...» (Псалом 57) 152

- Подмосковный пейзаж с куклой («Вся в ряске течет
полудохлая Клязьма...») 222
- Подмосковье («собака мжду бежит деревьев...») 363
- Подробности (старая Англия) («Видишь улитка ползет на
листе...») 454
- «Подслеповатый Цыферов...» (Бык) 104
- Подушка и кирпич 477
- Поездка в Колдоб («Питутели приехали в Колдоб...») 249
- Полдень («Две стрелки соединились на здании...») (Killer,
2) 447
- Полифонион («Шкатулка медь сургуч бутылъ с
клеймом...») 207
- «Полицейский комиссар с аппетитом докончив филе...»
(Детектив) 238
- Полтергейст («Пустующий клуб среди берез...») 421
- Полуденное безумие 164
- Поляна в горах («Вся в воздухе стеклянная поляна...»)
(Сонеты из Дилижана, 5) 227
- «Помню время прежде...» (Овсей Дриз) 397
- «Пообещала — значит выйдет скоро...» (Любовь) 231
- Портрет Анны Карениной (с усиками) («Она слышала
звуки шагов по его кабинету...») 236
- Посещение («Ночью...») 102
- Послание — Сапгиру («Твой вислозадый ус, твой
волосатый пуз...») 257
- «Последнее Фото брата На снегу лыжник...» (Старые
фотографии) 378
- «Посреди белесой тундры...» 139
- Похвала пустоте 308
- Похмельная поэма 167
- «Похожа на Японию пицунда...» (Пицунда зимой) 229
- Поэт и муза («Собралась компания...») 109
- Поэт Игорь Холин («Сразу ушел в монастырь...») 403
- «Появилась из-за края скалы на дороге...» (Муза) 228
- Предпраздничная ночь («Пахнет пирогами. Тихо...») 86
- Премьера («Начинается премьера...») 90
- Приап («Я — член но не каких-то академий!...») 208

- Привередливый архангел (танец памяти Высоцкого) 314
«прислушайся к себе...» (Затаив дыхание) 304
Про березку 321
«Продуто солнцем — все в огромных дырах...» (Тело) 206
Пролог. Счастье («Я вышел на балкон...») 162
«простыни...» 356
«Просыпаясь слышу...» (Закрыв глаза) 437
«просыхает ствол сосны на солнце...» (Март; Весна в
Перedelкино, 1)) 335
«Проход и прохлада аэровокзала...» (Двумя часами позже;
Killer, 3) 447
«Прочли письмо узнали росчерк...» (Этюды в манере
Огарева и Полонского, 3) 268
Псалом 1 («Блажен муж иже не иде на сборища
нечестивых...») 144
Псалом 2 («Зачем мятутся народы и племена?...») 145
Псалом 3 («Господи бегу!..») 147
Псалом 6 («Господи в смерти не будет памяти о тебе...») 148
Псалом 16 («Услышь господь правду...») 149
Псалом 55 («Человек хочет поглотить меня человек...») 151
Псалом 57 («Подлинно ли правду...») 152
Псалом 69 («Господи поспеши избавить меня...») 152
Псалом 116 («Хвалите Господа все народы...») 154
Псалом 132 («Хорошо летом в солнечный вечер...») 155
Псалом 136 («На реках Вавилонских сидели мы и
плакали...») 156
Псалом 143 («Господи что есть человек...») 157
Псалом 148 («Хвалите Господа с небес...») 159
Псалом 150 («Хвалите Господа на тимпанах...») 160
«пудель наш корич...» (На смерть пуделя) 283
«Пустующий клуб среди берез...» (Полтергейст) 421
Путевые впечатления («В Северодвинске помню я кафе...») 224
«Пьедестал...» (Памятник) 117
Пьяный сонет («Навеселе под мухой под хмельком...») 216
Радость 184

- Разное об А. С. Пушкине («Заходил Пушкин, он пробегал...») 237
- «Раскрывается — его лепестков...») (Утром; Killer, 1) 446
- «Раскрыл меня ты на смех — наугад...») (Рукопись) 209
- Рванный сонет («Да все мы — Я! но лишь на разных этажах...») 219
- «рень крупн куп оккуп сер двор...») (Сирень) 277
- «Речь как река. Во всем свои истоки...») (Вода; Лингвистические сонеты, 3) 213
- «ржавый сон на бере выбр...») (Кукла на морском берегу) 293
- Рисующий ангелов («картина — химера...») 372
- «родилась красивой двухголовой...») (Вова-Марина) 329
- Рожденные мной («(выдох) — в воздухе обозначилось некоторое количество странных фигур...») 300
- Романтические стихи по поводу осени («Мокрый лист прилип...») 134
- Роща на Пицунде («красн будто мореные ство...») 292
- Рукопись («Раскрыл меня ты на смех — наугад...») 209
- «С бровки сыпалась глина...») (Дагестан) 463
- «с молодых ногтей...») (Гений линий) 342
- «С пучком лиловых астр...») (Холин и труба) 430
- «С т а р неба круг сверлит над космодромом...») (Звезда; Лингвистические сонеты, 1) 211
- «С яблоком голубем розами ждал я вчера Афродиту...») (Из Катулла) 193
- Сад («тсюда сад глядится темн...») 276
- Сад («белые ее колени яблоками в траве...») (Весна в Переделкино, 3) 336
- «Сам себе юобсь придумал...») (Брату) 302
- Самара («нет не расколдуешь...») 356
- Самообман («Все двойственно...») 438
- «самоцветные огни лучатся сквозь ночную хвою...») (Вечером в доме; Весна в Переделкино, 2) 335
- «Свесил усы и глядит дед...») (Этюды в манере Огарева и Полонского, 6) 270
- Свидание («голая сосна и бетонный помост...») 337

- Северная повесть («кентавры северных лесов и чудовищные кресты озер...») 317
- «Северо-Двинск...» 139
- «сегодня заглянуло...» 351
- «седая прядь...» 348
- «седоватый мужчина бегаёт рысцой...» (Упущенный случай) 323
- Семейство («на косогоре над...») 285
- Семья («в школе ее звали Оля...») 327
- Сентябрь («Снова что-то роют в жухлой земле...») 453
- Сентябрьское утро («весна! ну конечно все ясно: весна...») 361
- Сербская муха («Летала боялась муха...») 434
- Сердце отца 170
- Сержант (Современный лубок, 3) 312
- «Сидит чурзел на курбаке лицом как желтый жаб...» (Чурзел) 261
- «Сизиф толкал вагоны в гору...» (Главтитан) 191
- «синий шоколадный день...» 348
- «Синими глубокими глазами...» (Евгений Кропивницкий) 389
- Синица («женщина в очках похожа на писательницу...») (Весна в Переделкино, 4) 337
- «Синицами исклеванное масло...» (Ерек Ваганц; Сонеты из Дилижана, 4) 227
- Сирень («рень крупн куп оккуп сер двор...») 277
- «Скульптор...» (Икар) 92
- «слава бараку...» (Ода бараку) 343
- Сладкий лимон 482
- Слоеный пирог («В иллюминатор — солнце ниже...») 449
- «случайные слова возьми и пропусти...» (Метод) 316
- «Сматывается...» (Возможность) 432
- Смерть крота («Из снега Верный выхватил крота...») (Сонеты из Дилижана, 2) 225
- «снег вздувается простыней...» (Строфилус) 369
- Снег из фонаря («Днем...») 122
- «Снежный ветер дует с белизны залива...» (Этюды в манере Огарева и Полонского, 2) 267

- «Снова что-то роют в жухлой земле...» (Сентябрь) 453
«собака между бежит деревьев...» (Подмосковье) 363
«Собралась компания...» (Поэт и муза) 109
Современный лубок (1—3) 311
«сок и мякоть пожирала...» (Мертвый сезон) 291
Солдаты и русалки («Старшина привел солдат...») 111
Сон земли 183
«сон мой ду...» (Дети в саду) 281
Сонет-веноч («Веноч обвили траурные ленты...») 214
II Сонет-комментарий («На первой строчке пусто и бело...») 217
Сонет о том чего нет («То мяса нет — то колбасы и сыра...») 215
Сонет Петрарки I («Но что со мною, если не любовь?...») 220
Сонет Петрарки II («Я помню год, и месяц, день и час...») 221
Сонет с валидолом («Мокрые листья влипли в асфальт...») 220
Сонет-статья («Большая роль в насыщении рынка товара...») 222
Сонеты из Дилижана (1—5) 225
Сочинитель («Куски идиот клеймил реальности...») 358
«Спасибо тебе...» (Ирина) 137
Снявший клошар («в коробку заполз и газеты шуршат...») 359
«Сразу ушел в монастырь...» (Поэт Игорь Холин) 403
«Стала появляться где я не хочу...» (Этюды в манере Огарева и Полонского, 13) 274
«Старик Стихи о смерти Лоб...» (Учитель) 378
Старики 489
«Старшина привел солдат...» (Солдаты и русалки) 111
Старые фотографии («Последнее Фото брата На снегу лыжник...») 378
Стихи из кармана («Часто...») 128
«Стол...» (В ресторане) 106
Столица («Гранитный парапет. Москва-река...») 230
«Столбились на кладбище плиты — кричат и молятся...» (Голем) 242

- Стоящая постель 315
Странная граница («Вереница зданий — вдаль...») 443
Строфилус («снег вздувается простыней...») 369
«Сугробом кровля — овощехранилище...» (Урал зимой пятидесятого) 234
Суд («Беседую, как с другом...») 105
Сумерки («Манеж в опилках — наломали дров...») 260
«Сумерки. Март. Люди по магазинам...» (На покупку книг) 193
«сунул руку в рукав...» 346
Сущность («Белый свет не существует...») 125
Тактильные музыкальные инструменты 474
Тактильный опус № 1 483
«Твои веки — спящие голубки...» (Этюды в манере Огарева и Полонского, 8) 271
«Твой вислозадый ус, твой волосатый пуз...» (Послание — Сапгиру) 257
Тело («На площади Революции...») 126
Тело («Продуто солнцем — все в огромных дырах...») 206
Тени ангелов («Тени ангелов...») 381
Тень осязания 473
«То достаю из прошлого то в настоящем прячу...» (Этюды в манере Огарева и Полонского, 15) 275
«То мяса нет — то колбасы и сыра...» (Сонет о том чего нет) 215
«Только родился...» (Жизнь) 485
Третий Рим («Вокруг Москвы белеют корпуса...») 195
Третья жизнь («Первая — 22 года назад...») 381
«Трубка пахла...» (Первый учитель) 387
«тсюда сад глядится темн...» (Сад) 276
«Тут на полу, на полках склада...» (Одиночество) 84
«Тут с поезда сойдя, казалось, только шаг...» (Хороны барака) 252
Ты («вдохни себя...») 297
«Ты — моя Лаура...» 141
«ты все еще живешь во сне...» 354
«Ты Гамлет, клинк. А море как трюмо...» (Джойс) 236

- «ты говоришь: я люблю любить на помойке...» (Любовь на помойке) 339
- «Ты меня зовешь взглядом...» (Этюды в манере Огарева и Полонского, 7) 271
- «убегая от ревнивой депрессии...» (Без названия) 325
- «Уедешь ты Иосиф...» 140
- Умиравший Адонис («Я — Адонис...») 189
- Умри, Суламифь! 472
- «Упорнее всего Твардовский и редакция...» (Бодался теленок) 238
- Упущенный случай («седоватый мужчина бежит рысцой...») 323
- Урал зимой пятидесятого («Сугробом кровля — овощехранилище...») 234
- «Услышь господь правду...» (Псалом 16) 149
- «утки летят над мо...» (Молитва) 289
- Утро Игоря Холина («На постели...») 114
- Утром («Раскрывается — его лепестков...») (Killer, 1) 446
- «(учащающееся дыхание...» (Погоня за собой) 297
- Учитель («Старик Стихи о смерти Лоб...») 378
- «Фантазия или память...» (Никто) 414
- «Фантастика — Москва и москвичи...» (Москва конца века) 241
- «Фото: на холме желтый дом с белой колоннадой...» (Из альбома) 241
- II Фриз восстановленный («На сером различаем кудри складки...») 210
- I Фриз разрушенный («Ищем кудри складки...») 210
- «Хвалите Господа все народы...» (Псалом 116) 154
- «Хвалите Господа на тимпанах...» (Псалом 150) 160
- «Хвалите Господа с небес...» (Псалом 148) 159
- Хмыризмы («Из многих лиц слагался хмырь...») 253
- Хмырь (Современный лубок, 2) 311
- Холин и труба («С пучком лиловых астр...») 430
- Хороны барака («Тут с поезда сойдя, казалось, только шаг...») 252
- «хороший глоток...» (Водка) 299

- «Хорошо летом в солнечный вечер...» (Псалом 132) 155
- Храм («вверх выдыхаю...») 305
- Храпидолы («На южном берегу Крыма...») 132
- Христос и Петр 467
- Хрст и самарянка («Красавец ждал — автобус
ВИНТУРИСТ...») 255
- Хрустальная пробка («В каждой по Генриху Сколько их?
Столько...») 376
- Художник («все они с помойными ведрами...») 324
- Художники в саду («Анеглы в саду стоят...») 409
- Цветы с окраины («Вьюном ефросинья вся в желтых
цветочках...») 232
- «церковное здание желтое осень...» (Мастерская) 362
- «Часто...» (Стихи из кармана) 128
- «Человек хочет поглотить меня человек...» (Псалом 55) 151
- Чемодан («Когда я обожрался барахлом...») 209
- «Четверг. С утра я позвонил в Москву...» (Неоконченный
сонет) 218
- Четыре такта 480
- Чурзел («Сидит чурзел на курбаке лицом как желтый
жаб...») 261
- «Шахтер — большой и шумный сухожил...» (Керывник тай
працивник) 251
- «Шкатулка медь сургуч бутылка с клеймом...» (Полифония)
207
- «(шумный долгий выдох)...» (Море в раковине) 296
- Элизиум 175
- Это все о Париже («В щеголеватых кафе арабы и негры
как дома...») 244
- Этюды в манере Огарева и Полонского (1—15) 267
- «Я — Адонис...» (Умирающий Адонис) 189
- «Я — член но не каких-то академий!..» (Приап) 208
- «Я вышел на балкон...» (Пролог. Счастье) 162
- «Я помню год, и месяц, день и час...» (Сонет Петрарки II)
221
- Killer (1—3) 446

СОДЕРЖАНИЕ

Псалмопевец Сапгир. <i>Вступительная статья Давида Шраера-Петрова и Максима Шраера</i>	5
--	---

Из книги Голоса (1958—1962)

1. Голоса («Вон там убили человека...»)	83
2. Одиночество («Тут на полу, на полках склада...»)	84
3. Предпраздничная ночь («Пахнет пирогами. Тихо...») ...	86
4. Война будущего («Взрыв!...»)	88
5. «Обезьян» («Вышла замуж...»)	89
6. Премьера («Начинается премьера...»)	90
7. Икар («Скульптор...»)	92
8. Два поэта («На дороге...»)	93
9. Грузинская застольная («Грузин...»)	94
10. Петр и Клеопатра («Зал кинотеатра...»)	95
11. Герострат («На улицах иллюминация...»)	97
12. Клевета («Напечатали в газете...»)	98
13. Бутылочный пейзаж («На острове...»)	100
14. Ночью («На Тишинском рынке ночью...»)	101
15. Посещение («Ночью...»)	102
16. Бык («Подслеповатый Цыферов...»)	104
17. Суд («Беседую, как с другом...»)	105
18. В ресторане («Стол...»)	106
19. Как украсить свою комнату («Возьмите Лайф и Огонек...»)	108
20. Поэт и муза («Собралась компания...»)	109
21. Солдаты и русалки («Старшина привел солдат...») ...	111
22. Кира и гашиш («Кира...»)	112

23. Утро Игоря Холина («На постели...»)	114
24. Март («Воздух стал нежней...»)	116
25. Памятник («Пьедестал...»)	117
26. Букет («— Кто там?...»)	119

Из книги Молчание (1963)

27. Памяти отца («И времени больше не стало...»)	121
28. Снег из фонаря («Днем...»)	122
29. Бочка («В пустыне Гоби...»)	123
30. Сущность («Белый свет не существует...»)	125
31. Тело («На площади Революции...»)	126
32. «Длинноногая...»	128
33. Стихи из кармана («Часто...»)	128
34. Ночь («Веч...»)	130
35. Храпидолы («На южном берегу Крыма...»)	132
36. «Ложусь на галечник...»	133
37. Романтические стихи по поводу осени («Мокрый лист прилип...»)	134
38. «Еще не осознав...»	135
39. Молчание («Мне...»)	136
40. Ирина («Спасибо тебе...»)	137

Из книги Командировка (1964)

41. «Северо-Двинск...»	139
42. «Посреди белесой тундры...»	139
43. «В архангельских лесах...»	140
44. «Уедешь ты Иосиф...»	140
45. В альбом («В Северодвинске...»)	141
46. «Истосковался...»	141
47. «Ты — моя Лаура...»	141
48. «Озираюсь...»	142
49. «Памятник жертвам интервенции...»	142
50. «Не знаете вы севера...»	143

Из книги Псалмы (1965—1966)

51. Псалом 1 («Блажен муж иже не иде на сборища нечестивых...»)	144
52. Псалом 2 («Зачем мнутся народы и племена?»)	145
53. Псалом 3 («Господи бегу!»)	147
54. Псалом 6 («Господи в смерти не будет памяти о тебе...»)	148
55. Псалом 16 («Услышь господь правду...»)	149
56. Псалом 55 («Человек хочет поглотить меня человек...»)	151
57. Псалом 57 («Подлинно ли правду...»)	152
58. Псалом 69 («Господи поспеши избавить меня...»)	152
59. Псалом 116 («Хвалите Господа все народы...»)	154
60. Псалом 132 («Хорошо летом в солнечный вечер...»)	155
61. Псалом 136 («На реках Вавилонских сидели мы и плакали...»)	156
62. Псалом 143 («Господи что есть человек...»)	157
63. Псалом 148 («Хвалите Господа с небес...»)	159
64. Псалом 150 («Хвалите Господа на тимпанах...»)	160

Из книги Элегии (1965—1970)

65. Пролог. Счастье («Я вышел на балкон...»)	162
66. Полуденное безумие	164
67. Архангельское	165
68. Похмельная поэма	167
69. О смерти	168
70. Сердце отца	170
71. Ветер	171
72. Падение	172
73. Переезд	174
74. Элизиум	175
75. Голова Будды	176
76. Новый Афон	178
77. Весна в Финляндии	179
78. Зной и ветер	180
79. О любви	181

80. Красавица	182
81. Сон земли	183
82. Радость	184

Из книги Московские мифы (1970—1984)

Московские мифы

83. Парад идиотов («Иду. А навстречу...»)	185
84. Московские мифы («Мамлеев с Машей в Вене или в Риме...»)	187
85. Умиравший Адонис («Я — Адонис...»)	189
86. Главтитан («Сизиф толкал вагоны в гору...»)	191
87. Зевс во гневе («За столиком расположив...»)	192
88. Из Катулла («С яблоком голубем розами ждал я вчера Афродиту...»)	193
89. На покупку книг («Сумерки. Март. Люди по магазинам...»)	193
90. Мрамор («Наполовину отбитая левая грудь...»)	194
91. Третий Рим («Вокруг Москвы белеют корпуса...»)	195
92. Молох («Волох и Вулох и шизики все и подонки!...»)	196
93. Возвращение в Итаку («На стене висят часы не старинные но все же...»)	197
94. Голова сказочника («Вот голова Камила Демулена...»)	200

Жития

95. Карасев («В 10 часов Карасев...»)	201
96. Жрица культа («Дремлют дачники московские...»)	204
97. Крик электрички («Как электричка неслась и кричала...»)	205

Из книги Сонеты на рубашках (1975—1989)

98. Тело («Продуто солнцем — все в огромных дырах...»)	206
99. Дух («Звезда ребенок дух сердечко птичье...»)	207

100. Полифонион («Шкатулка медь сургуч бутыль с клеймо...»)	207
101. Приап («Я — член но не каких-то академий!...») ..	208
102. Чемодан («Когда я обожрался барахлом...»)	209
103. Рукопись («Раскрыл меня ты на смех — наугад...») ..	209
104. I Фриз разрушенный («личаем кудри складки...») ..	210
105. II Фриз восстановленный («На сером различаем кудри складки...»)	210
106—109. Лингвистические сонеты	
1. Звезда («С т а р неба круг сверлит над космодромом...»)	211
2. Огонь («Когда славяне вышли на Балканы...») ..	212
3. Вода («Речь как река. Во всем свои истоки...») .	213
4. Земля («Не принял дар. Ударил Дарий о з е м ь ...»)	213
110. Сонет-веноч («Венок обвили траурные ленты...») ..	214
111. Сонет о том чего нет («То мяса нет — то колбасы и сыра...»)	215
112. Пьяный сонет («Навеселе под мухой под хмельком...»)	216
113. I Новогодний сонет	216
114. II Сонет-комментарий («На первой строчке пусто и бело...»)	217
115. Зимой в Малсевке («Гнилой кокос плавает в воде чернея...»)	218
116. Неоконченный сонет («Четверг. С утра я позвонил в Москву...»)	218
117. Рванный сонет («Да все мы — Я! но лишь на разных этажах...»)	219
118. Сонет с валидолом («Мокрые листья влипли в асфальт...»)	220
119. Сонет Петрарки I («Но что со мною, если не любовь?...»)	220
120. Сонет Петрарки II («Я помню год, и месяц, день и час...»)	221

121. Подмосковный пейзаж с куклой («Вся в ряске течет полудохлая Клязьма...»)	222
122. Сонет-статья («Большая роль в насыщении рынка това-...»)	222
123. Пейзаж с домом творчества Болшево («Дом обжитой и барский — довоенный...»)	223
124. Путевые впечатления («В Северодвинске помню я кафе...»)	224
125—129. Сонеты из Дилижана	
1. Городок («Обвалы за Севаном — в сердце гор...»)	225
2. Смерть крота («Из снега Верный выхватил крота...»)	225
3. Монастырь Гош («Паленым пахнет... Безбородый Гош...»)	226
4. Ерек Ваганц («Синицами ислеканное масло...») ..	227
5. Поляна в горах («Вся в воздухе стеклянная поляна...»)	227
130. Муза («Появилась из-за края скалы на дороге...») ...	228
131. Коктебель («Меж Карадагом и Хамелеоном...») ...	228
132. Пицунда зимой («Похожа на Японию пицунда...») ...	229
133. Столица («Гранитный парапет. Москва-река...») ...	230
134. Питер («Ни лошади на Аничковом, ни да-...»)	230
135. Любовь («Пообещала — значит выйдет скоро...») .	231
136. Мост («Бородачи пузаны — малышня...»)	232
137. Цветы с окраины («Вьюном ефросинья вся в желтых цветочках...»)	232
138. Живые и мертвые («Мой тесть Гуревич Александр Давыдович...»)	233
139. Встреча («Был автобус — ехали к Юло...»)	234
140. Урал зимой пятидесятого («Сугробом кровля — овощехранилище...»)	234
141. Мне 12 лет («Весь встрепанный и потный со двора...»)	235

142. Джойс («Ты Гамлет, клинк. А море как трюмо...») .. 236
143. Портрет Анны Карениной (с усиками)
 («Она слышала звуки шагов по его кабинету...») 236
144. Разное об А. С. Пушкине («Заходил Пушкин,
 он пробежал...») 237
145. Детектив («Полицейский комиссар с аппетитом
 докончив филе...») 238
146. Бодался теленок («Упорнее всего Твардовский и
 редакция...») 238
147. Годовщина Октября («Барабан под окнами
 сразу всех перебудил...») 239
148. Детство («В некотором царстве
 в тридевятом сорок пятом...») 240
149. Москва конца века («Фантастика — Москва и
 москвичи...») 241
150. Из альбома («Фото: на холме желтый дом
 с белой колоннадой...») 241
151. Голем («Столпились на кладбище плиты —
 кричат и молятся...») 242
152. Мейл-арт («Плавающая пряной приправой
 в супер-искусстве...») 243
153. Париж («Люблю Париж — с утра он пуст
 и чист...») 243
154. Это все о Париже («В щеголеватых кафе
 арабы и негры как дома...») 244

Из книги Терцихи Генриха Буфарева (1984, 1987)

155. Пельсисочная («В мурелки шлепают пельсиски...») . 247
156. Киоск курорга («Киоск курорга: старый добрый
 пластик...») 247
157. Дом из детства («Одноэтажный дом
 с высокими...») 248
158. Гистория («Звал ковырялу Главный Бутафор...») 248
159. Поездка в Колдоб («Питутели приехали
 в Колдоб...») 249

160. Керывник тай працивник («Шахтер — большой и шумный сухожил...»)	251
161. Хороны барака («Тут с поезда сойдя, казалось, только шаг...»)	252
162. Хмыризмы («Из многих лиц слагался хмырь...») ..	253
163. Перемена («Дует ветер порывисто и смольно...») ...	255
164. Хрст и самарянка («Красавец ждал — автобус ВИНТУРИСТ...»)	255
165. Послание — Сапгиру («Твой вислозадый ус, твой волосатый пуз...»)	257
166. Кузнечикус («Оретикус, моретикус, кантарус!...»)	258
167. Бутырская тюрьма в мороз («Моксовые дворы белеют кры...»)	258
168. Сумерки («Манеж в опилках — наломали дров...») .	260
169. Чурзел («Сидит чурзел на курбаке лицом как желтый жаб...»)	261
170. Паренек и герлезки («В наш клаб приухали герлески...»)	262
171. Волк в универсаме («Надоело мне бегать полям и лесам...»)	263
172. Очередь («Государство нам перекрыло кран...»)	265

Цикл Этюды в манере Огарева и Полонского (1987)

173—187. Этюды в манере Огарева и Полонского	
1. «Никто! Мы вместе только захочу...»	267
2. «Снежный ветер дует с белизны залива...»	267
3. «Прочли письмо узнали росчерк...»	268
4. «Ещё пел соловей в бледных зарослях мая...»	268
5. «Опять на финских саночках тебя качу качу...» ...	270
6. «Свесил усы и глядит дед...»	270
7. «Ты меня зовешь взглядом...»	271
8. «Твои веки — спящие голубки...»	271
9. «Иди ко мне — ты жизнь моя живая...»	272
10. «Она его не любила...»	272
11. «Воронье царство у реки...»	273
12. «Будда — путник золотой стоял у храма...»	273

13. «Стала появляться где я не хочу...» 274
 14. «На выставке мейсенского фарфора...» 274
 15. «То достаю из прошлого то в настоящем
 прячу...» 275

Из книги Дети в саду(1988)

188. Сад («тсюда сад глядится темн...») 276
 189. Камни («белый берег на колот как сах на кам...») .. 277
 190. Сирень («рень крупн куп оккуп сер двор...») ... 277
 191. Дурочка («ночка блед и худ...») 278
 192. Акация («дкаая ака свис вниз...») 279
 193. Дети в саду («сон мой ду...») 281
 194. На смерть пуделя («пудель наш корич...») 283
 195. Семейство («на косогоре над...») 285

Мертвый сезон

196. Вирус («начинается с утра...») 287
 197. Молитва («утки летят над мо...») 289
 198. Мертвый сезон («сок и мякоть пожира...») 291
 199. Роца на Пицунде («красн будто мореные ство...») ... 292
 200. Кукла на морском берегу («ржавый сон
 на бере выбр...») 293

Из книги Дыхание ангела (1989)

201. Море в раковине («(шумный долгий выдох)...») ... 296
 202. Конец света («(вдох)...») 296
 203. Ты («вдохни себя...») 297
 204. Погоня за собой («(учащающееся дыхание...») 297
 205. Ветер с химзавода («(вдох через нос) —
 что это?...») 298
 206. Водка («хороший глоток...») 299
 207. Вздохи («(вздох) — этот — частый гость...») 300
 208. Рожденные мной («(выдох) — в воздухе обозна-
 чилось некоторос количество странных фигур...») 300
 209. Детство («крашенная кровать —
 скелет динозавра...») 301

210. Дракон («вдохнул — красавицу с розовым лицом — Таню...»)	302
211. Брату («Сам себе боюсь придумал...»)	302
212. О себе («дышу на бумагу...»)	303
213. Затаив дыхание («прислушайся к себе...»)	304
214. Храм («вверх выдыхаю...»)	305

Из книги Путеводитель по Карадагу (1990)

Форма голоса. Коктебель 1990. Лето

215. Память	306
216. Похвала пустоте	308
217. Коза на веревке	310

Лубок 1990

218—220. Современный лубок	
1. Алкаш	311
2. Хмырь	311
3. Сержант	312
221. Наглядная агитация	313
222. Привередливый архангел (танец памяти Высоцкого) .	314
223. Стоящая постель	315

Из книги Развитие метода (1991)

224. Метод («случайные слова возьми и пропусти...») ..	316
225. Двойная тень («вздрогнул — моя двойная тень на снегу...»)	316
226. Северная повесть («кентавры северных лесов и чудовищные кресты озер...»)	317
227. На экране ТВ («на экране вспоминал старик — палач...»)	317
228. Летучая фраза («любит русский писатель как русский (это известно)...»)	318
229. Кузнечик («над горизонтом подпрыгнуло солнце...»)	319

230. Опечатка (калейдоскоп)	320
231. Про березку	321

Из книги Параллельный человек (1992)

232. Упущенный случай («седоватый мужчина бегают рысцой...»)	323
233. Мультимиллионер («к нам приезжал мультимиллионер...»)	324
234. Художник («все они с помойными ведрами...») ...	324
235. Без названия («убегая от ревнивой депрессии...») .	325
236. Семья («в школе ее звали Оля...»)	327
237. Вова-Марина («родилась красивой двухголовой...»)	329
238. Любовь к шоколаду («герой еще ненаписанной повести...»)	331
239. Гражданская война («молодому человеку...»)	332

Из книги Любовь на помойке (1992)

240—243. Весна в Переделкино	
1. Март («просыхает ствол сосны на солнце...»)	335
2. Вечером в доме («самоцветные огни лучатся сквозь ночную хвою...»)	335
3. Сад («белые ее колени яблоками в траве...»)	336
4. Синица («женщина в очках похожа на писательницу...»)	337
244. Свидание («голая сосна и бетонный помост...») ...	337
245. Подарок («если будет солнце я тебя увижу завтра...»)	338
246. «Знаю тебя наизусть и все таки...»	339
247. Любовь на помойке («ты говоришь: я люблю любить на помойке...»)	339
248. Двое в городе («в городе как в лесу — при всех самозабвенно...»)	340

*Из книги **Конец и начало (1993)***

249. «мягкая седая дама...»	341
250. Гений линий («с молодых ногтей...»)	342
251. Одной линией («вспоминая Евгения Леонидовича...»)	343
252. Ода бараку («слава бараку...»)	343
253. «как сумасшедшая...»	345
254. «вспоминая Оскара и Валю...»	346
255. «сунул руку в рукав...»	346
256. «вытащил на счастье...»	347
257. «глупости! Все это глупости...»	348
258. «седая прядь...»	348
259. «синий шоколадный день...»	348
260. «за углом это было...»	349
261. «лицо затворено наглухо...»	349
262. «блаженствовала в кресле...»	350
263. «живу рядом с бутылкой...»	350
264. «дождем — елки...»	351
265. «сегодня заглянуло...»	351
266. «засахаренная весна...»	352
267. Глава из романа («и всех нас...»)	352
268. «...и стар и смутен и минутен...»	353
269. «ты все еще живешь во сне...»	354
270. Комната («...и там она была...»)	354
271. «Когда они рядом...»	355
272. «простыни...»	356
273. Самара («нет не расколдуешь...»)	356

*Из книги **Собака между бежит деревьев (1994)***

274. Сочинитель («Куски идиот клеймил реальности...») ..	358
275. Спящий клошар («в коробку заполз и газеты шуршат...»)	359
276. Сентябрьское утро («весна! ну конечно все ясно: весна...»)	361
277. Мастерская («церковное здание желтое осень...») ...	362
278. Подмосковье («собака между бежит деревьев...») ...	363

Из книги **Рисующий ангелов (1991—1999)**

Оды и гимны 1991—1997

279. Дома (ода) («Дом новый старый светлый
темный...») 366
280. Строфилус («снег вздувается простыней...») 369
281. Рисующий ангелов («картина — химера...») 372

Проверка реальности 1998—1999

282. Глаза куклы («Отблеск Зрачки На столе
Живут...») 374
283. Золотые шары («Осы Летят На варенье...») 376
284. Хрустальная пробка («В каждой по Генриху
Сколько их? Столько...») 376
285. Андрею Сергееву — послание («Вот так и
встретился Андрей Сергеев...») 377
286. Старые фотографии («Последнее Фото брата
На снегу лыжник...») 378
287. Учитель («Старик Стихи о смерти Лоб...») 378
288. Охота («Лес — далеко Кровь Брызги...») 379

*Из книги **Три жизни (1999)***

289. Тени ангелов («Тени ангелов...») 381
290. Третья жизнь («Первая — 22 года назад...») 381
291. Кленовые ангелы («Ангел землю мне
показывал...») 384
292. Первый учитель («Трубка пахла...») 387
293. Евгений Кропивницкий («Синими глубокими
глазами...») 389
294. Ольга Потапова («Евгений Леонидович...») 392
295. Генрих Цыферов («Пили у Юли...») 394
296. Овсей Дриз («Помню время прежде...») 397
297. Гулящие («Был сам себе помехой...») 401
298. Поэт Игорь Холин («Сразу ушел в монастырь...») .. 403
299. Ангел Веничка («Косо ложатся русые...») 406
300. Художники в саду («Ангелы в саду стоят...») 409

301. Оглядываясь («Есть куда оглянуться...») 412
 302. Никто («Фантазия или память...») 414

Из книги Глаза на затылке (1999)

303. Полтергейст («Пустующий клуб среди берез...») .. 421
 304. Английский фарфор («Мы ходим и живем незряче...») 424
 305. Ночная бабочка («Лист сеточкой — от пня...») ... 426
 306. Глаза на затылке («Мы такие древние...») 428
 307. Холин и труба («С пучком лиловых астр...») 430
 308. Возможность («Сматывается...») 432
 309. Сербская муха («Летала боялась муха...») 434
 310. Закрыв глаза («Просыпаясь слышу...») 437
 311. Самообман («Все двойственно...») 438
 312. Никакие («Мы о вас знаем...») 440

Из книги Слоеный пирог (1999)

313. Странная граница («Вереница зданий — вдаль...») ... 443
 314—316. Killer
 1. Утром («Раскрывается — его лепестков...») 446
 2. Полдень («Две стрелки соединились на здании...») 447
 3. Двумя часами позже («Проход и прохлада аэровокзала...») 447
 317. В толпе («Запомнил код: и буквы и числа...») 448
 318. Слоеный пирог («В иллюминатор — солнце ниже...») 449
 319. Окно (метаморфозы) («Из комнаты хоть не смотри...») 450
 320. Сентябрь («Снова что-то роют в жухой земле...») .. 453
 321. Подробности (старая Англия) («Видишь улитка ползет на листе...») 454
 322. Инструмент Федерико («Ветер с моря треплет близко...») 455
 323. Детство («Когда меня везли из-под Анапы...») 457

324. Жизнь художника («За высоким окном незнакомо...»)	458
325. Не про синее («Вагоны уходят в тоннель...»)	460
326. Дагестан («С бровки сыпалась глина...»)	463

Из книги **Тактильные инструменты (1999)**

Стихи с предметами

327. Грецкий орех	466
328. Христос и Петр	467
329. Губы и руки	469
330. Еврейская мелодия	470
331. Умри, Суламифь!	472
332. Тень осязания	473
333. Тактильные музыкальные инструменты	474
334. Воображаемая виолончель	475
335. Подушка и кирпич	477
336. Переключка в пустыне	478
337. Четыре такта	480
338. Наждак и мех	481
339. Сладкий лимон	482
340. Тактильный опус № 1	483
341. Жизнь («Только родился...»)	485

Поэмы (1958—1999)

342. Бабыя деревня	486
343. Старики	489
344. Вершина неопределенности	491
345. Мкх — мушиный след	496
346. Лувр	503
347. Жар-птица	510
Примечания	521
Алфавитный указатель произведений	569

Генрих Сапгир

Стихотворения и поэмы / Вступ. статья, подг. текста, состав, примеч. Д. П. Шраера-Петрова и М. Д. Шрасра — СПб.: Академический проект, 2004 — 606 с. (Новая библиотека поэта. Малая серия)

ISBN 5-7331-0258-6

Поэтическое творчество крупнейшего представителя российского авангарда второй половины XX века представлено в наиболее характерных образцах, отражающих динамику творческого пути поэта, все многообразие его поисков, тематическое и формальное разнообразие.

Художник *В. В. Еремин*

Художественный редактор *В. Г. Бахтин*

Верстка *А. Т. Драгомощенко, И. Е. Сакулин*

Корректор *О. И. Абрамович*

ЛР №066191 от 27.11.98

Подписано в печать 22.05.2004. Формат 70x90/32.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Академу.
Усл. п. л. 38. Уч. изд. п. л. 21.
Тираж 1000 экз. Заказ № 144.

Гуманитарное агенство «Академический проект»
191002, Санкт-Петербург, ул. Рубинштейна, 26

Отпечатано в типографии ООО «ИПК «Бионт»»
199026, Санкт-Петербург, Средний пр. ВО., д. 86,
тел. (812) 322-68-43

